



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

### **Правила использования**

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.  
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.  
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.  
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.  
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

### **О программе Поиск книг Google**

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



CU59851961

BR200 .L43 1896g Vselenskie sobory IV

X

383

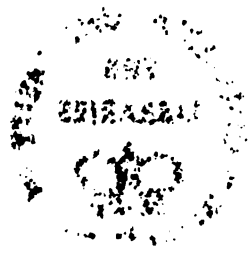
~~1886~~

~~1977~~



~~Handwritten scribble~~

ii







СОБРАНИЕ  
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

ПРОФЕССОРА

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ПО КАФЕДРѢ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

ДОКТОРА БОГОСЛОВІЯ

*Алексыя Лебедева.*

ТОМЪ III.

17 / 1891

Исторія вселенскихъ соборовъ, часть I.

# ВСЕЛЕНСКІЕ СОБОРЫ

IV и V ВѢКОВЪ.

(Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіями школъ Александрійской и Антиохійской.)

СОЧИНЕНІЕ

на степень доктора Богословія.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

*А. П. Лебедева,*

Профессора Императорскаго Московскаго Университета.



Сергіевъ Посадъ

Моск. губ.

2-я ТИПОГРАФІЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.

1896.



№ 1666 / 49





1,2048  
E2/10/06 SDS

Amplius nobis profuit culpa, quam nocuit. Fructuosior culpa, quam innocentia. Innocentia arrogantem me fecerat, culpa subjectum reddidit... felix ruina, quae reparatur in melius.

*Sanctus Ambrosius Mediolan.*

*Doctores esse volunt et disertos sese ostendere.... Timeamus ergo iudicium, quod imminet doctoribus... (Clemens Romanus, de virginitate, I, 11).*

Mahleur à l'ouvrage, qui n'excite point de schisme.

Diderot.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

# СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

	Стран.
<i>Отъ автора</i> . . . . .	I—II
<i>Вмѣсто предисловія:</i> рѣчь предъ публичной защитой этого сочиненія на степень доктора богословія . . . . .	III—XVI
I. <i>Никейскій первый вселенскій соборъ.</i> —Характеристика членовъ собора Никейскаго.—Отношеніе ихъ къ богословскимъ направленіямъ того времени.—Обстоятельства происхожденія никейскаго символа.—Критика главнѣйшихъ источниковъ.—Споры и изложеніе символа.—Всеми ли принять этотъ символъ? . . . . .	1—32
II. <i>Географическое распределение защитниковъ никейскаго собора, никейцевъ и противниковъ его, антиникейцевъ.</i> —Александрія—центръ для первыхъ, Антиохія—для послѣднихъ . . . . .	33—46
III. <i>Черты догматики никейцевъ и антиникейцевъ между I и II вселенскими соборами.</i> —Характеристика никейцевъ и антиникейцевъ по ихъ взглядамъ на отношеніе вѣры и знанія.—Историко-критическое изложеніе воззрѣній тѣхъ и другихъ на ученіе 1) о Упостаси Сына Божія, какъ оно изложено въ символѣ никейскомъ. 2) О лицѣ Христа Богочеловѣка. 3) О Духѣ Святомъ.—Различіе побужденій, цѣлей и сущности ученія никейцевъ и антиникейцевъ въ раскрытіи этихъ вопросовъ.—Сближеніе и примиреніе этихъ двухъ партій ко времени II вселенскаго собора.—Что удержалось и послѣ примиренія въ той и другой партіи, какъ отличительная особенность направленія alexandрійскаго и антиохійскаго? . . . . .	47—110
IV. <i>Константинопольскій второй вселенскій соборъ.</i> —Анализъ символа II вселенскаго собора, константинопольскаго, въ ученіи о Упостаси Сына Божія, Христѣ Богочеловѣкѣ и Духѣ Святомъ.—Исслѣдованіе вопроса: подъ какимъ вліяніемъ произошло составленіе константинопольскаго символа—alexandрійскимъ или антиохійскимъ?—Факты въ особенности изъ дѣятельности и сочиненій Григорія Богослова, приводящіе къ утвержденію мысли о вліяніи антиохійскаго направленія на соборъ.—Всеми ли церквами былъ принятъ соборъ и символъ константинопольскій? . . . . .	111—145
V. <i>Христологическіе споры и Ефесскій третій вселенскій соборъ.</i> —Какимъ путемъ церковь приходитъ къ спорамъ христологическимъ V вѣка?—Параллель въ группированіи отдѣльныхъ церквей подъ знаменемъ православія и ереси въ эпоху арианскую и несторіанскую.—Александрійцы и антиохійцы въ спорахъ христологическихъ несторіанскихъ.—Различіе въ воззрѣніяхъ православныхъ или alexandрійцевъ, и несторіанствующихъ или антиохійцевъ на отношеніе вѣры и знанія.—Критика сказанія Сократа о Несторіи.—Раскрытіе ученія несторіанскаго и православнаго о двухъ природахъ во Христѣ.—Раздѣленіе двухъ партій во взглядъ на символъ константинопольскій и его церковное значеніе,—ученіе ихъ о Духѣ Св.—Ефесскій III вселенскій соборъ, какъ выраженіе идей и стремленій alexandрійскаго направленія.—Оппозиція антиохійцевъ . . . . .	146—179

VI. *Православная унія 433 года въ Александріи* или унія антиохійцевъ съ александрійцами.—Основа уніи—„исповѣданіе“ Іоанна антиохійскаго,—анализъ этого документа.—Успѣхъ уніи,—враги уніи въ особенноти между александрійцами . . . . . 180—192

VII. *Торжество приверженцевъ уніи надъ ея врагами на Константинопольскомъ соборѣ 448 года.* Взгляды и стремленія враговъ и друзей уніи, церковно-историческое значеніе уніи.—Характеристика Евтихія, какъ противника уніи,—Флавіана и Евсевія, какъ друзей уніи,—черты различія въ воззрѣніяхъ двухъ послѣднихъ лицъ.—Торжество друзей уніи на соборѣ константинопольскомъ (448 г.). . . . . 193—210

VIII. *Противодѣйствіе и торжество враговъ уніи надъ ея приверженцами на соборѣ разбойничьемъ 449 года.*—Діоскоръ главный вождь враговъ уніи.—Характеристика собора разбойничьяго; обскурантизмъ,—исключительное тяготѣніе къ символу никейскому и отрицательное отношеніе къ символу константинопольскому,—жестокое отношеніе уніи,—монофизитство.—Побѣда враговъ уніи надъ защитниками ея—въ Ефесѣ (449 г.).—Флавіанъ, Домнъ, Феодоритъ, Ива и др.—страдальцы за привязанность къ уніи . . . . . 211—231

IX. *Халкидонскій четвертый вселенскій соборъ.*—Опредѣленіе образа воззрѣній „лѣвыхъ и правыхъ“ собора Халкидонскаго: одни отвергаются собора разбойничьяго, другіе сочувствуютъ ему,—одни стоятъ за унію, другіе сторонятся ея,—одни признаютъ символъ константинопольскій, другіе не принимаютъ его,—одни держатся ученія о двухъ природахъ во Христѣ, другіе отрицаютъ.—Сближеніе правыхъ, за исключеніемъ египтянъ, съ лѣвыми.—Догматическая дѣятельность собора: предложеніе составить „вѣроопредѣленіе“,—неодинаковое отношеніе членовъ собора къ предложенію;—торжественное признаніе символа константинопольскаго равнымъ по важности съ никейскимъ;—чтеніе посланія Кирилла, содержащаго уніальное исповѣданіе Іоанна антиохійскаго, и другихъ свято-отеческихъ писаній, сходныхъ съ нимъ по содержанию;—споры о догматическомъ посланіи Льва къ Флавіану, кто и почему спорили.—Составленіе „вѣроопредѣленія“ халкидонскаго,—споры при этомъ,—подробное изслѣдованіе о воззрѣніяхъ лицъ спорившихъ, ихъ направленіи, наклонностяхъ и цѣляхъ,—содержаніе вѣроопредѣленія,—сходство его по буквѣ и духу съ исповѣданіемъ Іоанна антиохійскаго и лишь по духу съ посланіемъ Льва.—Провозглашеніе вѣроопредѣленія . . . . . 232—269

X. *Значеніе халкидонскаго собора:* противообскурантное рѣшеніе вопроса объ отношеніи вѣры и знанія,—утвержденіе вселенскаго авторитета за символомъ константинопольскимъ;—важность вѣроопредѣленія халкидонскаго для времени близкаго къ эпохѣ халкидонской и отдаленнаго отъ нея;—благопріятное отношеніе къ уніи и влияніе этого факта на объединеніе направленія александрійскаго и антиохійскаго въ общецерковное . . . . . 270—284

*Приложеніе.* О символѣ Константинопольскомъ или нашей православной церкви . . . . . 285—322.

## ОТЪ АВТОРА.

*Возмѣвъ намѣреніе напечатать собраніе своихъ церковно-историческихъ сочиненій, я предполагаю раздѣлить его на слѣдующіе томы: 1. Церковная Исторіографія—древняя, новая (и русская); 2. Эпоха гоненій на христіанъ; 3. Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ; 4. Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ. 5. Исторія раздѣленія церквей; 6. Очерки внутренней исторіи Греко-восточн. церкви въ періодъ раздѣленія церквей; 7. Очерки исторіи Греко-восточн. церкви отъ раздѣленія церквей до паденія Константинополя въ 1453 г.; 8. Исторія Греко-восточн. церкви отъ паденія Константинополя до конца XIX вѣка; 9. Небольшія сочиненія церковно-историческаго содержанія для болѣе образованныхъ читателей; 10. Краткія сочиненія церковно-историческаго содержанія для читателей разныхъ степеней образованія; 11. Избранныя сочиненія критическаго содержанія по церковно-исторической наукѣ послѣдняго времени; 12. Автобіографія. Изъ этого перечня открывається, что я имѣю въ виду главнымъ образомъ перепечатать свои прежнія сочиненія. Начинаю же съ третьяго тома: „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ“, потому что это сочиненіе уже очень давно разошлось. Однимъ изъ побужденій заняться изданіемъ собранія своихъ сочиненій, для меня послужило слѣдующее заявленіе составителя статьи: „Двадцатипятилѣтіе учено-лите-*

ратурной дѣятельности проф. А. П. Лебедева“ (Богослов. Вѣстникъ, 1895, ноябрь), составителя, принадлежащаго къ коллегіи достопочтенныхъ наставниковъ Моск. Дух. Академіи и скрывшаго свое имя и фамилію подъ очень прозрачными инициалами: И. К.: „въ виду важности (за точность этого выраженія возлагаемъ отвѣтственность на автора статьи) сочиненій А. П. Лебедева для науки въ различныхъ отношеніяхъ весьма желательнаго было бы ихъ изданіе въ полномъ собраніи, тѣмъ болѣе что почти всѣ и отдѣльныя книги его сочиненій теперь вышли изъ продажи.“ (Этими словами заканчиваетъ вышеуказанный авторъ свою цитированную нами статью).

Быстрота предпринимаемаго нами изданія будетъ зависеть—добавлю я—отъ степени сочувствія, съ какой собраніе моихъ сочиненій будетъ встрѣчено соответствующею публикой.

1896 года,  
Мая 28.  
Сергіевъ Посадъ.



## ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Рѣчь передъ публичной защитой этого сочиненія на степень доктора богословія, произнесенная 1879 г., апр. 24 <sup>1)</sup>).

Пользуюсь принадлежащимъ мнѣ правомъ рѣчи, но считаю себя не вправѣ утомлять ваше вниманіе, мм. гг., длинными объясненіями.

Главныхъ вопросовъ, касающихся моей диссертациі, каковы вопросы о достоинствѣ научныхъ взглядовъ, какіе я провожу въ ней, о степени правильности и основательности научныхъ выводовъ, о томъ — полно ли и вѣрно ли воспользовался я тѣми источниками, которые относятся къ моему дѣлу и пр., всѣхъ этихъ первостепенныхъ вопросовъ я не имѣю намѣренія разсматривать въ настоящую минуту. Это вопросы, которые широко и многосторонне, какъ я надѣюсь, захватятъ мои официальные и добровольные оппоненты. Слѣдовательно моя рѣчь по этимъ вопросамъ впереди. Единственный вопросъ, какой я желаю разъяснить въ настоящую минуту, это о тѣхъ побужденіяхъ, какими руководился я при выборѣ темы для диссертациі; потому, что объ этомъ едва-ли будетъ рѣчь съ моими достопочтенными оппонентами. Я тѣмъ болѣе имѣю желанія коснуться вопроса о побужденіяхъ къ составленію сочиненія именно на эту тему, а не какую-либо другую, когда мое сочиненіе

---

<sup>1)</sup> Рѣчь эта напечатана не была.



вопреки обычаю начинается *ex abrupto*, безъ всякихъ предварительныхъ поясненій о томъ, какую цѣль поставилъ себѣ я въ качествѣ автора. Это съ одной стороны. Съ другой—мои друзья и товарищи по наукѣ не разъ замѣчали мнѣ послѣ появленія моего сочиненія въ свѣтъ: почему я не объяснилъ въ предисловіи научныхъ побужденій, ради которыхъ избранъ мною данный предметъ. Этотъ недочетъ я и постараюсь восполнить въ настоящей рѣчи.

Прежде всего я долженъ сказать, что предметъ моихъ академическихъ занятій <sup>1)</sup>, древняя церковная исторія, представляетъ немного сторонъ, при изученіи которыхъ я могу быть полнымъ хозяиномъ дѣла. Большая часть вопросовъ, входящихъ въ программу древней церковной исторіи, разрабатываются нарочитыми специалистами въ академіяхъ. Изслѣдованіе о св. отцахъ и учителяхъ древней церкви и ихъ ученіи составляетъ предметъ патристики. Въ этомъ научномъ отдѣлѣ древней церк. исторіи я по необходимости долженъ оставаться позади специалистовъ, если не хочу выйти изъ роли историка, какая принадлежитъ мнѣ какъ наставнику этого предмета въ духовной академіи. Другими словами, занятія мои по церк. исторіи не даютъ мнѣ импульса къ многостороннему изученію вопросовъ о свято-отеческой литературѣ. Въ такихъ же условіяхъ остаюсь я и при изученіи вопросовъ о церковной іерархіи и богослуженіи. Дѣятели въ области каноническаго права и церковной археологіи, занятые спеціально въ академіяхъ указанными вопросами, оставляютъ немного простора собственно для историка древней церкви. Въ числѣ немногихъ, но весьма важныхъ и обширныхъ вопросовъ, подлежащихъ изученію историка древней церкви въ академіи, безспорно первенствуютъ два: о язычествѣ и его от-

---

1) Т. е. въ Московской духовной академіи.

ношеніи къ христіанству въ широкомъ смыслѣ слова и исторія вселенскихъ соборовъ съ тѣми многоразличными явленіями, которыя входятъ въ это общее понятіе. Кто посвящаетъ свой трудъ изученію древней церковной исторіи въ академіи, тотъ невольно останавливаетъ свое полное, спеціальнѣйшее вниманіе на этихъ двухъ предметахъ. Мнѣ кажется, поэтому, должно представляться естественнымъ, почему я въ качествѣ историка древней церкви работалъ надъ исторіей вселенскихъ соборовъ, и почему результатъ своего труда осмѣлился представить въ качествѣ диссертациі на высшую ученую богословскую степень. Я отдалъ предпочтеніе изслѣдованію о соборахъ предъ изслѣдованіемъ по многосложному вопросу о язычествѣ и его отношеніи къ христіанству, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что изслѣдователь о язычествѣ въ своемъ трудѣ на половину долженъ выступать въ качествѣ свѣтскаго, гражданскаго историка. Не то при изученіи исторіи вселенскихъ соборовъ. Здѣсь онъ остается всецѣло, постоянно и неизмѣнно въ сферѣ собственно богословской и это дѣло наиболѣе приличное для того, кто ищетъ ученой богословской степени.—Такъ самымъ ходомъ моихъ обычныхъ занятій въ академіи и цѣлю, ради которой составлено мое сочиненіе, я побуждался посвятить свой трудъ и вниманіе исторіи вселенскихъ соборовъ.—Можетъ показаться, и навѣрное нѣкоторымъ дѣйствительно кажется, что предметъ выбранъ для диссертациі потому главнымъ образомъ, что онъ простъ, основательно обработанъ въ литературѣ по крайней мѣрѣ заграничной. Т. е., что сравнительная легкость изслѣдованія предмета опредѣляла самый выборъ его для научной обработки. На это позволимъ себѣ замѣтить: то правда, что исторія вселенскихъ соборовъ извѣстна не только специалистамъ богословамъ (намъ она въ общихъ чертахъ извѣстна съ училищной скамьи), но и вообще ли-

цамъ, знакомымъ съ богословской наукой, правда и то, что литература вопроса, можно сказать, имѣетъ тысячелѣтнее существованіе. Но это, повидимому, очень выгодное условіе для выполненія труда по исторіи вселенскихъ соборовъ, съ другой стороны имѣетъ свои невыгоды. Если повторить по данному вопросу то, что уже давно извѣстно въ литературѣ, за это едва ли кто поблагодаритъ. Кто берется за исторію вселенскихъ соборовъ, тотъ беретъ на себя нелегкую задачу говорить о томъ же, о чемъ извѣстно съ давнихъ поръ, но такъ, чтобы трудъ его не былъ скучнымъ и ненужнымъ повтореніемъ, но представлялъ собой болѣе или менѣе полезный, желательный вкладъ въ науку. Вообще, по нашему представленію, общезвѣстность даннаго вопроса, обширность литературы по нему, не столько дѣлаютъ трудъ легкимъ, сколько требуетъ особенныхъ усилій, долгихъ думъ, сосредоточеннаго вниманія. Нужно отыскать новыя стороны, пужно въ цѣломъ и частностяхъ указать новыя пути въ разсмотрѣніи его, нужно говорить и постоянно помнить: не было ли кѣмъ либо и когда либо разъяснено это полнѣе, лучше и даже равносильно? Подкупить даже людей ученыхъ всего легче вопросомъ мало изслѣдованнымъ, хотя и не такъ важнымъ, чѣмъ важнымъ, но значительно приглядѣвшимся и повидимому уясненнымъ. Въ какой мѣрѣ изученіе мною вопроса о вселенскихъ соборахъ принесетъ пользу наукѣ—объ этомъ конечно не мнѣ судить. Но все же я остаюсь въ увѣренности, что нашъ трудъ не напрасенъ, въ противномъ случаѣ я не появился бы предъ вами на этой каедрѣ.

Для меня исторія вселенскихъ соборовъ представляла такія интересныя, научноважныя и новыя стороны, что я съ полнымъ спокойствіемъ взялся за дѣло, не опасаясь съ своимъ трудомъ быть запоздалымъ, анахронизмомъ. Это то

болѣ всего и побудило меня остановить свое вниманіе на этомъ, а не другомъ предметѣ изъ древней церковной исторіи.

Литература, занятая изученіемъ вселенскихъ соборовъ, хотя и широка, но далеко не установила твердаго, прочнаго взгляда на дѣло. Труды ученыхъ не чужды односторонности. Ученые католическіе съ большею тщательностію и преданностію задачѣ анализируютъ частные факты, относящіеся къ исторіи извѣстнаго вселенскаго собора, сравниваютъ историческія данныя, дѣлаютъ критическія замѣтки о исторической достовѣрности или подлинности извѣстнаго класса документовъ,—все это весьма внимательно, но имъ недостаетъ таланта или лучше сказать навыка соединять различные факты въ одно цѣлое, подмѣчать ходъ и движеніе совокупной церковно-исторической жизни, насколько она выразилась въ исторіи вселенскихъ соборовъ. Я давно уже почувствовалъ нужду уяснить взаимную связь и соотношеніе явленій въ исторіи вселенскихъ соборовъ. Научный инстинктъ подсказывалъ мнѣ, прежде чѣмъ вступило въ свои права научное сознаніе, что такое грандіозное явленіе не могло быть случайнымъ, развиваться какъ бы скачками, какъ это представляется въ трудахъ католическихъ писателей. Я началъ искать нитей, которыя бы давали возможность связать факты единствомъ идеи, и результатомъ моихъ исканій и есть мое сочиненіе, Что касается протестантскихъ писателей историковъ, то они находятъ для себя мало интереса въ частностихъ и подробностяхъ исторіи вселенскихъ соборовъ, потому что они, съ своей точки зрѣнія, въ мощномъ обнаруженіи іерархическихъ силъ церкви, какое встрѣчаемъ на соборахъ, не признаютъ обнаруженія успѣховъ христіанства, почему они изъ собственно исторіи вселенскихъ соборовъ, большею частію очень поверхностно, схватываютъ лишь главныя начала и

выдающіеся пункты развитія догматическаго ученія церкви, оставляя въ сторонѣ совокупность внѣшнихъ историческихъ фактовъ, среди которыхъ совершается это теченіе. Историкъ церкви превращается у нихъ въ этомъ вопросѣ въ историка догматовъ. И это было бы еще небольшая бѣда, это была бы простая односторонность: потому что исторія церкви не исчерпывается однимъ разсмотрѣніемъ исторіи догматовъ; но главное, они всегда или почти всегда становятся на сторонѣ еретиковъ, жившихъ во времена древней церкви. Въ пользу этихъ послѣднихъ подкупаетъ протестантскихъ историковъ стройность и ясность системы въ ученіи этихъ противниковъ вѣры. Такое отношеніе протестантовъ и къ исторіи соборовъ требовало со стороны православнаго историка разсмотрѣть ученіе вселенскихъ соборовъ не абстрактно, а въ связи съ многоразличными внѣшними фактами, составляющими исторію вселенскихъ соборовъ, связать идею съ фактомъ и наоборотъ, а также разсмотрѣть дѣло съ возможнымъ безпристрастіемъ. Я ничего не говорю о русской церковно-исторической литературѣ, потому что даже въ эпоху оживленія ея, въ послѣдніе 20 лѣтъ, появился только одинъ трудъ по этому предмету и далеко не полный, прерванный, вслѣдствіе стеченія исключительныхъ обстоятельствъ, чуть не на запятой.

Вслѣдствіе такого состоянія литературы о вселенскихъ соборахъ я и счелъ нужнымъ взглянуть въ ходъ историческихъ событій, группирующихся около исторіи вселенскихъ соборовъ и составляющихъ исторію ихъ. Чѣмъ больше я изучалъ это дѣло, тѣмъ болѣе открывалось здѣсь для меня новыхъ интересныхъ вопросовъ, необслѣдованныхъ сторонъ и такихъ рѣшеній, которыя безъ должной критики переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, сдѣлавшись какимъ-то общимъ мѣстомъ.

Мнѣ представилось неопровержимой истиной, что все

движеніе событій, обнимающихъ эпоху вселенскихъ соборовъ, замѣтно распадается на два періода: первый важнѣйшій, заключающій въ себѣ исторію первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ, а второй, менѣе важный, исторію остальныхъ вселенскихъ соборовъ. Первый періодъ являетъ собою самое напряженное, въ высшей степени стремительное, оживленное и могущественное движеніе богословской мысли. Споры возникали не изъ случайныхъ причинъ, но изъ общаго хода развитія богословскаго духа. Церковь жила полною жизнію, и эта жизнь вызывала въ ней движеніе, борьбу, состязанія, обмѣнъ идей и воззрѣній между богословами. Споры начинались въ нѣдрахъ церкви, въ ней же находили себѣ полное разрѣшеніе. Не то видимъ со временъ V вселенскаго собора. Церковь твердая въ своемъ православіи, богатая научнымъ и духовнымъ опытомъ прежнихъ временъ, не возбуждаютъ болѣе споровъ. Споры возникаютъ исключительно по внѣшнимъ причинамъ, вслѣдствіе стремленія государственной власти управлять дѣлами церкви. Они возникали не изъ потребностей ея самой, а изъ потребностей государственныхъ. А потому церковь при рѣшеніи ихъ не одушевлена такимъ рвеніемъ, какъ встрѣчаемъ прежде. Это должно объяснить, почему я взялъ для своего изслѣдованія именно времена вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ,

Мои дальнѣйшія наблюденія надъ теченіемъ дѣлъ церковныхъ въ IV и V вѣкахъ показали мнѣ, что эпоха первыхъ 4-хъ вселенскихъ соборовъ представляетъ одно неразрывное цѣлое, заключительнымъ звѣномъ котораго служитъ соборъ Халкидонскій.—Каждый изъ вселенскихъ соборовъ, взятой нами эпохи, былъ высокимъ судилищемъ, гдѣ происходила многосторонняя оцѣнка всего богословскаго развитія церкви ближайшаго прошедшаго, поскольку это развитіе обнаруживалось въ церковныхъ спорахъ, литературѣ, шко-

лахъ. Прежде чѣмъ двинуться впередъ въ богословскомъ развитіи нужно было дать отчетъ себѣ: куда направлялась богословская мысль, правильны ли были пути, по которымъ она шла? Это и дѣлають вселенскіе соборы. Поэтому соборы эти были какъ бы фокусами, въ которыхъ концентрировалась богословская дѣятельность даннаго времени. Соборы благословляли одно, отстраняли другое въ ходѣ этого развитія. Всѣ знаменитѣйшіе богословскіе таланты данной эпохи подавали здѣсь свой авторитетный голосъ. Все это представляетъ величественное и въ своемъ родѣ единственное зрѣлище. Но высокому авторитетному голосу даннаго собора не всѣ сразу и съ готовностію подчинялись. Часто проходило болѣе или менѣе продолжительное время, прежде чѣмъ голосъ собора становился голосомъ всего христіанскаго народа. Такъ, первые три вселенскихъ собора, сослуживъ каждый изъ нихъ великую службу для утвержденія православія, не для всѣхъ сыновъ церкви въ свое время были авторитетными. Вліяніе ихъ первоначально было мѣстнымъ, уваженіе къ нимъ, какъ вселенскимъ, не было повсюднымъ. Первый вселенскій соборъ долгое время не былъ признаваемъ въ своемъ значеніи во многихъ церквахъ округа антиохійскаго и константинопольскаго; второй вселенскій соборъ, хотя и утвердилъ авторитетъ перваго вселенскаго собора, но въ свою очередь не былъ принятъ многими церквами, каковы александрійская, іерусалимская, римская. Третій вселенскій соборъ сначала пользовался уваженіемъ между александрійцами, римлянами, илирійцами, но былъ въ большинствѣ случаевъ отвергаемъ въ антиохійскомъ и константинопольскомъ округахъ. Каждый изъ этихъ вселенскихъ соборовъ вмѣсто ожидаемаго, вмѣсто того, чтобы служить примиренію споровъ, самъ составлялъ новый поводъ къ спорамъ и несогласіямъ. Отчего это зависило? Почему миръ церковный, къ которому стремились, не достигался? Это

возбуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: какой характеръ носилъ каждый изъ этихъ соборовъ въ своей дѣятельности? Какіе интересы управляли ими? Въ какомъ отношеніи каждый послѣдующій соборъ стоялъ къ предъидущимъ? Что связывало ихъ въ одно цѣлое явленіе, извѣстное подъ именемъ вселенскихъ соборовъ? Какимъ образомъ дѣятельность ихъ индивидуализировалась, когда они были выраженіемъ одного и того же православія, одного и того же вселенскаго теченія церкви? Эти вопросы, крайне любопытные, заставляли искать рѣшенія ихъ. Только IV всел. халкидонскій соборъ соединилъ въ одно цѣлое весь православный міръ. Онъ утвердилъ авторитетъ всѣхъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ, указалъ на нихъ, какъ на авторитеты для всей церкви и достигъ этого признанія отъ всего христіанскаго міра. Исторія первыхъ IV-хъ вселенскихъ соборовъ пришла къ своему заключенію. Почему это такъ случилось?... Эти наблюденія наши надъ развитіемъ церковно-исторической жизни и вопросы, возбуждаемые исторіей вселенскихъ соборовъ, казались мнѣ настолько заслуживающими общаго вниманія, что я поставилъ себѣ въ обязанность изложить и разъяснить ихъ и передать свою работу на судъ людей просвѣщеннаго русскаго общества и въ особенности представителей богословской науки.

Учеными богословами, изучающими церковную исторію, давно уже примѣчено, что дѣятельность вселенскихъ соборовъ стояла въ тѣсной связи съ развитіемъ богословскихъ школъ IV и V вѣка. Школы эти были интереснѣйшимъ явленіемъ времени и возбуждаютъ справедливое вниманіе науки. Мы говоримъ о школахъ александрійской и антїохійской. Онѣ создали всю или почти всю богословскую литературу того времени, были ключемъ къ тогдашней богословской учености. Отъ вліянія школъ не освобождался ни одинъ замѣчательный дѣятель въ сферѣ церковной того



времени. Въ какомъ же отношеніи къ этимъ школамъ находилась дѣятельность соборовъ вселенскихъ? Мы сказали, что вопросъ этотъ уже давно занималъ собою вниманіе ученыхъ, но мы не знаемъ ни одного труда въ литературѣ, который разсматривалъ бы этотъ вопросъ съ должною полнотою и послѣдовательностію. Въ самомъ дѣлѣ, если въ явленіяхъ и догматическомъ развитіи аріанства большинство ученыхъ видѣло вліяніе антиохійской школы, а въ противникахъ аріанства или православныхъ—приверженцевъ александрійскихъ богословскихъ доктринъ, то тѣ же ученые вовсе оставляли безъ вниманія вопросъ: отразилось ли, въ чемъ и насколько, направленіе школъ на II вселенскомъ соборѣ? Если для всѣхъ было ясно, что дѣятельность III вселенскаго собора была торжественнымъ заявленіемъ идей александрійской догматической школы, то опять ученые ничего опредѣленнаго не указывали: въ какомъ отношеніи къ названнымъ школамъ стоялъ соборъ IV вселенскій, халкидонскій? Очевидно, въ разсмотрѣніи вопроса недоставало послѣдовательности и неуклоннаго проведенія опредѣленной точки зрѣнія. Но само по себѣ понятно, что невозможно, чтобъ такое грандіозное обнаруженіе дѣятельности богословской, какъ дѣятельность вселенскихъ соборовъ, оставалась въ какомъ либо случаѣ безъ вліянія со стороны школъ, когда всѣ знаменитые представители церковной интеллигенціи носили на себѣ неизгладимую печать своихъ связей съ тѣмъ или другимъ изъ указанныхъ школьныхъ направленій. Да и странно: въ одномъ случаѣ, на однихъ соборахъ школьное направленіе обнаруживаетъ свое дѣйствіе, въ другомъ почему-то нѣтъ? Это дало мнѣ побужденіе заняться вопросомъ объ отношеніи школъ къ дѣятельности соборовъ—по преимуществу. Мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ такъ кажется мнѣ, прослѣдить полнѣе, шагъ за шагомъ, вліяніе школъ на всѣ первые четыре вселенскіе соборы. Я нашелъ, что

соборы съ неизмѣнною правильностію и послѣдовательностію дѣйствовали то подъ вліяніемъ александрійской, то антиохійской школы. Единство соборовъ заключается въ томъ, что они вели свое дѣло подъ исключительно православнымъ вліяніемъ давнаго школьнаго направленія, различіе же въ томъ, что на однихъ болѣе преобладало вліяніе одной школы, на другихъ другой. Результатомъ дѣятельности соборовъ была чудная гармонія въ вѣроученіи. Школы были сильны и жизненны только въ IV и V вѣкѣ. Это еще разъ условливалось, почему, принявъ на себя изслѣдованіе по исторіи вселенскихъ соборовъ въ связи съ направленіями школъ александрійской и антиохійской, я долженъ былъ остановитъ свою работу на исторіи IV вселенскаго собора, не простираясь вдалѣ. Школы прекратили свое существованіе, кончили и нашъ трудъ.

Замѣчу еще, что наше изученіе исторіи вселенскихъ соборовъ показало мнѣ, что многіе вопросы, касающіеся этого предмета, должны быть вновь пересмотрѣны, въ интересахъ православно-научной точки зрѣнія. Наука русская наша, всѣмъ извѣстно, слишкомъ еще мало самостоятельна, нерѣдко безъ должной критики повторяетъ воззрѣнія сомнительной вѣрности. Представлю нѣсколько образцовъ, изъ которыхъ бы вы, мм. гг., увидали, что я дѣйствительно старался указать новое, и, какъ мнѣ кажется, болѣе сообразное съ характеромъ православной науки рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ. Извѣстно, что церковь одолжена вселенскимъ соборамъ двумя символами — Никейскимъ отъ I вселен. собора и Константинопольскимъ отъ II-го. Символы эти вначалѣ пользовались неодинаковымъ авторитетомъ: символъ Никейскій стоялъ выше и былъ распространеннѣе Константинопольскаго. Но съ теченіемъ времени послѣдній, т. е. Константинопольскій, вытѣснилъ изъ употребленія Никейскій: въ настоящее время въ православной церкви и

при оглашеніи, и при богослуженіи въ употребленіи символъ Константинопольскій. Это вопросъ очень занялъ меня. Сначала я думалъ - было исторію этихъ двухъ символовъ сдѣлать исключительнымъ предметомъ моей диссертациі, и только скудость матеріаловъ заставила меня расширить рамки моего труда. Тѣмъ не менѣе я принялъ на себя задачу приблизиться къ пониманію, почему символъ Константинопольскій занялъ такое высокое мѣсто въ церкви. Сравненіе его по содержанію съ символомъ Никейскимъ показало, что онъ полнѣе, яснѣе излагаетъ церковное ученіе. Въ актахъ же Халкидонскаго собора я открылъ и другія основанія для рѣшенія вопроса. Поэтому я отмѣтилъ историческіе моменты, которые даютъ понимать, какъ символъ Константинопольскій достигъ вселенскаго значенія. Я старался, такимъ образомъ, оправдать практику теперешней восточной церкви, поставляя въ этомъ одну изъ задачъ православной богословской науки. Другой примѣръ. Западные писатели вообще мало симпатизируютъ II-му вселен. собору. Католики потому, что онъ положилъ основаніе церковному возвышенію ненавистнаго для нихъ Константинополя и составилъ символъ, который служитъ обличеніемъ важнѣйшаго ихъ догматическаго заблужденія, протестанты же потому, что не находятъ въ немъ никакого противоборства идей, которое по преимуществу привлекаетъ ихъ вниманіе въ исторіи древней церкви. И потому и католическіе и протестантскіе писатели говорятъ о немъ очень мало, мимоходомъ, или же довольствуются простыми выписками о немъ изъ сочиненій одного извѣстнаго современника, участника собора. Но останавливаться на свидѣтельствахъ этого современника и ими пользоваться для характеристики собора значитъ представлять дѣло односторонне. Онъ изображаетъ ходъ соборныхъ дѣлъ въ краскахъ далеко не свѣтлыхъ, дѣлаетъ отзывы о немъ слишкомъ рѣзкіе. Для историка необходимо принимать

во вниманіе обстоятельства жизни церкви и личной жизни свидѣтеля, чтобы опредѣлить, насколько соотвѣтствуютъ истинному положенію вещей данныя извѣстія. Этому однако-жъ не дѣлають западные историки II вселенскаго собора<sup>1)</sup>). Вслѣдствіе чего, ихъ описаніе собора носитъ свойства какой-то іереміады. Но такъ описывать соборъ значитъ воззрѣніямъ одного лица отдавать предпочтеніе предъ голосомъ всей церкви, которая облокла этотъ соборъ самымъ высшимъ авторитетомъ. Взявши на себя задачу критически анализировать указанные извѣстія, я пришелъ къ результатамъ, отличнымъ отъ другихъ изслѣдователей. Я нашель, что соборъ дѣйствовалъ въ высшей степени мудро, каждое опредѣленіе его есть выраженіе глубокаго пониманія нуждъ церкви, его ученіе чище лучей солнечныхъ. Православная наука должна стать на защиту II вселен. собора, къ чему я и стремился. Еще примѣръ. Протестанты совсѣмъ не отдають чести собору Халкидонскому, потому что ихъ симпатіи лежать ближе къ одной изъ еретическихъ христологическихъ доктринъ, чѣмъ вселенскому православію, а католики съ своей стороны хотять видѣть въ этомъ соборѣ лишь орудію папы Льва, (мы говоримъ о догматическихъ опредѣленіяхъ собора) — какъ будто бы сама восточная церковь не имѣла пастолько мудрости, чтобы дать точное рѣшеніе спорнаго вопроса. Я старался раскрыть, что на соборѣ Халкидонскомъ, который былъ по нашему сужденію, вопреки воззрѣніямъ протестантовъ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій древней церкви, — на Халкидонскомъ соборѣ восточная церковь во всемъ и въ частности въ догматическихъ его опредѣленіяхъ выразила болѣе дѣятельности, болѣе вліянія, чѣмъ какъ это представляли въ западной наукѣ доселѣ. Съ другой стороны можно утверждать, что не Левъ создалъ опредѣленія Халки-

<sup>1)</sup> Да пожалуй и не одни западные.

донскаго собора, а сама восточная церковь: Левъ былъ въ этомъ случаѣ лишь авторитетнымъ помощникомъ восточной церкви. Допускать слишкомъ большое вліяніе папъ на вселенскихъ соборахъ, по моему убѣжденію, значитъ преувеличивать значеніе Рима въ древней церкви на Востокаѣ. Вопросъ о вліяніи папы Льва на соборъ Халкидонскомъ, казалось мнѣ, заслуживалъ внимательнаго разсмотрѣнія, независимо отъ установившихся мнѣній, и требовалъ рѣшенія болѣе благопріятнаго интересамъ восточной церкви.

Считаю излишнимъ указывать на другія, болѣе второстепенныя побужденія при составленіи нашего сочиненія, какъ-то новостъ и неизслѣдоваанность нѣкоторыхъ важныхъ документовъ, желаніе дать домашнее чтеніе для своихъ учениковъ по этому важному предмету и пр.

Вотъ главное, что побудило меня выступить съ своимъ сочиненіемъ на судъ людей науки и просвѣщенной публики въ надеждѣ, что пренія или утвердятъ меня въ моихъ воззрѣніяхъ, или укажутъ мнѣ лучшіе пути въ пониманіи предмета.



## I.

Что угодно было тремъ стамъ епископамъ, это есть не иное что, какъ мысль самого Бога, особенно когда въ умахъ столькихъ и такого рода мужей присутствовалъ Духъ святой, Который открывалъ имъ Божественную волю.

*Константинъ Великій.*

Догматическій вопросъ, занимавшій вниманіе отцевъ Никейскаго перваго вселенскаго собора, состоялъ въ томъ: нужно ли признавать Сына Божія Богомъ, равночестнымъ съ Богомъ Отцемъ, или лишь совершеннѣйшею изъ тварей, или же хотя и признавать Его Богомъ, но Богомъ не равнаго достоинства съ Отцемъ.

Въ чемъ выразилась дѣятельность отцевъ собора при обсужденіи указаннаго вопроса—въ точности мы не знаемъ. Потому что актовъ этого собора или точныхъ записей всего происходившаго на соборѣ Никейскомъ мы не имѣемъ, какъ имѣемъ подобные акты относительно соборовъ вселенскихъ, начиная съ Ефесскаго вселенскаго. Нужно полагать, что такихъ актовъ и совѣмъ не существовало <sup>1)</sup>. Вслѣд-

---

<sup>1)</sup> См. Hefele. Concilien-geschichte. Band. I, S. 282—8. Zweite Auflage. 1873. Freiburg. Мысль Гефеле кратко повторяетъ Еп. Іоаннъ въ своей „Исторіи первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ“ (стр. 26—27 М. 1871). Въ недавнее время за границей выданъ коптскій текстъ актовъ I вс. собора съ французскимъ переводомъ; но мы съ своей стороны, несмотря на старанія издателя (Revillout) доказать ихъ подлинность, признали ихъ неподлинными (см. „Чтенія общ. люб. дух. просвѣщ.“, 1875 г., ч. III: „Никейскій соборъ по тексту коптскому“). Гефеле, когда выпускалъ свою исторію соборовъ вторымъ изданіемъ, зналъ объ открытіи актовъ коптскихъ, но не читалъ ихъ, а потому не могъ составить сужденія о находкѣ (Hefele. *ibid.* S. 287).

ствіе этого историкъ Никейскаго собора, имѣя въ виду изложить догматическую дѣятельность его, принужденъ довольствоваться краткими и отрывочными замѣчаніями, какія сохранились у древнихъ историковъ и древнихъ церковныхъ писателей <sup>2)</sup>. Но эти источники даютъ очень неполныя свѣдѣнія о дѣлѣ.

Соборъ Никейскій собранъ былъ для рѣшенія спорнаго вопроса въ церкви; поэтому естественно, что члены этого собора не были одушевлены однимъ духомъ, не были одинаковы въ своихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ. Если бы они держались однихъ и тѣхъ же мнѣній, соединены были одинаковымъ догматическимъ настроеніемъ, въ такомъ случаѣ не нуженъ былъ бы и самый соборъ. Самое созваніе собора ради спорнаго вопроса свидѣтельствуетъ, что въ церкви не было, а затѣмъ и на соборѣ не могло быть полного единенія. Соборъ Никейскій, насколько можемъ судить по отрывочнымъ свидѣтельствамъ древности, былъ составленъ изъ представителей всѣхъ разномыслящихъ; на немъ не было дано предпочтенія одной партіи догматической предъ другою; члены его не были подобраны напередъ въ такомъ видѣ, чтобы собравшимся оставалось только изложить свое согласное исповѣданіе. На соборъ явились, какъ члены равноправные, и лица строгаго православія, и лица, колебавшіяся относительно православной истины, и даже явно противившіяся ей. Только пренія должны были дать преимущество истинѣ предъ неистиной; въ преніяхъ должны были высказаться сила истины и слабость заблужденія. По отношенію

---

<sup>2)</sup> Подробная исторія вселенскаго Никейскаго собора, составленная Геласіемъ Кизическимъ (V в.), считается на достаточныхъ основаніяхъ недостоверною (Hefele. *ibid.* S. 284—285). Впрочемъ мы не будемъ вовсе сторониться исторіи Геласіевой, но будемъ пользоваться ею для нашихъ цѣлей, правда въ немногихъ случаяхъ и притомъ тогда, когда извѣстія Геласія вполнѣ соотвѣтствуютъ показаніямъ болѣе достоверныхъ писателей. Богатыхъ и полныхъ свѣдѣній касательно догматической исторіи I вс. собора историкъ вправѣ былъ бы ожидать отъ Евсевія Кесарійскаго, автора „Жизни Константина“, писателя лично присутствовавшаго на соборѣ, но ожиданія наши не сбываются: Евсевій самъ былъ приверженцемъ аріанской доктрины, и потому въ „Жизни Константина“, подробно и обстоятельно изобразивъ внѣшнюю исторію собора Никейскаго, вовсе не коснулся внутренней исторіи этого собора, ибо ему пришлось бы говорить противъ самого себя,

къ раскрытію истины, слѣдовательно, на соборѣ соблюдаемы были условія, необходимыя для безпристрастнаго рѣшенія вопроста.

Члены собора весьма ясно дѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ каждая носила на себѣ свой отпечатокъ, отличалась извѣстнымъ характеромъ и извѣстнымъ направлениемъ.

Говоримъ о партіяхъ: православной и аріанствующей.

Эти двѣ партіи на соборѣ отличаютъ древніе историки Руфинъ, Созомень и Θεодоритъ <sup>3)</sup>. Первая партія состояла изъ героевъ вѣры, ознаменовавшихъ свою вѣру исповѣдничествомъ въ предшествующія гоненія <sup>4)</sup>. О нихъ-то историкъ Руфинъ замѣчаетъ, что на соборѣ собрался „цѣлый сонмъ исповѣдниковъ“ (*confessorum magnus numerus sacerdotum*) <sup>5)</sup>. Ихъ вѣра была проста, пряма, искренна. Они вѣровали, какъ и чему учила церковь, не вдаваясь въ тончайшія изслѣдованія; они такъ вѣровали, и этого для нихъ было достаточно <sup>6)</sup>. Для партіи противоположной они казались простецами и даже „невѣждами“ (*ιδιώτας και μη ἔχειν γυῶσιν*) <sup>7)</sup>. О нихъ Созомень замѣчаетъ: „одни (изъ отцевъ собора) чуждались нововведеній въ вѣрѣ, преданной издревле, и это именно тѣ, по словамъ историка, которымъ простота нравовъ внушала безъ хитрости принимать вѣру въ Бога“ <sup>8)</sup>. Эти члены собора вполне подчиняли свой разумъ святой вѣрѣ. Вотъ тѣ мысли и чувства, которыми одушевлены были они въ данномъ случаѣ. „Мы безхитростно вѣруемъ (*ἀπεριέργως πιστεύομεν*); не трудись понапрасну отыскивать доказательства на то, что постигается (только) вѣрою“ <sup>9)</sup>. Ученіе о св. Троицѣ имъ представляется

<sup>3)</sup> Rufinus. *Historia ecclesiastica* Lib. I, cap. 2. Migne, *Cursus patr. Lat.*, tom. 21. Sosomenus. *Hist. ecclesiastica*. Lib. I, c. 17. Migne, *Curs. patr. Gr.*, t. 67. Theodoretus. *Hist. eccles. Lib.*, I, c. 6. Migne. *Curs. patr. Gr. t.* 82.

<sup>4)</sup> Theod. L. I, c. 6. Möhler. *Athanasius Grosse*. Th. I, s. 226. Maiz. 1827.

<sup>5)</sup> Rufin. *Lib.* 1, c. 2. Theod. *ibid.*

<sup>6)</sup> Möhler. *ibid.*, s. 227.

<sup>7)</sup> Socrates. *Historia ecclesiastica*. Lib. 1, c. 9, col. 88. Migne, *Curs. patr. Gr. t.* 67. Слѣдуетъ замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда цитируемая „глава“ даннаго историка длинна, мы постараемся указывать и страницу (*columna*), на которой находится то или другое извѣтіе историка.

<sup>8)</sup> Sosom. *Lib.* I, c. 17.

<sup>9)</sup> Sosom. *Lib.* I, c. 18.



въ особенности такимъ предметомъ, въ отношеніи къ которому бесполезны умствованія и требуется одна непосредственная вѣра. „Таинство святой покланяемой Троицы превышаетъ всякій умъ и слово, совершенно непостижимо и усваивается только вѣрою“<sup>10)</sup>. На спорный вопросъ о сущности Сына Божія, объ отношеніи Его Божественности къ Божественности Отца, тѣже члены собора смотрѣли, какъ на тайну, которую тщетно хочетъ постигнуть разумъ чело-вѣческій. „Впостась Его (Сына Божія)“—разсуждали они— „непостижима для всякаго сотвореннаго естества, какъ непостижимъ и Самъ Отецъ“<sup>11)</sup>. „Неизъяснимый образъ бытія едиnorodнаго Сына Божія превышаетъ понятіе не только евангелистовъ, но и ангеловъ. Поэтому не считаемъ благочестивымъ того, кто осмѣливается простираť свою пытливость до изслѣдованія (сей тайны), не внимая словамъ Писанія: *вышшихъ себе не ищи, крѣпльшихъ себе не испытай* (Сир. 3, 21). Развѣ только одно безуміе рѣшится подвергать изслѣдованію Впостасное бытіе Сына? Пророческій духъ о Немъ прямо сказалъ: родъ же Его кто исповѣсть (Ис. 53, 8). Да и Самъ Спаситель нашъ, поставляя апостоловъ, которые должны были сдѣлаться столпами въ церкви, поспѣшилъ удалить отъ нихъ, какъ бремя, всякую пытливость касательно Его существа. Онъ возвѣстилъ, что разумнѣе сей Божественной тайны выше силъ всѣхъ сотворенныхъ существъ (*ἀφύσικον*) и вѣдѣніе о ней принадлежитъ только единому Отцу: „никтоже знаетъ Сына, сказалъ Онъ, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ“ (Мѡ. 11, 27)<sup>12)</sup>. Говоря какъ о характеристической чертѣ этой партіи, о томъ, что она отстранялась отъ пытливыхъ изслѣдованій въ религіозной области, мы однакожъ должны признать, что къ этой же партіи принадлежали и нѣкоторыя лица, имѣв-

<sup>10)</sup> Gelasii Cyziceni. Historia concilii Nicaeni Lib. II, с. 22. Migne. Cours. patr. Gr. tom. 85. Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ русск. переводѣ, т. I, стр. 149. Изд. 1-е.

<sup>11)</sup> Alexandri episcopi Alexandrini epistola ad Alexandrum Constantinopolitanum. Col. 565. Migne. Coursus patr. Gr. t. 18 Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ рус. пер. т. I, стр. 58.

<sup>12)</sup> Alexandrii epistola ad Alexandrum. ibidem. Col. 553—566. Дѣянія, ibid. стр. 47, 48.

шія серьезное образованіе, отличавшіяся въ діалектикѣ и учености <sup>13</sup>).

Всѣ члены этой партіи держались въ догматическомъ отношеніи очень твердаго и опредѣленнаго воззрѣнія на Божественную сущность Сына Божія. Они вѣрили, что Сынъ Божій такой же совершенный Богъ, какъ и Отець. Они учили: „Христось сказалъ: Азь и Отець едино есма (Іоан. 10, 30). Сими словами Господь выражаетъ не то, что два естества составляютъ одну упостась, но то, что Сынъ Отчій точно и совершенно удерживаетъ и сохраняетъ одно естество со Отцемъ, имѣеть въ себѣ отпечатлѣнное самымъ естествомъ подобіе Его и ни въ чемъ отъ Него неотличный образъ Его“ <sup>14</sup>).

Главными представителями со стороны этой партіи на соборѣ были <sup>15</sup>): Александръ епископъ Александрійскій, Осія епископъ Кордубскій, Евстаѣій епископъ Антіохійскій, Макарій епископъ Іерусалимскій, Іаковъ епископъ Низивійскій, Спиридонъ епископъ съ острова Кипра, Паонутій епископъ верхней Оиваиды <sup>16</sup>). Первенствующее значеніе между ними принадлежало безъ сомнѣнія Александру Александрійскому и Осіи Кордубскому. Соборъ Никейскій въ посланіи къ церкви Александрійской называетъ Александра „главнымъ дѣятелемъ (*χείριος*) и участникомъ во всемъ, что происходило на соборѣ“ <sup>17</sup>). Александръ еще до собора приобрѣлъ своей доктринѣ многихъ приверженцевъ. Онъ собиралъ соборы въ Александріи, на которыхъ присутствовало до 100 епископовъ <sup>18</sup>). Его посланія, писанныя въ защиту истины, были повсюду распространены и исполнены сильныхъ доводовъ въ пользу православія. Осія также принадлежалъ къ числу руководителей собора. Его авторитетъ въ дѣлѣ

<sup>13</sup>) Rufin L. I, c. 3. Sosom. L. I, c. 17.

<sup>14</sup>) Alexandri epist. ad Alexandrum. ibid. Col. 561, Дѣянія, ibid., стр. 55.

<sup>15</sup>) Gelasius. Historia Con. Nic. Lib. II, ad finem. Socrat. Lib. I, c. 8. Theodor. Lib. I, 6 и пр.

<sup>16</sup>) Hefele. B. I, S. 292.

<sup>17</sup>) Theodor. Lib. I, c. 8.

<sup>18</sup>) Alexandri episcopi Alexandrini epistola ad episcopos Ecclesiae Catholicae. Col. 573. Migne, Curs. patr. Gr. tom. 18.—Дѣянія вс. соборовъ т. 1, стр. 35.

вѣры былъ въ общемъ уваженіи. Аѳанасій пишетъ объ Осіи такъ: „Онъ (Осія) далеко знаменитѣе всѣхъ другихъ (*πάντων μάλιστα ἐπιφανής*). На какомъ соборѣ онъ не предсѣдательствовалъ? На какомъ, разсуждая здраво, не склонялъ всѣхъ къ одному убѣжденію? Какая церковь не имѣетъ прекраснѣйшихъ доказательствъ его заступничества“<sup>19)</sup>? Аріане смотрѣли на Осію какъ на главное лицо, которому одолжено православіе своею побѣдою надъ ересью. Они говорили: „Осія предсѣдательствуетъ на соборахъ, писаніямъ его вездѣ внимаютъ, онъ и въ Никее изложилъ вѣру“<sup>20)</sup>.

Партія, которую мы описали, была ревностною и рѣшительною въ охраненіи вѣры на соборѣ. Можно думать, что она была и самою многочисленною, потому что епископовъ съ подобными же воззрѣніями было больше всего въ церкви. Эти воззрѣнія отвѣчали общему христіанскому сознанію. Кратко, эту партію можно назвать консервативною.

Противоположнымъ характеромъ отличались члены другой партіи на соборѣ—аріанствующей. Они чуждались прямою, сердечною вѣры; они хотѣли вопросы вѣры подвергать такому же разсудочному изслѣдованію, какъ и всякіе другіе вопросы. Вѣру хотѣли подчинить знанію. Они стояли за религіозное знаніе, и не высоко цѣнили простую вѣру. Съ критикою и анализомъ вступали они въ область религіозныхъ вопросовъ. Если партія православная утверждала, что должно вѣровать тому и такъ, чему и какъ вѣровала церковь раньше того, издревле, то представители аріанствующей партіи хотѣли переизслѣдовать и то, что считалось общепризнаннымъ и непререкаемымъ въ силу авторитета древности. Они утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ (въ области вѣры) не должно слѣдовать безъ повѣрки ихъ<sup>21)</sup>. Древніе отцы церкви, авторитетъ церковнаго преданія, не имѣли въ ихъ глазахъ никакого значенія. „Они изъ древнихъ отцовъ никого не хотятъ равнять съ собою,

<sup>19)</sup> Theod. ibid. Lib. II, cap. 12.

<sup>20)</sup> Athanasii episc. Alexandrini. Historia arianorum ad monachos. Col. 744. Migne, Curs. patr. Gr. tom. 25. Творенія св. Аѳанасія въ рус. переводѣ ч. II, стр. 116.

<sup>21)</sup> Sosom. Lib. I, c. 17; οἱ δὲ ἰσχυρίζονται, μὴ κοῆναι ἀβασανίστως ταῖς παλαιότεραις δόξαις ἐπεσθαι.

и только однихъ себя считали мудрыми, разумѣющими догматы вѣры; будто имъ, и только имъ однимъ, открыты тайны, которыя никому въ подсолнечной и на мысль не приходили“<sup>22)</sup>. Они вѣрили въ силу своей діалектики, и противились тѣмъ, кто діалектикѣ предпочиталъ простоту религиозныхъ убѣжденій. На соборѣ Никейскомъ, по сказанію историка Руфина, „аріанству благопріятствовали мужи искусные въ совопросничествѣ, отвращавшіеся простоты вѣры,“ (Favebant ei (Ario) viri in quaestionibus callidi. Et ob id simplicitati fidei adversi)<sup>23)</sup>. Аріане и сами прямо называли себя „изслѣдователями и испытателями вѣры“ (ἐξετασταὶ καὶ δοκιμασταὶ τῆς πίστεως)<sup>24)</sup>. Не даромъ Аѳанасій называетъ аріанствующихъ богослововъ „свободно мыслящими“ (οἱ πάντα λέγοντες εὐχερῶς)<sup>25)</sup> богословами и приписывалъ имъ „эллиніскія мудрованія“ (σοφίσματα ἑλληνικά)<sup>26)</sup>, т. е. приписывалъ такую же свободу въ изслѣдованіи догматовъ, какой держались древніе философы въ вопросахъ о мірѣ сверхчувственномъ во времена язычества. Вообще партію собора, противоположную партіи православныхъ, можно назвать либерально-раціоналистическою. Въ числѣ лицъ этой партіи естественно можно было встрѣчать много образованныхъ богослововъ, много писателей церковныхъ; но изъ нихъ же естественно выходили и открытые еретики, поскольку они не полагали должныхъ границъ между разумомъ и вѣрою.

Партія аріанствующихъ на соборѣ была неодинакова по своему составу, не всѣ члены ея держались одного и того же направленія, однихъ и тѣхъ же воззрѣній. Партія эта распалась на соборѣ на двѣ неравныя по числу представителей группы. Одна изъ нихъ вѣрно держалась ука-

<sup>22)</sup> Alexandri epist. ad Alexandrum. ibid. Col. 564: οὐδενὶ τῶν ὑπὸ ἕλιον ἐτέρῳ πέφυκεν ἐλθεῖν εἰς ἔννοιαν. Дѣян. ibid. стр. 56—57.

<sup>23)</sup> Rufin. ibid. L. I, cap. 2.

<sup>24)</sup> Athanasii epistola de Synodis, Col. 720. Migne. Curs. patr. Gr. tom. 26. Творенія, ч. III, стр. 134.

<sup>25)</sup> Epistola I ad Serapionem. Col. 572. Migne. Curs. patr. Gr. tom. 26. Творенія III, 30.

<sup>26)</sup> Epistola encyclica ad episcopos Aegypti et Libyae. Col. 580. Migne. Curs. patr. Gr. tom. 25. Творенія, I, 426.

занныхъ характеристическихъ принциповъ, отличавшихъ вообще партію аріанскую; другая усвоила себѣ эти принципы въ большей или меньшей степени, но далеко не всецѣло. Первая группа была малочисленна, потому что она въ своихъ воззрѣніяхъ была слишкомъ смѣла и притязательна. Вторая группа была болѣе многочисленна, потому что она держалась, говоря вообще, золотой середины между партією поборниковъ церковной вѣры и группою богослововъ, пропитанныхъ аріанскимъ раціонализмомъ; къ ней могли принадлежать люди, для которыхъ и вѣра была священна, и научно богословскіе интересы также дороги.

Меньшую группу аріанствующихъ богослововъ на соборѣ Никейскомъ составляли строгіе аріане. Во главѣ ихъ стоялъ первостепенный епископъ того времени Евсевій Никомидійскій, епископъ столичнаго города на востокѣ. Около него собралось нѣсколько другихъ епископовъ восточныхъ: Минофанъ Ефесскій, Патрофилъ Скиеопольскій, Θεогнисъ Никейскій, Θεона Мармарикскій, Секундъ Птолемаидскій <sup>27)</sup> и пр. Евсевій былъ жаркимъ поборникомъ аріанства. Въ немъ оно нашло себѣ важнѣйшую опору <sup>28)</sup>. Всѣ приверженцы Евсевія отъ его имени получили названіе Евсевіанъ. Достаточно прочесть небольшое посланіе Евсевія къ Арію, чтобы увидѣть, что онъ былъ самымъ рѣшительнымъ раціоналистомъ въ религіи <sup>29)</sup>. Вся эта группа признавала Сына Божія тварію. Главные представители этого богословскаго направленія вышли изъ школы христіанской антиохійской; почти всѣ они считали пресвитера Лукіана основателя этой школы, своимъ учителемъ <sup>30)</sup>. Но какое именно вліяніе оказывалъ Лукіанъ на своихъ учениковъ, было ли его ученіе сколько нибудь близкимъ къ ученію аріанскому — рѣшить этотъ вопросъ невозможно, потому что о Лукіанѣ

<sup>27)</sup> Theod. Lib. I, cap. 6.

<sup>28)</sup> Alexandri episc. Alexandrini epist. ad episcopos ecclesiae catholicae. Col. 572. *ibid.* — Дѣянія вс. соборовъ. *ibid.* стр. 33.

<sup>29)</sup> Athanasii epist. de Synodis. Col. 712. tom. 26. Твор. III, 127.

<sup>30)</sup> Theod. Lib. I, cap. 4. Philostorgii. Historiae ecclesiasticae epitome. Lib. II, c. 14. Supplementa Philostorgiana. Col. 623. Migne. Curs. patr. Gr. tom. 65.

мы почти ничего не знаемъ <sup>31)</sup>. Замѣчательно однакожъ, по одному древнему свидѣтельству, и ересіархъ Арій былъ также ученикомъ все того же Лукіана антиохійскаго <sup>32)</sup>. Школа, значить, на всѣхъ учениковъ или по крайней мѣрѣ на многихъ вліяла одинаковымъ образомъ. Группу разсматриваемыхъ богослововъ Никейскаго собора—Евсевіанъ—по справедливости можно назвать группою антиохійскою. Мы сказали, что число ихъ на соборѣ было не велико: по свидѣтельству Руфина вся группа на соборѣ состояла изъ 17 человекъ <sup>33)</sup>.

Большую—вторую группу аріанствующихъ представителей на соборѣ составляли лица, которыя позднѣе стали извѣстными съ именемъ полуаріанъ. Это были не то аріане, не то православные. Они оставались въ колеблющемся, нерѣшительномъ состояніи. Ихъ воззрѣнія имѣли такъ мало характернаго, что аріане считали ихъ своими сторонниками, а православные своими <sup>34)</sup>. Въ догматическомъ отношеніи, въ спорномъ вопросѣ, они держались древней теоріи субординаціи, т. е. хотя почитали Сына Божія Богомъ, но считали Божество Его неравнымъ Божеству Отца,—это было Божество соподчиненное въ отношеніи къ Божеству Отца. Что эта группа такихъ именно воззрѣній держалась, видно изъ ученія главы ея—Евсевія Кесарійскаго, извѣстнаго историка, дѣятельнаго члена на соборѣ Никейскомъ <sup>35)</sup>. Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ, писанное тотчасъ по окончаніи собора этого, даетъ еще новыя черты, характеризующія какъ самого Евсевія, представителя группы, такъ и всю группу. вмѣсто прямыхъ и опредѣленныхъ выраженій, которыя бы точно выражали ученіе о Божествѣ Сына Божія, Евсевій довольствуется выраженіями неопредѣленными, двусмысленными и хотя библейскими, но позволяю-

<sup>31)</sup> Kölling старательно собралъ свѣдѣнія о Лукіанѣ, но они очень скудны. *Geschichte der arianischen Häresie*. С. 27—31. Gütersloh. 1874.

<sup>32)</sup> *Alexandri epist. ad Alexandrum*. Col. 561. *ibid.* Дѣянія. *ibid.* стр. 54.

<sup>33)</sup> *Rufinus. ibidem. Lib. I, cap. 5.*

<sup>34)</sup> *Supplementa Philostorgiana. ibidem. Athanasii epist. de Nicaenis decretis. Migne. Cours. patr. Gr. t. 25. Col. 428. Твор. I, 314.*

<sup>35)</sup> *Baur. Die christliche Lehre von d. Dreieinigkeit und Menschwerdung Gottes. Th. I, S. 472. Tübingen. 1841.*

щими обоюдное толкованіе <sup>36)</sup>. Можно утверждать, что группа разсматриваемыхъ богослововъ находилась подъ влияніемъ идей Оригена, жаркимъ почитателемъ котораго былъ Евсевій <sup>37)</sup>. Изъ Оригена однакожь они взяли лишь ту сторону въ ученіи, которая благопріятствовала аріанизму. Если объ аріанахъ извѣстно, что они считали Оригена своимъ главою <sup>38)</sup>, то это больше всего могло имѣть мѣсто въ средѣ послѣдователей Евсевія, въ средѣ полуаріанъ. Такимъ образомъ, какъ строго-аріанская партія становилась подъ знамя школы Лукіана антїохійскаго, такъ Евсевіева или полуаріанская подъ знамя Оригена. Тѣ и другіе искали себѣ опоры, подтвержденія въ именахъ, которыхъ широкая слава еще была въ памяти у тогдашняго христіанскаго міра. Число приверженцевъ Евсевія Кесарійскаго на соборѣ Никейскомъ опредѣлить трудно. Если судить по тому, какъ могущественна стала партія полуаріанъ, вышедшая отсюда, послѣ Никейскаго собора, то нужно полагать, что и на самомъ соборѣ она имѣла многихъ представителей.

Итакъ при открытіи Никейскаго собора на немъ было двѣ партіи: партія православныхъ и партія аріанствующихъ. Послѣдняя подраздѣлялась на двѣ группы: на приверженцевъ Евсевія Никомидійскаго и Евсевія Кесарійскаго. Къ этимъ-то партіямъ нужно относить слова историка Евсевія, что „спорящіе явились на соборъ каждый съ своимъ мнѣніемъ“ <sup>39)</sup>. Отъ нихъ же безъ сомнѣнія, по тому же Евсевію, выставлено было на соборѣ „множество возраженій“; взаимными препирательствами между ними условливался „великій споръ“ (*πολλή ἀμφιλογία*) <sup>40)</sup>, который волновалъ нѣкоторое время соборъ.

Важнѣйшимъ результатомъ догматической дѣятельности

<sup>36)</sup> См. о посланіи ниже. Neander. Allgemeine Geschichte d. christl. Religion und Kirche. Band I, S. 619. Gotha. 1856.

<sup>37)</sup> См. Горскаго. „Жизнь св. Аѳанасія“, стр. 6. 33. М. 1851.

<sup>38)</sup> Socrates. Lib. IV, c. 26. Аѳанасій, Василій Великій и Григорій Богословъ защищаютъ память Оригена противъ аріанъ.

<sup>39)</sup> Eusebius. Vita Constantini. Lib. III, c. 10; *παρῆν ἕκαστος ταύτην* (т. е. *λόσιν τῆς ἀμφισβησίης*) ἄγων. Migne. Curs. patr. gr. tom. 20.

<sup>40)</sup> Ibidem. Lib. III. c. 13.

перваго вселенскаго собора было составленіе символа, извѣстнаго съ именемъ Никейскаго, которымъ утверждалась вѣра въ истинно-Божественную сущность Сына Божія. Дѣло это совершено было отцами послѣ долгихъ разсужденій, послѣ разбора различныхъ возраженій, какія выставлялись аріанствующими епископами противъ ученія православнаго, послѣ того какъ устранены были попытки тѣхъ же епископовъ выразить ученіе относительно спорнаго вопроса двусмысленно, обоудно, въ подозрительныхъ выраженіяхъ. Дѣло требовало самой крайней внимательности, осторожности, пронизательности и убѣдительныхъ доводовъ. Словомъ, по справедливому замѣчанію Сократа, „опредѣленіе относительно вѣры производилось не просто и какъ случилось (*οὐχ ἀπλῶς, οὐδὲ ὡς ἔτυχε*, т. е. не просто написали символъ и дѣлу конецъ), но объявлено послѣ долгаго изслѣдованія и испытанія (*μετὰ πολλῆς συζητήσεως καὶ δοκιμασίας*)— и не такъ, что одно показано, а другое умолчано, но взято во вниманіе все, относящееся къ утверженію догмата, и что вѣра не просто опредѣлена, но напередъ тщательно разсмотрѣна, такъ что устранено всякое мнѣніе, представлявшее поводъ къ обоудности, либо къ раздвоенію мыслей. Духъ Божій установилъ согласіе епископовъ <sup>41)</sup>.

Дѣйствительно, на соборѣ выслушаны были мнѣнія не только епископовъ православныхъ, но и разномыслящихъ въ отношеніи къ православію. На соборѣ и устно и письменно выражали свои воззрѣнія и православные епископы, и приверженцы строгихъ аріанъ—Евсевіанъ, во главѣ которыхъ стоялъ Евсевій Никодимійскій, и группа аріанствующихъ богослововъ, состоявшихъ подъ главенствомъ Евсевія Кесарійскаго. Къ сожалѣнію, подробности споровъ и порядокъ, въ какомъ выступали различныя группы на соборѣ, мало извѣстны и могутъ быть изображены со стороны науки лишь съ большею или меньшею вѣроятностію, но далеко не съ полною несомнѣнностію. Сдѣлаемъ, что позволяютъ научныя средства.

Каждая изъ указанныхъ нами догматическихъ фракцій собора имѣла въ виду доставить на соборныхъ разсужде-

<sup>41)</sup> Socrat. Lib. I, cap. 9. Col. 85—8.



ніяхъ перевѣсь своимъ воззрѣніямъ. Первый шагъ дѣласть группа богослововъ строго аріанствующихъ, съ Евсевіемъ Никомидійскимъ во главѣ. Она пытается убѣдить соборъ въ истинности своихъ воззрѣній и утвердить ихъ общимъ согласіемъ для исповѣданія церковнаго. Понятно, почему эта богословская группа выступаетъ первою на соборѣ: она первая нарушила миръ церковный, заявивъ себя идеями, которыя прямо противорѣчили непосредственному религиозному сознанію общества христіанскаго, глубоко проникнутаго вѣрой въ истинное Божество Сына Божія. Она была истинной причиной созванія собора; естественно собору было прежде всего выслушать и оцѣнить достоинство мнѣній и силу доводовъ со стороны строго аріанствующихъ богослововъ. Что эта группа выступаетъ первою на соборѣ съ выраженіемъ своихъ догматическихъ убѣжденій, объ этомъ можно догадываться на основаніи сочиненія Евстація, епископа Антіохійскаго, написаннаго противъ аріанъ, въ которомъ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія о первомъ вселенскомъ соборѣ, и отрывки изъ котораго заключаются въ церковной исторіи Θεодорита. Здѣсь прямо Евсевій Никомидійскій представляется по порядку первымъ референтомъ на соборѣ <sup>42)</sup>. Насколько позволяютъ разъяснить дѣятельность Евсевія Никомидійскаго на соборѣ немногія данныя, сохранныя объ этомъ древними писателями, дѣло происходило такъ: Евсевій внесъ на соборъ свой символъ (*πίστεως διδασκαλία*), въ которомъ изложены были воззрѣнія строгихъ аріанъ и для котораго онъ искалъ соборнаго утвержденія <sup>43)</sup>. Но въ чемъ состоялъ этотъ символъ? Какое было его содержаніе въ частности? Самый символъ до насъ не сохранился; но есть всѣ основанія утверждать, что онъ заключалъ въ себѣ самую сущность аріанской доктрины. Въ него включены были всѣ характеристическія особенности, составлявшія отличительную черту радикальнаго аріанства. Именно: „Сынъ Божій—произведеніе и тварь“; „было время, когда Сына не было“; „Сынъ измѣняемъ по существу“ <sup>44)</sup>.

<sup>42)</sup> Theod. Lib. I, cap. 7.

<sup>43)</sup> Theodor. ibidem.

<sup>44)</sup> Athanasii epist. ad Afros episcopos. Col. 1037. Migne. Curs. patr. Gr. tom. 26. Твор. III, 320.

Лишь только было окончено прочтеніе этого символа на соборѣ, какъ отцы собора безъ всякаго колебанія рѣшительно отвергли его. Отцы признали его исполненнымъ лжи, безобразнымъ (*παράνομον ὑπόμινα, νόθον, κίβδηλον* <sup>45</sup>). Нужно полагать, что къ символу строгихъ аріанъ съ негодованіемъ отнеслась не только партія православныхъ, но и приверженцы Евсевія Кесарійскаго, такъ какъ и эти послѣдніе никогда не употребляли терминовъ: „Сынъ тварь“ <sup>46</sup>) и проч. Отверженіе символа Евсевія Никомидійскаго значить было единодушнымъ со стороны прочихъ членовъ собора. Со свиткомъ, на которомъ написанъ былъ символъ, поступлено, какъ онъ вполнѣ заслуживаетъ того: онъ былъ разорванъ въ клочки <sup>47</sup>). Это было рѣшительнымъ осужденіемъ доктринъ строгаго аріанизма. Но соборъ не ограничился голословнымъ осужденіемъ возрѣній строгихъ аріанъ; отцы кротко (*πρῶτος, φιλανθρωπῶπως*) потребовали отъ Евсевія и его сторонниковъ, чтобы они изложили свои доводы и основанія, почему именно они такъ умствують о Сынѣ Божіемъ. Но попытки Евсевіанъ доказать собору правоту своихъ мнѣній, какъ и естественно, не имѣли ни малѣйшаго успѣха <sup>48</sup>). Ихъ доказательства были не убѣдительны. И это тѣмъ болѣе, что между самими Евсевіанами вышли какія-то распри и недоумѣнія. Неизвѣстно, въ чемъ состояло разногласіе между ними; но нужно полагать, что Евсевіанъ поставило въ замѣшательство то обстоятельство, что они не нашли себѣ поддержки со стороны остальныхъ аріанствующихъ членовъ собора, что, быть можетъ, и произвело нестроеніе среди нихъ. Замѣтимъ, что въ числѣ членовъ строгаго аріанствующей стороны на этомъ же засѣданіи собора встрѣчаемъ и Арія, перваго виновника церковныхъ споровъ. Онъ былъ также вызываемъ на соборъ для объясненій, но и его объясненія подвергались одной и тойже участи съ объясненіями

<sup>45</sup>) Theodor. Lib. I, c. 6—7.

<sup>46</sup>) Eusebii epistola ad Caesarienses. Col. 1544. Migne. Curs. patr. Gr. tom 20.

<sup>47</sup>) Theod. Lib. I, cap. 6—7.

<sup>48</sup>) Athanasii. Epist de Nicaenis decretis Col. 428—9. Migne. Curs. patr. Gr. tom. 25. Творенія, I, стр. 313—314.

всѣхъ остальныхъ Евсевіанъ <sup>49)</sup>). Главное основаніе, почему соборъ такъ единодушно и рѣшительно отвергъ символъ Евсевія, заключается въ томъ, что ни одного подобнаго выраженія, какія находились въ немъ: „Сынъ тварь, Сынъ измѣняемъ“, нельзя находить въ св. Писаніи <sup>50)</sup>).

Какъ скоро были разсмотрѣны и изобличены на соборѣ мнѣнія строгихъ арианъ—евсевіанъ—выступаютъ съ своею дѣятельностію представители двухъ остальныхъ фракцій: православные и арианствующие, предводимые Евсевіемъ Кесарійскимъ. Догматическая дѣятельность тѣхъ и другихъ, направленная къ раскрытію ученія о Божествѣ Сына Божія, въ отношеніи къ которой не остаются вовсе безучастными и строгіе ариане на соборѣ, приводитъ наконецъ къ разрѣшенію спорнаго вопроса, къ утвержденію истиннаго ученія въ церкви. Это составляетъ главную страницу въ исторіи перваго вселенскаго собора. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія и здѣсь недостаточны; притомъ же они черпаются изъ источниковъ, не совсѣмъ согласныхъ между собою въ показаніяхъ.

Главными источниками для разъясненія вопроса: при какихъ условіяхъ и обстоятельствахъ утверждено истинное ученіе на изучаемомъ соборѣ, служатъ сочиненія двухъ древнихъ писателей: Евсевія Кесарійскаго и св. Аѳанасія Великаго. Первый сообщаетъ свѣдѣнія по данному вопросу въ посланіи къ Кесарійцамъ въ Палестинѣ <sup>51)</sup>, своимъ пасомымъ, второй въ двухъ сочиненіяхъ: „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ епископамъ африканскимъ“ <sup>52)</sup>. Каждый изъ этихъ писателей вполне авторитетенъ въ показаніяхъ относительно догматической дѣятельности Никейскаго собора. Ибо оба они были участниками на соборѣ. Евсевій самъ принималъ живое и прямое участіе въ дѣяніяхъ собора, а Аѳанасій былъ участникомъ собора въ ка-

<sup>49)</sup> Rufin. Lib. I, cap. 5.

<sup>50)</sup> Athanasii. ibid. Col. 456. Творен. I, 338. Eusebii epistola ad Caesar. Col. 1544.

<sup>51)</sup> Eusebii epistola ad Caesarienses. Цитировано выше. Дѣянія, томъ I, стр. 191 и д.

<sup>52)</sup> Epistola de Nicaenis decretis. Col. 456 et cet. cap. 19, 20. Творенія, I, 338—342.—Epistola ad Afros episcopos. Col. 1037—1040. Твор. III, 320—22.

кествѣ секретаря или помощника епископа Александрійскаго Александра <sup>53)</sup>. Поэтому отъ каждаго изъ нихъ мы вправѣ ожидать вѣрнаго и отчетливаго изложенія предмета. Но въ дѣйствительности наука можетъ пользоваться показаніями ихъ лишь съ большою осторожностію и не можетъ имѣть полной увѣренности въ томъ, что она, пользуясь этими свидѣтельствами, описываетъ дѣло такъ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Евсевій и Аѳанасій въ своихъ показаніяхъ противорѣчатъ одинъ другому. Евсевій утверждаетъ напимѣръ, что главнымъ рѣшителемъ спорнаго вопроса былъ никто другой, какъ императоръ Константинъ; въ его уста онъ влагаетъ важнѣйшія объясненія, которыя и вошли въ символъ Никейскій; при томъ же по Евсевию въ основу редакціи Никейскаго символа былъ положенъ символъ его собственный, лишь съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Все это въ другомъ свѣтѣ представляется въ названныхъ сочиненіяхъ Аѳанасія. По Аѳанасію, догматическая дѣятельность собора, поскольку она выразилась въ составленіи символа православнаго, принадлежала исключительно отцамъ собора, при чемъ императору не усваивается никакого значенія въ дѣлѣ. Вѣроопредѣленіе Никейское, по тому же Аѳанасію, не ставится ни въ какое отношеніе къ символу Евсевія, — редакція его представляется самостоятельною, независимою. Что касается до сказанныхъ сочиненій Аѳанасія, взятыхъ самихъ по себѣ, то хотя они доставляютъ очень важный матеріалъ для внутренней исторіи Никейскаго собора, однакожъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ возбуждаютъ сомнѣнія касательно точности и достовѣрности сообщаемыхъ ими свѣдѣній. Прежде всего нужно взять во вниманіе, что они писаны спустя долгое время послѣ событія (спустя 25—35 лѣтъ) <sup>54)</sup>. Трудно допустить, чтобы подробности соборныхъ разсужденій ясно сохранились въ памяти писателя спустя такой долгій промежутокъ времени. Тѣмъ болѣе, что во время самого собора присутствующіе

<sup>53)</sup> Sосom. Lib. I, с. 17. Lib. II, с. 17. Socrat. Lib. I, с. 15. Ruf. Lib. I, с. 5. 14.

<sup>54)</sup> Сочиненіе объ „опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ написано около 352 года, а къ „Африканскимъ епископамъ“ даже около 369 года.

на немъ едвали придавали дѣяніямъ его такое громадное значеніе, какое получилъ соборъ впослѣдствіи, въ виду упорства арианъ. Научное пользованіе извѣстіями Аѳанасія объ обстоятельствахъ, при какихъ составлено было изложеніе символа вѣры, требуетъ по нашему мнѣнію строгой критики. Такъ его описаніе образа дѣйствованія арианъ на соборъ представляется не совсѣмъ естественнымъ. Ариане, по Аѳанасію, какъ скоро находили, что то или другое выраженіе, какое хотѣли отцы внести въ символъ для уясненія истины, не противорѣчило ихъ еретическимъ воззрѣніямъ, могло быть истолковано ими въ свою пользу, сейчасъ же и заявляли объ этомъ на соборѣ (*διελάλουν ἀλλήλους συνθώμενα*). Но само по себѣ понятно, дѣйствуя такъ, ариане только вредили самимъ же себѣ. Отцы устраняли подобныя двусмысленныя выраженія. Аѳанасій въ данномъ случаѣ приписываетъ арианамъ какую-то почти дѣтскую наивность. Ариане на соборѣ, по Аѳанасію, шепчутся между собою, перемигиваются глазами (*τονθορούζοντες καὶ διανεύοντες τοῖς ὀφθαλμοῖς πρὸς ἑαυτούς*) и такимъ образомъ сообщаютъ другъ другу замѣчанія свои касательно происходившаго на соборѣ; это описаніе Аѳанасія, по нашему мнѣнію, отзывается тонкой ироніей и едвали соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла... Нужно еще замѣтить, что Аѳанасіевы показанія сбивчивы: группы арианскія не отличаются одна отъ другой, и то, что принадлежало той или другой сторонѣ арианъ въ отдѣльности, у него неопредѣленно приписывается арианамъ вообще. Наконецъ, мы склонны думать, что въ сознаніи Аѳанасія, когда онъ описывалъ соборъ Никейскій, представленія, вынесенныя имъ отъ засѣданій на соборѣ перемѣшались, съ теченіемъ времени, съ представленіями, какъ у него сложились объ арианствѣ на основаніи позднѣйшаго знакомства съ арианами и ихъ литературой. Онъ самъ, упоминая при описаніи Никейскаго собора объ арианскомъ писателѣ Астеріѣ софистѣ и указывая тожество между возраженіями арианскими, какія имѣли мѣсто на соборѣ и какія встрѣчались въ сочиненіяхъ Астерія (*τοιαῦτα καὶ Ἀστέριος ἔγραψε*), тѣмъ самымъ наводитъ на мысль, что мнѣнія арианскія, развитыя ими путемъ литературнымъ, перемѣшались въ его умѣ съ мнѣніями, за-

1292  
3

явленными отъ арианъ устно на соборѣ <sup>55)</sup>. Послѣ сдѣланныхъ нами указаній о достоинствѣ источниковъ для внутренней исторіи Никейскаго собора, понятно, что говорить о догматической дѣятельности собора наука можетъ только съ вѣротностію, изложить же дѣло съ полною несомнѣнностію не въ состояніи.

Символь Евсевія Никомидійскаго или символъ арианскій отвергнуть былъ соборомъ главнымъ образомъ потому, что онъ заключалъ въ себѣ выраженія, чуждыя Св. Писанію. Теперь, когда отвергнувъ этотъ символъ какъ несогласный съ изреченіями Св. Писанія, отцамъ надлежало въ противоположность заблужденію выразить истинное ученіе о Сынѣ Божіемъ, они обращаются къ Св. Писанію и въ немъ хотятъ найти выраженія, которыя бы съ ясностію говорили о Божествѣ Сына Божія и которыя бы, поэтому, слѣдовало ввести во всеобщее употребленіе, чрезъ внесеніе ихъ въ вѣроопредѣленіе. Но эта попытка отцевъ собора была неудачна, какъ это вытекаетъ изъ показаній Аѳанасія. Нельзя было найти ни одного выраженія въ Св. Писаніи относительно Божества Сына Божія, которое бы или послѣдователи Евсевія Никомидійскаго или приверженцы Евсевія Кесарійскаго не истолковывали въ пользу своихъ неправославныхъ доктринъ. Соборомъ или, лучше сказать, партией православныхъ членовъ его, внесено было на обсужденіе нѣсколько терминовъ, извлеченныхъ изъ Св. Писанія и по видимому вполне достаточныхъ для опредѣленія Божественнаго достоинства Сына Божія. Такъ прежде всего епископы православные предложили ~~было~~ включить въ имѣющее составиться вѣроопредѣленіе выраженіе — *Сынъ отъ Бога*, принимая во вниманіе свидѣтельство Евангелія Іоанна (гл. 1, ст. 1, 14, 18). Выраженіе это къ радости православныхъ епископовъ принято было всѣми единодушно. Т. е. какъ

<sup>55)</sup> Для сей же цѣли смотри еще, что говоритъ Аѳанасій—объ Астеріѣ: Oratio II contra arianos. Col. 225. Migne. Curs. patr. t. 26. Твор. II, 311—12. Epist. de Synodis. Col. 713. t. 26. Твор. III, 129—30.—А также объ арианѣ Георгіѣ Лаодикійскомъ: Epist. de Synodis. Col. 712—13. Твор. III, 128,—и о Фаліяхъ Арія. Oratio I contra arianos. Col. 21. Migne Curs. patr. Gr. t. 26. Твор. II, 164. Слѣдуетъ это сличить съ тѣмъ, что говоритъ тотъ же Аѳанасій о дѣятельности самого собора Никейскаго.

W 1666

приверженцы Евсевія Никомидійскаго, такъ и приверженцы Евсевія Кесарійскаго готовы были принять выраженіе безъ противорѣчій. Но оказалось, что согласіе на принятіе его было не искреннимъ, а лицемѣрнымъ. Аріанствующіе только потому готовы были принять это выраженіе, что вкладывали въ него смыслъ свой, неправославный. Они принимали его только потому, что вѣдь и все отъ Бога, всѣ творенія отъ Бога, ибо апостоль говоритъ: *единъ Богъ, изъ негоже вся* (1 Кор. 8, 6), или тотъ же апостоль говоритъ: *всяческая отъ Бога* (2 Кор. 5, 17. 18). Тогда партія православныхъ епископовъ вынуждена была отказаться отъ предложеннаго выраженія и искать другихъ изреченій въ Писаніи, которыя бы ясно заключали православную мысль о равномъ Божескомъ достоинствѣ Сына съ Отцемъ. Отцы предложили было именовать Сына не просто Богомъ, но истиннымъ Богомъ, сообразно съ тѣмъ, какъ Онъ названъ у апостола Іоанна (1 Посл. 5, 20). Казалось, это выраженіе прямо обозначало совершенное Божество Сына Божія. Но опять открылось, что аріанствующіе готовы принять и это изреченіе, какъ выражающее истину, но придавали ему свой смыслъ. Оказалось, что аріане называютъ Сына истиннымъ Богомъ, утверждая, что если Сынъ сдѣлался Богомъ, то конечно Онъ истинный Богъ. Задача отцевъ церкви выразить православное ученіе о Божествѣ Сына Божія чрезвычайно затруднялась. Со стороны ихъ предложено было и еще нѣсколько библейскихъ терминовъ, которые, казалось, хорошо могли служить цѣли; но снова оказывалось, что всѣ эти термины аріанствующіе епископы съ большимъ удобствомъ приспособляли къ своимъ понятіямъ. Такъ отцы, желая выразить мысль, что Сынъ всегда нераздѣльно со Отцемъ и въ Отцѣ пребываетъ, предложили принять всѣмъ выраженіе: „въ Немъ (Отцѣ) Сынъ пребываетъ“, безъ сомнѣнія имѣя въ виду первыя слова Евангелія Іоанна. Но и это выраженіе оказалось недостаточнымъ: аріанствующіе находили, что и къ людямъ приложимо подобное свойство, ибо сказано въ Писаніи: *о Немъ бо живемъ, движемся и есмь* (Дѣян. 17, 28). Затѣмъ отцы хотѣли было противопоставить аріанству выраженіе: Слово есть истинная сила Божія, такъ какъ *силою* Сына Божія

называетъ апостоль (1 Кор. 1, 24); открылось однакожь, что арианствующіе и эти слова находили благопріятными для себя, доказывая, что и гусеница, и саранча называется въ Писаніи силою и даже силою великою (Іоил. 2, 25), и тоже самое, — говорили ариане въ свою пользу, — неоднократно написано и о людяхъ, напимѣрь: *изыде вся сила Господня* изъ земли Египетскія (Исх. 12, 41). Отцы хотѣли было отразить арианство, внося въ вѣроопредѣленіе выраженіе, употребленное (Евр. 1, 3) апостоломъ: *Сынъ сіяніе славы и образъ чюстаси Его* (Отца); но ариане и подъ это выраженіе подкладывали свой смыслъ, находя, что въ св. Писаніи и о каждомъ чловѣкѣ говорится тоже самое: чловѣкъ есть *образъ и слава Божія* (1 Кор. 11, 7). Такимъ образомъ усилія отцевъ найди терминъ, выражающій точнѣе мысль о божественномъ равенствѣ Сына съ Отцемъ и заключающійся въ Писаніи, вначалѣ оставались тщетными. Труднымъ оказалось подыскать въ Писаніи такой терминъ, который съ одной стороны ясно бы опровергалъ арианскія идеи, съ другой — не подлежалъ бы перетолкованіямъ. Ариане большую часть терминовъ, наиболѣе ведущихъ къ цѣли, истолковывали въ пользу своихъ интересовъ, опираясь тоже на Писаніе <sup>56</sup>).

Передавая свѣдѣнія о томъ, какія выраженія, заимствованныя изъ Св. Писанія, хотѣли внести въ формулу вѣроопредѣленія отцы собора, и о томъ, что подобныя выраженія подрываемы были хитроумными доводами арианствующихъ, мы встрѣчаемся съ естественнымъ вопросомъ: какимъ образомъ отцы узнавали о томъ, что данное выраженіе такъ или иначе перетолковывается арианами? По свидѣтельству Аѳанасія, изъ сочиненій котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, выходитъ: какъ будто ариане на самомъ соборѣ прямо или непрямо заявляли, что такому-то или другому выраженію, предлагаемому отцами, они придаютъ такой-то или такой-то арианскій смыслъ. Но немного нужно проницательности, что бы усумниться въ правдоподобіи вышеизложеннаго показанія Аѳанасія. Не было ли бы въ высшей

<sup>56</sup>) Athanasii epistola de Nicaenis decretis. Col. 456 et cet. cap. 19. 20. Твор. I, 338—342. Epistola ad Afros. Col. 1037—40. Tom. 26. Твор. III, 320—322.



степени безтактно со стороны арианствующих на самомъ же соборѣ не стѣсняясь заявлять, что такое или другое выраженіе, предложенное отцами, благоприятно имъ, по такимъ-то причинамъ? Не слѣдовало ли имъ напротивъ въ своихъ интересахъ помалкивать при этомъ? Для разрѣшенія предложеннаго нами себѣ вопроса, для разъясненія столь естественнаго недоумѣнія, ничего не остается сдѣлать какъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ догадкамъ. Нужно полагать, что когда внесены были отцами на обсужденіе вышеуказанные православные тезисы, какъ пригодные для вѣроопредѣленія, то арианскія группы епископовъ приняли ихъ съ радостнымъ согласіемъ. Это согласіе, нужно думать, православнымъ членамъ собора показалось весьма подозрительнымъ: въ самомъ дѣлѣ могло естественно броситься въ глаза, откуда проистекаетъ это согласіе, эта уступчивость со стороны арианствующихъ, столь ревностныхъ въ своихъ заблужденіяхъ? Это побудило отцевъ, но не на самомъ соборѣ, не на засѣданіяхъ его, а въ промежуткахъ между засѣданіями, заняться просмотромъ сочиненій арианскихъ писателей и войти въ распросы у отдѣльныхъ арианствующихъ представителей съ тою цѣлю, чтобы узнать: какъ принимаются и понимаются арианами библейскія выраженія о Сынѣ Божіемъ, внесенныя соборомъ для обсужденія? Отсюда-то отцы и могли узнать, что ариане перетолковывали и въ какомъ именно родѣ выраженія, наивившіяся отцамъ православной партіи.

Итакъ стремленія отцовъ собора или православной партіи его выразить истинное ученіе о Сынѣ Божіемъ и равенствѣ Его съ Отцемъ библейскими изреченіями рѣшительно не увѣнчались успѣхомъ. Сторона православныхъ испытывала затрудненія. При такихъ обстоятельствахъ выступаетъ на сцену третья фракція собора, умѣренно арианская. Во главѣ ея, какъ намъ извѣстно, сталъ Евсевій Кесарійскій, человѣкъ въ одно и то же время и ученый и изворотливый. Онъ предлагаетъ собору уже готовый символъ, который стоило только утвердить общимъ согласіемъ членовъ собора, и догматической дѣятельности отцевъ наступилъ бы конецъ <sup>57)</sup>.

<sup>57)</sup> Мы приступаемъ теперь къ описанію заключительныхъ обстоятельствъ

Евсевій беретса провести на соборѣ свои идеи, составлявшія средину между православіемъ и крайнимъ аріанизмомъ, при чемъ хочетъ облечь свои идеи въ такія формы, которыя нравились бы одинаково всѣмъ направленіямъ на соборѣ, и не вызывали бы споровъ. Чтобы угодить многочисленной партіи православныхъ епископовъ, онъ согласно съ ихъ желаніемъ излагаетъ, внесенное имъ въ собраніе отцевъ, вѣроопредѣленіе словами Писанія. Чтобы найдти себѣ сочувствіе въ не менѣе многочисленной партіи умѣренныхъ аріанъ, почитателей богословствованія Оригена, во главѣ которыхъ стоялъ и самъ Евсевій, онъ излагаетъ вѣроопредѣленіе въ выраженіяхъ, встрѣчающихся въ сочиненіяхъ Оригена и любимыхъ его послѣдователями. Наконецъ, что-бы угодить группѣ богослововъ строго аріанскихъ или евсевіанамъ, онъ вносъ въ свой символъ неопредѣленности, общія мѣста, которыя могли обращать въ свою пользу евсевіане, вкладывая въ нихъ свой смыслъ <sup>38)</sup>. Планъ хитроумный! Поставивъ дѣло подобнымъ образомъ, Евсевій сильно рассчитывалъ на успѣхъ, и на первое время счастье повидимому ему улыбалось.—Но ознакомимся съ самымъ символомъ Евсевія, какой онъ вноситъ на соборъ для утвержденія. Чтобы отклонить всякое подозрѣніе собора и сколько возможно расположить членовъ его въ пользу своего символа, Евсевій всячески старается доказать достоинство и истинность своего вѣроизложенія. Въ этихъ его цѣляхъ символъ начинается слѣдующими словами: „Мы содержимъ и исповѣдуемъ вѣру такъ, какъ приняли отъ предшествующихъ нашихъ епископовъ, какъ научились ей отъ Божественнаго

---

догматической дѣятельности собора,—на основаніи посланія Евсевія къ своей паствѣ. Möhler (I, s. 236) называетъ этотъ документъ очешъ важнымъ въ историческомъ отношеніи, и однакожъ не даетъ никакого дѣйствительнаго мѣста сказанію Евсевія въ исторіи собора. Онъ пользуется лишь сказаніемъ Аѳанасія, съ которымъ мы уже познакомили читателя. Образчикъ историковъ, которые какъ скоро встрѣчаются съ двумя, или болѣе, разногласящими документами по одному и тому же вопросу, пользуются тѣмъ, что нравится, и оставляютъ безъ вниманія, что не нравится!

<sup>38)</sup> Neander. *ibid.* S. 619. Горскій (Жизнь Аѳан. стр. 43) признаетъ этотъ символъ „лукавымъ“, а Чельцовъ (Древнія формы символа.—С.—П. 1869). причисляетъ его къ такъ называемымъ символамъ апостольскимъ.

Писанія, какъ соблюдали и исповѣдывали въ пресвитерствѣ, а потомъ въ епископствѣ“. Спорный пунктъ объ отношеніи Сына Божія къ Отцу изложенъ въ символѣ въ выраженіяхъ, хотя и библейскихъ, но слишкомъ широкихъ и общихъ. „Вѣруемъ во единого Господа І. Христа, Божіе Слово, Бога отъ Бога, Свѣтъ отъ Свѣта, Жизнь отъ Жизни, Сына едиnorodнаго, перворожденнаго всея твари, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго“<sup>59</sup>). Нужно сказать, что хотя здѣсь Сынъ исповѣдывался и Богомъ и происшедшимъ отъ Отца,—что такъ или иначе допускали и крайніе аріане,—но не опредѣлялась степень близости Сына къ Отцу, а это-то и было главнымъ вопросомъ въ спорахъ. Въ дальнѣйшихъ словахъ символа не безъ намѣренія референта слишкомъ выдѣлялись одно отъ другаго лица св. Троицы. Евсевій писалъ: „вѣруемъ, что каждый изъ нихъ—Отець, Сынъ и Духъ—есть и имѣетъ *свое бытіе*, что Отець истинно Отець, Сынъ истинно Сынъ, Духъ Святой истинно Духъ Святой“<sup>60</sup>). Этимъ Евсевій, нужно полагать, наноситъ скрытый ударъ ученію церковному о существенномъ единеніи Сына Божія съ Отцемъ.—Символь прочитанъ предъ лицомъ собора. Водворилось молчаніе, которое Евсевій принялъ-было за знакъ общаго одобренія. Минута знаменательная въ исторіи христіанства! Наконецъ императоръ Константинъ прервалъ молчаніе и выразилъ свое полное одобреніе символу, заявивъ, что онъ самъ такъ же мыслить и желаетъ, чтобы всѣ такъ же мыслили. Евсевій торжествовалъ.... Но затѣмъ императоръ предложилъ, чтобы сдѣлана была прибавка къ символу, прибавка одного слова, и однакожь эта прибавка должна была обратить въ прахъ всѣ начинанія Евсевія. Константинъ предложилъ, чтобы внесено было въ символъ слово: *ὁμοούσιος*, единосущный, для опредѣленія отношенія Сына Божія къ Отцу. Этому то всего меньше желалъ Евсевій Кесарійскій, не хотѣли его приверженцы, не желали послѣдователи Евсе-

<sup>59</sup>) У Сократа (I, 8) въ посланіи Евсевія послѣднее выраженіе читается: *γεγεννημένον*—рожденнаго, у Θεодорита же (I, 11): *γεγεννημένον*—происшедшаго.

<sup>60</sup>) Eusebii epistola ad Caesarienses Col. 1537. Migne. Curs. Patr. Gr. t. 20.—Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. I, стр. 192.

вія Никомидійскаго. Что указанный терминъ предложенъ былъ для внесенія въ символъ именно императоромъ, объ этомъ свидѣтельствуесть участникъ собора Евсевій <sup>61)</sup>. Но правда ли это? Неужели Константинъ былъ настолько свѣдущъ въ богословіи, что оставлялъ позади себя всѣхъ другихъ православныхъ богослововъ, когда предложилъ внести въ символъ слово, сдѣлавшееся лозунгомъ православія въ Никейскую эпоху и остающееся такимъ доднесь? Что Константинъ первый потребовалъ внесенія слова *ὁμοούσιος* въ символъ, это весьма вѣроятно, но что онъ самъ и измыслилъ его, это чуждо всякаго вѣроятія. Последнее невѣроятно, потому что богословская точка зрѣнія императора во всѣ времена его жизни оставалась неустойчивою. Если же однако Константинъ дѣйствительно первый провозглашаетъ на соборѣ *ὁμοούσιος*, то въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ не самъ по себѣ, но подъ вліяніемъ партіи православныхъ, которая внушила ему и самое слово, и разъяснила ему смыслъ слова, и выставила на видъ важность утвержденія его на соборѣ для опроверженія аріанства. Поэтому правы и тѣ древніе писатели, которые утверждаютъ, что никто другой, какъ именно епископы собора провозгласили и утвердили терминъ *ὁμοούσιος* <sup>62)</sup>. Такимъ образомъ слава церкви ничего не теряетъ отъ того, если дѣйствительно терминъ *ὁμοούσιος* первый произнесъ на соборѣ императоръ, мірянинъ и еще некрещенный. Мы склонны думать, что все это происходило при такихъ условіяхъ. Когда православные епископы увидѣли, что выразить исповѣданіе вѣры относительно Божества Сына Божія словами Писанія не оставалось возможности, — такъ какъ аріанствующіе каждому подобному выраженію давали свой смыслъ, неправославный, — то они почли справедливымъ употребить для данной цѣли выраженіе, хотя буквально не находящееся въ Писаніи, но освященное церковнымъ преданіемъ <sup>63)</sup>. Никакое слово не

<sup>61)</sup> Eusebii. *ibidem*. Col. 1540. Дѣянія, *ibid.* стр. 193.

<sup>62)</sup> Ruf. Lib. I, cap. 5 ad finem. Athanasii. *Epist. ad Afros.* Col. 1040. Tom 26. Твор. III, 321. *Epistola encyclica ad episcopos Aegypti et Libyae.* Col. 568. t. 25. Твор. I, 419.

<sup>63)</sup> Eusebii *epistola ad Caesar.* *ibid.* Col. 1541. Дѣянія, *ibid.* стр. 196.

могло выражать потребную мысль о равенствѣ Божества Сына Божія съ Отцемъ, съ такою силою, какъ *ὁμοούσιος*, — *ὁμοούσιος*, которое встрѣчалось въ сочиненіяхъ свѣтилъ древней церкви — Діонисія Александрійскаго и Діонисія Римскаго <sup>64</sup>). Нужно думать, что епископы православные остановили свое вниманіе на этомъ словѣ и они-то рѣшились принять его въ качествѣ термина для обозначенія отношенія сущности Сына къ сущности Отца. Но чтобы избѣгнуть продолжительныхъ и бесполезныхъ споровъ на соборѣ, споровъ, которые и безъ того довольно затянулись, епископы внушили самому императору внести слово *ὁμοούσιος* на соборъ и потребовать его принятія. Императоръ являлся не лицомъ, которое должно было напередъ предрѣшить опредѣленіе собора, но лицомъ, вліяніе котораго должно было умѣрять споры и повліять своимъ примѣромъ на другихъ. Епископы прямо отъ своего лица не рѣшились предложить слово *ὁμοούσιος* собору, потому что боялись безконечныхъ споровъ. Они знали, что слово это въ кругахъ аріанскихъ встрѣчало множество непрізнанныхъ возраженій. Аріане могли говорить, и повидимому съ правомъ, что это слово не должно быть принято, потому что его нѣтъ въ Писаніи <sup>65</sup>), потому что оно будто бы ведетъ къ савелліанизму, сливавшему Троицу въ единицу <sup>66</sup>), потому что оно вноситъ матеріальныя представленія въ понятіе Божества <sup>67</sup>), когда указывается единство природы Сына и Отца и пр. и пр. Провозгласивши терминъ *ὁμοούσιος* устами императора, епископы православные достигли двухъ цѣлей. Съ одной стороны невидно, чтобы партія аріанская встрѣтила провозглашеніе его спорами и возраженіями. Достоверно извѣстно, что на самомъ соборѣ выставлено было противъ слова *ὁμοούσιος* только одно послѣднее изъ указанныхъ нами выше возраженій, какихъ слѣдовало ожидать. Именно возражали, что понятіе *ὁμοούσιος* вноситъ матеріальныя представленія въ

---

<sup>64</sup>) Athanasii. Epistola de sententia Dionysii. Col. 505. Curs. patr. Gr. tom. 25. Твор. I, 380. Epistola ad. Afros. Col. 1040. Tom. 26. Твор. III, 322.

<sup>65</sup>) Athanasii Epist. de Nicaenis decretis. Col. 453. cap. 21. Твор. I, 342.

<sup>66</sup>) Socrat. L. I, c. 5.

<sup>67</sup>) Eusebii ep. ad Caesar. ib. Col. 1540. Дѣянія, ibid. стр. 193.

сущность Божества,—говорили: „единосущнымъ называется то, что есть изъ чего-либо другаго, какъ напр. два или три золотыхъ сосуда изъ одного слитка“<sup>68</sup>). Были ли дѣлаемы и другія какія возраженія, неизвѣстно; если и были, то авторитетъ императора долженъ былъ сдерживать горячность оппонентовъ. На основаніи показаній Евсевія можно догадываться, что пренія по поводу слова *ὁμοούσιος* имѣли характеръ тихій и уступчивый<sup>69</sup>). Одна цѣль была такимъ образомъ достигнута епископами. Достиглась и другая. Терминъ *ὁμοούσιος* положено было соборомъ внести въ символъ. Вражда партій замолкла, епископы арианскіе склонились, куда склонился самъ императоръ. Эта одна поправка къ символу Евсевія разомъ измѣнила всю фізіономію предложеннаго имъ вѣроизложенія. Но торжествующая партія православныхъ не ограничилась однимъ этимъ. Пользуясь уступчивостію оппозиціонныхъ епископовъ, она беретъ пересмотрѣть весь символъ Евсевія и улучшить его. Найдено было необходимымъ поправить, пополнить, а частію и сократить символъ Евсевія. Послѣ этой передѣлки Евсевій едва могъ узнать свой символъ. Такъ отцы поясняютъ въ этомъ символѣ тѣ выраженія, которыя могли давать мѣсто произвольнымъ толкованіямъ. И вотъ не совсѣмъ определенно выраженіе Евсевія о происхожденіи Сына Божія отъ Отца добавлено словами: „отъ Отца, то есть изъ сущности Отца (*τουτέστιν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς*). Признали также нужнымъ въ предотвращеніе возможныхъ перетолкованій уяснить и другое выраженіе Евсевіева символа. Слова: „Бога отъ Бога“ добавлены и точнѣе изъяснены новою формулою: „Бога истиннаго отъ Бога истиннаго“ (*Θεὸν ἀληθινόν ἐκ Θεοῦ ἀληθινοῦ*), потому что и ариане почитали Сына Божія Богомъ, но не по существу, а только по имени<sup>70</sup>). Правда, ариане возражали и противъ выраженія: Сынъ истинный Богъ; но ихъ возраженія не были сильны,

<sup>68</sup>) Socrat. L. I, c. 8. col. 69.

<sup>69</sup>) Eusebii ep. ad Caesar. *ibid.* col. 1540. n. 5.—Дѣянія, *ibid.*, стр. 194—5,

<sup>70</sup>) Самъ Евсевій не признавалъ Сына истиннымъ Богомъ, и если называлъ Его истиннымъ, то однакожъ соединялъ съ этимъ названіемъ смыслъ ложный, арианскій. См. „Посланіе Евсевія къ Евфратіону“. Дѣянія вс. соборовъ въ русск. пер. т. VII, стр. 401. Казан. 1873.

покоились на софизмахъ. Далѣе, — какъ мы сказали, — нѣкоторыя выраженія выпущены изъ символа Евсевія; такъ исключены слова: „каждый изъ нихъ имѣетъ свое бытіе; Отецъ есть истинно Отецъ“ и т. д., потому что эти опредѣленія, наводящія на мысль о взаимно себя исключаемомъ, раздѣльномъ бытіи лицъ св. Троицы, послѣ того какъ утверждена истина о самомъ близкомъ единеніи Отца и Сына, сдѣлались излишними <sup>71)</sup>. Сдѣланы были и другія измѣненія въ символѣ. Вслѣдствіе этихъ поправокъ и измѣненій символъ Евсевія рѣшительно потерялъ свой первоначальный характеръ. И стремленіе Евсевія Кесарійскаго и его приверженцевъ доставить торжество такому символу, который бы по общности своихъ выраженій нравился православнымъ и удовлетворялъ арианъ, окончилось неудачей. Партія православныхъ вышла побѣдоносною. Символъ Евсевія по разсмотрѣнію его соборомъ принялъ иной видъ, не двусмысленный. Этого мало. Соборъ приложилъ къ символу анаеematствованіе, которое объясняло, куда клонились выраженія, внесенныя въ вѣроизложеніе, такъ чтобы не оставалось и тѣни сомнѣнія и возможности кривотолковъ. Анаеematствованіе гласило: „говорящихъ, что было (время), когда не было Сына, что Онъ не существовалъ до рожденія и произошелъ изъ не сущаго, или утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣетъ бытіе изъ иного существа, или сущности, или что Онъ созданъ, или предложимъ, или измѣняемъ, предаеть анаеemъ каеолическая церковь“ <sup>72)</sup>.

Въ полномъ своемъ видѣ Никейскій символъ читается такъ <sup>73)</sup>:

<sup>71)</sup> Eusebii. ibidem. col. 1537. 1540. Дѣянія, ibid. стр. 192, 194.

<sup>72)</sup> Eusebii. ibid. col. 1540.—Дѣянія, стр. 194.

<sup>73)</sup> „Вѣруемъ во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго;—и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, единароднаго, рожденнаго отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, Свѣтъ отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго (Сына) все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ; ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія снисшедшаго и воплотившагося, вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса, и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ;—и въ Духа святаго“.

„Говорящихъ же, что было, когда не было (Сына), что Онъ не суще-

Πιστεύομεν εἰς ἕνα θεὸν πατέρα παντοκράτορα, πάντων τε ὁράτων καὶ ἀοράτων ποιητήν. Καὶ εἰς ἕνα κύριον Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ, γεννηθέντα ἐκ τοῦ πατρὸς μονογενῆ, τοντέστιν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς, θεὸν ἐκ θεοῦ, φῶς ἐκ φωτός, θεὸν ἀληθινὸν ἐκ θεοῦ ἀληθινοῦ, γεννηθέντι, οὐ ποιηθέντα, ὁμοούσιον τῷ πατρὶ, δι' οὗ τὰ πάντα ἐγένετο, τὰ τε ἐν τῷ οὐρανῷ καὶ τὰ ἐν τῇ γῆ· τὸν δι' ἡμᾶς τοὺς ἀνθρώπους καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν κατελθόντα καὶ σαρκωθέντα, ἐνανθρωπήσαντα, παθόντα καὶ ἀναστάντα τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ, ἀνελθόντα εἰς οὐρανοὺς, καὶ ἐρχόμενον κρῖναι ζῶντας καὶ νεκρούς. Καὶ εἰς τὸ ἅγιον πνεῦμα. Τοὺς δὲ λέγοντας, ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν, καὶ πρὶν γεννηθῆναι οὐκ ἦν, καὶ ὅτι ἐξ οὐκ ὄντων ἐγένετο, ἢ ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας φάσκοντας εἶναι, ἢ κτιστὸν ἢ τρεπτὸν ἢ ἀλλοιωτὸν τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ, ἀναθεματίζειν καθολικῇ ἐκκλησίᾳ.

Догматическая дѣятельность перваго вселенскаго собора достигла возделѣннаго конца. Возвышенная истина о совершенномъ Божествѣ Сына Божія была провозглашена на всѣ вѣка.

Всѣ епископы собственноручными подписями выразили свое согласіе съ символомъ Никейскимъ, — исключеніе составляли немногіе. Двое египетскихъ епископовъ отказались подписать Никейскій символъ <sup>74)</sup>; а Евсевій Никоидійскій и Θεогнист Никейскій, подписавъ символъ, отказались скрѣпить своимъ подписомъ анаематствованіе, приложенное къ символу <sup>75)</sup>.

Почти всѣ епископы собора Никейскаго подписались подъ символомъ, но съ какимъ расположеніемъ? Приняли ли они

---

ствоваль до рожденія, и произошелъ изъ не сущаго, или утверждающихъ, что Сынъ Божій имѣеть бытіе отъ иного существа или сущности, или что Онъ созданъ, или преложимъ, или измѣняемъ, предаеть анаемѣ каеволическая церковь".—Редакція символа Никейскаго собора сохранилась—въ приложеніи къ сочиненію Аванасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, въ „посланіи“ того же Аванасія къ императору Ювіану, въ сочиненіяхъ Василія Великаго, у историковъ Сократа, Θεодорита, у Геласія, въ Актахъ III вс. собора. Древнѣйшею и болѣе точною считается первая изъ упомянутыхъ нами редакцій; ее мы и приводимъ. Напрасно издатели Дѣяній вс. соборовъ въ русск. переводѣ производять символъ Никейскій не по этой редакціи.

<sup>74)</sup> Theod. Lib., cap. 6.

<sup>75)</sup> Sosom. Lib. I, cap. 21.



его всей душой, всѣмъ сердцемъ? Что касается до партіи епископовъ, православныхъ—это несомнѣнно такъ. Но нельзя того же сказать о группахъ богослововъ аріанствующихъ, бывшихъ на томъ же соборѣ. Эти послѣдніе присоединили свои подписи къ символу неискренне, лицемерно, лишь для того, чтобы покончить дѣло, которому они не сочувствовали. Церковный историкъ Руфинъ прямо замѣчаетъ, что одни изъ епископовъ приняли символъ съ „полною искренностью (veritate), другіе же лицемерно“ (simulatione) <sup>76)</sup>. Тоже самое подтверждаетъ и Θεодоритъ. По его словамъ, „на вселенскомъ соборѣ Никейскомъ вмѣстѣ съ православными подавали голосъ и приверженцы Арія и подписались подъ изложеніемъ вѣры апостольской, но потомъ продолжали нападать на истину такъ сильно, что тѣло церкви распалось“ <sup>77)</sup>. Какіе же именно епископы, участвовавшіе въ соборѣ Никейскомъ, отнеслись такъ недобросовѣстно къ подписанію символа Никейскаго? Такихъ было много. Между ними первое мѣсто занимаютъ епископы строго-аріанской партіи: Евсевій Никомидійскій и его клеветы. Они подписались подъ символомъ только рукой, а не душою (manu solo, non mente) <sup>78)</sup>. Ихъ сердца не расположены были къ символу. Всѣ они подписались, по свидѣтельству Θεодорита, „коварно, не искренне“ (δόλιως, οὐκ ἐλικρινῶς), что и доказали своимъ послѣдующимъ поведеніемъ и враждой къ Никейскому символу. Они, по этому же свидѣтельству, боялись главнымъ образомъ того, чтобы не потерять своихъ епископскихъ кафедръ и не подпасть подъ отлученіе <sup>79)</sup>: только это мірское соображеніе заставляетъ ихъ присоединить свою подпись къ символу на ряду съ другими епископами. Приверженцы Евсевія Никомидійскаго какъ до собора Никейскаго, такъ и послѣ собора остались вѣрными ученію аріанскому въ его крайней формѣ. Подпись подъ символъ ни къ чему не обязывала этихъ

---

<sup>76)</sup> Ruf. Lib. I, cap. 5.

<sup>77)</sup> Theodoretī epistolā (112) ad. Domnum episcop. Antiochiaē. Col. 1309. (Migne. Curs. patr. t. 83).

<sup>78)</sup> Rufin. ibid. Lib. I, c. 5.

<sup>79)</sup> Theod. Lib. I, c. 6. 7.

дводушныхъ созданій. — Съ такимъ же лицемѣрнымъ расположеніемъ духа подписался подѣ символомъ Евсевій Кесарійскій и его приверженцы, присутствовавшіе на соборѣ Никейскомъ. Когда символъ Евсевія Кесарійскаго не былъ принятъ соборомъ въ полномъ составѣ, но потерпѣлъ весьма значительныя измѣненія, это сильно смутило духъ его. Онъ увидѣлъ, что онъ сраженъ, что его изворотливость ни къ чему не послужила. Евсевій послѣ этого былъ въ большомъ затрудненіи — подписать ли символъ Никейскій, къ которому не лежала его арианствующая душа, или нѣтъ <sup>80)</sup>). Приверженность къ арианству говорила ему: не слѣдуетъ; но опасность, съ какою могла быть сопряжена для него такая рѣшительность, побуждаетъ его, вопреки убѣжденію, подать голосъ за символъ, исповѣдывать который онъ не хотѣлъ. Евсевій подписался, а за нимъ и другіе. Лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало арианская группа, предводимая Евсевіемъ, соглашалась съ опредѣленіями собора, кромѣ послѣдующаго поведенія Евсевія въ исторіи христіанской, служить его посланіе, написанное имъ тотчасъ по заключеніи собора къ его паствѣ, до возвращенія его въ епархію <sup>81)</sup>). Въ этомъ посланіи Евсевій очень недвусмысленно даетъ знать, что въ сущности онъ остается при прежнихъ убѣжденіяхъ. А нужно помнить, что партія Евсевія Кесарійскаго была значительна по своему вліянію и численности <sup>82)</sup>; изъ нея вышли въ послѣдствіи почти всѣ дальнѣйшія движенія арианскія умѣреннаго характера, именно такъ называемыя полуаріанскія движенія, которыя составляли опасную силу, противодействующую церкви. К лиръ и паства церкви кесарійской, въ которой предстоятелемъ былъ Евсевій, раздѣляли, должно думать, мысли своего епископа въ спорномъ вопросѣ. Символъ, представленный Евсевіемъ на соборѣ отъ имени кесарійской церкви, дѣйствительно былъ выраженіемъ шаткости мнѣній кесарійцевъ по вопросу. Подписывая символъ, составленный въ Никее, другаго характера, Евсевій тѣмъ

<sup>80)</sup> Sosom. L. I, c. 21. Athanasii. De Nicaenis decretis. col. 428. Твор. I, 314.

<sup>81)</sup> Горскій. Жизнь св. Аванасія, стр. 43. Neander. ibid. S. 621.

<sup>82)</sup> Baar. ibidem. S. 475.

самымъ, казалось, отрекался отъ своихъ прежнихъ убѣжденій. Поэтому ему нужно было оправдать себя въ глазахъ паствы, что онъ и дѣлаетъ въ своемъ посланіи <sup>83)</sup>. Въ немъ онъ старался увѣрить паству, что въ сущности дѣло остается по прежнему; соборъ—старался внушить Евсевій—не сдѣлалъ ничего новаго, не утвердилъ ничего въ догматикѣ отличнаго отъ того, во что и какъ вѣровала доселѣ самъ Евсевій и вѣровала церковь кесарійская. Поэтому все посланіе состоитъ изъ различныхъ перетолкованій догматическихъ опредѣленій собора, правда, перетолкованій довольно тонкихъ. Церковь кесарійская должна была увѣриться изъ посланія, что ни ему, Евсевію, ни его пасомымъ нѣтъ надобности измѣнять своихъ воззрѣній. Это было непрямымъ отрицаніемъ Никейскаго собора. Въ своемъ посланіи, послѣ исторической его части, прежде всего онъ поясняетъ смыслъ принятаго соборомъ термина: „изъ сущности Отца“. Истинный смыслъ выраженія, безъ сомнѣнія, тотъ, что Сынъ по своей сущности такой же Богъ, какъ и Отецъ; но Евсевій въ своихъ цѣляхъ, умалчивая о положительномъ смыслѣ термина, указываетъ только отрицательный смыслъ; именно по его объясненію, выраженіе означаетъ, что „Сынъ не есть часть Отца“. Но этого собственно никто не утверждалъ и не доказывалъ, и сущность аріанства, противъ котораго направлялся терминъ, вовсе не состояла въ подобномъ мнѣніи. Истолковывая такъ этотъ важный терминъ, Евсевій какъбы хотѣлъ дать знать, что аріанство этимъ терминомъ ничуть не устраняется. Еще хитроумнѣе его объясненія по поводу другаго существеннаго выраженія Никейскаго символа: *ὁμοούσιος*. Толкуя это выраженіе повидимому правильно въ духѣ собора, онъ старается однакожъ дать понять, что выраженіе это принято имъ и его сторонниками изъ чисто внѣшнихъ расчетовъ, а не вслѣдствіе убѣжденія въ истинности смысла, который соединяется съ нимъ. Онъ не обинуясь замѣчаетъ: „не отвергли слова: единосущный, имѣя въ виду сохранить миръ, котораго всей душой желаемъ“ (я только-то!). Евсе-

<sup>83)</sup> Eusebii epist. ad Caesar. ibid. col. 1536—7, n. 1. Дѣян. ibid. стр. 191. Möhler. Th. I, S. 235.

вій далѣ не стѣсняется дать собственный свой смыслъ и словамъ, внесеннымъ отцами въ символъ: „рожденнаго, не сотвореннаго“. Этимъ, по нему, обозначается, что „Сынъ не есть твореніе подобное тѣмъ, которыхъ Онъ самъ создалъ, но что Онъ получилъ существо превосходнѣйшее, чѣмъ у всякой твари“; но такое объясненіе могъ бы принять всякій аріанинъ: этого не отрицалъ и самъ Арій. Особенную изворотливость показываетъ Евсевій, когда нужно было объяснить, почему принято соборомъ анаеematствованіе, приложенное къ символу, въ которомъ (анаеematствованіи) проклиналось аріанство. Онъ не говорилъ о томъ, что соборъ анаеematствуетъ аріанскіе термины за нечестивый смыслъ, какой съ ними соединяется. По его словамъ, эти выраженія анаеematствованы потому, что ихъ не встрѣчается въ св. Писаніи. „Такъ какъ ни въ одной богодухновенной книгѣ, говорятъ Евсевій, нѣтъ словъ: Сынъ произошелъ изъ не сущаго, или было время, когда Его не было, и другихъ тому подобныхъ, то и неприлично употреблять ихъ въ церкви. Съ этимъ прекраснымъ мнѣніемъ мы согласились и потому еще, что и прежде не имѣли обыкновенія употреблять подобныхъ словъ“. Истинный характеръ анаеematствованія, при подобныхъ объясненіяхъ, терялъ свое значеніе. Говоря такъ, не хотѣлъ ли Евсевій того, чтобы оставаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прочими аріанами? Наконецъ, въ заключеніе посланія Евсевій рѣшительно говоритъ, что онъ потому принялъ Никейское изложеніе вѣры, что оно совершенно согласно съ тѣмъ символомъ, какой представилъ и онъ самъ на разсмотрѣніе собора. Значить, выходило по нему, соборъ ничего новаго не постановилъ, все осталось по прежнему для Евсевія и его партіи. „Когда, говоритъ онъ, по внимательномъ изслѣдованіи смысла словъ (внесенныхъ въ символъ Никейскій) оказалось, что они согласны съ тѣми, которыя употреблены въ нашемъ собственномъ исповѣданіи вѣры (если такъ, то почему онъ колебался подписать символъ Никейскій!), тогда мы приняли ихъ безъ спора, какъ не возбуждающія болѣе безпокойства“<sup>84</sup>). Такими доводами Евсе-

<sup>84</sup>) Eusebii. *ibid.* col. 1541—44. Дѣянія, *ibid.* стр. 195—7. Русскій пере-

вій Кесарійській въ ничто обращалъ дѣйствія собора противъ аріанства, по крайней мѣрѣ противъ аріанства въ умѣренной его формѣ.

Мыслившіе въ духѣ аріанства сдѣлали уступку собору Никейскому, вошли въ сдѣлку съ своею совѣстію, согласились съ требованіями противоположной, православной, партіи, но согласились больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Истина восторжествовала на соборѣ, но должно было пройти не мало времени, прежде чѣмъ она достигла обще-церковнаго признанія.

---

---

вѣдъ посланія Евсевія къ Кесарійцамъ въ Дѣяніяхъ вс. соборовъ сдѣланъ не съ древнѣйшей редакціи этого посланія, какою мы пользовались и какая сохранилась въ сочиненіяхъ св. Аванасія, а съ редакціи болѣе поздней и менѣе исправной (у Геласія и церковныхъ историковъ).

## II.

Будто отъ малой искры воспламенился великій пожаръ и, начавшись какъ бы съ главы, церкви Александрійской, распространился по всему Египту. Онъ опустошалъ и прочіе области и города. Предстоятели церквей вступили другъ съ другомъ въ словесныя пренія.

*Евсееій.*

Вѣроисповѣданіе Никейское было принято церковію неодинаково. Церковь въ IV вѣкѣ раздѣлилась на двѣ половины. Одна изъ нихъ съ ревностію стояла за символъ Никейскій, другая съ такою же ревностію возставала противъ него. Въ научномъ отношеніи чрезвычайно важно опредѣлить, въ какихъ именно мѣстахъ тогдашняго христіанскаго міра Никейское исповѣданіе утвердилось, и въ какихъ нѣтъ. Разъясненіе этого вопроса должно служить къ разъясненію хода догматическихъ движеній въ церкви всего IV и даже V вѣка. Сторона, привявшая Никейскій соборъ, и въ послѣдующихъ догматическихъ спорахъ стоитъ за одно, отличается согласной дѣятельностію, а сторона, не принявшая Никейскаго собора, въ такихъ же спорахъ образуетъ другую, согласную между собою партію, связанную единствомъ интересовъ и стремленій.

Итакъ гдѣ, въ какихъ церквахъ Никейское исповѣданіе нашло себѣ приверженцевъ и вѣрныхъ послѣдователей?

Ревностно и единоподно стояла за Никейское исповѣданіе въ эпоху арианскую церковь *Александрійская* или вообще Египетская. Это тѣмъ важнѣе, чѣмъ выше въ то время стоялъ авторитетъ церкви Александрійской въ ряду другихъ церквей на востокѣ. А Евсееій прямо даетъ Александрій-

ской церкви имя главы прочихъ церквей <sup>1)</sup>. Въ Александріи соединились многія условія, благопріятствовавшія утверженію и рѣвностному охраненію здѣсь Никейскаго ученія. Первымъ изъ такихъ условій было то, что здѣсь съ III вѣка, со времени св. Діонисія Великаго и его споровъ о Божествѣ Сына Божія съ римскимъ епископомъ Діонисіемъ, сдѣлалось „господствующимъ анти-субординаціонное направленіе“ <sup>2)</sup>, или говоря языкомъ IV вѣка, анти-аріанское направленіе, т. е. точное православіе. Въ Александріи и въ IV вѣкѣ продолжала процвѣтать богословская школа, характеръ которой благопріятствовалъ укорениться здѣсь высренней догмѣ Никейской. Эта школа отличалась возвышенно-спекулятивнымъ характеромъ, высрешнимъ идеализмомъ, съ любовію занималась вопросами, принадлежащими къ области трансцендентальнаго; труднѣйшіе вопросы богословскіе не устрашали ее, а напротивъ поощряли къ наибольшему углубленію въ нихъ; по она постигала подсбные вопросы болѣе внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ <sup>3)</sup>. Это какъ нельзя болѣе было полезно для утверженія Никейскаго ученія въ Александрійской церкви. Возвышенный догматъ Никейскій по своимъ свойствамъ былъ вполне родственъ съ александрійскимъ школьнымъ направленіемъ. Никейское ученіе могло опираться на школу, какъ на свою естественную опору.

Одушевленнѣйшимъ поборникомъ Никейскаго исповѣданія былъ въ Александріи знаменитый Аѳанасій Великій († 373). Воспитанный подъ руководствомъ епископа Александра Александрійскаго, поборника православія до собора и на соборѣ Никейскомъ, Аѳанасій явилъ себя продолжателемъ благочестивой рѣвности своего воспитателя <sup>4)</sup>. Онъ всегда высоко чтилъ память Александра и ставилъ его для себя образцемъ <sup>5)</sup>. Никейское исповѣданіе для Аѳанасія было сокро-

<sup>1)</sup> Eusebius. Vita Constantini. L. II, cap. 61.

<sup>2)</sup> Dörner. Entwicklungsgeschichte der Lehre von der Person Christi. S. 809. (Stuttg. 1845).

<sup>3)</sup> Kihn. Die Bedeutung der Antiochenischen Schule s. 29. 166. Weisenburg 1866.

<sup>4)</sup> Rufin. Lib. I, c. 14. Sosom. L. II, c. 17.

<sup>5)</sup> Athanasii. Epist. encyclica ad episcopos Aegypti et Libyae. Col. 588 t. 25. Твор. I, 431.

вищемъ, которое онъ со всею заботливостію охранялъ отъ всякихъ непріязненныхъ нападокъ <sup>6)</sup>. Вотъ рѣшительная мысль св. Аѳанасія касательно важности символа Никейскаго. „Отцовъ Никейскихъ, говоритъ онъ, подлежитъ уважать, иначе не пріемлющіе символа (Никейскаго) будутъ признаваемы скорѣе всѣмъ, только не христіанами“ (*ὅσα μὴ πάντα μᾶλλον ἢ χριστιανοὶ τοιμωθῶσιν*) <sup>7)</sup>. На борьбу съ врагами Никейскаго символа Аѳанасій положилъ всю свою жизнь и его труды не остались напрасными. Современники единодушно считали его спасителемъ церкви отъ бѣды, спасителемъ Никейскаго православія для христіанскаго міра. Григорій Богословъ не находитъ достаточно словъ, чтобы оцѣнить заслуги Аѳанасія для церкви. Онъ говоритъ въ похвальномъ словѣ Аѳанасію <sup>8)</sup>: „хвали Аѳанасія, я буду хвалить добродѣтель; ибо одно и то же наименовать Аѳанасія и хвалить добродѣтель; потому что всѣ добродѣтели въ совокупности онъ въ себѣ имѣлъ“. Главнѣйшею изъ его добродѣтелей была защита Никейскаго православія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ столпомъ церкви. „Когда Аѳанасій жилъ среди насъ, говоритъ Григорій, онъ былъ столпомъ (*στύλος*) церкви. Его ученіе сдѣлалось закономъ (*νόμος*) церкви. Его догматы стали законами для вѣры православной“, замѣчаетъ Григорій. Св. Василій Великій также неистощимъ въ хвалахъ Аѳанасію, какъ защитнику Никейскаго ученія. Василій въ своихъ письмахъ къ Аѳанасію признаетъ его самымъ опытнымъ кормчимъ церкви среди бурь аріанства. „Кто скорѣе твоего увидитъ, что должно дѣлать? Кто искуснѣе приведетъ въ дѣйствиѣ, что полезно?“ <sup>9)</sup> Василій прямо объявлялъ, что попеченія о всей церкви по всѣмъ правамъ должны принадлежать и принадлежать Аѳанасію. „Общимъ нашимъ Владыкою ввѣрено тебѣ попеченіе о всѣхъ церквахъ, какъ и о церкви твоей собственной“ <sup>10)</sup> (александрійской). Аѳанасій, по Василію, былъ

<sup>6)</sup> Theod. L. I, c. 25. Sosom. L. II, c. 18.

<sup>7)</sup> Epist. ad Afros. col. 1044. t. 25. Твор. III, 326.

<sup>8)</sup> Prolegomena. Elogia veterum col. 224. Migne. Curs. patr. tom. 25.

<sup>9)</sup> Epist. (66) ad Athanasium ibidem. Твор. ч. VI, стр. 168. Изд. 1-е.

<sup>10)</sup> Epist. (69) ad Athanasium ibid. Твор. ч. VI, 173.



„общемою всёхъ главою“ <sup>11)</sup> (*χορυφή τῶν ὄλων*). Такой опытный кормчій, какъ Аѳанасій, дѣйствительно воля церкви къ тихому пристанищу. Онъ былъ по свидѣтельству Василия и только онъ истиннымъ „врачемъ церковныхъ недуговъ“ <sup>12)</sup>. Аѳанасій сталъ спасителемъ церкви среди арианскихъ смуть. По Василию Аѳанасій „спасалъ церковь отъ этой страшной непогоды“ <sup>13)</sup>, какою было арианство. Вѣра Никейская, какъ извѣстно, устояла среди напастей арианскихъ и въ этомъ главная заслуга Аѳанасія <sup>14)</sup>.—Голосъ Аѳанасія, сильный, рѣшительный, и его дѣятельность производили могущественнѣйшее вліяніе на всю церковь Александрійско-египетскую. Какъ Аѳанасій, такъ же смотрѣли на символъ Никейскій и всё епископы, принадлежавшіе къ александрійскому округу. Передавъ по одному случаю свои мысли о значеніи Никейскаго символа, Аѳанасій писалъ: „предлагаемъ же не мы одни пишушіе это, но всё епископы Египта и Ливіи, потому что всё одинаково мудствуемъ, и если случится кому не быть лично (на какомъ-либо соборѣ), всегда подписываемся другъ за друга“ <sup>15)</sup>. Ученые богословы Александрійской церкви вполне раздѣляли воззрѣнія египетскихъ епископовъ относительно безусловной важности символа Никейскаго и подвизались въ его защиту. Таковъ былъ знаменитый Дидимъ, учитель въ Александрійской школѣ, процвѣтавшій въ ней въ продолженіи цѣлыхъ 55 лѣтъ (340—394); за это онъ сдѣлался предметомъ ненависти отъ ари-

<sup>11)</sup> Epist. ibidem. Твор. стр. 174.

<sup>12)</sup> Epist. (82) ad Athan. ibid. Твор. ч. 6, стр. 198.

<sup>13)</sup> Epist. (80) ad Athanasium ibid. Твор. ч. 6, стр. 195.

<sup>14)</sup> Какъ смотрѣли древніе церковные писатели на заслуги Аѳанасія въ отношеніи къ утвержденію Никейскаго ученія въ церкви, точно такъ-же смотрять и новѣйшіе писатели—Дорнеръ, Берингеръ. Дорнеръ говоритъ: „Аѳанасій Великій задачей продолжительной своей жизни, исполненной перемѣнчивыхъ судебъ, поставилъ охранять во всеоружіи науки и съ полною преданностію исповѣданіе Никейское, какъ вопреки колеблющимся и легкомысленнымъ, такъ и отступникамъ. И онъ умеръ, не только увѣнчанный славой, но и достигнувъ плода“ (Dorner ibidem. S. 833—4). Берингеръ говоритъ: „Аѳанасій и торжество Никейской догмы столь тѣсно соединены взаимно, что одно отъ другаго отдѣлять невозможно“. Böhringer. Athanasius und Arius. S. 581. Zweite Aufl. 1874.

<sup>15)</sup> Epist. ad Afros. col. 1045. Твор. III, 327.

анъ и глубокаго уваженія со стороны православныхъ <sup>16)</sup>. Никейскія опредѣленія, по словамъ Созомена, въ Египтѣ твердо и точно хранило многочисленное общество монаховъ и во главѣ ихъ Антоній Великій <sup>17)</sup>. Приверженность Александрійской церкви къ Никейскому символу навсегда сохранилась въ ней; Никейскій символъ охранялся здѣсь не только со стороны духа, но и со стороны самой буквы.

Церкви Александрійской въ ея приверженности къ символу Никейскому вполне слѣдовала другая восточная церковь—*Иерусалимская* или палестинская. Примѣръ Аѳанасія нашель себѣ здѣсь подражаніе. Максимъ, епископъ Иерусалимскій стоитъ на сторонѣ Аѳанасія <sup>18)</sup>. Въ Иерусалимѣ составлялись многочисленные соборы для защиты дѣятельности и воззрѣній тогоже Аѳанасія <sup>19)</sup>. Авторитетъ св. Аѳанасія такъ высоко стоялъ во мнѣніи палестинской церкви, что только двое или трое епископовъ въ ней не раздѣляли высокаго уваженія къ этому поборнику православія <sup>20)</sup>. Иерусалимскій церковный округъ можно считать на востокѣ вторымъ, послѣ Александрійской церкви, убѣжищемъ, гдѣ Никейская вѣра процвѣтала болѣе всего во время смуть аріанскихъ <sup>21)</sup>.

Вліяніе дѣятельности Аѳанасія въ пользу Никейскаго символа съ востока перешло и на западъ. Церковь *Римская* вѣровала такъ же, какъ и церковь Александрійская и Иерусалимская. Движеніямъ аріанскимъ она противопоставляла тотъ же символъ Никейскій, какъ незыблیمое основаніе истинной вѣры. Западные епископы на соборѣ Сардикійскомъ (въ 344 г.) замѣчали <sup>22)</sup>, что „достаточно символа

<sup>16)</sup> Sosom. L. III, 15. Soer. L. IV, 25.

<sup>17)</sup> Lib. III, 13.

<sup>18)</sup> Sosom. L. II, c. 25, ad finem.

<sup>19)</sup> Athanasii. Apologia contra Arianos. col. 352. t. 25. Твор. I, 264, 5. Sosom. Lib. III, c. 21, 22. Soer. II, 24.

<sup>20)</sup> Athanasii. Historia Arianorum ad monachos. Col. 721, t. 25. Твор. II, 98.

<sup>21)</sup> Изъ числа палестинскихъ церквей исключеніе составляетъ церковь Кесарійская, которая долгое время была заражена аріанствомъ. Извѣстный Евсевій Кесарійскій и за нимъ его ученикъ Акакій, епископы этой церкви, были болѣе или менѣе ревностными защитниками аріанства.

<sup>22)</sup> Sosom. Lib. III, c. 11. Soer. II, 20.

Никейскаго и что нѣтъ болѣе нужды ни въ какомъ другомъ символѣ“<sup>23)</sup>. На соборѣ Риминійскомъ (въ 359 г.) тѣже западные епископы, согласно съ воззрѣніями Аѳанасія защищали неизмѣнность и важность символа Никейскаго. Ихъ неизмѣнное рѣшеніе состояло въ томъ, чтобы „эту вѣру содержать постоянно и блюсти ее до конца“. На соборѣ Риминійскомъ собралось болѣе 400 православныхъ епископовъ<sup>24)</sup>. Римская церковь шла рука объ руку съ церковью Александрійскою въ охраненіи вѣры Никейской. Папа Юлій (337—352 г.) былъ можно сказать правую руку Аѳанасія. Папа и Аѳанасій общими силами старались о ниспроверженіи такого врага, какимъ было арианство. Не разъ Аѳанасій находилъ себѣ защиту и помощь въ Римѣ, на западѣ. Подъ покровительство Рима становились и другіе епископы, осужденные аріанами на востокѣ за приверженность къ Никейской вѣрѣ, напр. Маркеллъ Анкирскій, Асклепа Газскій и др.<sup>25)</sup>. Въ духѣ папы Юлія дѣйствовалъ и Дамасъ (съ 366 года). Преемникъ Аѳанасія Петръ Александрійскій, избѣгая напастей отъ аріанъ, ищетъ и находитъ себѣ защиту въ лицѣ указаннаго папы римскаго Дамаса<sup>26)</sup>. Такимъ образомъ Римская, а за нею и обширная западная церковь болѣе или менѣе твердо стала на защиту Никейскаго собора.

Послѣднюю страну, въ которой исповѣданіе Никейское сохранялось въ полной мѣрѣ и въ которой оно нашло оплотъ противъ своихъ враговъ былъ *Иллирикъ* (Македонія, Лхаія, Дакія). Церковный историкъ Сократъ, самоличныи наблюдатель хода церковныхъ дѣлъ въ Иллирикѣ<sup>27)</sup>. въ своей исторіи неоднократно говоритъ о томъ, что ересь арианская не проникала въ этотъ церковный округъ и что

---

<sup>23)</sup> Опредѣленіе собора Сардикійскаго подписали 280 православныхъ епископовъ.

<sup>24)</sup> Sosom. Lib. IV. с. 17—18.

<sup>25)</sup> Athanasii. Apol. contr. Arianos. col. 331. tom. 25. Твор. I, 251.

<sup>26)</sup> Sosom. VI, 19.

<sup>27)</sup> Онъ былъ чтецомъ въ провинціи Иллирійской—Фессалии. Socr. L. V, с. 22. Col. 637 (впрочемъ текстъ въ этомъ мѣстѣ Сократа, кажется, испорченъ).

здѣсь процвѣтало Никейское исповѣданіе <sup>28)</sup>. По словамъ Василія Великаго, въ Иллирикѣ строго хранилось единеніе въ отношеніи къ вѣрѣ Никейской <sup>29)</sup>. Въ особенности таковы, по свидѣтельству его, Ахаія и Македонія <sup>30)</sup>. Тотъ же Василій съ восторгомъ пишетъ къ епископамъ Фессалійскимъ: „вы свѣтила (*φωστῆρες*) церкви, которыхъ очень немного и которыхъ легко перечестъ при теперешнемъ плачевномъ состояніи дѣлъ“ <sup>31)</sup>. Итакъ Иллирикѣ стоялъ на сторонѣ Никейской догмы. Дѣйствительно, св. Аѳанасій въ числѣ защитниковъ Никейскаго символа поставляетъ Александра, епископа Фессалоникійскаго <sup>32)</sup>, который то вступаетъ въ переписку съ Аѳанасіемъ, то посредствомъ писемъ же защищаетъ его дѣятельность и личность <sup>33)</sup>. Единодушнымъ съ Аѳанасіемъ представляется и другой епископъ Фессалоникійскій—Іеремія <sup>34)</sup>. Церковь Римская пишетъ къ Иллирійцамъ, какъ такимъ вѣрующимъ, съ которыми у ней хранится одна и таже вѣра Никейская <sup>35)</sup>. Изъ исторіи Иллирика время аріанскихъ смутъ извѣстно, что здѣсь собирались соборы въ видахъ защищенія Никейскаго исповѣданія <sup>36)</sup>.

Итакъ вотъ тѣ страны, гдѣ во время господства аріанства, въ IV вѣкѣ, сохранялась въ наиболѣе чистомъ видѣ приверженность къ Никейскому символу. Здѣсь утвердилось Никейское направленіе богословствованія. Что же касается до остальнаго востока, то на немъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, прсимущество оставалось за направленіемъ антিনিкийскимъ, аріанствующимъ. На востокѣ — въ Сиріи, Азіи,

<sup>28)</sup> Soer. Lib. II, 2. II, 27; V, 6.

<sup>29)</sup> Basilii Magni. Epist. (91) ad Valerianum Illyricorum episcopum. Migne. Curs. patr. Gr. t. 32. Твор. Василія Вел. въ рус. пер. ч. VI, стр. 213.

<sup>30)</sup> Basilii M. Epist. (204) ad Neocaesar., col. 753. *ibid.* Твор. VII, 70. Изд. 1-е.

<sup>31)</sup> Epist. (154) ad Ascholium episc. Thessalonic. *ibid.* Твор. VI 324.

<sup>32)</sup> Athanasii. Apologia contra Arianos, col. 273. t. 25. Твор. I, 211.

<sup>33)</sup> *Ibidem.* col. 365, 368, 393. Твор. I, 276, 296.

<sup>34)</sup> Athanasii. Apologia ad Constantium imperat. col. 629. t. 25. Migne, Curs. patr. Gr. Твор. II, 32.

<sup>35)</sup> Theodoret. Lib. II, c. 17.

<sup>36)</sup> Theodoret. L. IV. c. 7. Hefele. *ibid.* S. 741.

Понтѣ и Оракіи, — встрѣчаемъ только отдѣльныхъ личностей, ревностно защищавшихъ Никейскую вѣру. Таковы были славные каппадокійцы: свв. Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, посвятившіе свою жизнь на борьбу съ аріанствомъ. Изъ нихъ Василій Великій прямо именовалъ себя „наслѣдникомъ отцевъ Никейскихъ“<sup>37)</sup>, — имя, которое съ полною справедливостію могли усвоить себѣ и оба Григорія. Привязанность этихъ святителей къ Никейскому ученію отчасти условливалась тѣмъ, что всѣ они воспитаны были въ приципахъ александрійской богословской школы. Василій и Григорій Богословъ ревностно изучили самаго главнаго представителя александрійской школы Оригена, — „собирали книги Оригена и по нимъ учились экзегису“<sup>38)</sup>, сдѣлали сборникъ изъ его сочиненій съ именемъ: „Филокалія“<sup>39)</sup>. Григорій Нисскій съ своей стороны въ сочиненіяхъ своихъ ясно носитъ слѣды вліянія на него указанного александрійскаго учителя. Эти три каппадокійца въ ихъ церковной дѣятельности были одушевлены однимъ и тѣмъ же духомъ, были защитниками православія: потому что Василій и Григорій Богословъ были задушевными друзьями, а другой Григорій былъ родной братъ Василія. Они высоко чтили православную дѣятельность Аѳанасія Великаго. Мы знаемъ, какими хвалами возвеличили они имя этого епископа александрійскаго. Отображать въ своей жизни и дѣйствіяхъ принципы Аѳанасія было ихъ желаніемъ и искреннимъ стремленіемъ. Такъ Василій прямо заявлялъ, что въ своей дѣятельности по отношенію къ аріанамъ онъ руководится правилами Аѳанасія<sup>40)</sup>, и Аѳанасій находилъ, что Василій Великій, какъ пастырь, отвѣчаетъ самымъ пламеннымъ желаніямъ защитниковъ Никейскаго собора. Въ посланіи къ пресвитеру Палладію онъ называетъ Василія „хвалою церкви“ (*καύχημα τῆς ἐκκλησίας*) и призываетъ „про-

<sup>37)</sup> Epistola (52) ad Canonic. ibid. col. 392. Твор. VI, 141.

<sup>38)</sup> Socrat. Lib. IV, с. 26.

<sup>39)</sup> Gregorius Theolog. Epistola (115) ad Theodorum, Migne. Cours. patr. Gr. tom. 37. Твор. Григорія Богослова въ рус. пер. ч. VI, стр. 245, Изд. 1-е.

<sup>40)</sup> Epist. (204) ad Neocaesarienses. col. 753, ibidem. Твор. ч. VII. стр. 69.

славлять Господа, давшаго Каппадокии такого епископа, какого желаетъ имѣть и всякая страна“ <sup>41)</sup>. Каково было положеніе этихъ трехъ защитниковъ Никейской вѣры на своей родинѣ, въ Понтѣ, это видно въ особенности на примѣрѣ Василія. Изъ его писемъ можно догадываться, что онъ съ своими православными идеями иногда чувствовалъ себя одинокимъ среди множества здѣсь арианъ. Онъ казался по своему ученію „подозрительнымъ“ для другихъ епископовъ Понта <sup>42)</sup>. Его обвиняли въ савеліанствѣ, въ которомъ обвиняли враги православія всѣхъ защитниковъ Никейскаго собора <sup>43)</sup>. Ему ставили въ вину, будто онъ вводитъ какую-то „новую вѣру“ <sup>44)</sup>, приписывали ему положительное „богохульство“ (*εις Θεὸν βλασφημία*). Именно ему приписывали мысли, обзаванныя своимъ происхожденіемъ Аполлинарію <sup>45)</sup>, который выдавалъ себя за приверженца Никейскаго ученія. Такимъ образомъ видно, что положеніе защитниковъ православія въ Понтѣ было не тѣмъ, какимъ оно было въ Александріи, Римѣ и Иллирикѣ. — Къ числу отдѣльныхъ защитниковъ Никейской догмы на востокѣ должно отнести: въ Константинополѣ—Павла, бывшаго нѣкоторое время епископомъ столицы <sup>46)</sup>; въ остальной Фракіи—епископовъ, перечисляемыхъ Аванасіемъ <sup>47)</sup>; въ Сириі—мужей, упоминаемыхъ Θεодоритомъ <sup>48)</sup>.

Въ какихъ странахъ жило и дѣйствовало противоположное направленіе, ратовавшее за арианство, боровшееся противъ Никейской вѣры, — словомъ, направленіе антиникейское?

---

<sup>41)</sup> Epist. ad Palladium, col. 1168. Migne, ibidem. tom. 26. Твор. III, стр. 416.

<sup>42)</sup> Basilii M. Epist. (98) ad Eusebium episc. Samosatorum, ibid. Твор. ч. 6, стр. 229.

<sup>43)</sup> Basilii M. Epist. (189) ad Eustathium archiatrum, col. 685. ibid. Твор. ч. 7, стр. 16. 17.

<sup>44)</sup> Basilii M. Epist. (244) ad Patrophilum episcopum. Col. 913. ibid. Твор. ч. 7, стр. 197.

<sup>45)</sup> Basilii M. Epist. (223) adversus Eustathium Sebastenum. Col. 828. ibid. Твор. ч. 7, стр. 126. 127.

<sup>46)</sup> Sosom. L. III, с. 3.

<sup>47)</sup> Hist. Arianorum ad monach. Col. 716. t. 25. Твор. II, 93.

<sup>48)</sup> Theodor. L. II, с. 19. Всѣхъ вообще важнѣйшихъ защитниковъ пересчитываетъ Аванасій. Твор. I, 412—13. II, 82.

Въ рукахъ аріанъ оставался, за исключеніемъ Египта и Палестины, весь востокъ церковный, гдѣ защитники Никейскаго собора составляли явленіе не частое. Это страны Сиріи, Оракіи, Азіи, Понта. Здѣсь аріанство, говоря сравнительно, господствовало въ церквахъ. Центральнымъ пунктомъ антиникейскаго направленія была *Антиохія* Сирійская, подобно тому какъ Александрія была главнѣйшимъ пунктомъ, откуда распространялось направленіе Никейское. Антиохія въ глазахъ христіанскаго міра стояла очень высоко. Василій Великій пишетъ: „что для вселенскихъ церквей важнѣе Антиохіи? Она—глава (*κεφαλή*), въ случаѣ здравія сообщающая то же и всему тѣлу“<sup>49</sup>). Но чѣмъ важнѣе была Антиохія для христіанскаго міра, тѣмъ опаснѣе для церкви было ея склоненіе въ сторону неправославія. А такую она и была во время аріанскихъ движеній IV вѣка. Антиохія сдѣлалась истиннымъ гнѣздомъ, гдѣ широко зажилъ аріанизмъ<sup>50</sup>). Отсюда, изъ Антиохіи, по свидѣтельству самихъ аріанствующихъ, больше всего выходило догматическихъ аріанскихъ опредѣленій, символовъ; догматы аріанскіе здѣсь возникали и отсюда распространялись<sup>51</sup>). Здѣсь со всею рѣшительностію на многочисленныхъ соборахъ провозглашаемо было отверженіе символа Никейскаго. Такъ однажды, говоритъ Созоменъ, аріане „подъ предлогомъ обновленія храма собрались здѣсь для низверженія Никейскихъ опредѣленій въ числѣ девяноста семи епископовъ“<sup>52</sup>). Это было въ 341 г. На этомъ соборѣ присутствовали епископы церковей восточныхъ и больше всего изъ округа Антиохійскаго<sup>53</sup>). Здѣсь образовалось правильное преемство епископовъ аріанскихъ<sup>54</sup>), съ ихъ вреднымъ вліяніемъ на благосостояніе церковное. Подъ ихъ вліяніемъ древняя православная община въ Антиохіи съ теченіемъ времени сократилась до самыхъ незна-

<sup>49</sup>) Epistola (66) ad Athanasium Alexandrinum. ibid. Твор. VI, 169.

<sup>50</sup>) Sosom. Lib. VI, с. 21.

<sup>51</sup>) Apud Athanas. De Synodis. Col. 744, t. 26. Твор. III, 150.

<sup>52</sup>) Sosom. Lib. III, сар. 5.

<sup>53</sup>) Hefele. Band. I, 504.

<sup>54</sup>) Отъ 330 до 360 года въ Антиохіи епископами были исключительно аріане. Theod. L. II. с. 27.

чительныхъ размѣровъ<sup>55)</sup>. Здѣсь въ Антиохіи создавались ковы, при помощи которыхъ уловлялись ко вреду для церкви защитники православія: такъ здѣсь совершилось осужденіе Евстаѳіа епископа Антиохійскаго, поборника православія на I вселенскомъ соборѣ, по причинѣ „привязанности его къ Никейскому символу“<sup>56)</sup>; здѣсь же находится себѣ исходъ вражда противъ Аѳанасія Великаго<sup>57)</sup>; изъ Антиохіи разносились клеветы на великаго учителя церкви Василія<sup>58)</sup>. Вообще Антиохія даже съ точки зрѣнія умѣренныхъ аріанъ распространеніемъ ереси готовила опасность, крушеніе для всей вселенной<sup>59)</sup>.

Одной изъ опоръ аріанства въ Антиохіи была здѣшняя школа—по своему богословскому характеру и направленію. Основанная въ концѣ III вѣка пресвитеромъ Лукіаномъ, она процвѣтала и во времена аріанства. Здѣшніе учителя ясность пониманія въ догматикѣ предпочитали возвышенности въ богословствованіи; они хотѣли быть здравомыслящими богословами, но вмѣсто того были рационалистами; они держались правила: что превышаетъ мысль человѣческую, то слѣдуетъ устранять, отвергать. Антиохійская школа представляла рѣзкую противоположность по отношенію къ школѣ Александрійской. Антиохійская школа благопріятствовала аріанству, потому что и аріанство держалось существенно тѣхъ же принциповъ, какъ и эта школа<sup>60)</sup>. Изъ антиохійской школы вышло одиннадцать болѣе важныхъ представителей аріанства<sup>61)</sup>, не включая самого Арія. Болѣе замѣчательными наставниками въ Антиохійской школѣ, изъподъ руководства которыхъ выходили люди аріанскаго образа мыслей, были ученики Лукіана: Аѳанасій епископъ Ана-

<sup>55)</sup> Möhler. *ibid.* Th. II, S. 239. Аѳанасій домогался хотя бы одной церкви въ Антиохіи для богослуженія православнаго. *Sosom. Lib. III, 20.*

<sup>56)</sup> *Sosom. Lib. II, c. 19, Soer. I, 24.*

<sup>57)</sup> *Sosom. Lib. III, c. 5; IV, 8.*

<sup>58)</sup> *Basillii epist. (120) ad Meletium Antioch ibid. Твор. VI, 264.*

<sup>59)</sup> *Sosom. Lib. IV, c. 13: μή τῶ ναυαγίῳ ἀντῆς (т. е. Антиохіи) καὶ ἡ οἰκουμένη παρασσοῆ.*

<sup>60)</sup> Kihn. *ibidem.* S. 30. 166. 184. Hergenröther. *Die Antiochenische Schule* p. 67–69. Würzburg. 1866.

<sup>61)</sup> По численію Горскаго („Жизнь св. Аѳанасія“, стр. 37) и Kihn'a (*ibid.* S. 50–51).



зарвскій, Антоній епископъ Тарсійскій, читавшіе лекціи по Новому завѣту, и Леонтій епископъ Антіохійскій, излагавшіи уроки по Ветхому завету <sup>62</sup>).

Замѣчательно отношеніе церкви Антіохійской къ Риму, къ западу, по сравненію съ тѣмъ, какъ относилась къ тому же западу, церковь Александрійская и друзья этой церкви. Между тѣмъ какъ эта послѣдняя партія церковная ищетъ опоры, помощи на западѣ, Антіохійская церковь горделиво и надменно держитъ себя въ отношеніи къ папамъ. Аѳанасій искалъ поддержки и покровительства на западѣ; то же дѣлаетъ послѣдователь его принципозъ Василій Великій. Послѣдній напр. писалъ къ западнымъ епископамъ: „подвигнитесь на помощь нашу; воспримите ревность ко благочестію и избавьте насъ отъ этой бури“ <sup>63</sup>) (аріанской). Или: „прежде нежели постигло церкви совершенное крушеніе, поспѣшите къ намъ, поспѣшите, уже просимъ васъ, искреннѣйшіе братья, подайте руку падшимъ на колѣна“ <sup>64</sup>). И еще: „помощи не ожидаемъ ни откуда болѣе, если не пошлетъ врачеванія намъ Господь чрезъ васъ (западныхъ), искренне работающихъ Ему“ <sup>65</sup>). Не такъ относились къ церкви римской, папамъ, представители церкви Антіохійской, аріане. Они писали въ Римъ, напримѣръ къ папѣ Юлію, въ тонѣ насмѣшливомъ, переполняли свои посланія различными угрозами. Они укоряли церковь римскую въ стремленіи ко властительству, въ честолюбіи; замѣчали, что не Римъ и западъ должны превозноситься надъ востокомъ, а напротивъ востокъ надъ западомъ, такъ какъ ученіе вѣры пришло на западъ съ востока; епископы антіохійскіе объявляли, что они ничѣмъ не ниже папъ и что если папа ставитъ важность своей церкви въ зависимость отъ ея обширности, то они важность своей церкви полагаютъ въ болѣе великомъ—въ добродѣтели, которой больше въ Антіохіи, чѣмъ въ Римѣ <sup>66</sup>); желая дать знать, чтобы папы не вмѣшива-

<sup>62</sup>) Philostorgii. Hist. eccl. Lib. III, стр. 15.

<sup>63</sup>) Epist. (90) ad episcopos occidentales. Ibid. Твор., ч. 6, стр. 212.

<sup>64</sup>) Epist. (92) ad Italos, col. 481. Твор., ч. 6, стр. 217.

<sup>65</sup>) Epist. (263) ad occidentales. col. 976. ibid. Твор., ч. 7, стр. 246.

<sup>66</sup>) Sosom. L. III, c. 8. Athanasii, Apologia contra Arianos. col. 289. t. 25. Твор. I, 223.

лись въ дѣла востока, они заявляли епискому Римскому, что будто на востокѣ у нихъ единодушiе и единомыслие<sup>67)</sup>. Разумѣется, Юлію это письмо очень не понравилось<sup>68)</sup>.

На ряду съ Антиохіею по вліянію въ пользу аріанизма и во вредъ Никейскому собору слѣдуетъ назвать *Константинополь*. Константинополь, какъ столица, скоро приобрѣлъ важное значеніе въ дѣлахъ церковныхъ. По выраженію Григорія Богослова онъ сдѣлался „окомъ вселенной, городомъ могущественнѣйшимъ на сушѣ и на морѣ, взаимнымъ узломъ востока и запада, куда отовсюду стекались и откуда, какъ съ общаго фoрyма, исходило все важнѣйшее въ вѣрѣ“<sup>69)</sup>. Между тѣмъ Константинополь сдѣлался однимъ изъ главныхъ средоточій, гдѣ находило собѣ дѣятельную поддержку и откуда разливалось по окрестнымъ странамъ аріанство. Дѣятельность здѣшнихъ епископовъ—Евсевія, прежде Никомидійскаго, Македонія, Евдоксія, Демофила, вся посвящена была противодѣйствию Никейскому направленію богословствованія. Друзья Аѳанасія, друзья Никейскаго собора, какъ Маркеллъ Анкирскій<sup>70)</sup>, провозглашались въ Константинополь врагами вѣры<sup>71)</sup>. Аріанствующіе дѣйствовали такъ успѣшно въ столицѣ, что ко времени прибытія сюда Григорія Богослова (ок. 379 г.) не нашлось у православныхъ ни одного храма. Городъ Ираклія, древняя митрополія всей Фракіи, сорековнала Константинополю въ дѣятельности на пользу аріанства. Теодоръ, епископъ Ираклійскій, человекъ

<sup>67)</sup> Ibid. col. 304. Твор. I, 234.

<sup>68)</sup> Ibid. col. 284. Твор. I, 217. Слѣдуетъ еще прибавить, что аріанскіе епископы во время Сардикійскаго собора въ письмѣ къ своимъ единомышленникамъ жаловались на стремленіе цапъ ко властительству въ церкви. Они писали: Римляне „вздумали вводить новый законъ, что восточные епископы подлежатъ суду епископовъ западныхъ. Но такого неприличнаго дѣла церковная дисциплина никогда не признавала“. Западные, по словамъ посланія, „усиливались ввести новостъ, опасную для древнихъ обычаевъ церкви, чтобы постановленное епископами восточными на соборахъ отменялось епископами западными. Hilarii Pictaviensis. Fragmentum tertium, p. 667—8. 673. (Migne. Curs. patr. Lat. t. 10).

<sup>69)</sup> Gregorii Theol. oratio coram 150 episcopis. col. 469. Migne. ibid. tom. 36. Твор. Григорія Богослова, ч. IV, стр. 34. Изд. 1-е.

<sup>70)</sup> Athanasii. Apologia contra Arianos, col. 288. Т. 25. Твор. I, 221.

<sup>71)</sup> На соборѣ Константинопольскомъ 335 г. Hefele. B. I, S. 473—4.

образованный <sup>72)</sup>, стоялъ во главѣ прочихъ аріанъ <sup>73)</sup>. Другой епископъ Ираклійскій Савинъ былъ извѣстенъ, какъ историкъ, написавшій исторію соборовъ, но въ аріанскомъ духѣ, съ аріанскими тенденціями <sup>74)</sup>. Константинозоль и сосѣдняя съ нимъ Ираклія шли по стезѣ ереси, опираясь другъ на друга. Въ Азіи, Понтѣ, мы встрѣчаемъ множество епископовъ, противниковъ Никейскаго собора, именно: въ Никоидіи, гдѣ созрѣваетъ мысль о рѣшительномъ противодѣйствіи Никейскому ученію, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ и приводится въ осуществленіе двумястами пятидесятью аріанскими епископами, клеветами Евсевія Никоидійскаго <sup>75)</sup>, въ Ефесѣ, Кесаріи Каппадокійской и прочихъ мѣстахъ <sup>76)</sup>. Вообще Азія настолько оказалась приверженною къ ереси аріанской, что Василиій Великій имя этой страны считаетъ собственнымъ именемъ ереси, называя аріанство „азійскимъ мудрованіемъ“ (*ἀσιατὸν φρόνημα*) <sup>77)</sup>. По мнѣнію ученаго Гефеле, въ эпоху смутъ аріанскихъ на востокѣ, число епископовъ враждебныхъ Никейскому ученію преимуществовало надъ числомъ епископовъ православныхъ <sup>78)</sup>.

Послѣ краткаго перечисленія мѣстностей, гдѣ утвердились защитники Никейскаго исповѣданія и гдѣ осѣлись поборники антиникейскихъ доктринъ, открывается, что въ восточной церкви сѣверныя епархіи стояли за аріанизмъ, а южныя за православіе. Югъ стоялъ подъ преимущественнымъ вліяніемъ Александріи, а сѣверъ подъ такимъ же вліяніемъ Антіохіи. Вслѣдствіе этого Никейское направленіе богословской мысли можно именовать александрійскимъ, а антиникейское — антиохійскимъ.

<sup>72)</sup> Theod. II, 2.

<sup>73)</sup> Athanasii. Apol. contr. Arianos, col. 333. Твор. I, 252.

<sup>74)</sup> Socrat. lib. I, cap. 8. Col. 65.

<sup>75)</sup> Philostorgii. Historiae eccl. epitome. Lib. II, стр. 7.

<sup>76)</sup> Theod. Lib. II, c. 6, col. 1009. Sosom. III, 5. Athanasii. Hist. arianorum. Col. 700. T. II, 81.

<sup>77)</sup> Epist. (218) ad Amphiloichium, ibidem. Твор. VII, 112.

<sup>78)</sup> Hefele. B. I. S. 624.

### III.

Молитесь, чтобы прекратились всякія распри, осуждены были суетные вопросы еретиковъ и всякое словопревіе, возсіяла же въ сердцахъ у всѣхъ истина и чтобы всѣ повсюду одно говорили и одно мудрствовали.

*Св. Аванасій.*

Принципы и стремленія, какія высказывались въ партіяхъ аріанской и православной на I вселенскомъ соборѣ, продолжаютъ характеризовать ту и другую и за все время господства аріанства въ церкви между I и II вселенскими соборами. Что раздѣляло ихъ на Никейскомъ соборѣ, тоже, во въ большей или меньшей мѣрѣ, продолжаетъ раздѣлять ихъ же и въ послѣдствіи.

На Никейскомъ соборѣ аріанствующіе выступили представителями разсудочныхъ требованій въ области вѣры. Также тенденція удерживается и въ представителяхъ антиникейскаго направленія. Они хотятъ не сердцемъ вѣровать въ правду евангельскую, а постигать истины вѣры путемъ конечнаго мышленія. Антиникейцы, по словамъ Григорія Богослова, „оставили всѣ прочіе пути и устремлялись и поспѣшили на одинъ путь, путь разума и умозрѣнія“ <sup>1)</sup>. Они руководились въ своихъ догматическихъ изслѣдованіяхъ „правилами діалектики“ (*κατὰ τὰς διαλεκτικὰς ὑπολήψεις*) <sup>2)</sup>. Припявъ этотъ путь въ изслѣдованіи вопросовъ религіи,

<sup>1)</sup> Oratio I Theologica. col. 21. Migne. Cur. Patr. Gr. t. 36. Твор. ч. III стр. 14. Изд. 1-е.

<sup>2)</sup> Oratio III Theologica. col. 85. t. 36. Твор. III, 61,

они, по словамъ того же Григорія, „оставили вѣру“ (*πιστεύειν ἀφέντες*), забывъ мудрое правило, что „восполненіе нашего ума есть вѣра“<sup>3)</sup>). Отцы соборовъ аріанскихъ дѣйствительно необинуясь провозглашали себя „испытателями и изслѣдователями вѣры“<sup>4)</sup>). Они же на своихъ соборахъ объявляли, что признаютъ необходимымъ дѣлать изслѣдованія въ области вѣроученія“ (*διδασκαλίς περὶ πίστεως*)<sup>5)</sup>). Болѣе рѣшительные изъ аріанъ въ знаніи поставляли отличительный признакъ своего богословствованія и хвалились религіознымъ знаніемъ<sup>6)</sup>). Умъ ихъ былъ упражняемъ въ особенности въ изученіи категорій Аристотеля, которыми они и пользовались въ своихъ богословскихъ сужденіяхъ. Не даромъ большая часть возраженій, какія дѣлались аріанами противъ православія, строилась въ формѣ силлогизмовъ. По словамъ Сократа, къ аріанскимъ выводамъ увлекло извѣстнаго Аеція именно изученіе категорій Аристотеля<sup>7)</sup>). Тоже самое свидѣтельствуетъ и Созомень. Онъ говоритъ: „Аецій очень любилъ спорить, былъ дерзокъ въ сужденіяхъ о Богѣ и употреблялъ логическія и разнородныя доказательства“<sup>8)</sup>). Объ Евноміѣ въ томъ же родѣ свидѣтельствуетъ Василій Великій. Онъ замѣчаетъ: „не трудно доказать, что говоритъ (Евномій) занятое у мірской мудрости (*ἐκ τῆς τοῦ κόσμου σοφίας*), что ею сведенъ онъ съ ума и вдался въ такія новизны понятій“. Онъ говоритъ далѣе, что Евномій читалъ и изучалъ сочиненія Аристотеля: „категоріи“ и имъ руководился въ своихъ нападкахъ на вѣру<sup>9)</sup>). Способность аріанъ вдаваться въ тончайшія изслѣдованія вѣры служила приманкою, на которую они уловляли неопытныхъ<sup>10)</sup>). Вообще такъ называемыхъ діалектиковъ много

<sup>3)</sup> Ibidem. col. 104. Твор. 76.

<sup>4)</sup> Athanas. Epist. de Synodis. col. 720. Migne. Gr. t. 26. Твор. III. 134.

<sup>5)</sup> Socr. L. II, c. 30, col. 285.

<sup>6)</sup> Basilii M. contra Evnomium. L. I, col. 541. Migne. Cur. patr. Gr. t. 29. Твор. III, 37. Изд. 1-е.

<sup>7)</sup> Socr. II, 35.

<sup>8)</sup> Sosom. IV, 12 et annotatio.

<sup>9)</sup> Contra Evnomium. Lib. I, стр. 532. Твор. III, 29.

<sup>10)</sup> Sosom. IV, 23.

встрѣчается въ кругахъ аріанскихъ <sup>11)</sup>). Діалектическое разсудочное направленіе, господствовавшее въ обществахъ аріанскихъ, вмѣсто того чтобы помогать разясненію вопросовъ вѣры, только запутывало ихъ. Не удивительно, если защитники православія ставили въ упрекъ аріанамъ ихъ склонность къ разсудочнымъ изысканіямъ въ религіи. Множество самыхъ разнообразныхъ возраженій касательно православной истины сыпалось со стороны аріанъ <sup>12)</sup>. Такія

11) Согр. V, 10.

12) Куда вела и приводила аріанъ ихъ излишняя пытливость, объ этомъ можно хорошо судить по слѣдующимъ образчикамъ аріанскихъ возраженій, какія дѣлались противъ православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ, а потомъ и Духѣ Св. Такъ аріанствующіе возражали противъ вѣчности Сына Божія: „если-бы не было, когда бы Онъ не былъ, но Сынъ вѣченъ и пребываетъ со Отцемъ, то этимъ утверждается, что Онъ уже не Сынъ, а братъ Отцу“ (Athanasi. Oratio I, c. arianos. col. 40—41. Migne. Gr. t. 26. Твор. II, 178). Или возражали, обращаясь къ женщинѣ: „былъ ли у тебя сынъ, пока ты не родила? Какъ у тебя тогда не было сына, такъ не было Сына Божія, пока Онъ не рожденъ“ (ibid. col. 58. Твор. 192). Возраженіе направлялось противъ ученія о предвѣчномъ рожденіи Сына Божія. Доказывая, что Сынъ—созданіе, аріане запутывали мысль въ слѣдующихъ противорѣчіяхъ. „Одно-ли не созданное (т. е. Божество) или несозданныхъ два?“ И на естественный отвѣтъ со стороны спрашиваемыхъ: „несозданное одно“, замѣчали: „слѣдовательно Сынъ изъ числа созданныхъ и хорошо говорить, что Его не было, пока Онъ не рожденъ“ (ibid. col. 73. Твор. 202). Противъ православнаго ученія о предвѣчномъ рожденіи Сына аріанствующіе діалектики возражали: „Богъ родилъ Сына, Который уже существовалъ (вѣчнаго) или Который не существовалъ? Если—несуществовавшего, то правильно утверждать, что Онъ родился во времени. Если же скажешь: родилъ Сына, Который уже существовалъ, то сказать это есть не только чрезвѣрная нелѣпость и хула, но и совершенная глупость, ибо существующему не нужно рожденіе“ (Basili. Contra Evnom. Lib. II, col. 597. Твор. III, 81). Въ тѣхъ же видахъ подорвать ученіе о предвѣчномъ бытіи Сына аріане говорили: „если Сынъ былъ прежде Своего рожденія, то Онъ не рожденъ“ (Ibid. col. 608. Твор. 89). На софизмахъ строились и возраженія аріанъ противъ Божества Духа св.; они напр. возражали: „Духъ св. есть безъ сомнѣнія или нерожденное (существо) или рожденное. И если нерожденное, то два безначальныхъ (Божества). А если рожденное, то рожденъ или отъ Отца, или отъ Сына И если отъ Отца, то два сына и брата, а если отъ Сына, то явился у васъ Богъ—внукъ“ (Gregor. Theol. Orat. V, theologica, col. 140. Твор. III. 108). Жаркіе совпросники иногда старались, сколько возможно, подорвать ученіе о Божественныхъ впостахъ Сына и Духа и такимъ образомъ поколебать вѣрованіе церкви въ то и другое лице. Они умствовали: „если Духъ не тварь и не одинъ изъ ангеловъ, но отъ Отца исходитъ: то

возраженія принадлежали въ особенности строгимъ аріанамъ. Что же касается нестрогихъ аріанъ, полуаріанъ, болѣе близкихъ по своимъ воззрѣніямъ къ церкви православной, то они свой интеллектуализмъ проявляютъ въ той легкости, съ какою они создавали новые символы въ противность Никейскому, и въ томъ разнообразіи, какъ они въ этихъ символахъ опредѣляли важнѣйшіе догматы вѣры. Они какъ бы поглощены были мыслию получить изъяснить неизъяснимое. Свои догматическія вѣроопредѣленія полуаріане хвастливо выдавали за такія, въ которыхъ будто бы сказано послѣднее слово истины; въ нихъ будто бы было „все вѣрно разыскано и изслѣдовано“ (*πάντα ἀσφαλῶς ἐζητήθη καὶ διερευνήθη*)<sup>13</sup>). Страсть къ новизнѣ, къ оригинальнымъ мыслямъ въ богословствованіи, желаніе сказать вѣское слово по спорнымъ вопросамъ, составляетъ отличительную черту круговъ антиникейскихъ. Созомень пишетъ: „нововведеніе (аріанство), будучи поощряемо похвалами, увеличивалось все болѣе и болѣе. Слишкомъ полагаясь на себя и презирая преданія отеческія, оно постановляло собственные законы и не хотѣло мыслить о Богѣ согласно съ древними, но, изобрѣтая всегда новые догматы, не переставало прилагать новости къ новостямъ“ (*τῶν καινῶν καινότεροις ἀσδάξασα*)<sup>14</sup>). Ту же страсть къ новизнѣ указываетъ какъ отличительное свойство у аріанъ и св. Григорій Богословъ. Его слова таковы: „Послѣ того какъ Сексты и Пирроны и охота къ словопреніямъ вторглись въ наши церкви, мы, какъ говорится въ книгѣ Дѣяній объ Аѳинянахъ (17, 21), *ни во что же иное утражняемся развѣ глаголати что или слышати новое*“<sup>15</sup>). Любовь къ новизнѣ и по свидѣтельству

не слѣдуетъ ли, что и Онъ есть сынъ, что Духъ и Слово суть два брата? А если Онъ братъ Словоу, то какъ же Слово единородно, или почему они неравны, но одинъ именуется послѣ Отца, другой послѣ Сына? И если Онъ (Духъ) отъ Отца, то почему не говорится, что и Духъ рожденъ, или что Онъ—Сынъ, называется же просто Духомъ Святымъ? И если Духъ есть Духъ Сына, то не слѣдуетъ ли, что Отецъ дѣдъ Духу“ (Athanas. Epist. I ad Serapion, col. 565. 568. Migne. Gr. t. 26. Твор. III, 25—26)?

<sup>13</sup>) Soer. II, 30, coll 285.

<sup>14</sup>) Sosom. IV, 27.

<sup>15</sup>) Oratio in laudem Athanasii, col. 1096. Migne. Curs. Patr. Gr. T. 35. Твор. II, 186. Изд. 1-е.

Василія Великаго управляла арианскими богословами <sup>16)</sup>. На упрекъ въ излишней пытливости, въ приверженности къ разсудочнымъ изысканіямъ въ области таинственныхъ вопросовъ религіи, въ привязанности къ новизнамъ въ догматахъ, аріане съ своей стороны отвѣчали тѣмъ, что порицали православныхъ какъ людей, любящихъ тьму вмѣсто свѣта, какъ людей, имѣющихъ очень узкій взглядъ и боязливыхъ въ богословскихъ изысканіяхъ. Аріанинъ, епископъ Савинъ во Фракіи, извѣстный тѣмъ, что онъ составилъ сборникъ соборныхъ опредѣленій своего времени, т. е. написавшій исторію соборовъ, порицалъ и смѣялся надъ отцами собора Никейскаго, какъ надъ людьми поверхностными, простоватыми, и прямо считалъ ихъ невѣждами <sup>17)</sup>. По свидѣтельству Григорія Нисскаго, въ осторожности, съ какою православные углублялись въ изученіе догматовъ, аріане находили ограниченность, слѣпоту ума, въ чемъ и упрекали православныхъ богослововъ. „Если чей либо умъ, говорили они, помраченъ по причинѣ зломыслия (отзывъ о православіи), такъ что не видитъ даже и того, что предъ нимъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы и другимъ людямъ было недоступно познаніе сущаго“ <sup>18)</sup>. Григорій Богословъ, вѣроятно извѣдавшій на себѣ укоризны со стороны аріанъ въ томъ, что православные учителя не смѣли въ своихъ богословскихъ полетахъ, безъ нужды осторожны, скучны, — Григорій въ уста арианствующихъ влагаеть такіа слова: „у насъ ученіе наподобіе хамелеоновъ или полиповъ, принимающихъ непрестанно новый цвѣтъ, а ты (Григорій) — приставшая къ одному мѣсту наковальня. Какъ будто всегда одна (и таже) вѣра, что такъ слишкомъ стѣсняетъ догматы истины, ступая все по одной скучной стезѣ слова“ <sup>19)</sup>. Разнообразное, смѣлое, бьющее на эффе́кть въ ученіи бо-

<sup>16)</sup> Contr. Evnom. L. III, col. 653. Твор. III, 127.

<sup>17)</sup> Socr. L. I. 9, col. 88.

<sup>18)</sup> Contra Evnomium Lib. X, col. 825. Migne. Cursus patr. Gr. t. 45. Твор. Гр. Нис. въ р. пер. ч. VI, 170.

<sup>19)</sup> Carmen de se ipso, col. 1078. Migne. t. 37. Твор. VI, 28. Аріане дѣйствительно учили Григорія въ робости (*δειλία*) при раскрытіи догматическихъ истинъ (Oratio de moderatione in disputando, col. 208. Migne t. 36. Твор. III, 159.



гословскомъ составляло задачу арианствующихъ богослововъ.

Если мы захотимъ кратко обозначить сущность принциповъ, которыми руководились въ арианствующихъ кружкахъ, то мы можемъ назвать это рационализмомъ или либеральнымъ богословствованіемъ. Знаніе выше вѣры, вѣра должна провѣряться разумомъ,—вотъ что провозглашали представители антикейскаго направленія—одни громко, другіе сдержанно.

Другихъ принциповъ держались защитники православія, когда вопросъ касался отношеній вѣры и разума. Крайности арианствующихъ, къ какимъ вело ихъ свободомысліе, побуждаетъ отцевъ церкви крѣпче и крѣпче держаться вѣры и меньше довѣрять разуму въ области религіи. Никейское направленіе богословствованія остается вѣрнымъ тѣмъ образцамъ, какіе даны православными отцами собора Никейскаго. А эти отцы, какъ извѣстно, были поборниками вѣры, ставившими вѣру выше требованій разума. — Представимъ мысли замѣчательнѣйшихъ учителей церковныхъ, въ которыхъ выразилось сознаніе церкви въ вопросѣ объ отношеніи вѣры и разума въ эпоху Никейскую. Ревностнѣйшій борецъ противъ арианства св. Аѳанасій такъ смотрѣлъ на участіе разума въ вопросахъ вѣры. „Какъ скоро намѣревался я писать и принуждалъ себя помыслить о Божествѣ Слова, всякій разъ далеко отступало отъ меня вѣдѣніе и сознавалъ я, что въ такой мѣрѣ остаюсь я позади, въ какой думалъ постигнуть“<sup>20)</sup>. Сознавая полную невозможность проникнуть мыслию въ сокровенныя тайны христіанства, Аѳанасій внушаетъ всѣмъ полагать предѣлъ для своей пытливости. По его словамъ, о многихъ вопросахъ вѣры скорѣе нужно „молчать“, чѣмъ „вдаваться въ разсужденія“<sup>21)</sup>. „Ибо всякому сотворенному существу, а тѣмъ паче людямъ невозможно изречь что либо достойное о неизреченномъ“ (*ἀδύρατον εἰπεῖν περὶ τῶν ἀπρόήπτων*)<sup>22)</sup>. Разсуждая о св. Троицѣ, признавая Ее нераздѣльной и Саму Себѣ подобной, Аѳанасій замѣ-

<sup>20)</sup> Epist. ad monachos. Col. 692. Migne. Gr. t. 25 Твор. II, 76.

<sup>21)</sup> Epist. I, ad Serapionem. col. 568. Твор. III, 27.

<sup>22)</sup> Ibid. col. 572. Твор. 29.

часть: „сего достаточно для вѣрующихъ. До сего простирается въ людяхъ вѣдѣніе, здѣсь предѣлъ того, что херувимы закрываютъ крылами. А кто домогается и хочетъ изслѣдовать паче сего, тотъ противится сказанному: *не мудрися измышле, да не когда изумишися* (Ек. 7, 17). Что предано вѣрѣ, то прилично постигать не человѣческой мудростію, но слухомъ вѣры (*ἐν ἀκοῇ πίστεως*). Ибо какое слово возможетъ достойнымъ образомъ объяснить то, что выше естества (*ὕπερ τὴν φύσιν*) сотвореннаго“ <sup>23</sup>). Къ числу вопросовъ, превышающихъ разумъ человѣческой, Аѳанасій относитъ и высочайшій догматъ воплощенія Бога-Слова. И здѣсь онъ призываетъ къ вѣрѣ вмѣсто пытливыхъ изслѣдованій. „Разумомъ человѣческимъ невозможно, пишетъ онъ, изречь красоты (*κάλλος*) и славы тѣла Христова; должно же совершившееся (вочеловѣченіе) исповѣдывать, какъ написано (въ св. Писаніи) и поклоняться существу Богу“ <sup>24</sup>). Аѳанасій призываетъ къ искренней вѣрѣ, какъ самому надежному руководителю въ вопросахъ вѣры. „Ученіе о Божествѣ, говоритъ онъ въ видѣ правила для другихъ, преподается не въ умственныхъ доводахъ (*οὐκ ἐν ἀποδείξει λόγων*), но при посредствѣ вѣры и благоговѣнно благочестиваго помысла“ <sup>25</sup>). Сходно съ Аѳанасіемъ великимъ судить о значеніи вѣры въ области религіи и Василій Кесарійскій. Черезчуръ пытливымъ и смѣлымъ въ области изслѣдованія вопросовъ о Божественной природѣ Василій указываетъ, что если разумъ человѣческой очень мало знаетъ о вещахъ чувственныхъ, то на чемъ будутъ основываться его притязанія знать и разрѣшать вопросы сверхъчувственнаго? „Кто хвалится, пишетъ онъ, вѣдѣніемъ сущаго, тотъ пусть сперва объяснитъ природу муравья, а потомъ уже разсуждаетъ и о Силѣ, превосходящей всякій умъ. А если ты не обнялъ еще вѣдѣніемъ и природу малѣйшаго муравья, то какъ хвалишься, что представилъ умомъ непостижимую Силу Божию“ <sup>26</sup>)? Такое подчиненіе разума вѣрѣ,

<sup>23</sup>) Ibid. col. 569. Твор. 28.

<sup>24</sup>) Contra Apollinarium. Lib. I, col. 1132. Migne. Gr. t. 26, Твор. III 386.

<sup>25</sup>) Epist. I, ad Serap. col. 577 Твор. III, 34.

<sup>26</sup>) Epist. (17) contra Evnomium. Migne. Gr. t. 32. Твор. VI, 54.

по Василию, необходимо при разсмотрѣніи вопросовъ о неизслѣдимой Троицѣ. „Въ догматахъ, наставляеть онъ, превышающихъ разумъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что постигаетъ разсудокъ, лучше вѣра (*κρείττων ἐστὶ τῆς διὰ λογισμῶν καταλήψεως ἢ πίστις*), которая учитъ насъ о раздѣльномъ въ ипостаси и о соединенномъ въ сущности“<sup>27)</sup>. Только вѣра, по тому же Василию, открываетъ намъ, что такое Богъ по своему существу. „Я знаю, что Богъ есть, говоритъ Василій, но что такое есть сущность Его, поставляю сіе выше разумѣнія (*ἐπέρ διάνοιαν*). Поэтому, какъ спасаюсь? Чрезъ вѣру. А вѣра довольствуется знаніемъ, *яко есть Богъ* (а не что такое Онъ есть) *и взыскующимъ Его мздовоздаемель бываетъ* (Евр. 11, 6). Слѣдовательно, сознание непостижимости Божіей есть познание Божіей сущности. Къ спасенію насъ приводитъ не изслѣдованіе, что такое Богъ, но исповѣданіе, что Богъ есть“<sup>28)</sup>. Стремленіе къ всезнанію въ области вѣры, по разсужденію Василія, несовмѣстно съ представленіемъ о вѣрѣ. „Если будемъ все измѣрять, говоритъ онъ, своимъ разумѣніемъ и предполагать, что непостижимое для разсудка вовсе не существуетъ, то погибнетъ награда вѣры, погибнетъ награда упованія. За что же намъ еще стать достойными блаженствъ, какія соблюдаются для насъ подъ условіемъ вѣры въ невидимое, если вѣримъ тому только, что очевидно для разсудка“<sup>29)</sup>. Василій ничего такъ не хочетъ, какъ того, чтобы христіане ничего „не желали искать кромѣ евангельской истины, довольствовались апостольскимъ преданіемъ и простотою вѣры (*τῇ ἀπλότῃ πίστει*), отвращались мірской и суетной мудрости, возмущающей простоту и чистоту ученія Духа Божія“<sup>30)</sup>. Григорій Богословъ, другъ Василія, обращается къ своимъ слушателямъ съ такими же внушеніями, какія слышатся и въ писаніяхъ епископа Кесарійскаго. Онъ говоритъ: „не скажу: будь смѣль, напротивъ

<sup>27)</sup> Epist. (37) ad Gregorium fratrem. col. 336. Твор. VI, 101.

<sup>28)</sup> Epist. (234) ad Amphiloichium. Твор. VII, 160. Сл. Contra Evnomium. L. I, Col. 545. Твор. III, 40.

<sup>29)</sup> Contra Evnomium. Lib. II, col. 628. Твор. III, 105.

<sup>30)</sup> Contra Evnomium. L. I, col. 500. Твор. III, 3.

того, страшись (*φοβήθητι*) касаться предметовъ вышихъ, превосходящихъ твои силы“ <sup>31)</sup>. Уразумѣніе Божества, по Григорію, выходитъ за предѣлы возможности. „Обнять мысль столь великій предметъ совершенно не имѣютъ ни силъ, ни средствъ не то-что люди оцѣпенѣвшіе и преклоненные долу, но даже весьма возвышенные и боголюбивые“ <sup>32)</sup>. Григорій находитъ, что въ изслѣдованіи вопросовъ въ религиозной области нужно твердо помнить правило, что „должно предоставлять одной вѣрѣ, и что разуму“ <sup>33)</sup>. Онъ въ яркихъ краскахъ рисуетъ противоположность между нашимъ умомъ конечнымъ и тѣмъ, что хотимъ постигнуть— неизслѣдимымъ Божествомъ. „Мы какъ бы строимъ что-то огромное малымъ орудіемъ, когда человѣческою мудростію уловляемъ вѣдѣніе сущаго, когда къ предметамъ сверхчувственнымъ приступаемъ съ своими чувствами, которыя заставляютъ насъ кружиться и обманываться, и не можемъ неприкровеннымъ умомъ подойти сколько нибудь ближе къ истинѣ“ <sup>34)</sup>. Григорій охотно предпочитаетъ христіанина, просто вѣрующаго, такому, который чрезмѣрно довѣряетъ разуму въ дѣлѣ религіи. „Скудный въ словѣ и знаніи, опирающійся на простыхъ реченіяхъ и спасающійся на нихъ, какъ на малой ладѣ, выше борзаго на языкъ глупца, который съ невѣжествомъ довѣряетъ разумнымъ доказательствамъ“ <sup>35)</sup>. Приведемъ наконецъ увѣщанія, съ которыми Григорій Нисскій обращается къ слишкомъ пытливому богослову. „Безопасяѣ всего, по совѣту мудрости (Ек. 5, 1), не изслѣдовать глубочайшаго, но спокойно сохранять для себя ненарушимый залогъ вѣры“. Слѣдуетъ „пробывать въ границахъ ученія и знанія пророковъ, апостоловъ и не дерзать на то, что не было доступно разумѣнію ихъ“ <sup>36)</sup>.

Защитники Никейской догмы представляли собою защитниковъ вѣры, въ противоположность аріанамъ, которые выдавали себя за поборниковъ религіознаго знанія въ ущербъ

<sup>31)</sup> Oratio de moderatione, col. 205. Твор. III, 159.

<sup>32)</sup> Oratio II Theolog., col. 32. Твор. III, 20.

<sup>33)</sup> Oratio II de pace., col. 1144. Migne. t. 35. Твор. II, 239.

<sup>34)</sup> Oratio II Theolog., col. 53. Твор. III, 37.

<sup>35)</sup> Oratio de moderatione, col. 204. Твор. III, 157.

<sup>36)</sup> Contra Evnomium. Lib. XII, col. 944. Твор. VI, 305—306.

для вѣры и ея правъ. Это были поборники супранатурализма въ противодѣйствіе рачіонализму, религіознаго консерватизма въ противодѣйствіе религіозному либерализму. Если изъ среды ихъ вышли блестящіе церковные писатели, то однакожь подобныя лица имѣли въ виду не достиженіе какихъ либо новыхъ результатовъ въ области религіи, а просто защищенія вѣры, попираемой невѣріемъ, маловѣріемъ и легковѣріемъ.

Указанная противоположность принциповъ въ кругахъ никейскихъ и антиникейскихъ условливаетъ сообразную съ ними такую или другую догматическую дѣятельность какъ защитниковъ православія, такъ и враговъ его. Никейцы стремились утверждать ученіе вѣры, понимая вѣру въ собственномъ смыслѣ, какъ познаніе о сверхъестественномъ и непостижимомъ, разъясняли догматы церкви на столько, на сколько мысль человѣческая можетъ проникать въ таинственную область религіознаго; антиникейцы же, упуская изъ вниманія истинное понятіе о вѣрѣ, стремились вѣру разрѣшить въ знаніе, забывали, что есть предѣлы для разума человѣческаго въ изслѣдованіи истинъ религіи, а потому ихъ богословствованіе переходило въ рачіонализмъ. Все это яснѣе будетъ видно, когда мы изучимъ догматическую дѣятельность въ церкви—какъ въ кругахъ аріанскихъ, такъ и православныхъ между I и II вселенскими соборами. Чтобы остановить свое вниманіе на главномъ и существенномъ, мы возьмемъ на себя задачу изучить эту дѣятельность съ тѣхъ сторонъ, которыя должны объяснить намъ сущность догматическихъ опредѣленій II вселенскаго собора, по скольку они выразились въ символѣ этого собора. Символъ же этотъ, по нашему мнѣнію, важенъ въ троякомъ отношеніи: во 1-хъ, утвержденіемъ и раскрытіемъ ученія о Божествѣ втораго Лица Св. Троицы, Сына Божія; во 2-хъ, формулированіемъ ученія о Христѣ, какъ Богочеловѣкѣ; въ 3-хъ, раскрытіемъ догмата о Духѣ Св., третьей Упостаси Св. Троицы. Поэтому задача историка, имѣющаго въ виду изобразить дѣятельность II вселенскаго собора, заключается въ разъясненіи того, чѣмъ и какъ въ предыдущей догматической дѣятельности церковной подготовлялись указанныя опредѣленія символа константинопольскаго.

Начнемъ съ ученія о Божествѣ втораго Лица Св. Троицы. Общая задача арианъ и православныхъ въ отношеніи къ этому вопросу состояла главнѣйше въ томъ, что первые хотѣли всячески подорвать кредитъ къ символу никейскому и тѣмъ нанести пораженіе никейскому ученію о единосущіи Сына съ Отцомъ, православные же, напротивъ, крѣпко и рѣшительно стояли за этотъ символъ и тѣмъ охравяли вѣру въ единосущіе съ непоколебимою вѣрностію.

Стремленіе выразумѣвать истины вѣры побуждаетъ представителей антиникейскаго направленія проявлять свою дѣятельность въ составленіи многочисленныхъ символовъ. Они постоянно стараются передать ясно въ словѣ то, что ускользало отъ всякаго разумѣнія—тайны религіи. Этого мало. Составленіемъ новыхъ символовъ они хотѣли поставить въ забвеніе символъ никейскій, воззрѣній котораго они не раздѣляли. По свидѣтельству Аванасія вражда къ никейскому символу именно и побуждала вождей арианскихъ изобрѣтать новыя формулы вѣроученія. Они хотѣли, по его словамъ, „затмить“, „обратить въ ничто“ (*ἀχρροῦν*) догматику, какая утверждена символомъ никейскимъ<sup>37)</sup>. Такое же намѣреніе приписываетъ арианамъ въ ихъ составленіи символовъ и историкъ Созоменъ<sup>38)</sup>. Взглядъ арианствующихъ на то, позволительно или нѣтъ составлять новые символы, былъ очень простъ. Они не находили необходимости стѣснять ся въ этомъ отношеніи. По ихъ мнѣнію, какъ скоро составленъ ими хоть одинъ символъ, это уполномочивало ихъ составлять еще и еще, сколько угодно<sup>39)</sup>. Составленные въ обществахъ арианскихъ символы имѣли въ большинствѣ случаевъ ту особенность, что они состояли изъ изреченій, взятыхъ изъ Св. Писанія<sup>40)</sup>. Но это главнымъ образомъ потому, что желали своимъ символамъ дать видъ преимущества предъ символомъ никейскимъ, въ который приняты были выраженія, не встрѣчающіяся въ Писаніи, напр.,

<sup>37)</sup> Epist. ad episcopos Aegypti et Libyae, col. 549—552. Migne, Gr. t. 25. Твор. I, 408. 410.

<sup>38)</sup> Sosom. II, 32, ad fin.

<sup>39)</sup> Socr. II, 40, col. 341. Sos. m. IV, 22.

<sup>40)</sup> Socr. ibid., col. 337. Sosom. III, 5.

„единосущный“. Такую враждебную символу никейскому тенденцію Аѳанасій указываетъ уже въ составленіи Аріемъ (*ὡς διάβολος*) символа, состоящаго изъ изреченій Писанія <sup>41)</sup>.

Болѣе ясно и опредѣленно свой оппозиціонный характеръ въ отношеніи къ никейскому исповѣданію, эти символы высказываютъ въ томъ, что въ нихъ весьма часто подвергаются строгой критикѣ характеристическія выраженія, принятія отцами никейскими для утвержденія ученія о Божествѣ Сына Божія. Таково выраженіе: „единосущный“, и другое: „изъ существа или сущности Отца“. Что касается до перваго выраженія, то оно было рѣшительно отвергаемо на соборахъ аріанскихъ. Такъ на соборѣ Сирмійскомъ аріанскомъ въ 357 г. выражено ясное осужденіе на слово: „единосущный“. Здѣсь было объявлено: „такъ какъ слово: „единосущный“ возбуждаетъ у нѣкоторыхъ сомнѣніе, то никто не долженъ упоминать о немъ и употреблять его въ ученіи, потому что оно не встрѣчается въ Писаніи“ <sup>42)</sup>. Въ вѣроизложеніи аріанскомъ, предъявленномъ въ 359 г. на соборѣ Селевкійскомъ, было сдѣлано тоже самое. Въ этомъ вѣроизложеніи говорилось: „такъ какъ слово „единосущный“ во всѣ времена, даже до сего дня, смущало многихъ, то мы отвергаемъ (*ἐκβάλλομεν*) единосущіе, какъ не принадлежащее Писанію“ <sup>43)</sup>. Аріанскіе соборы въ своемъ протестѣ противъ слова „единосущный“ являются отголоскомъ тѣхъ возраженій, какія дѣлались противъ него въ средѣ аріанъ. Слово это казалось имъ соблазнительнымъ потому, что, по ихъ представленіямъ, оно будто бы напоминало единосущность, какая имѣетъ мѣсто между отцемъ и сыномъ въ людяхъ. Аріане, по Аѳанасію, именно такъ говорили противъ выраженія „единосущный“: „поелику чловѣческія порожденія единосущны то потребна осторожность, чтобы, назвавъ Сына единосущнымъ, не подать мысли, будто Онъ тоже, что и рожденіе чловѣческое“ <sup>44)</sup>. Другіе изъ аріанъ, вооружаясь на слово „единосущный“, винили

<sup>41)</sup> Epist. ad episcopos Aegypti et Libyae, col. 581. Твор. I, 427.

<sup>42)</sup> Athanas, de Synodis, col. 741. Твор. III, 148.

<sup>43)</sup> Socrat. II, 40, col. 337. Athanasii. De Synodis. Col. 744. Твор. III, 150.

<sup>44)</sup> Ibidem, col. 765. Твор. 167.

употреблявшихъ его въ савелліанствѣ. По ихъ воззрѣнію, употреблявшіе это слово склоняются къ мысли, что Отецъ и Сынъ одно Лице, одна Впостась, и въ этомъ смыслѣ единосущны <sup>45</sup>). У иныхъ изъ аріанъ опроверженіе слова: „единосущный“ основывалось на софизмахъ. На одинъ изъ такихъ софизмовъ находимъ указаніе у Василия великаго. Аріанствующіе возражали: „если Сынъ единосущенъ Отцу, а Отецъ не рожденъ, Сынъ же рожденъ, то одна и таже сущность и не рожденна и рожденна“ <sup>46</sup>). Наконецъ аріане въ свое оправданіе, что не принимаютъ слова: „единосущный“, ссылались на историческіе примѣры. Они указывали на опредѣленіе собора Антиохійскаго противъ Павла Самосатскаго, на которомъ осуждено было слово: „единосущный“ <sup>47</sup>). Подобно выраженію: „единосущный“, на соборахъ аріанскихъ вызывало непримиримое противодѣйствіе, какъ мы сказали, другое выраженіе, употребленное въ символѣ Никейскомъ: „изъ сущности Отца“. Аріане утрашались этого изреченія и питали къ нему непримиримую ненависть <sup>48</sup>), о чемъ и заявляли часто самымъ рѣшительнымъ образомъ. На двухъ изъ соборовъ Сирмійскихъ противъ упомянутаго термина ясно замѣчено: „слово—существо, употребленное отцами (Никейскими) по простотѣ (*ἀπλοῦστερον*) и для многихъ непонятное, возбуждаетъ соблазнъ, такъ какъ оно не употребляется и въ Писаніяхъ; поэтому заблаго-разсудили отвергнуть его и о существѣ вовсе не упоминать, особенно когда въ Писаніи нигдѣ не употребляется слово: сущность, когда говорится объ Отцѣ и Сынѣ“ <sup>49</sup>). Тоже самое потомъ повторено въ аріанскомъ символѣ въ Никѣ <sup>50</sup>), во Фракіи, въ 359, и въ Константинополѣ <sup>51</sup>) въ 360 году. Вмѣсто выраженій, принятыхъ въ символѣ Никейскомъ: „единосущный“ и „изъ сущности“ чаще всего и охотнѣе всего аріанствующіе употребляли выраженія „по-

<sup>45</sup>) Basilii Epist. (214) ad Terentium. Твор. VII, 97.

<sup>46</sup>) Con. Evnom. Lib. IV, col. 685. Твор. III, 156.

<sup>47</sup>) Athanasii, De Synodis, col. 768. Твор. III, 169.

<sup>48</sup>) Sosom. IV, 19 ad fin.

<sup>49</sup>) Sosom IV, 6; Athan. de Synodis. Col. 693. Твор. III, 113, 148.

<sup>50</sup>) Theodoret. II, 16.

<sup>51</sup>) Athan. de Synodis. col. 748. Твор. III, 152.



добень“, „подобосущень“<sup>52)</sup> для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу. Аріанствующіе находили, что указанная выраженія приличнѣ и можно употреблять съ большею основательностію. Что касается до приличія, то аріанствующіе рассуждали: „единосущный собственно относится къ существамъ тѣлеснымъ, напр. къ людямъ и прочимъ животнымъ, къ деревьямъ и растеніямъ, которые получаютъ бытіе и сущность изъ того, что подобно имъ, а подобосущіе относится къ существамъ безтѣлеснымъ, напр., къ Богу и ангеламъ, изъ коихъ каждое мыслится само по себѣ, въ собственной сущности“. Вслѣдствіе такихъ сужденій они находили выраженіе „подобосущіе“ болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ выраженіе: „единосущный“<sup>53)</sup>. Основаніе же, почему они предпочитали „подобень“ выраженію „единосущный“, указывали въ томъ, что апостоль Павелъ говоритъ о Сынѣ Божіемъ, что Онъ есть образъ Бога невидимаго<sup>54)</sup>. Впрочемъ между аріанами не было единодушія въ принятіи выраженій: „подобень, подобосущень“; иногда нѣкоторые изъ нихъ, употребляя одно выраженіе, отвергали другое. Но во всякомъ случаѣ эти термины были самыми любимыми между аріанами. Случалось даже, что аріане умѣренного направленія, принимая символъ Никейскій, принзмали и выраженіе: „единосущный“, но перетолковывали послѣднее

---

<sup>52)</sup> Здѣсь и при другихъ случаяхъ, говоря объ аріанахъ, мы по преимуществу будемъ имѣть въ виду полуаріанъ, а не аномеевъ, потому что полуаріане имѣли наибольшее распространеніе въ церкви сравнительно съ послѣдними; изъ ихъ среды выходили символы, плоды умственной дѣятельности въ области догматики. Аномей имѣли очень мало кредита въ обществѣ христіанскомъ; ихъ вліяніе было ничтожно. Ко времени II Вселенскаго собора они почти вовсе исчезаютъ изъ сферы церковной. Вообще полуаріане составляли собою церковь, хотя и еретическую, а аномей лишь секту. Если же Отцы церкви писали по преимуществу противъ аномеевъ, то не потому, что ихъ умствованія были распространенными, а потому что литературная борьба съ ними представляла болѣе удобствъ: крайнія воззрѣнія легче было опровергнуть, тогда какъ идеи полуаріанскія представляли собой матеріалъ очень неопредѣленный, трудно уловимый для критики. Сочиненія противъ полуаріанъ могли оставлять впечатлѣніе не столь сильное, ибо ихъ ученіе отличалось отъ ученія православнаго очень немногимъ.

<sup>53)</sup> Sosom. III, 18.

<sup>54)</sup> Ibid. IV, 22, col. 1181.

вотъ какъ: „въ вѣрѣ Никейской одно слово: „единосущный“ кажется нѣкоторымъ страннымъ (*ξένον*), но оно отъ отцевъ (Антіохійскаго собора 363 года) получило опредѣленное объясненіе, именно означаетъ, что Сынъ родился изъ существа Отца и что по существу Онъ *подобенъ* Отцу“<sup>55</sup>). Въ такихъ-то формахъ выражалось противленіе никейской вѣрѣ относительно единосущнаго Божества Сына въ обществахъ аріанскихъ. Никейское исповѣданіе подвергалось постоянной и придирчивой критикѣ<sup>56</sup>).

Чѣмъ больше въ кругахъ антиникейскихъ развивалось стремленіе выразить вѣру въ новыхъ символахъ, и такимъ образомъ, подорвавъ значеніе и важность Никейскаго символа, затемнить, устранить истинное ученіе о Божествѣ Сына Божія, что было главнымъ опредѣленіемъ Никейскаго символа, тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе было желаніе православной стороны защитить этотъ символъ, отстоять его неприкосновенность, доказать его важность на всѣ будущія времена. И никто не вель этого дѣла съ такою ревностію, какъ св. Аѳанасій. Онъ отстаиваетъ символъ противъ всѣхъ ухищреній; онъ объявляетъ его безусловно важнымъ, какъ въ цѣломъ его составѣ, такъ и въ частныхъ выраженіяхъ. Съ полною рѣшительностію Аѳанасій объявлялъ: „исповѣданнаго въ Никее довольно и достаточно (*ἱκανὰ καὶ αὐτάρκη*)

---

<sup>55</sup>) Sосom. VI, 4. Socr. III, 25.

<sup>56</sup>) Въ аріанскихъ символахъ весьма примѣтно стремленіе выдѣлить и различить Сына отъ Отца, моментъ различія между Отцемъ и Сыномъ выставляется ярко на счетъ момента единенія между ними. Аріанскіе символы называютъ Сына „подчиненнымъ Отцу“ (*ὑποταγμένον τῷ πατρὶ*), „Отца большимъ Сына“; замѣчаютъ о Сынѣ, что онъ „не сопоставляютъ Его Отцу“ и пр. (Athanasiï de Synodis. col. 733. 737. 741. Твор. III, 143. 146. 149). Не задерживаемъ долго своего вниманія на этихъ опредѣленіяхъ аріанскихъ, потому что въ исторіи борьбы II Вселенскаго собора съ аріанами объ этихъ особенностяхъ аріанской доктрины нѣтъ и помину. Замѣтимъ лишь слѣдующее: 1. Такія опредѣленія суть плодъ связей аріанства съ направленіемъ школы антїохійской, которая покоилась на принципахъ философіи Аристотелевой, требовавшей строгаго раціональныхъ представленій, разграниченія высшихъ и нисшихъ понятій, что теперь прилагается аріанами и въ области догматики; 2. Они условливались борьбою аріанъ съ еретикомъ Маркелломъ, который посавелліански сливалъ лица Отца и Сына.

и къ низворженію *всякой* нечестивой ереси (*πάσης αίρεσεως*), и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія“. „Для того и былъ вселенскій соборъ въ Никеѣ изъ 318 епископовъ, чтобы по поводу аріанской ереси разсудить о вѣрѣ и чтобы подѣ предлогомъ вѣры не было уже частныхъ соборовъ и если будутъ они, не имѣли бы они силы“ <sup>57</sup>). Аѳанасій полагалъ, что въ символѣ Никейскомъ все до послѣдней буквы должно оставаться неизмѣннымъ навсегда. Онъ со- глашался съ тѣми епископами, которые утверждали: „неумѣстно и непозволительно перемѣнять что либо изъ того, что въ Никеѣ законно разсмотрѣно и опредѣлено“ <sup>58</sup>). Онъ внушалъ вѣрующимъ не принимать никакого новаго символа, хотя бы онъ былъ вполне православенъ. „Каждый пусть содержитъ вѣру, изложенную письменно отъ отцевъ въ Никеѣ и да не потерпитъ тѣхъ, которые противъ нея замышляютъ нововведенія. Хотя напишутъ вамъ изреченій изъ Писаній, не потерпите написавшихъ; хотя возгласятъ православныя реченія, не внимайте говорящимъ такъ“ (*καὶ τὰ ρήματα τῆς ὀρθοδοξίας φθέγγονται, μηδὲ προσέχετε*) <sup>59</sup>). Критика Аѳанасія относительно аріанскихъ символовъ строга и справедлива. Онъ полагаетъ, что, излагая то такъ, то иначе ученіе о Сынѣ Божіемъ, аріане тѣмъ самымъ даютъ знать, что вѣра ихъ подозрительна. Аѳанасій говоритъ: „кто видя, какъ на каждомъ соборѣ одно исключается, а другое прибавляется, не усмотритъ, что разумѣніе ихъ, какое имѣютъ о Христѣ, и подозрительно и притворно“? Далѣе, Аѳанасій справедливо находитъ, что множество аріанскихъ символовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что у аріанъ нѣтъ символа, который удовлетворялъ бы всѣхъ. „Если была нужда, замѣчаетъ онъ, въ столькихъ вѣроизложеніяхъ, то ясно, что каждое изъ нихъ не достаточно и не полно, и въ этомъ они сами болѣе насъ обличаютъ себя тѣмъ, что каждое измѣняютъ и передѣлываютъ“ <sup>60</sup>). По стопамъ Аѳа-

<sup>57</sup>) Athanasii. epist. ad Afros. Col. 1029. 1032. Migne. Gr. t. 26. Твор. III, 315.

<sup>58</sup>) De Synodis. col. 696. Твор. III, 115.

<sup>59</sup>) Epist. ad. episcopos Aegypti et Libyae. col. 556. Твор. I, 411—412.

<sup>60</sup>) De Synodis, col. 749. Твор. III, 154.

насія въ охраненіи символа Никейскаго шельъ и Василиї Великій. Василиї считаетъ Никейское исповѣданіе единственнымъ, какое слѣдуетъ проповѣдывать въ церкви. Онъ утверждалъ, что символъ Никейскій важенъ даже по буквѣ. Онъ объявлялъ: „допускать исключеніе изъ символа хотя бы и одного слова, или прибавлять что либо (*ὀφείλειν, ἢ προσθήσειν ποιῆσθαι*) къ нему или даже перемѣнить въ немъ порядокъ, никакъ онъ не согласится“<sup>61)</sup>. Какъ эти александрійцы, Аѳанасій и Василиї, также судила о значеніи Никейскаго символа и церковь римская, безусловно слѣдовавшая внушеніямъ Аѳанасія. Западные епископы согласно съ Аѳанасіемъ не разъ объявляли: „нужно довольствоваться вѣрою, исповѣданною отцами въ Никеѣ, потому что исповѣданіе сіе ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, и не должно вторично излагать исповѣданіе вѣры, чтобы исповѣданіе, написанное въ Никеѣ, не могло быть почтено недостаточнымъ и не было дано этимъ повода желающимъ — часто писать и дѣлать опредѣленія о вѣрѣ“<sup>62)</sup>. Символъ Никейскій они признавали неприкосновеннымъ въ полномъ его составѣ, не требующимъ никакихъ измѣненій. „Намъ представляется, говорили они, дѣломъ безразсуднымъ и незаконнымъ (*ἄτοπον καὶ ἀθέμιτον*) измѣнять что либо правильно опредѣленное на Никейскомъ соборѣ и сдѣлавшееся всеобщимъ ученіемъ“. „Не должно ничего не убавлять и ничего не прибавлять (*μὴτε ἐλλείπει, μὴτε πλεονάζει*) къ вѣрѣ Никейской“. Ихъ уваженіе къ символу Никейскому основывалось въ особенности на томъ, что эта вѣра изложена „исповѣдниками и мучениками“<sup>63)</sup>.

Что касается до частныхъ выраженій символа, бывшихъ предметомъ постоянныхъ нападокъ со стороны арианствующихъ, то они также охранялись и оборонялись сторонниками Никейскаго исповѣданія съ полною рѣшительностію. Св. Аѳанасій разъясненію и защищенію выраженій: „единосущ-

<sup>61)</sup> Ap. Gregor. Niss. Contra Evnomium. Lib. I, col. 293. Твор. V, 64.

<sup>62)</sup> Ap. Athanas. Tomus ad Antiochenos, col. 800. Migne. P. Gr. t. 26. Твор. III, 191.

<sup>63)</sup> На соборѣ Сардикійскомъ и Риминійскомъ. Sосom. III, 18. Athan. de Synodis, col. 696—697. Твор. III, 115—116.

ный“, „изъ сущности Отца“ посвящаетъ много мѣста въ своихъ сочиненіяхъ <sup>64)</sup>. Этотъ мужественный поборникъ православной истины на упрекъ аріанствующихъ, что этихъ выраженій не встрѣчается въ Св. Писаніи, отвѣчалъ частію тѣмъ, что обращалъ упрекъ противъ аріанъ же, которые сами употребляли выраженія, какихъ нельзя найти въ Писаніи: „несозданный“ (Отець), „Премудрость Божія безначальна“ (Сынъ), не говоря уже о терминахъ, чисто нечестивыхъ: „Сынъ изъ несущихъ“ и пр. <sup>65)</sup>, частію замѣчаніемъ, что хотя подобныхъ выраженій и нѣтъ въ Писаніи, но что „заключающаяся въ нихъ мысль взята изъ Писанія“, что этотъ-же писатель и доказываетъ цѣлымъ рядомъ текстовъ изъ Св. Писанія <sup>66)</sup>. И другія нападки антиникейцевъ на тѣже термины Аѳанасій отражаетъ съ неизмѣнною ревностію. Если аріанствующіе говорили, что выраженія: „единосущный, изъ сущности“ непонятны, возбуждаютъ недоумѣнія, то св. Аѳанасій въ отвѣтъ имъ съ совершенною основательностію писалъ: „скажутъ: для насъ неясненъ смыслъ такихъ реченій, потому отмечаемъ оныя. Но еслибы въ словахъ ихъ была правда, то не должно имъ было бы говорить: отбрасываемъ эти выраженія, а надлежало бы потребовать, чтобы научили ихъ знанію; иначе должны отметить и то, чего не понимаютъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, и винить написавшихъ это“ <sup>67)</sup>. Далѣе, если аріане говорили, что понятіе: „единосущный“ приводитъ къ чувственнымъ представленіямъ, отождествляетъ отношенія Отца и Сына съ отношеніями, какія существуютъ между родителемъ и сыномъ въ человѣческомъ родѣ и пр., то отцы церкви, напр., тотъ-же Аѳанасій, объясняли, что какъ предвѣчное рожденіе Сына Божія никто не понимаетъ въ смыслѣ тѣлеснаго рожденія (а выраженіе: Сынъ рсжденъ—употребляли и сами аріане), то, и произнося реченіе: „единосущный“, „мы возвы-

<sup>64)</sup> Напр. вторую половину сочиненія: „de Synodis“, большую часть сочиненія „de Nicaenis decret. и пр. Тоже дѣлали Василій Великій, Григорій Нисскій, Григорій Богословъ.

<sup>65)</sup> Athanas. de Synodis, col. 757. Твор. III, 160.

<sup>66)</sup> Athanasii. De Nicaenis decretis, col. 453. Migne, t. 25. Твор. I, 342.

<sup>67)</sup> De Synodis, col. 764. Твор. III, 165.

шаемся надъ всякимъ чувственнымъ представленіемъ“ <sup>68)</sup>. Противъ упрека, что выраженіе „единосущный“ ведетъ къ савелліанству, Василій великій защищаетъ церковь тѣмъ, что истолковываетъ еще не утвердившіяся въ то время реченія: „чюстась и сущность“, доказывая, что единство Сына и Отца состоитъ не въ объединеніи лица, а въ единеніи по природѣ <sup>69)</sup>. Въ отвѣтъ на возраженіе аріанъ, почему послѣдователи Никейскаго собора употребляютъ выраженіе: „единосущный“, когда оное отвергъ соборъ св. отцевъ, собиравшихся въ Антиохіи въ III вѣкѣ противъ Павла Самосатскаго, Аеанасій разъясняетъ, что отцы отвергли данный терминъ въ свое время, потому только, что Павелъ соединялъ съ нимъ смыслъ ложный, еретическій <sup>70)</sup>. Этимъ онъ хотѣлъ, конечно, сказать, что выраженію, ложно понятому, ничто не мѣшаетъ имѣть смыслъ истинный, правый. Тѣмъ же вопросомъ, какъ смотрѣть на то, что слово: единосущный осуждено отцами антиохійскими, имѣетъ ли это обстоятельство обязательное значеніе для послѣдующей церкви, занимается и Василій великій <sup>71)</sup>. Такимъ же и подобнымъ образомъ отцы устраняли и прочія возраженія, какія дѣлались противъ существенныхъ терминовъ Никейскаго символа. Столь же важны заботы сторонниковъ православія доказать несостоятельность попытки аріанствующихъ замѣнить выраженіе „единосущный“ другими какими-либо формулами. Въ аріанскихъ кружкахъ выраженіе: единосущный, подмѣнивалось выраженіями: „подобосущный и подобный“, какъ будто бы эти лучше выражали отношеніе Сына къ Отцу. Случалось даже, какъ мы сказали выше, что нѣкоторые принимали слово: единосущный и весь Никойскій символъ, но подъ единосущіемъ разумѣли только подобосущіе. Аеанасій и Василій Великій употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы отгнать, указать существенную разность между этими, повидимому, сходными выраженіями: подобосущный и единосущный. Эти великіе учителя никогда не чуждались въ своихъ сочи-

<sup>68)</sup> Ibid, col. 768. Твор. 168.

<sup>69)</sup> Epist (214) ad Terentium. Твор. VII, 98.

<sup>70)</sup> Ibid. col. 772. Твор. 169. 172.

<sup>71)</sup> Epist (52) ad Canonicos. Твор. VI, 142.

пеніяхъ выраженій: „подобенъ, подобосущенъ“, для опредѣленія отношенія Сыну къ Отцу; такъ напр., Аѳанасій употребляетъ выраженіе: подобосущеніе (*ὁμοία*), подобенъ (*ὁμοιος*)<sup>72)</sup>, сравниваетъ Сына съ портретомъ царскимъ, а Отца съ самымъ царемъ<sup>73)</sup>; такія же выраженія встрѣчаемъ и у Василія Великаго<sup>74)</sup>. Но когда дѣло касалось вопроса о замѣнѣ въ догматикѣ и символѣ одного выраженія другимъ, вопроса, не отдавать ли предпочтенія, какъ отдавали аріанствующіе, выраженію: „подобенъ“ предъ выраженіемъ: „единосущенъ“, тогда тѣже представители православнаго богословствованія ни на минуту не сомнѣвались отстаивать всею крѣпостію своихъ духовныхъ силъ слово: „единосущенный“. Критика, какою они встрѣчали термины: „подобенъ“, „подобосущенъ“, рѣшительна и сильна. Аѳанасій, взвѣсивая силу и значеніе этихъ выраженій, хотя и признаетъ, что принимающіе „подобосущеніе“ близки къ истинѣ, однакожь прямо заявляютъ: „именовать Сына только подобнымъ по сущности не означаетъ непремѣнно, что Онъ (Сынъ) отъ сущности (Отца). Олово подобно только серебру, и волкъ подобенъ псу, и златовидная мѣдь подобна истинному золоту; но олово не изъ серебра и волкъ не считается песьимъ сыномъ. Какъ употребляющій имя: подобосущенный, не даетъ еще разумѣть, что непремѣнно и бытіе отъ сущности, такъ употребляющій имя: единосущенный, означаетъ и то и другое понятіе—и подобосущенія и бытія отъ сущности“<sup>75)</sup>. Сходно съ этимъ смотритъ и Василій Великій на выраженіе „подобенъ“ въ сравненіи его съ выраженіемъ: „единосущенъ“. Анализируя выраженіе: „подобный по сущности“, употребленное на аріанскомъ соборѣ въ Константинополѣ, Василій если и допускаетъ, что оно при извѣстныхъ условіяхъ можетъ вести къ такимъ же представленіямъ, какъ и слово: „единосущенный“, однако же по ясности смысла и невозможности перетолкованій стоитъ крѣпко за послѣднее выраженіе. Онъ

72) Orat. I c. Arianos, col. 56; Orat. III, col. 365. Твор. II, 189. 409. Möhler. II, 230—231.

73) Ibid. Orat. III, col. 332. Твор. II, 386.

74) Contra Eynom. Lib. II, col. 648. Lib. IV, col. 692. Твор. III, 121. 163.

75) De Synodis, col. 765. Твор. III, 166—167.

говорить: „мы привыкли перѣдко представлять собѣ подобіе въ изображеніяхъ, которыя имѣютъ слабое сходство съ своими первообразами, и даже ниже ихъ. Итакъ, поелику слово: „единосущный“, по моему мнѣнію менѣе можетъ быть извращаемо въ своемъ значеніи, то и самъ я стою за это слово“ <sup>76)</sup>). Вообще, ревность, съ какой стояла сторона православныхъ за главные термины относительно Божества Сына Божія, встрѣчающіеся въ символѣ Никейскомъ, приводила въ изумленіе антиникейцевъ. Послѣдніе вмѣняли первымъ привязанность этихъ къ указаннымъ терминамъ прямо въ обожаніе. Такъ при одномъ случаѣ арианствующіе не безъ ироніи спрашивали никейцевъ: „да чему вы поклоняетесь: слову *ὁμοούσιος*, или же Христу?“ <sup>77)</sup> Едва ли нужно прибавлять, что ревность православныхъ, съ какою они защищали символъ Никейскій, ознаменовалась въ концѣ концовъ побѣдой Никейской догмы надъ воззрѣніями противниковъ.

Другой рядъ вопросовъ, волновавшихъ сферы арианствующихъ богослововъ въ IV вѣкѣ, составляютъ вопросы о лицѣ Богочеловѣка, о воплощеніи Христа, о совершеніи Имъ дѣла искупленія. Въ многочисленныхъ символахъ, въ которыхъ арианствующіе богословы выражали напряженіе своей богословствующей мысли, каковое напряженіе не оставляло ихъ ни на минуту, — они такъ или иначе хотятъ формулировать ученіе о лицѣ Богочеловѣка. Явленіе не случайное. Это служитъ выраженіемъ той неутомимой борьбы, какую они ведутъ противъ своихъ враговъ, какими для нихъ были защитники Никейскаго собора. Здѣсь у арианъ, какъ и во всемъ, высказывается намѣреніе преодолѣть и попруть своихъ противниковъ, отнять у нихъ вѣсъ и значеніе, перенести центръ тяжести церковнаго богословскаго развитія изъ Александріи, изъ Рима, въ Константинополь, въ Антиохію. Словомъ, при раскрытіи ученія о лицѣ Богочеловѣка, антиникейцы спорятъ и враждуютъ противъ никейцевъ. Поводъ къ напряженію богословской мысли у арианъ, направленной къ разъясненію вопросовъ о лицѣ Богочеловѣка, даютъ еретики Маркелль Анкирскій съ его ученикомъ Фотиномъ

<sup>76)</sup> Epist. (9) ad Maximum philos. Твор. VI, 45. 46.

<sup>77)</sup> Rufin. Hist. Ecclesias. Lib. 1, c. 21.



и Аполлинарій. Ученіе этихъ богослововъ о лицѣ Богочеловѣка было неправильно. Маркеллъ училъ, что воплотился не Сынъ Божій, второе лице Св. Троицы, имѣющее вѣчное бытіе, но Логосъ, всегда остающійся при Отцѣ, составляющій Его дополненіе и опредѣленіе, не самостоятельная сущность, но Логосъ, который, и явившись въ міръ, остается при Отцѣ, и по совершеніи спасенія рода человѣческаго имѣющій возвратиться къ Отцу и во Отца. Аполлинарій же <sup>78)</sup> училъ, что Сынъ Божій, воплотившись, воспринялъ тѣло и анимальную душу, но не воспринималъ духа человѣческаго, специфической части человѣческаго существа; страданія Христа Аполлинарій, кромѣ плоти, переносилъ и на самое Божество Его. Подобныя мысли вполне заслуживали опроверженія, что и дѣлаютъ аріане въ своихъ символахъ. Къ этому у нихъ было тѣмъ больше склонности, что Маркеллъ Божество Сына сливалъ съ Божествомъ Отца, отъ чего такъ далеки были аріане, ибо постояннымъ ихъ намѣреніемъ было—и въ этомъ сущность арианства—отличить, выдѣлить вѣчность Сына отъ вѣчности Отца. А Аполлинарій уничтожалъ человѣческую личность во Христѣ, тогда какъ аріане съ самыхъ раннихъ поръ были поборниками ученія о полной, всецѣлой человѣческой природѣ во Христѣ. Историческія связи, въ какихъ арианство стояло къ антиохійской школѣ, побуждали антиникейцевъ съ особеннымъ вниманіемъ разработывать вопросъ о человѣческой природѣ Христа. Ибо задача этой школы съ самаго начала ея существованія состоитъ въ томъ, чтобы утвердить ученіе о полной, всецѣлой человѣческой природѣ во Христѣ, такъ сказать, уравновѣсить въ Немъ элементъ естественный съ сверхъестественнымъ. Идеализмъ александрійцевъ приводилъ къ перевѣсу Божественнаго надъ естественнымъ въ ихъ спекуляціяхъ; реализмъ антиохійцевъ, напротивъ, никогда не теряетъ изъ вниманія элемента естественнаго въ Богочеловѣкѣ <sup>79)</sup>. Борьба арианствующихъ

<sup>78)</sup> Литературы древней и новѣйшей о Маркеллѣ и Аполлинаріѣ не считаемъ нужнымъ указывать, потому что мы говоримъ объ этихъ лицахъ лишь мимоходомъ.

<sup>79)</sup> Baur. D. Chr. Lehre von d. Dreieinig. S. 693—7. Neander. Gesch. d. Chr. Kirche. I, 660.

съ Маркелломъ и Аполлинариемъ для насъ интересна и по другимъ причинамъ. Вражда противъ этихъ ересей у арианъ была борьбою противъ всей православной церкви. Для арианъ вся партія ихъ противниковъ была маркеллисты и аполлинаристы. Эти имена были ненавистны имъ потому, что ученіе этихъ еретиковъ они считали за естественное слѣдствіе, выводимое изъ догмы Никейской. Ибо каждый изъ указанныхъ еретиковъ—и Маркеллъ, и Аполлинарій,—выставляли себя ревностными и неутомимыми поборниками Никейскаго ученія. Дѣло въ томъ, что Маркеллъ и Аполлинарій стояли во всю свою жизнь въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ поборниками Никейской догмы, пользовались славою и уваженіемъ въ кругахъ православныхъ, постоянно или весьма долго были защищаемы православными отъ нападений арианъ. Никейцы какъ будто игнорировали заблужденія ихъ, покрывая ихъ своимъ снисхожденіемъ, и помнили лишь объ ихъ заслугахъ въ церкви. Вездѣ въ церкви, гдѣ Никейская догма процвѣтала, Маркеллъ и Аполлинарій считались друзьями, пользовались симпатіями. Доказательства представить не трудно. Аѳанасій великій считалъ Маркелла защитникомъ вѣры Никейской, котораго оплакиваетъ Анкира, послѣ того какъ ариане низвергли его съ кафедръ <sup>80</sup>). При другомъ случаѣ, перечисляя поборниковъ православія, тотъ же Аѳанасій пишетъ: „о Маркеллѣ, епископѣ Галатійскомъ (Анкирскомъ) можетъ быть не нужно и говорить, потому что всѣмъ извѣстно, какъ онъ обвинялся арианами и оправдался, представивъ письменно исповѣданіе своей вѣры“ <sup>81</sup>). Александрійская церковь, послушная голосу своего архипастыря, раздѣляла воззрѣніе Аѳанасія на Маркелла и братски послѣдователей его принимала въ церковное общеніе <sup>82</sup>). Церковь римская, въ догматическихъ мнѣніяхъ слѣдовавшая въ IV вѣкѣ съ замѣчательною ревностію церкви александрійской и авторитетному голосу Аѳанасія, тоже была за Маркелла; она считала его своимъ дру-

<sup>80</sup>) *Apologia de fuga sua*. Col. 648. Migne. Gr. t. 25. Твор. II, 47.

<sup>81</sup>) *Historia arianorum ad monachos*. Col. 700. Migne Gr. t. 25. Твор. II, 82.

<sup>82</sup>) *Basilii. Epist (265) ad Eulogium et. cet.* Col. 989. Твор. VII, 256.

гомъ, за котораго она всегда и стояла. Папа Юлій вотъ какъ пишетъ о Маркеллѣ: „о Маркеллѣ постараюсь замѣтить вамъ,—рѣчь обращена къ антиохійцамъ, т. е. къ арианамъ,—что бывъ здѣсь (въ Римѣ) доказаль онъ, что все о немъ вами написанное — неправда. А когда потребовали мы, чтобы онъ изложилъ вѣру, съ великимъ дерзновеніемъ онъ отвѣчалъ самъ за себя, и мы признали, что ничего не исповѣдуетъ онъ чуждаго истины. Ибо исповѣдывалъ онъ, что такъ благочестиво мудрствуетъ о Господѣ Иисусѣ Христѣ, какъ мудрствуетъ и вселенская церковь, и онъ подтвердилъ, что не пунѣ только, но издавна таковъ образъ его мыслей. И такъ, заключаетъ папа, онъ правосмысленъ и засвидѣтельствовалъ свое православіе“<sup>83)</sup>. Православный западный соборъ Сардикійскій называлъ Маркелла своимъ „возлюбленнымъ братомъ“ и вполне оправдалъ его отъ обвиненій, какія ввозились на него арианами относительно догматическаго ученія. Въ посланіи собора Сардикійскаго находимъ слѣдующе: „читано было также сочиненіе сослужителя Маркелла и обнаружилась злокачественность арианъ (евсевіанъ). Что Маркеллъ сказалъ въ видѣ вопроса, то выдали за собственное его исповѣданіе. Почему прочитано было и послѣдующее за вопросами и предшествующее имъ, и обнаружилась правая Маркеллова вѣра“<sup>84)</sup>. Въ какихъ-то связяхъ съ этимъ лицомъ стоялъ и Григорій Нисскій. По крайней мѣрѣ арианствующие ставили ему въ вину общеніе съ Маркелломъ<sup>85)</sup>. Вражда противъ Маркелла обнаружилась въ станѣ арианскомъ очень рано. Еще въ царствованіе Константина великаго, ариане, составивъ соборъ въ Константинополѣ (335 г.), осудили и низложили Маркелла главнымъ образомъ потому, какъ замѣчаютъ Созоменъ, что онъ избѣгалъ всякаго общенія съ арианствующими<sup>86)</sup>. Маркеллъ ненавистенъ былъ для арианъ тѣмъ болѣе, что онъ, будучи защитникомъ Никейскаго собора, на опредѣле-

<sup>83)</sup> Ap. Athanas. Apologia contra Arianos. Col. 301. Migne. t. 25. Твор. I, 232.

<sup>81)</sup> Theod. ret. Hist. II, 6. Athanas. ibid. col. 332. Твор. I, 251.

<sup>85)</sup> Арх. Порфирія. Св. Григ. Нисскій, стр. 47. (Прибав. къ Твор. св. отецъ, т. 20).

<sup>86)</sup> Sosom. II, 33.

ніяхъ этого собора, именно на выраженіи *ὁμοούσιος*, строилъ свои еретическія доктрины <sup>87)</sup>. Указанныя нами связи, въ какихъ стоялъ Маркеллъ съ православными, давали побужденія аріанамъ въ лицѣ Маркелла нападать на всю церковь православную. Имъ могло казаться, что если церковь защищаетъ его, значить она единомышленна съ нимъ. Что сказано нами о Маркеллѣ, тоже должно сказать и объ Аполлинаріи Лаодикійскомъ. Онъ тоже близко стоялъ къ защитникамъ Никейскаго ученія, и аріане, пападая на него, нападали на всю партію православныхъ; они считали этого еретика и церковь единомышленными. Аріанскій историкъ Филосторгій разсматриваетъ Аполлинарія, Аѳанасія, Василія великаго и Григорія Богослова, какъ лица единомышленные между собою, стоявшія за одни и тѣже воззрѣнія <sup>88)</sup>. Основаній для такихъ сужденій у аріанъ набиралось не мало. Начать съ Аѳанасія. Аѳанасій поддерживалъ связи съ Аполлинаріемъ. Онъ самъ свидѣтельствуетъ, что посланныхъ отъ послѣдняго онъ принималъ братски <sup>89)</sup>. Весьма замѣчательно также слѣдующее свидѣтельство историка Созомена: когда Аѳанасій однажды проѣзжалъ чрезъ Лаодикію, Аполлинарій познакомился съ нимъ и сдѣлался его „искреннимъ другомъ“ (*μάλιστα φίλος*) <sup>90)</sup>. По тому же свидѣтельству, Георгій, еп. Лаодикійскій, аріанинъ, лишилъ Аполлинарія церковнаго общенія главнымъ образомъ за то, что онъ сошелся съ Аѳанасіемъ, вступилъ съ нимъ въ дружескія отношенія <sup>91)</sup>. Въ церкви Александрійской подъ вліяніемъ Аѳанасія смотрѣли на Аполлинарія благосклонно. Такъ продолжалось до времени епископствованія, преемника Аѳанасіева, Петра, который, по Созомену, первый (изъ православныхъ) осудилъ этого еретика <sup>92)</sup>. Несомнѣнно, долгое время въ хорошихъ отношеніяхъ съ Аполлинаріемъ

<sup>87)</sup> Basilii epistola (125). Твор. VI, 271.

<sup>88)</sup> Philostorgius. Hist. eccles. L. VIII, c. 13. Supplementa philostorgiana. Col. 628.

<sup>89)</sup> Athanas. Tomus ad Antiochenos. Col. 808. Migne. Gr. t. 26. Твор. III. 196. Горскаго, Жизнь Аѳанасія, стр. 47.

<sup>90)</sup> Sosom. VI, 25. Col. 1360.

<sup>91)</sup> Sosom. ibid. Col. 1361.

<sup>92)</sup> Sosom. ibid. Col. 1360.

остаётся и Василий великій. Въ арианскихъ кружкахъ смотрѣли на него, какъ на сообщника Аполлинаріева <sup>93</sup>). Дѣйствительно, Василий состоялъ въ перепискѣ съ Аполлинаріемъ <sup>94</sup>). Даже въ то время, когда Василий увѣрился, что Аполлинарій мыслить не совсѣмъ право, писалъ о послѣднемъ: „Аполлинарія никогда не почиталь я врагомъ, а за иное я уважаю этого человѣка“ (*ἀδοῦμαι τὸν ἄνδρα*) <sup>95</sup>). Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы Аполлинарій когда либо изъ друга истины сдѣлался врагомъ истины (*προβεδοκῆσαι ἐναντιόμιστον ἐχθρὸν ἔχειν*) <sup>96</sup>). Насколько родственными представлялись для нѣкоторыхъ воззрѣнія Василия и Аполлинарія, это можно видѣть изъ того, что сочиненія ихъ перемѣшивали между собою: написанное Аполлинаріемъ приписывали Василию <sup>97</sup>). Подъ конецъ жизни Василий порвалъ связи съ Аполлинаріемъ <sup>98</sup>), но для подозрительныхъ арианъ важень былъ уже и тотъ фактъ, что когда-то этотъ представитель православія стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ еретику. Григорій Богословъ, по всему видно, подобно Василию великому, стоялъ въ единеніи съ Аполлинаріемъ. Этотъ отецъ церкви, когда открылось для него, что Аполлинарій заблуждается, писалъ: „даже и мы (православные) имѣемъ между собою разности—мы, которые мыслимъ здраво о главномъ и стоимъ за одно и тоже противъ однихъ и тѣхъ же“ (аріанъ) <sup>99</sup>). Но и послѣ того, какъ стало ясно для Григорія, что Аполлинарій заблуждался, онъ однакоже не теряетъ надежды обратить его на путь истины <sup>100</sup>). Изъ словъ того же писателя видно, что аріане пользовались этимъ сближеніемъ Григорія съ Аполлинаріемъ ко вреду для православныхъ; аріане усиливались выставлять и всѣхъ право-

<sup>91</sup>) Basil. ep. (224) ad Genethlium presb. Твор. VII, 133.

<sup>94</sup>) Basil. epist (131) ad Olympium. Твор. VI, 287. Ep. (223) advers. Eustathium Sebast. Col. 828. Твор.. VII, 127.

<sup>95</sup>) Epist. (224) ad Patrophilum. Col. 916. Твор. VII, 198.

<sup>96</sup>) Epist. (265) ad Evlogium et cet. Col, 985. Твор. VII, 254.

<sup>97</sup>) Basil. ep. (131) ad Olympium. Твор. VI, 286.

<sup>98</sup>) Basil. ep. (263) ad Occidentales. Твор. VII, 249. 250. Это было въ концѣ 70-хъ годовъ.

<sup>99</sup>) Orat. II, de pace. Col. 1145. Твор. II, 241.

<sup>100</sup>) Твор. Григорія Богослова въ рус. пер., ч. II, 241. Примѣчаніе.

славныхъ такими же еретиками, какимъ былъ Аполлинарій. Григорій говоритъ: „аріане клеветуютъ на насъ, называя единомышленниками и согласными съ ними (аполлинаристами), надѣваютъ приманку на уду и черезъ этотъ обманъ злобно выполняютъ свою волю, нашу же простоту, по которой мы смотрѣли на нихъ, какъ на братій, а не какъ на чуждыхъ, обращаютъ въ пособіе своей злобѣ“ <sup>101)</sup>. Съ своей стороны Аполлинарій давалъ также поводы для арианъ смотрѣть на него, какъ на единомышленника александрійцевъ. Такъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ выставялъ Аеанасія, какъ великаго поборника истины, считалъ его столпомъ церкви <sup>102)</sup>. Тотъ-же Аполлинарій ставилъ на своей сторонѣ и церковь римскую; онъ объявлялъ, что онъ мыслить такъ же, какъ папа Дамась <sup>103)</sup>. Все это было подозрительно для арианъ и возбуждало ненависть къ православному, которыхъ они считали защитниками тѣхъ же самыхъ возрѣній, какія были у Аполлинарія. Вмѣстѣ съ Аполлинаріемъ для Арианъ становится подозрительнымъ, неудовлетворительнымъ и символъ Никейскій, ибо названный еретикъ основывалъ свое ученіе на этомъ символѣ, перетолковывая вкось и вкривь опредѣленіе онаго о лицѣ Богочеловѣка, собственно выраженія: „снисшедшаго и воплотившагося, и вочеловѣчившагося“ <sup>104)</sup>.

Ученіе Маркелла, а потомъ распространеніе идей Аполлинарія, возбуждаетъ сильную догматическую дѣятельность въ обществѣ арианскомъ. Въ виду этихъ враговъ аріане стремятся выразить ученіе о Богочеловѣкѣ въ формулахъ ясныхъ и точныхъ. Всѣ символы арианскіе этого времени отличаются болѣе или менѣе широкими опредѣленіями касательно личности Богочеловѣка. Оппозиція придаетъ жизненность догматикѣ арианствующихъ. Познакомимся съ резуль-

---

<sup>101)</sup> Epist. I, ad Cledonium, Contra Apollinarium. Col. 176. Migne. Gr. t. 37. Твор. IV, 196.

<sup>102)</sup> Sos. II, 17, Callist. Hist. eccles. VIII, 44.

<sup>103)</sup> Theodoret. V. 3.

<sup>104)</sup> Greg. Theolog. epist. II, ad Cledonium. Col. 197. Твор. IV, 210—211. Gregorii Niss. Antirrheticus contra Apollin. Col. 1140—1141, Migne. Gr. t. 45. Твор. VII. 75.

татами ихъ догматизирующей мысли, поскольку она выразилась въ ихъ символахъ.

Въ первомъ символѣ, составленномъ аріанами въ Антиохіи на соборѣ 341 года, мы встрѣчаемъ очень ясныя опредѣленія личности Богочеловѣка, направленные, нужно полагать, противъ ученія Маркелла и, вмѣстѣ съ нимъ, противъ всѣхъ православныхъ по причинамъ, которыя мы уже изложили. Нужно вообще замѣтить, что аріанскіе символы весьма рѣдко указываютъ прямо, противъ кого, какихъ еретиковъ, хотя бы съ ихъ точки зрѣнія — они направляются. Объ этомъ приходится историку догадываться самому. Въ этомъ символѣ читаемъ: „и во единого Сына Божія, который по благоволенію Отца въ послѣдніе дни снишелъ, принявъ плоть отъ Дѣвы (плоть: выраженіе неточное, которое въ позднѣйшихъ символахъ замѣняется болѣе точными) исполнилъ всю Отчую волю, пострадалъ, воскресъ, возшелъ на небеса, сѣдитъ одесную Отца и какъ пріидеть судить живыхъ и мертвыхъ и пребываетъ Царемъ и Богомъ во вѣки <sup>105</sup>). Послѣднія слова: „царемъ“ и пр., очевидно направляются противъ Маркелла, который училъ, что царству Сына Божія наступитъ конецъ. Во второмъ Антиохійскомъ символѣ, объявленномъ въ томъ же 341 году, замѣчательны старанія собора какъ можно точнѣе выдѣлить, разграничить лице Сына Божія отъ прочихъ Упостасей св. Троицы <sup>106</sup>). Это направлялось противъ ученія того же Маркелла, отождествлявшего Сына съ Отцемъ, и это же служило исходнымъ пунктомъ въ ученіи разсматриваемыхъ Антиохійскихъ соборовъ о Богочеловѣческой личности Сына Божія. Отличный отъ Отца въ предвѣчности, Сынъ остается такимъ и въ явленіи въ міръ, останется и послѣ втораго пришествія. Такъ въ третьемъ символѣ антиохійскомъ, составленномъ въ томъ же 341 году, встрѣчамъ усиліе, сколько возможно полнѣе опредѣлить ученіе о нескончаемой продолжаемости бытія Богочеловѣка, въ противовѣсъ Маркеллу. Здѣсь значитъ: „и во единого Сына Его.., напоследокъ воплотившагося

<sup>105</sup>) Hahn Bibliothek. d. Symbole d. Alt. Kirche. S. 103. 2 Ausg. 1877. Здѣсь символы изданы въ подлинникѣ. Твор. св. Аеанасія. III, 134.

<sup>106</sup>) Hahn. *ibid.* s. 186. Аеан. III, 136.

ради насъ, воскресшаго въ третій день, взятаго на небо, сѣдѣющаго одесную Бога Отца, и при скончаніи вѣка имѣющаго придти; и царство его непрестающе (*ἀκατάλαστος*) пребудеть въ безконечныя вѣки, потому что не только въ сей, но и въ будущій вѣкъ будетъ Онъ возсѣдѣть одесную Отца“<sup>107</sup>). Соборъ аріанскій филиппопольскій, собранный въ 344 году, повторяетъ только что приведенное ученіе о Богочеловѣкѣ, но при этомъ присоединяетъ проклятiе на тѣхъ, кто не допускаетъ бытія Сына прежде вѣковъ и смѣшиваетъ Отца и Сына<sup>108</sup>),—проклятiе направляется все противъ одного и тогоже Маркелла. На антиохійскомъ соборѣ 345 года еще рѣшительнѣе испровергаются мнѣнія Маркелла о лицѣ Богочеловѣка, при чемъ упоминается самое имя Маркелла и его ученика Фотина. Вѣроопредѣленіе говоря о Богочеловѣкѣ, сначала отвергаетъ неправильныя мысли Маркелла о вѣстасномъ бытіи Сына, и Его отношеніи къ Отцу и затѣмъ выражаетъ воззрѣніе собора относительно земнаго явленія Богочеловѣка. Символь этотъ гласитъ: „проклинаемъ тѣхъ, кто ложно именуетъ Сына простымъ только Божіимъ Словомъ, не осуществившимся, имѣющимъ бытіе въ другомъ и называемымъ у нихъ то Словомъ произносимымъ (*προφορικόν*), то Словомъ внутреннимъ (*ἐνδιάθετον*), проклинаемъ тѣхъ, которымъ угодно, чтобы Сынъ не прежде вѣковъ былъ Сыномъ Божіимъ, но съ того только времени, какъ отъ Дѣвы пріялъ нашу плоть, т. е. не прежде, какъ за 400 не-полныхъ лѣтъ. Ибо имъ желательно, чтобы Христосъ съ сего только времени имѣлъ начало царствованія, которое и кончилось бы по скончаніи вѣка и послѣ суда“. Отсюда соборъ выводитъ то заключеніе, что Сынъ какъ есть самостоятельное существо отъ вѣка, такимъ же Онъ пребываетъ и въ самомъ воплощеніи. „Мы знаемъ, что Сынъ... живое, самостоятельное Слово, Богъ, Сынъ Божій. И утверждающихъ, что одинъ и тотъ же есть Отецъ и Сынъ и св. Духъ, и сіи три имени нечестиво разумѣющихъ объ одномъ и томъ-же и объ единомъ лицѣ, отлучаемъ отъ церкви, потому что невмѣстимаго и

<sup>107</sup>) Hahn. s. 105. Аѳан 138.

<sup>108</sup>) Hahn s. 103—109.



безстрастнаго Отца предполагають вмѣстимымъ при вочеловѣченіи вмѣстѣ и страждущимъ“. „Мы знаемъ, что посланый Отець пребываетъ въ собственномъ качествѣ неизмѣняемаго Божества, а посланный Христосъ исполнилъ домостроительство вочеловѣченія“<sup>109</sup>).—Переходимъ къ обзорѣню цѣлой серіи новыхъ аріанскихъ символовъ—сирмійскихъ, названныхъ такъ по имени города Сирміи, гдѣ не разъ собирались представители аріанствующихъ для, какъ они выражались, точнаго опредѣленія понятій о христіанствѣ. Соборъ Сирмійскій въ 351 году, направляя свои опредѣленія противъ Маркелла, въ сущности говоритъ мало новаго въ сравненіи съ соборами антиохійскими. Стоитъ отмѣтить только слѣдующія анаѳематства собора: „если кто говоритъ, что Сынъ по предвѣднію былъ прежде Маріи, но не былъ у Бога рожденнымъ прежде вѣковъ, да будетъ анаѳема. Если кто станетъ утверждать, что расширяемая Божія сущность творитъ Сына, или кто расширение сущности Божіей называетъ Сыномъ, да будетъ анаѳема“. Соборъ кромѣ того полагаетъ анаѳему на думающихъ, что Богочеловѣкъ страдалъ Божествомъ. Анаѳематствованіе направляется, думаемъ, противъ возрѣній, распространяемыхъ Аполлинаріемъ<sup>110</sup>). Вотъ что говоритъ соборъ: „если кто, слыша, что однородный Сынъ Божій распять, скажетъ, что Божество Его потерпѣло истлѣніе, или страданіе, или измѣненіе, или умаленіе, или униженіе, да будетъ анаѳема“<sup>111</sup>). Училъ ли еще кто подобнымъ образомъ кромѣ Аполлинарія въ это время, исторія не знаетъ. Въ сирмійскомъ символѣ аріанскомъ, который составленъ былъ въ 357 году, обращаетъ на себя вниманіе возрѣніе касательно

---

<sup>109</sup>) Hahn., s. 112. 113. Аѳан. 141--142.

<sup>110</sup>) Слѣдуетъ рѣшить вопросъ: могъ ли соборъ Сирмійскій направлять свои опредѣленія противъ Аполлинарія, было ли извѣстно въ это время ученіе его? Вопросъ помогаетъ рѣшить намъ и притомъ въ смыслѣ положительномъ св. Григорій Богословъ. Въ посланіи къ Кледонію онъ говоритъ, что ученіе аполлинаристовъ появилось назадъ тому 30 лѣтъ, а такъ какъ посланіе это писано не позднѣе 382 года, то во время созванія перваго Сирмійскаго собора ересь аполлинаристовъ могла быть уже извѣстна (Epist. II ad Cledonium. Col. 200. Твор. IV, 212).

<sup>111</sup>) Hahn, S. 116. 117, Аѳан. 145. 146.

Богочеловѣка, которымъ устранилось тоже мѣнѣе, какого держался Аполлинарій—о страданіи Христа Божествомъ. Здѣсь страданіе Христа съ особеннымъ удареніемъ переносится исключительно на человѣчество Сына Божія. Соборъ замѣчаетъ: „Сынъ, Господь и Богъ нашъ изъ Маріи дѣвы, какъ благовѣствовалъ и ангелъ, воспріялъ плоть или тѣло, т. е. человѣка (поясненіе: „человѣка“ совершенно необходимо было, какъ скоро формула должна была испровергать аполлинаризмъ). А, какъ учать всѣ писанія, Христось воспріялъ отъ Маріи Дѣвы того человѣка, которымъ пострадалъ (*hominem suscepisse de Maria virgine, per quem compassus est*)<sup>112)</sup>. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить о соборѣ Константинопольскомъ 360 года и его символѣ, что въ послѣднемъ положены наиболѣе широкія опредѣленія о Богочеловѣкѣ. Здѣсь, помимо всего прочаго, говорится о Немъ, что Онъ нисходилъ въ преисподнюю, обращался по воскресеніи съ учениками, вообще описываются въ чертахъ ясныхъ свойства человѣческой природы Богочеловѣка<sup>113)</sup>.

Такимъ образомъ надлежитъ признать, что въ аріанскихъ сферахъ жило непреодолимое стремленіе — выяснить и опредѣлить личность Богочеловѣка. Вражда къ противникамъ побуждала искать разрѣшенія вопросовъ хринологическихъ. Главная цѣль состояла въ томъ, чтобы установить понятіе въ догматикѣ не только о премірномъ бытіи Сына Божія, но и Богочеловѣкѣ, поскольку Онъ былъ и остается въ плоти.

Параллельно усилямъ, какія дѣлались въ аріанской догматикѣ для опредѣленія болѣе точныхъ понятій о Богочеловѣкѣ, въ церкви православной, въ твореніяхъ знаменитѣйшихъ ея богослововъ тоже замѣтна усиленная дѣятельность, направленная къ раскрытію истиннаго ученія о томъ же предметѣ. Побужденія, какими руководились православные богословы въ этой дѣятельности, были не одинаковы съ побужденіями, которыя управляли аріанами. У православныхъ были свои нужды, которыя побуждали ихъ приняться за раскрытіе вопроса; ихъ вызывала къ тому борьба съ аріа-

<sup>112)</sup> Hahn. 120—121 Аван. 149.

<sup>113)</sup> Hahn. s. 129. Аван. 152.

нами. Это прежде всего. Ариане злоупотребляли выраженіями поволавѣтпныхъ писаній, въ которыхъ уничижительно говорится о Христѣ; отсюда они выводили то заключеніе, что Сынъ ниже Отца. Православнымъ необходимо было отнять у арианъ такого рода доказательство; а это не иначе можно было совершить, какъ раскрывая ученіе, что Христосъ былъ не только Богъ, но и человѣкъ. Такъ приверженцы Никейскаго ученія пришли къ необходимости, кромѣ вопросовъ о Божествѣ въ Самомъ Себѣ, разяснять и вопросы христологическіе. Аѳанасій говоритъ объ аріанахъ: „возпамѣрившіеся злохудожно разумѣть божественныя писанія, въ подкрѣпленіе хулы своей, выставляютъ относящіяся къ человечеству реченія объ обнищаніи Сына Божія“<sup>114</sup>). Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ объ аріанахъ, что они „ради плоти (Христовой) клеветуютъ на Сына Божія, что Онъ произведеніе и тварь“, — и влагасть въ уста ихъ богохульныя рѣчи относительно воплощенія<sup>115</sup>). Какія это изреченія Писанія и въ какомъ родѣ перетолковывались аріанами, объ этомъ интересныя свѣдѣнія паходимъ у того же Аѳанасія. Ариане говорили: „Христосъ рекъ о Себѣ: дадеся ми всяка власть (Мѡ. 28, 18); и еще: вся Мнѣ продапа суть Отцемъ Моимъ“ (Мѡ. 11, 27); и еще: „все, еже дастъ Мнѣ Отець, ко Мнѣ придетъ“ (Іоан. 6, 37). Приводя эти мѣста, они разсуждали: „если бы Онъ (Христосъ) былъ, какъ вы разсуждаете, Сыномъ Божиимъ, по естеству, то не имѣлъ бы пужды принимать, но какъ Сынъ, имѣлъ бы все это по естеству“. Затѣмъ, выставляя на видъ изреченіе Господа: „пынѣ душа Моя возмутися“ и пр. (Іоан. 12, 27. 28), объявляли: „если бы Христосъ былъ истинною силою Отчею, то не страшился бы, по и другимъ подавалъ бы силу“. Или читая слова Евангелія: „Иисусъ проспѣваше премудростію и возрастомъ, и благодатію у Бога и человѣкъ“ (Лук. 2, 52), а также: „пришедши въ страны Кесаріи Филипповы, Христосъ спрашивалъ у учениковъ: „кого Мя глаголють человѣцы быти“ (Мѡ. 16, 13)? и пришедши въ

<sup>114</sup>) Lib. de incarnatione Verbi et con. arianos. Col. 984. Migne. Gr. t. 26. Твор. III. 285.

<sup>115</sup>) Epist. ad Adelphium. Col. 1077. Migne. t. 26. Твор. III, 348.

Внезапно, спрашивалъ: „гдѣ лежитъ Лазарь“ (Іоан. 11 34)?— ариане обращались съ такимъ вопросомъ къ православнымъ: „почему же Тотъ есть Премудрость, Кто преспѣваетъ премудростію и Кто не знаетъ того, о чемъ желалъ знать отъ другихъ“? Потомъ говорили еще тѣже ариане: Христосъ говоритъ: „Боже, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ“ (Мѡ. 27, 46)? и прежде сего молится Опъ: „Отче прослави имя Твое“ (Іоан. 12, 28); „прослави Мя Ты, Отче, славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть“ (Іоан. 17, 5). И: „о дни же томъ или о часѣ никтоже вѣсть, ни ангели, ни Сынъ“ (Мр. 13, 32). Какъ понимать все это? вопрошали ариане. „Если бы Сынъ, по вашему разумѣнію, существовалъ у Бога вѣчно, то не былъ бы неизвѣстенъ Ему день (второго пришествія Его), напротивъ того Онъ зналъ бы, какъ Слово, — и соприсущій Отцу не былъ бы оставленъ Отцемъ, — не сталъ бы просить о пріятіи славы, имѣя ее во Отцѣ, — и вообще не сталъ бы молиться, потому что, какъ Слово, ни въ чемъ не имѣлъ бы нужды“<sup>116</sup>). Изъ всѣхъ этихъ изреченій особенно большую нищу для возраженій противъ Божества Сына давало изреченіе: „о дни же томъ“; оно постоянно повторялось аріанами и потому стало темой многократныхъ разсужденій объ этомъ отцевъ церкви<sup>117</sup>). Въ виду подобныхъ возраженій, поразить арианъ можно было не иначе, какъ раскрывъ ученіе о личности Богочеловѣка, о томъ, въ какомъ отношеніи въ Немъ были двѣ природы: Божественная и человѣческая. Аріанство поднимало, а церковь по необходимости поддерживала интересъ къ вопросамъ христологическимъ. Были и другія побужденія, вызывавшія отцевъ на разъясненіе догмата о личности Богочеловѣка. Уже во времена Аѳанасія появились совопросники, которые ко всѣмъ и каждому обращались съ вопросомъ: „что такое родившійся отъ Маріи? Богъ или чловѣкъ? И если имъ отвѣчали: *чловѣкъ*, то совопросники замѣчали: такъ значитъ Христосъ не Богъ, значитъ правы отрицающіе Божество Христа. Если же такимъ отвѣчали: *Богъ*, то они съ меньшимъ торжествомъ замѣчали: такъ значитъ Христосъ

<sup>116</sup>) Orat. III con. arianos. Col. 377—380. Твор. II, 417—419.

<sup>117</sup>) Basilii. Ep. (236). ad Amphilochem. Твор. VII, 165 и пр.

не человекъ, значить правы тѣ, кто отрицаетъ его чело-  
вѣчество“ (докеты)! Тѣже совопросники спрашивали: кто  
пострадавшій? кто распятый? Богъ или человекъ? и на тотъ  
или другой отвѣтъ замѣчали такими же софизмами, какъ и  
на первый вопросъ <sup>118)</sup>. Видно, что во времена арианства  
уже сильно интересовались трудными вопросами христоло-  
гическими. Правослвные считали своимъ долгомъ разсѣять  
недоумѣнія, сомнѣнія. Отсюда-то отцы IV вѣка и говорятъ  
такъ много въ своихъ твореніяхъ о воплощеніи Бога—Слова.  
Толки по поводу аполлинаризма также побуждали отцевъ  
къ той же дѣятельности—тѣмъ болѣе, что связи защитни-  
ковъ Никейской вѣры съ Аполлинаріемъ съ теченіемъ вре-  
мени ослабѣвають и рвутся.

Въ противодѣйствіе различнымъ лжеученіямъ отцы Церк-  
ви разясняютъ догматъ о лицѣ Богочеловѣка, — нужда  
была въ этомъ настоятельная. Тѣмъ не менѣе защитники  
Никейскаго символа ни подъ какими условіями, въ противо-  
положность арианствующимъ, не позволяли себѣ пополнить  
Никейское вѣроопредѣленіе изложеніемъ истиннаго ученія о  
Богочеловѣкѣ. Аѳанасій, въ одномъ своемъ посланіи ра-  
скрывъ ученіе относительно Богочеловѣка, однакоже далекъ  
отъ мысли, что символъ Никейскій недостаточенъ по этому  
вопросу. Онъ заявляетъ: „да будетъ во всей силѣ исповѣ-  
данное отцами въ Никее. Ибо это правосмысленно и сего  
достаточно къ низложенію *вслюй* нечестивой ереси“ <sup>119)</sup>.  
Василій великій съ своей стороны, когда ему доказывали,  
что символъ Никейскій необходимо пополнить въ ученіи о  
Богочеловѣкѣ, отвѣчалъ отрицательно. Онъ находилъ, что  
если разъ сдѣлать пополненіе въ символѣ, то „разнорѣчія  
поведутъ насъ далѣе и далѣе и души простыхъ могутъ  
смущаться введеніемъ повостей“ <sup>120)</sup>. Въ виду этого отцы  
раскрываютъ данное ученіе въ своихъ сочиненіяхъ, не внося  
ничего въ символъ Никейскій по этому вопросу.

Чтобы устранить воззрѣнія арианъ, къ которымъ они при-  
ходили чрезъ перетолкованіе тѣхъ изреченій Писанія, гдѣ

<sup>118)</sup> Athanasii. Contra Apollinarium. Lib. II. Col. 1164. III, 408. 409.

<sup>119)</sup> Epist. ad Maximum philos. Col. 1089. Migne. Gr. t. 26. Твор. III, 357.

<sup>120)</sup> Epist. (258) ad Eriphanium episcop. Твор. VII, 226.

говорится объ уничиженномъ состояніи Христа, отцамъ необходимо было раскрыть ученіе о чловѣчествѣ Христа и объ отношеніи двухъ природъ въ Немъ и такимъ образомъ доказать, что относящееся къ чловѣчеству Христа несправедливо прилагать къ Его Божеству. Эту задачу и преслѣдовали отцы въ своихъ твореніяхъ, когда касаются даннаго вопроса. Ученіе о чловѣческой природѣ Христа раскрывается у нихъ со всею ясностію. Аѳанасій говоритъ: „Слоднѣ тѣло, согласно съ Божественнымъ Писаніемъ, было чловѣческое по естеству, зачатое отъ Маріи и истинное, потому что оно было такое же, какъ и наше. Марія *сестра намъ*, потому что всѣ мы отъ Адама“ <sup>121)</sup>. И при другомъ случаѣ онъ же говоритъ: „Сынъ единосущенъ (*ὁμοούσιος*) съ нами и одно имѣетъ съ нами происхожденіе“ <sup>122)</sup>. Эта чловѣческая природа, сочетавшись съ Божествомъ, оставалась полною и совершенною природою. „Христосъ именуется, говоритъ онъ, совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ чловѣкомъ, въ полнотѣ бытія, да то и другое будетъ единый, по всему совершенный вмѣстѣ Богъ и чловѣкъ“ <sup>123)</sup>. Чловѣкъ былъ истинно Богомъ и Богъ истинно чловѣкомъ и былъ истинно Богъ и истинно чловѣкъ“ <sup>124)</sup>. Григорій Нисскій, раздѣльно представляя въ своемъ умѣ Божество и чловѣчество Христа, метафорически именуетъ послѣднее „овцею“, а первое „пастыремъ“. Вотъ его собственные слова: „Христосъ есть овца и пастырь; овца въ томъ, что воспринято, а пастырь въ томъ, Кто воспринялъ“ <sup>125)</sup>. Поэтому всѣ явленія въ земной жизни Христа отцы разсматривали какъ обнаруженіе именно этихъ двухъ природъ въ Немъ. Христосъ являлъ Себя передъ взорами людей, то какъ чловѣкъ, то какъ Богъ. Первый уничижительный актъ въ земной жизни Его—это есть плотское рожденіе, которое аріане умышленно съ извѣстною цѣлію

<sup>121)</sup> Epist. ad Epictetum. Col. 1061. Migne, t. 26 Твор. III, 337.

<sup>122)</sup> Epist. de sententia Dionysii. Col. 493. Migne, t. 25. Твор. I, 372.

<sup>123)</sup> Con. Apollinarium. Lib. I. Col. 1124. Твор. III, 280.

<sup>124)</sup> „Ἄνθρωπος ἀληθῶς καὶ θεὸς ἀληθῶς.“ Ibidem. Lib. II, col. 1140. Твор. 392.

<sup>125)</sup> Antirrheticus. Col. 1153. Твор. VII, 88.

приписывали самому Богу <sup>126)</sup>, по разъясненію отцовъ ничего не даетъ въ пользу арианъ, ибо рожденіе Христа есть рожденіе лишь по человѣчеству. Какое естество родилось отъ Маріи, Божеское или человеческое, это, по Аванасію, показываютъ свойства младенческаго питанія Христа. „Млеко Дѣвы“, „питаніе млекою“ указываютъ, что процессу рожденія подлежала не Божеская, а человѣческая, тѣльная природа <sup>127)</sup>. Преспѣваніе Христа, о которомъ говоритъ Евангеле, было тоже преспѣваніемъ по человѣчеству. Аванасій говоритъ: „не Божія Премудрость сама въ Себѣ преспѣвала, но человѣчество Христа преспѣвало премудростію, постепенно возвышаясь надъ естествомъ человѣческимъ, содѣлываясь и являясь для всехъ органомъ Премудрости“ <sup>128)</sup>. Въ своей дѣятельности Христосъ проявлялъ воли — Божескую и человѣческую. Въ Немъ было двѣ воли: „человѣческая свойственная плоти, и Божественная свойственная Богу; и человѣческая по немощи плоти отрекается отъ страданія, а Божеская Его воля готова на оное“ <sup>129)</sup>. Поэтому и страданіе приемлетъ тѣло человѣческое, а не Богъ. „Тѣло утомлялось, пригвождено на древѣ и пострадало; оно положено было во гробѣ, хотя въ тѣлѣ пребывало Божіе Слово“ <sup>130)</sup>. Воскресеніе Христа было не воскресеніемъ Божества, а плоти Сына Божія. „Богъ Отецъ Словою Своимъ и Сыномъ воскресилъ плоть Сына“ <sup>131)</sup>. Вообще все евангельскія изрѣченія, въ которыхъ Христосъ представляется то уничиженнымъ, то Божески возвышеннымъ, нужно принимать такъ по разъясненію Григорія Богослова: „реченія болѣе возвышенныя относить къ Божеству и къ природѣ, которая выше страданій и тѣла, а реченія болѣе уничиженныя къ Тому, Кто сложенъ, за насъ истощилъ Себя и воплотился“ <sup>132)</sup>. Самъ Христосъ говоритъ о себѣ то какъ о

<sup>126)</sup> Athanas. ibid. Col. 1140. Твор. 391.

<sup>127)</sup> Epist. ad Epictetum. Col. 1056. Твор. III, 335.

<sup>128)</sup> Orat. III, c. arianos. Col. 436. Твор. II, 455.

<sup>129)</sup> Athan. Lib. de incarnatione Verbi et c. arianos. Col. 1021. Твор. III, 310.

<sup>130)</sup> Athan. ad Epictet. Col. 1060. Твор. III, 335.

<sup>131)</sup> Athan. Lib. de incarn. et c. arianos. col. 1001. Твор. III, 297.

<sup>132)</sup> Oratio III. theolog. col. 97. Твор. III, 73.

Богъ, то какъ о человѣкѣ, или уничижительно, или возвышенно <sup>133</sup>). Такъ напр. изреченіе: „о дни же томъ“, и проч. Онъ проглаголалъ, относя его къ своему человѣчеству <sup>134</sup>):

Рядомъ съ изложенными мыслями св. отцевъ о неслиянномъ соединеніи во Христѣ двухъ естествъ Божескаго и человѣческаго, у тѣхъ-же отцевъ встрѣчаемъ мысли о самомъ тѣсномъ соединеніи двухъ естествъ въ лицѣ Богочеловѣка. Такое ученіе нисколько не противорѣчило ученію о неслиянномъ соединеніи двухъ естествъ во Христѣ: одно пополняло другое. Были особенныя причины, которыя побуждали отцевъ Никейскаго направленія развивать и настаивать на воззрѣніи, сейчасъ указанномъ. Имъ могли ставить въ вину, что ихъ ученіе о неслиянномъ соединеніи естествъ ведетъ къ раздѣленію естествъ во Христѣ, что дѣйствительно и случилось; имъ даже прямо приписывали ученіе о двухъ Христахъ, о двухъ Господахъ, двухъ лицахъ въ одномъ Богочеловѣкѣ (*δύο πρόσωπα λέγειν*) <sup>135</sup>). И это тѣмъ болѣе, что желая выразить мысль о томъ, что Божество не слилось съ человѣчествомъ въ Богочеловѣкѣ, они употребляли иногда неточное выраженіе о человѣчествѣ Христа: „храмъ“ (*ναός*), давая разумѣть, что дѣйствія Божества въ Христѣ слѣдуетъ отличать отъ человѣческихъ дѣйствій, какъ мы отличаемъ присутствующаго въ храмѣ отъ самаго храма <sup>136</sup>). Желаніе устранить возможность подобныхъ нареканій заставляло ихъ вмѣстѣ съ ученіемъ о неслиянномъ соединеніи естествъ во Христѣ раскрывать ученіе о тѣсномъ единеніи оныхъ въ Немъ. Съ другой стороны явились въ церкви какіе-то лжеучители, которые отъ ученія о неслиянномъ соединеніи естествъ приходили къ поспѣшному заключенію, что въ лицѣ Христа было два сына: Божественный и человѣческій. Вѣроятно это были слишкомъ рыаные враги

<sup>133</sup>) Athan. orat. III. contra arianos. col. 397. Твор. II. 430.

<sup>134</sup>) Basil. ep. (236) ad Amphiloichium. Твор. VII, 167.

<sup>135</sup>) Athanas. Contra Apollinarium. Lib. I, Col. 1112. Твор. III. 372. Gregor. Niss. Contra Evnomium. Lib. V, col. 685. Твор. VI, 9. Antirrheticus. Col. 1199. Твор. VII, 132.

<sup>136</sup>) Athanas. de incarnatione Verdi. col. 132. Migne. Gr. t. 25. Твор. I, 107. сл. Epist. ad Adelphium Col. 1081. Твор. III, 351.



аполлинаризма, которые, чтобы опровергнуть воззрѣніе Аполлинарія, что будто въ Христѣ, подлежало страданію именно Само Божество, впадали въ указанную крайность. Еретики эти <sup>137)</sup> очень похожи по ученію на извѣстнаго Θεодора Мопсуестскаго, но указанія на это лице въ исторіи IV вѣка съ подобною миссією мы не встрѣчаемъ. Наконецъ, общая научная александрійская точка зрѣнія, съ которой раскрывали свое ученіе защитники Никейской догмы о лицѣ Христа, вела къ тому же, т. е. чтобы ученіе о самомъ тѣсномъ единеніи естествовъ въ Богочеловѣкѣ раскрыто было въ полной ясности. Александрійцы, писатели христіанскіе изъ Александріи, какъ крайніе идеалисты, не высоко смотрѣли на человѣческую природу вообще. Поэтому, когда имъ приходилось разсуждать о Богочеловѣкѣ, они всегда больше обращали вниманіе на Его Божество, чѣмъ на челоуѣчество. Отсюда получилось то, что въ ихъ воззрѣніяхъ ученіе о единеніи естествовъ во Христѣ преобладаетъ надъ ученіемъ о различіи ихъ въ Немъ. Такъ учили еще Климентъ и Оригенъ <sup>138)</sup>. Такъ училъ и самъ Аѳанасій въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ до собора Никейскаго и, развитія, аrianства <sup>139)</sup>. Позднѣйшіе представители александрійскаго богословствованія, тотъ же Аѳанасій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій естественно остаются вѣрными доктринамъ

<sup>137)</sup> Въ чемъ собственно заключалось ученіе указанныхъ еретиковъ, объ этомъ сообщаютъ свѣдѣнія Аѳанасій и Григорій Богословъ. Первый говоритъ, „если Слово хотите разсматривать въ отдѣльности какъ Бога и какъ Сына Давидова, то и по вашему выходитъ два Христа. Заблуждаются, утверждающие, что иной есть страждущій Сынъ, а иной нестрадающій“ (Contra Arollin. Lib. I, col. 1112. Твор. III, 371—372). Второй пишетъ: „если кто вводитъ двухъ сыновъ—одного отъ Бога и Отца, а другаго отъ Матери (въ лицѣ Христа), то да лишится онъ спасенія“ (Epist. I ad Cledonium, col. 180. Твор. IV, 197).

<sup>138)</sup> Снегиревъ. „Ученіе о лицѣ I. Христа, въ первые III вѣка“. Въ особ. стр. 260, 281—2. (Каз. 1870).

<sup>139)</sup> Въ сочиненіи „О воплощеніи Бога Слова и пришествіи Его“ Аѳанасій говоритъ: „тѣло, по причинѣ снисшествія въ оное Слова, не потерпѣло свойственнаго тѣлесной природѣ тлѣнія, а напротивъ, ради вселившася въ Него Божія Слова, пребывало внѣ тлѣнія“ (*ἐκτός φθοράς*). „Хотя умерло тѣло для искушенія всѣхъ, но не видѣло тлѣнія“ (Orat. de incarnatione. Col. 132—133. Твор. I. 108, 110).

своей школы. Мысли этих отцов касательно тѣснаго единенія Божества и чловѣчества во Христѣ заключаются въ слѣдующемъ. Аѳанасій училъ: „единеніе (ἐνωσις) плоти съ Божествомъ слова произошло въ матерней утробѣ“ (ἐκ μήτρας)<sup>140</sup>; „Во Христѣ видимое тѣло было тѣломъ не чловѣка, но Бога“ (ἀλλὰ Θεοῦ)<sup>141</sup>. Вслѣдствіе этого Его чловѣческія дѣйствія были въ тоже время дѣйствіями Божественными. „Не иной былъ воскресившій Лазаря, говорить Аѳанасій, а иной вопрошавшій о немъ, но одинъ и тотъ же по чловѣчески сказалъ: гдѣ положенъ Лазарь, а по Божеству воскрешаетъ его. Одинъ и тотъ же тѣлесно, какъ чловѣкъ, *плону*, и Божески, — какъ Сынъ Божій, отверзъ очи слѣпому отъ рожденія“<sup>142</sup>. „Творящій сіе Господь почловѣчески, почловѣчески Онъ *плону*, и плуновеніе было божественно (πλῶμα ἢ ἔνθεον); потому что плуновеніемъ даровалъ зрѣніе очамъ слѣпаго“. Вообще Аѳанасій о дѣйствіяхъ двухъ естествъ во Христѣ замѣчаетъ: „дѣла Христовы не совершаемы были раздѣльно, смотря по тому, что совершалось, такъ чтобы въ иномъ обнаруживалось дѣйствіе тѣла безъ Божества, а въ иномъ дѣйствіе Божества безъ тѣла; напротивъ того, совершаемо было сіе соединенно“ (συντημένως πάντα ἐγένετο)<sup>143</sup>. Единеніе природъ и ихъ дѣйствій во Христѣ было такъ тѣсно, что немощи тѣла какъ бы стали немощами самой Божественной природы. Аѳанасій пишетъ: немощи плоти Слово носило на Себѣ, какъ собственныя (ὡς ἰδίας), потому что плоть сія была Его“<sup>144</sup>. „Господу, облечшемуся въ плоть чловѣческую, прилично было облечься въ совершенную плоть со всѣми свойственными ей страданіями“<sup>145</sup>; „Слово сдѣлалось чловѣкомъ и Себѣ усвоило свойственное плоти“ (ἰδοχοιούμενος τὰ τῆς σαρκὸς)<sup>146</sup>. Страданія, распятіе и смерть Аѳанасій также относитъ сколько къ чловѣчеству,

<sup>140</sup>) Contra Apollinarium. Lib. I. Col. 1097. Твор. III, 361.

<sup>141</sup>) Epist. ad Maximum philos. Col. 1088. Твор. III, 354.

<sup>142</sup>) Tomus ad Antiochenos. Col. 804. Твор. III, 194.

<sup>143</sup>) Epist. IV ad Serapionem. Col. 657. Твор. III, 91.

<sup>144</sup>) Orat. III c. arianos. Col. 389. Твор. II, 425.

<sup>145</sup>) Ibidem. Col. 392. Твор. 426.

<sup>146</sup>) Ibid. Col. 393. Твор. 428.

столько же и къ Божеству Христа, по усвоенію. Онъ разсуждалъ: „что претерпѣвало человѣческое тѣло Слова, то соединенное съ нимъ Слово относило къ Себѣ“ (*εις εαυτόν ἀπέφραεν*)<sup>147)</sup>. Иногда онъ еще яснѣе говоритъ: „не какой либо человѣкъ предалъ себя за насъ, но само Слово принесло за насъ собственное Свое тѣло (*ἴδιον σῶμα*), чтобы не въ человѣка была вѣра, но чтобы имѣть намъ вѣру въ Самого Бога Слово“<sup>148)</sup>. И о смерти Христа Аванасій пишетъ: „произошла смерть; тѣло пріяло оную по естеству, а Слово потерпѣло по изволенію и свободно собственное Свое тѣло предало на смерть“<sup>149)</sup>. Наконецъ поклоненіе наше Христу есть вмѣстѣ поклоненіе и Божеству и человѣчеству. „Поклоняемся мы не твари. Если плоть Христа сама по себѣ и есть часть тварей, то она содѣлалась Божимъ тѣломъ. И поклоняемся мы такому тѣлу, не какъ собственно тѣлу, не отдѣляя его отъ Слова“<sup>150)</sup>. Мысли Григорія Богослова о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ весьма сходны съ Аванасіемъ. Соединеніе естествъ во Христѣ, по нему, преобладало надъ различіемъ, раздѣленіемъ ихъ. Плоть Христа вполне обожествилась. Вотъ слова Григорія: „нынѣ Онъ (Сынъ Божій) человѣкъ, а былъ несложенъ. Хотя пребылъ и тѣмъ, чѣмъ былъ Онъ, однакожъ воспріялъ и то, чѣмъ не былъ. Дольній человѣкъ сталъ Богомъ послѣ того, какъ соединился съ Богомъ и сталъ съ Нимъ едино, потому что препобѣдило лучшее“<sup>151)</sup>. И еще Григорій учитъ: „Христосъ значитъ помазанникъ, и слѣдствіемъ сего помазанія то, что Помазующій именуется человѣкомъ и помазуемое дѣлается Богомъ“<sup>152)</sup>. Естества во Христѣ такъ объединились, по Григорію, что одно съ другимъ, какъ бы срастворились, порешли одно въ другое. „Въ Спасителѣ есть иное и иное (Божество и человѣчество, различныя по качествамъ), но то и другое въ сравненіи (*ἐν τῇ συνκράσει*), — и Богъ вочеловѣчился и человѣкъ обо-

<sup>147)</sup> Epist. ad Epictetum. Col. 1060. Твор, III, 336.

<sup>148)</sup> Epist. ad Maximum philos. Col. 1088. Твор, III, 365.

<sup>149)</sup> Con. Apollin. Lib. I. Col. 1104. Твор, III, 365.

<sup>150)</sup> Athan. ad Adelpium. Col. 1066. Твор, III, 345.

<sup>151)</sup> Orat. III theolog. col. 100. Твор, III, 73.

<sup>152)</sup> Oratio IV theol. Col. 132. Твор, III, 101.

жилоя, или какъ имъ наименовать бы оіе крѣ... Во Хри-  
стѣ срастворяются (употреблено: *χριστός*) какъ естества, такъ  
и наименованія и переходятъ одно въ другое по закону тѣ-  
нѣйшаго соединенія“ (*σμίξις*)<sup>153</sup>). Последнія мысли Гри-  
горія Богослова, неоднократно и съ особенною выразитель-  
ностію раскрываетъ Григорій Нисскій. Онъ допускаетъ са-  
мое близкое единеніе двухъ природъ въ Христѣ. Человѣ-  
чество срастворилось, проложилось, смѣшалось съ Боже-  
ствомъ и составило съ послѣднимъ одну сущность. Григорій  
пишетъ: „немоющее (тѣло) чрезъ сраствореніе (*σμίξις*)  
съ безгрѣдѣлностію уже не осталось въ свойственной себѣ  
мѣрѣ и качествахъ, но вознесено десницею Божіею и стадо  
вмѣсто: челоѣвѣка Богомъ“ (*ἀντὶ ἀνθρώπου Θεός*)<sup>154</sup>). „Плоть,  
срастворенная съ Божествомъ, уже не остается болѣе въ  
своихъ предѣлахъ и при своихъ качествахъ, но подъявляется  
до того, Кто обладаетъ всѣмъ“<sup>155</sup>). „И такимъ образомъ  
совершилось неизреченное смѣшеніе и соединеніе (*μίξις καὶ  
σύνθεσις*), связавшее челоѣвѣческую малость съ Божіимъ вели-  
чіемъ“<sup>156</sup>). „Во Христѣ челоѣвѣческое естество предложилось  
и претворилось (*μεταβάλλει, μεταποιήσας*) къ Божескому“<sup>157</sup>).  
Вслѣдствіе такого тѣснаго общенія между Божествомъ и че-  
ловѣчествомъ во Христѣ, Божество усваиваетъ Себѣ, прием-  
летъ страданія плоти. Григорій говоритъ: „что касается до  
свойствъ нашего естества, то мы исповѣдуемъ, что Господь  
пріобщился ихъ, именно: рожденія, питанія и возрастанія,  
сна и утомленія и всего, что душа естественно чувствуетъ  
при тѣлесныхъ страданіяхъ“<sup>158</sup>).

Не нужно ли возвращенія аріанскихъ символовъ, противо-  
ставляемыхъ Маркеллу и Аполлинарію и заключающихся въ  
опроверженіи мнѣній о удобоэрастности Божества въ Хри-  
стѣ, относить, кромѣ атихъ еретиковъ, и къ указаннымъ  
сейчасъ отцамъ, учившимъ о сраствореніи Божеской и че-  
ловѣческой природы во Христѣ? Не имѣли ли аріане въ

<sup>153</sup>) Epist. I. ad Cledon. Col. 180—181. Твор. IV, 198. 199.

<sup>154</sup>) Contr. Evnom. Lib. V, col. 697. Твор. VI, 22.

<sup>155</sup>) Ibid. col. 705. Твор., стр. 30.

<sup>156</sup>) Contra Evnom. Lib. VI Col. 737. Твор. VI, 65.

<sup>157</sup>) Ibid. Col. 717. Твор. стр. 44.

<sup>158</sup>) Ibid. Col. 721. Твор. стр. 49.

виду и послѣднихъ воззрѣній? Въ такомъ случаѣ, въ этомъ нужно будетъ усматривать новый моментъ въ сильной борьбѣ арианъ противъ православныхъ.

Третій вопросъ, на которомъ сосредоточивалось вниманіе богословствующей мысли IV вѣка, составляло ученіе о Духѣ Святомъ. О Духѣ Святомъ постоянно говорится въ символахъ арианскихъ; вопросу о томъ же предметѣ посвящаются цѣлыя сочиненія у православныхъ писателей. Цѣли, какія при этомъ преслѣдуются тѣми и другими, неодинаковы. — Арианствующіе весьма рано начинаютъ вносить ученіе о Духѣ Святомъ въ свои символы. Антиохійскіе соборы 341 года стремятся уже опредѣлить это ученіе. Его не встрѣчается только въ первомъ символѣ антиохійскомъ 341 года, въ которомъ оно изложено такъ же, какъ и въ символѣ Никейскомъ <sup>159)</sup>. У арианъ въ данномъ случаѣ совершенно ясно высказывается намѣреніе описать Духа Св., какъ Упостась раздѣльную, „отчужденную, разобщенную“ отъ Отца и Сына <sup>160)</sup>. Общее стремленіе антиохійской науки, высказывающееся въ стремленіи точно опредѣлить отличія лицъ св. Троицы <sup>161)</sup>, хотя бы насчетъ Ихъ единства, проявляется и въ символическомъ изложеніи ученія о Духѣ Св. Какъ оппозиція ученію православному о Сынѣ Божіемъ, единсущномъ Отцу, въ чемъ они видѣли савелліанство, переимѣненіе и сліяніе лицъ Отца и Сына, воля антиохійцевъ къ тому, что они не только отличали Сына отъ Отца, но и раздѣляли ихъ; такъ и въ ученіи о Духѣ Святомъ они по тѣмъ же побужденіямъ не только отличали, но и раздѣляли Духа отъ Отца и Сына. Анализъ арианскихъ символовъ этой эпохи вполне подтверждаетъ нашу мысль. Кроме этого общаго арианскаго побужденія выдѣлять упостась Духа Св. отъ упостасей Отца и Сына, было еще одно немаловажное обстоятельство, которое вело къ той же цѣли. Маркеллъ, котораго ариане ненавидѣли, какъ рѣшительнаго савелліаниста, не допускалъ личнаго бытія Духа Св. <sup>162)</sup>.

<sup>159)</sup> Hahn. S. 103. Аван. III, 134.

<sup>160)</sup> Athan. Tomus ad Antiochenos. col. 801. Твор. III, 192.

<sup>161)</sup> См. выше примѣч. 56.

<sup>162)</sup> Baur. D. Christ. Lehre и пр. S. 539—540.

Это заставляет арианъ противодѣйствовать Марселлу, но безъ всякой мѣры. — Во второмъ антиохійскомъ символѣ, представленномъ арианствующими въ 341 году, встрѣчаемъ отчетливое ученіе о Духѣ. „Вѣруемъ и въ Духа Святаго, подаваемого вѣрующимъ въ утѣшеніе, освященіе и совершеніе, какъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ заповѣдалъ ученикамъ, говоря: шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына и Св. Духа“ (Мѡ. 28, 19). Въ этомъ опредѣленіи мы не встрѣчаемъ тѣхъ характеристичныхъ чертъ, какими описывается въ томъ же символѣ Сынъ Божій: Богъ, Господь, вѣчный. Формула имѣетъ въ виду отличить Духа отъ Сына, описать его чертами иными въ сравненіи съ Сыномъ. Послѣ приведенныхъ словъ о Духѣ символъ замѣняетъ: „Отецъ есть истинно сущій Отецъ, Сынъ есть истинно сущій Сынъ, Св. Духъ истинно сущій Св. Духъ и не напрасно полагаются сіи имена, но означаютъ въ точности собственную каждаго изъ именуемыхъ вѣстасъ,“<sup>163</sup>). Составители символа настаиваютъ на мысли, что вѣстасъ Духа не слѣдуетъ смѣшивать съ другими вѣстасами. Совершенно вѣрно! Но въ чемъ состоитъ единеніе Духа Св. съ прочими лицами Троицы, объ этомъ символъ—ни слова. Указать общеніе Духа съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ не составляетъ намѣренія издателей символа. Изъ другихъ символовъ арианскихъ это становится еще яснѣе. На соборѣ антиохійскомъ въ 345 году ученіе о Духѣ также занимаетъ вниманіе его членовъ. Впрочемъ изложеніе этого ученія въ символѣ того же собора по духу ничѣмъ не отличается отъ опредѣленія, даннаго по этому вопросу на соборѣ антиохійскомъ, о которомъ мы говорили, но въ буквѣ есть разница. Вотъ какъ говоритъ соборъ, нами разсматриваемый, о Духѣ: „вѣруемъ въ Духа Св., т. е. Утѣшителя, Котораго Христосъ, обѣтовавъ апостоламъ, по возшествіи на небо, послалъ научить ихъ и воспомянуть имъ все и Которымъ святятся души искренно въ Него увѣровавшихъ“<sup>164</sup>). Въ какомъ именно смыслѣ все это говоритъ соборъ антиохійскій 345 года, съ этимъ хорошо знакомятъ

<sup>163</sup>) Hahn. S. 185—186. Аean. 135—136.

<sup>164</sup>) Hahn. S. 110. Аean. 139.

насъ анаѳематства, приложенныя къ символу этого собора. Анаѳематства эти, по нашему мнѣнію, очень замѣчательны и характеристичны. Они даютъ понимать истинное намѣреніе собора въ его опредѣленіи о Духѣ Святомъ. Одно анаѳематство собора возвѣщаетъ: „утверждающихъ, что одинъ и тотъ же есть Отецъ и Сынъ или Духъ святой, анаѳематствуемъ“<sup>165</sup>). Очевидно рѣчь идетъ о савелліанахъ (маркелліанахъ); а такъ какъ такими аріанствующіе сѣятели православныхъ, то прещеніе по всей вѣроятности и составлено было въ оппозицію мнимому савелліанству православной церкви. Въ противоположность ученію, допускавшему близкое общеніе Духа съ Отцомъ и Сыномъ, соборъ имѣлъ въ виду опредѣлить ученіе о Духѣ въ чертахъ, отчуждающихъ Духа отъ прочихъ лицъ Троицы. Въ другомъ анаѳематствѣ того же собора говорится: „утверждающихъ, что одинъ и тотъ же есть Отецъ и Сынъ и Св. Духъ, и сіи три имени нечестиво разумѣющихъ объ одномъ и томъ же и единомъ лицѣ, отлучаемъ отъ церкви“<sup>166</sup>). Мысль анаѳематства опять та, чтобы утвердить возрѣніе на Сына, а за симъ и Духа Св., какъ на различныя лица Троицы, какъ на лица чуждыя одно другому. Въ заключеніе всего вѣроопредѣленія соборъ наконецъ входитъ въ разсмотрѣніе того, въ какомъ же отношеніи Духъ стоитъ къ прочимъ Лицамъ Троицы. Это отношеніе соборъ представляетъ очень неясно. Духъ Святой, по вѣроопредѣленію, является не болѣе какъ орудіемъ Сына. Приводимъ самыя слова символа. „Сынъ царствуетъ надъ всѣми, которые подъ Нимъ и сотворены Имъ, и по Отчему изволенію даруетъ святымъ (вѣрующимъ) благодать Св. Духа“. Именованія Духа Богомъ, соборъ ясно избѣгаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же соборъ, прямо именуя Отца Богомъ и Сына Богомъ, Духу не приписываетъ того же именованія. Слышится боязнь упрека въ требожіи, подобно тому какъ за ученіе о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ полуаріане получали упрекъ въ двубожіи, какой они и стараются устранить въ томъ же вѣроиз-

<sup>165</sup>) Hahn. S. 111. Аѳан. 139—140.

<sup>166</sup>) Hahn. S. 113. Аѳан. 142.

ложеніи <sup>167)</sup>. Сирмійскіе арианствующіе соборы также неизмѣнно дѣлають изложеніа ученія о Духѣ Святомъ. Символь собора сирмійскаго 351 года не замѣчательнъ по этому вопросу, потому что онъ повторяетъ буквально опредѣленіе собора антиохійскаго (445 года), которое было уже приведено нами. Но за то анаеоматства, къ нему присоединяемыя, примѣчательны. Они съ настойчивостію осуждаютъ мысль о сліяніи лицъ Троицы. Но не это особенно важно. Въ предотвращеніе сліянія и смѣшенія Духа Святаго со Отцемъ и Сыномъ, одно анаеоматство съ поразительною ясностію указываетъ на то, что Духа Св. нужно отдѣлять отъ прочихъ лицъ Троицы. „Если кто не именуетъ Утѣшителя иимъ въ отношеніи Сына (*μη άλλων λέγοι τὸν παράκλητον παρὰ τὸν υἱόν*), какъ научилъ насъ Господь; ибо сказалъ: „инаго утѣшителя пошлетъ вамъ Отець, о Немъ же Азъ умолю“ (Іоан. 14, 16), да будетъ анаеома“ <sup>168)</sup>. Здѣсь вся сила полагается въ словѣ: *ιμαίο*, и дается разумѣть, что Духъ не такой же Богъ, какъ Отець и Сынъ, что Онъ по своей природѣ и свойствамъ иной, чѣмъ Отець и Сынъ. Выдѣленіе Духа изъ среды прочихъ Лицъ Троицы признается необинуаеъ. Слова Христа перетолковываются и искажаются. Остальныя сирмійскія вѣроопредѣленія не представляютъ интереса по вопросу. Изъ дальнѣйшихъ по времени символовъ арианскаго направленія заслуживаетъ упоминанія символъ константинопольскій 360 года. Онъ тоже проникнутъ желаніемъ признать подчиненное положеніе Духа въ Троицѣ. Изъ всѣхъ отношеній Духа къ Сыну указывается, какъ характеристическое, лишь посольство Его Сыномъ въ міръ вѣрующимъ. Опредѣленіе поставляетъ Духа въ зависимость отъ Сына. Духъ Св. долженъ быть посланъ роду человѣческому, потому что это обѣщаль Сынъ Божій, и Онъ дѣйствительно посылается, потому что Сынъ исполнилъ Свое обѣщаніе. Духъ есть только органъ воли Сына. Символь гласитъ: „и въ Духа Св., Котораго Самъ Единородный Сынъ Божій Христосъ, Господь и Богъ обѣтоваль послать роду человѣческому Утѣшителемъ, какъ написано, Духа истины, Кото-

<sup>167)</sup> Hahn. S. 114. Аван. 143.

<sup>168)</sup> Hahn. S. 118. Аван. 147.



раге и послать имъ, когда взошелъ на небеса“<sup>169)</sup>. Въ такомъ-то родѣ раскрывалось и формулировалось ученіе о Духѣ Святомъ въ сферахъ арианствующей мысли. Излишняя опасливость, какъ бы не слить Лицъ Троицы, приводила къ воззрѣніямъ неправильнымъ, къ выраженіямъ неточнымъ. Замѣчательно однакожь, ни въ одномъ символѣ арианскаго происхожденія нѣтъ ни намека на тварную природу Духа, какъ учили крайніе ариане. Значить, всѣ эти символы вышли изъ круга сравнительно болѣе благомыслящихъ арианъ.

Ученіе о Духѣ Святомъ было предметомъ внимательнаго разсмотрѣнія и со стороны православныхъ богослововъ. Но и побужденія къ изложенію этого ученія и смыслъ ученія въ средѣ православныхъ богослововъ были совершенно другіе, во сравненію съ дѣятельностію арианъ въ этомъ случаѣ. Отцы церкви противопоставляютъ свое ученіе о Духѣ безконечнымъ перстолкованіямъ, какимъ подвергалось оно не только у арианъ, но и православныхъ, заразившихся свободомысліемъ арианскимъ, увлекавшихъ спекулятивными вопросами. Какимъ же именно воззрѣніемъ свое ученіе о Духѣ противопоставляли православные отцы? Крайніе ариане прямо утверждали, что Духъ — тварь. Ариане разсуждали: „поелику умъ нашъ постигаетъ сихъ трехъ и въ существующемъ нѣтъ ничего, что не подходило бы подъ это раздѣленіе существъ, т. е. все или нерожденно, или рожденно, или сотворенно, Духъ же ни первое, ни второе, — то, конечно, Онъ третье“<sup>170)</sup>. Люди, раздѣлявшіе подобное воззрѣніе на тварность Духа, старались опредѣленнѣе выяснитъ, къ какому роду тварей Духъ ближе всего по природѣ, и находили — къ ангеламъ. Такъ Аеанасій свидѣтельствуетъ, что, принимая во вниманіе изреченіе апостола: „свидѣтельствую предъ Богомъ и Иисусъ-Христомъ и избранными ангелами“ (1 Тим. 5, 21), ариане умозаключали: „поелику апостолъ наименовалъ Бога и Христа, а потомъ ангеловъ, то необходимо сопричислитъ къ ангеламъ Духа и полагать, что

<sup>169)</sup> Hahn. S. 130. Аеан. 152.

<sup>170)</sup> Basilii M. Homil. con. Sabellianos, Arium et Anomoeos. Cof. 612. Migne. Gr. t. 31. Твор. IV. 386. Изд. 1-ое.

Духъ одного съ нимъ чина и только выше прочихъ, ангеловъ „<sup>171)</sup>. Опредѣленія сущности Духа Св. у арианъ были очень странны. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ признакъ „свободы“ почитали наилучшимъ признакомъ, какимъ слѣдуетъ опредѣлять понятіе о Духѣ Св. Они умствовали: „Духъ ни рабъ, ни Господь, но свободенъ“ <sup>172)</sup>. Или опредѣляя сущность Его въ отношеніи къ Богу Отцу и Сыну, говорили: „Духъ и начальственъ и подчиненъ“ <sup>173)</sup>. Велѣдствіе ученія о тварности Духа, ариане направляли свои возраженія больше всего противъ православнаго ученія о Божественномъ достоинствѣ Духа. Арианствующіе указывали, что въ Св. Писаніи нѣтъ яснаго ученія о томъ, что Духъ—Богъ <sup>174)</sup>. Далѣе, ученію о Божествѣ Духа Св. казалось имъ, если сюда присоединить ученіе о Божествѣ Отца и Сына,—требожіемъ. Они говорили: „если Богъ, Богъ и Богъ, то какъ же не выходитъ трехъ Боговъ? Не есть ли это многоначаліе?“ <sup>175)</sup>. Иные не соглашались съ ученіемъ, что Духъ есть Богъ, единосущный Отцу и Сыну. „Укажи мнѣ, обращались ариане къ православнымъ, чтобы отъ одного и того же (Отца) одинъ былъ Сынъ (Божій), а другой не Сынъ (Духъ) и притомъ оба были единосущны,—тогда и я допущу Бога и Бога (Сына и Духа)“ <sup>176)</sup>. Еще другіе требовали отъ православныхъ яснаго и доступнаго разуму отвѣта о томъ, что такое исхожденіе Духа Св. отъ Отца <sup>177)</sup>. Наконецъ иные изъ арианъ отрицали творческую силу въ Духѣ Св. Они разсуждали: „изъ Писанія мы знаемъ, что Отецъ есть зиждитель; знаемъ также, что и чрезъ Сына все произошло, но о Духѣ слово Писанія ничему такому не научило насъ“ <sup>178)</sup>. Вообще, по Григорію Богослову, между арианами много было такихъ, которые истинно вѣровали въ Бо-

<sup>171)</sup> Athan. Epist. I. ad Serapion, col. 556. Твор. III, 19.

<sup>172)</sup> Basiliū. Lib. de s. Spiritu, col. 160. Migne. Gr. t. 32. Твор. III, 309.

<sup>173)</sup> Gregor. Niss. Contr. Macedonianos de Spiritu Sancto. Migne. Gr. t. 45. Твор. VII, 45.

<sup>174)</sup> Gregor. Theol. oratio V theol. col. 157. Твор. III, 121.

<sup>175)</sup> Ibid. col. 148. Твор. 114.

<sup>176)</sup> Ibid. col. 144. Твор. стр. 111.

<sup>177)</sup> Ibid. col. 141. Твор. стр. 109.

<sup>178)</sup> Gregor. Niss. c. Macedon. Col. 1313, Твор. VII, 36.

жество Сына, но отметали вѣру въ Духа Святаго, „Чтили Сына, но отступались отъ Духа Святаго“. Ихъ Григорій называетъ „въ половину благомыслящими“<sup>179)</sup>. Особенно много шло толковъ и споровъ о служеніи, поклоненіи и прославленіи Духа. Григорій Нисскій свидѣтельствуетъ, что въ церкви не умолкали „мелочныя разсужденія“<sup>180)</sup> по этому поводу. Нѣкоторые, по тому же Григорію, „подвергали насмѣшкѣ“ (*κατιρονεύονται*) ученіе о поклоненіи Духу<sup>181)</sup>, и вмѣстѣ съ тѣмъ „совершенно отрицали поклоненіе Духу“<sup>182)</sup>. Были и такіе, которые хотя и высоко ставили достоинство Св. Духа, приписывая Ему власть „подавать все“, но въ противорѣчіе самимъ себѣ отвергали „моленіе“ Духу, оставаясь неблагодарными Подателю всяческихъ<sup>183)</sup>. Иные, если и допускали поклоненіе, служеніе Духу, однакожъ старались отличать оное отъ поклоненія Богу Отцу и Сыну, соглашались на какое-то неполное поклоненіе: „Пусть будетъ славимъ (Духъ), но не съ Отцемъ и Сыномъ“<sup>184)</sup>, замѣчали эти возражатели. Общую картину того броженія умовъ, какое имѣло мѣсто въ IV вѣкѣ относительно ученія о Духѣ Св. у арианъ и не-аріанъ, живо начертываетъ Григорій Богословъ. „Что касается до мудрецовъ нашего вѣка, пишетъ онъ, то одни почитаютъ Его (Духа) дѣйствованіемъ, другіе—тварью, иные—Богомъ; а иные не рѣшались сказать о Немъ ни того, ни другаго, изъ уваженія, какъ говорятъ они, къ Писанію, которое будто бы ничего не выразило о семъ яснаго, почему они не чтутъ и не лишаютъ чести Духа, оставаясь къ Нему въ какомъ-то среднемъ, вѣрнѣе же сказать, весьма жалкожъ расположеніи. Даже изъ признающихъ Его Богомъ одни благочестивы только въ сердцахъ, а другіе осмѣливаются выражать свое благочестіе и устами. Но слышалъ я о другихъ еще болѣе мудрыхъ измѣрителяхъ Божества, которые хотя согласно съ нами исповѣдуютъ Троицу, одна-

179) Ibid. col. 133, 148, 160. Твор. стр. 103, 115, 124.

180) Contra Macedon. Col. 1317. Твор. VII, 40.

181) Ibid. col. 1329. Твор. VII, 54.

182) Ibid. col. 1331. Твор. 56.

183) Ibidem. col. 1329. Твор. стр. 54.

184) Basilij. Lib. de S. Spiritu. Col. 172. Твор. III, 318.

кожъ столько раздѣляютъ лица Бя между собою, что одно почитаютъ безпредѣльнымъ и по сущности и по силѣ (Отца), другое безпредѣльнымъ по силѣ, но не по сущности (Сына), а третье — ограниченнымъ и въ томъ и другомъ“ (Духа). Последнихъ Григорій называетъ подражателями арианъ, но однакожъ не арианами <sup>185</sup>).

Въ виду такого состоянія вопроса о Духѣ Св. въ тогдашней церкви встрѣчаемъ у православныхъ отцевъ усиленное напряженіе—привести въ ясность ученіе о Духѣ, отразить нападки на Божество Духа. Но опять отцы не желали того, чтобы мысли противоположныя заблужденіямъ внесены были въ самый символъ Никейскій. Они ограничивали въ отличіе отъ арианствующихъ раскрытіе истины,—свое противодѣйствіе лжи,—изложеніемъ правыхъ воззрѣній въ литературѣ церковной. Аванасій, не смотря на широкое распространеніе еретическихъ идей относительно Духа, заявляетъ, что символъ Никейскій не слѣдуетъ пополнять въ ученіи о Духѣ, какъ и по всѣмъ другимъ пунктамъ церковнаго ученія. Онъ провозглашаетъ: „да будетъ во всей силѣ исповѣданіе Никейское. Ибо оно правомысленно и его достаточно къ низложенію *всѣмъ* нечестивой ереси, особливо же арианской, которая нечествуетъ и противъ Духа Святаго“ <sup>186</sup>). Въ томъ же родѣ смотритъ на дѣло и соборъ Иконійскій (376 года) православный, бывшій подъ руководствомъ св. Амфилохія Иконійскаго, друга Василія великаго. На немъ положено: „тѣ, которые съ большимъ вниманіемъ будутъ читать Никейскій символъ, найдутъ въ немъ и ученіе о Божествѣ Св. Духа. Отцы собора (Ник.) учили, что должно вѣровать, какъ во Отца и Сына, такъ и въ Духа, не вводя никакого другаго естества въ Троицѣ и не отсѣкая ничего отъ Троицы“ <sup>187</sup>). Впрочемъ Василій великій является уже болѣе уступчивымъ по вопросу. Онъ высказываетъ желаніе, чтобы къ символу Никейскому было приложено „словословіе (*δοξολογία*) Св. Духу“, по той причинѣ, что „Никей-

<sup>185</sup>) Orat. V theol. Col. 137. Твор. III, 106—107.

<sup>186</sup>) Epist. ad Maximum. Col. 1089. Твор. III, 357.

<sup>187</sup>) Арх. Порфирія: „Св. Амфилохій Иконійскій“, стр. 257 (Приб. къ твор. св. отецъ, т. 15).

скіе отцы о семь члснѣхъ вѣры упомянули кратко, такъ какъ тогда еще не возникало о семь вопроса<sup>188</sup>). Но это былъ голосъ, сколько извѣстно, одинокій.

Обращаемся къ изложенію ученія отцовъ церкви о Духѣ Святомъ. Всѣ многочисленныя возраженія и споры относительно достоинства Духа Св. должны были замолкнуть, какъ скоро будетъ раскрыто, что Духъ Св. такой же Богъ, какъ Отецъ съ Сыномъ. Это именно и дѣлаютъ церковные православныя писатели. Они съ рѣшительностію утверждаютъ мысль, что Духъ Св. единосущенъ Отцу и Сыну. Сужденія не допускали ни малѣйшей возможности перетолкованія: они прямы, ясны, тверды. Начнемъ съ Аѳанасія, который въ это время по всѣмъ вопросамъ въ своихъ рѣшеніяхъ шелъ впереди всѣхъ. Онъ говоритъ: „Сынъ именуется Сыномъ Отчимъ, Духъ—Духомъ Отчимъ. И такимъ образомъ едино Божество святыя Троицы. Вся Троица есть единый Богъ (*ὁμοῦ λόγῳ εἰς Θεός ἐστι*). Къ Троицѣ не примѣшивается ничто чуждое, напротивъ того Она нераздѣльна и Сама Себѣ подобна“<sup>189</sup>). Мысль, очевидно, та, что Духъ Св. единосущенъ съ Богомъ Отцемъ и Сыномъ. Съ такою же силою тотъ же Аѳанасій исповѣдуетъ вѣру въ Божество Духа, когда пишетъ: „Троица нераздѣльна и есть едина Сама съ Собой. Когда именуется Отецъ, присущи Ему и Слово Его и въ Сынѣ—Духъ. И если именуется Сынъ, то въ Сынѣ есть Отецъ и Духъ не внѣ Слова“<sup>190</sup>). Духъ Святой, по ясному слову Аѳанасія, есть Богъ истинный въ собственномъ смыслѣ. Какъ у Аѳанасія, столь же ясны представленія о Божествѣ Духа Св. и у Василия великаго. Онъ пишетъ, наприкладъ: „кто представилъ въ умѣ Отца, тотъ представилъ и Его въ Немъ Самомъ и вмѣстѣ объялъ мыслию Сына. А кто имѣетъ въ мысли Сына, тотъ не отдѣляется отъ Сына и Духа, но относительно къ порядку послѣдовательно, относительно же къ естеству соединенно, впечатлѣвается въ себѣ во едино слянную вѣру въ три лица“<sup>191</sup>).

<sup>188</sup>) Epist. (258) ad Epiphan. Твор. VII, 226.

<sup>189</sup>) Epist I ad Serapion. Col. 569. Твор. III, 28.

<sup>190</sup>) Ibid. col. 565. Твор. стр. 25.

<sup>191</sup>) Epist. (38) ad Gregorium frat. col. 332. Твор. VI, 98.

„Невозможно мысленно представить себѣ какого либо сѣченія или раздѣленія такъ, чтобы или Сынъ представляемъ былъ безъ Отца, или Духъ отдѣляемъ отъ Сына, а напротивъ находимъ между ними нѣкое недомыслимое и неизреченное какъ общеніе, такъ и раздѣленіе“<sup>192</sup>). Василий душою и мыслию прилѣпляется къ ученію о единосущіи Духа со Отцемъ и Сыномъ. Григорій Богословъ превосходно выражается относительно этого, когда говоритъ въ похвальномъ словѣ Василию: „Василій полагалъ самыя страшныя на себя заклинанія, что если не будетъ чтить Духа единосущнымъ и равночестнымъ Отцу и Сыну, то да лишень будетъ Самаго Духа“<sup>193</sup>). Дѣйствительно, Василий прямо называетъ Духа „единосущнымъ Отцу и Сыну“<sup>194</sup>). Самъ Григорій Богословъ былъ исполненъ глубочайшей увѣренности въ равное Божеское достоинство Духа вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ. Онъ провозглашалъ: „Вѣруемъ во Отца, Сына и св. Духа, Которые единосущны и равнославны“<sup>195</sup>). Съ поразительною, ни съ чѣмъ несравнимою, силою тотъ же св. отецъ пишетъ: „Бѣ свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ (Іоан. 1, 3), т. е. Отецъ. Бѣ свѣтъ истинный..... въ міръ, т. е. Сынъ. Бѣ свѣтъ истинный..... въ міръ, т. е. Утѣшитель. *Бѣ, бѣ и бѣ*, но *бѣ* едино. Свѣтъ и свѣтъ и свѣтъ, но единый Свѣтъ, Единый Богъ“<sup>196</sup>). Въ этихъ словахъ, по нашему мнѣнію, высказывается возвышенный духъ пророковъ и апостоловъ, истинный святой отецъ. Св. Григорій Нисскій есть также рѣшительный поборникъ догмата о Божествѣ Духа Святаго. Онъ говоритъ: „исповѣдуемъ, что Духъ св. равночестенъ со Отцемъ и Сыномъ, такъ что между Ними нѣтъ никакого различія ни въ чемъ, что мыслится и говорится относительно Божескаго естества“<sup>197</sup>); Духъ Св. есть Божество<sup>198</sup>).

<sup>192</sup>) Ibidem.

<sup>193</sup>) Oratio in Laudem Basilii Magn. Col. 589. Migne. Gg. t. 36. Твор. IV, 128.

<sup>194</sup>) Epist. (8) ad Caesarienses. Col. 264. Твор. VI, 40.

<sup>195</sup>) Oratio coram 150 episcop. col. 476. Migne. Gr. t. 36. Твор. IV, 39.

<sup>196</sup>) Oratio V, theol. col. 136. Твор. III, 105.

<sup>197</sup>) Contr. Macedon. col. 1304. Твор. VII, 24.

<sup>198</sup>) Ibid. col. 1305. Твор. 27.

Съ своей стороны и Аполлинарій, стоявшій на александрійской точкѣ зрѣнія, бывшій въ близкихъ отношеніяхъ съ представителями православнаго богословствованія, является борцемъ за единосушіе Духа Св. съ Отцемъ и Сыномъ. Созоменъ ставитъ его въ числѣ самыхъ ревностныхъ поборниковъ указаннаго догмата наравнѣ съ Аванасіемъ и Василиемъ великимъ <sup>199)</sup>). Единосушіе Божества Духа съ прочими лицами Троицы провозглашали цѣлые соборы православныхъ епископовъ. Таковы были соборы: Александрійскій <sup>200)</sup>, Илирійскій <sup>201)</sup>, Иконійскій <sup>202)</sup>). Въ ученіи о Божественномъ достоинствѣ и единосушіи Духа Св. съ Отцемъ и Сыномъ высказывается общая точка зрѣнія александрійской богословской науки. Эта наука въ силу своего умозерцательнаго направленія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, всегда держалась ученія о единствѣ лицъ Божества. Что для сторонниковъ антиохійскаго направленія представлялось необходимымъ различать, раздѣлять, — лица св. Троицы, то самое александрійцы старались представлять въ тѣсномъ единствѣ. У антиохійцевъ въ догматѣ о Троицѣ моментъ различія беретъ верхъ надъ моментомъ единства, на оборотъ у александрійцевъ. Аріанствующіе и противники аріанствующихъ стояли подъ вліяніемъ двухъ различныхъ школъ и мыслили неодинаково.

Замѣчательно ученіе православныхъ богослововъ александрійствующихъ объ отношеніи Духа Св. къ Сыну Божію. Аріанствующіе антиохійцы, избѣгая ученія о близкомъ общеніи лицъ Св. Троицы, ухищрялись выдѣлять Духа отъ общенія съ Сыномъ, очерчивать Его иначе, чѣмъ Сына. Этимъ они думали избѣжать савелліанства, — этого призрака, который преслѣдовалъ ихъ. Все это можно наблюдать въ ихъ символахъ. Не то находимъ у писателей православныхъ, связанныхъ между собою единствомъ александрійскаго богословскаго направленія. Отцы поставляли Духа Св. въ тѣсныя отношенія къ Сыну Божію. Вопреки аріанскому раз-

<sup>199)</sup> VI, 22.

<sup>200)</sup> Socr. III, 7.

<sup>201)</sup> Theodoret. IV, 8.

<sup>202)</sup> Арх. Порфирія. Св. Амфилохій Иконійскій, стр. 257. См. выше.— Hefele. Conciliengeschichte. I, 742.

дѣленію они сближали ихъ. Главное намѣреніе отцевъ, при этомъ состояло въ слѣдующемъ: такъ какъ Сынъ Божій для нихъ несомнѣнно истинный Богъ, единосущный съ Отцемъ, какъ провозгласилъ это соборъ Никейскій,—истина, которая для нихъ была очевидною и нетребующею доказательствъ, то сближеніемъ Духа съ Сыномъ они хотѣли утвердить мысль, что Духъ также единосущенъ въ Троицѣ, какъ и Сынъ. Опираясь на первую истину, они хотѣли выяснитъ вторую. Отцы называли Духа „собственнымъ“ Сыну. „Онъ (Духъ) всего болѣе собственъ (*ἰδιον*) Сыну“, говоритъ Аѳанасій <sup>203</sup>). Тотъ же Аѳанасій говоритъ: „какъ Сынъ пребываетъ въ собственномъ образѣ въ Духѣ (*ἐν ἰδία εἰχόνι ἐστὶν ὁ υἱὸς ἐν τῷ πνεύματι*), такъ и Отецъ въ Сынѣ“ <sup>204</sup>). Онъ же пишетъ: „поелику Отецъ есть свѣтъ, и Сынъ сіяніе Его, то и въ Сынѣ можно усматривать Духа (*ἐν τῷ υἱῷ τὸ πνεῦμα*), которымъ просвѣщаемся“ <sup>205</sup>). Въ томъ же родѣ пишетъ Василій великій: „отличительный признакъ вѣстаснаго Его (Духа) свойства есть тотъ, что по Сынѣ и *ὁ* Сынѣ познается и отъ Отца имѣетъ бытіе“ <sup>206</sup>). Отцы любили именовать Духа „образомъ“ Сына, „глаголомъ“ Его. Василій великій пишетъ: „Сынъ образъ Бога (Отца), а Духъ образъ Сына. Сынъ Слово Бога, а Духъ глаголь Сына“ <sup>207</sup>). Отцы, желая утвердить мысль о преискреннемъ причастіи Духа съ Сыномъ, выражались иногда такимъ образомъ, какъ будто бы они близки были къ вѣрованію въ причинную связь Сына и Духа. Василій великій выражается такъ: „что Духъ явился чрезъ Сына (*διὰ υἱὸν πεφηνέναι*), сіе апостоль сдѣлалъ яснымъ, наименовавъ Его Духомъ Сына, какъ и Духомъ Божіимъ, и нарекиши умомъ Христовымъ, какъ и Духомъ Божіимъ, по подобію духа въ человѣкѣ“ <sup>208</sup>). Онъ же, разясняя вопросъ, почему Духъ Св. не сынъ Сыну, говоритъ: „не потому что Онъ отъ Бога не чрезъ Сына“ (*οὐ διὰ τὸ μὴ εἶναι ἐκ Θεοῦ δι' υἱοῦ*) <sup>209</sup>).

<sup>203</sup>) Epist. I ad Serapion. col. 588, 593. Твор. Ш, 41. 43.

<sup>204</sup>) Ibid. col. 577. Твор. 34.

<sup>205</sup>) Ibid. col. 573. Твор. 31.

<sup>206</sup>) Epist. (38) ad Gregor. frat. col. 329. Твор. VI, 96.

<sup>207</sup>) Contra Evnom. Lib. V. col. 732. Твор. III, 196.

<sup>208</sup>) Ibid. col. 733. Твор. 198.

<sup>209</sup>) Ibid. col. 732. Твор. 196.



Аванасій съ своей стороны выражался такъ: „чьимъ же причастникомъ по вашему будетъ Сынъ? Причастникомъ ли Духа? Но Самъ Духъ пріемлетъ паче отъ Сына, какъ сказалъ Сынъ“ (Іоан. 16, 14)<sup>210</sup>). Въ подобномъ же родѣ говорилъ и Григорій Нисскій. Напр.: „Духъ происходитъ (*ἔκ τῆς οὐρα*) отъ Отца и является (*πεφωτισμένος*) чрезъ Сына“<sup>211</sup>).

Окончивъ изложеніе воззрѣній отцевъ православной церкви, или вообще александрійствующихъ, относительно Духа Св., предлагаемъ себѣ вопросъ: мысли эти, настаивающія на близкомъ общеніи Духа со Отцемъ и въ особенности съ Сыномъ, не давали ли повода арианствующей партіи раскрывать съ своей стороны мысли противоположнаго характера въ видахъ протеста и оппозиціи и въ намѣреніи избѣгнуть кажущагося сліянія лицъ Св. Троицы? Если такъ, то ученіе о Духѣ въ церкви православной было новымъ и новымъ разъединяющимъ моментомъ въ спорахъ и борьбѣ между сторонниками арианства и противниками его, между богословами антиохійской и александрійской школь.

Представляя себѣ двѣ партіи въ исторіи церкви IV вѣка— арианскую и противоаріанскую или православную, антиохійствующую и александрійствующую, мы должны быть далеки отъ мысли, что эти двѣ партіи, строго разграниченныя, раздѣленныя во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ, средостѣніемъ ограды. Вся церковь, за исключеніемъ великихъ мужей въ обществѣ православныхъ и главъ арианства, все прочее представляло подвижный, текучій элементъ. Партіи сближались, разъединялись, опять образовывались новыя. Все представляло какой-то бурно стремящійся потокъ. Взгляды партій на своихъ друзей и недруговъ не были устойчивы. Кто считался другомъ своимъ, для однихъ въ извѣстной партіи, тотъ же считался

<sup>210</sup>) Orat. I c. arianos. col. 44. Твор. II, 181, Сл. Epist. I. ad Serap. col. 580. Твор. III, 35.

<sup>211</sup>) Contra Eunom. Lib. I, col. 336. Твор. V, 113. Последнія разъясненія относительно ученія отцевъ александрійцевъ о единеніи Духа Св. съ Сыномъ мы сочли необходимымъ сдѣлать въ виду того, что въ послѣдствіи эти мысли вызывали въ антиохійскихъ кругахъ оппозицію. См. также наше сочиненіе: „Цер. Рим. и Визант. въ ихъ взаимныхъ спорахъ“ („Чт. об. люб. дух. просв.“ 1875 ч. I, стр. 87—91).

недругомъ, волкомъ, у другихъ въ той же партіи. Примѣровъ можно привести достаточно и убѣдительныхъ. Такъ, въ кругахъ александрійскихъ не одинаково смотрѣли на одного и того-же Аполлинарія. Индѣ считали его другомъ, приверженцемъ здоровой вѣры <sup>212)</sup>, индѣ тѣже православные отказывались отъ всякаго общенія съ нимъ <sup>213)</sup>. Въ такомъ же положеніи находились православные, когда вопросъ шелъ о томъ, православенъ ли неправославенъ Маркеллъ Анкирскій? Одни всегда и неизмѣнно защищали его <sup>214)</sup>, другіе, напримѣръ, св. Василій великій, считали его положительно еретикомъ. Онъ называетъ ученіе Маркелла „ересью несносною, зловредною и чуждою здоровой вѣры; доказательствомъ сего, присовокупляетъ Василій, сохранившіяся у насъ его мерзкія книги <sup>215)</sup>. Столь же неодинаково смотрѣли въ церкви на знаменитаго Мелетія; епископа Анѳохійскаго. Василій великій всю жизнь остается въ самыхъ дружественныхъ связяхъ съ Мелетіемъ, ведетъ съ нимъ дружественную переписку и восхваляетъ его. При одномъ случаѣ онъ писалъ Мелетію: „все здѣшнее исполнено болѣзней и мнѣ одно прибѣжище отъ золь — мысль о твоей святости. Если, по молитвамъ твоимъ, пока я еще на землѣ, удостоюсь личнаго свиданія съ тобою и сподоблюсь внимать полезнымъ урокамъ сего живаго гласа или принять напутствіе для настоящаго и будущаго вѣка, то признаю сіе величайшимъ изъ благъ и почту для себя началомъ Божія ко мнѣ благоволенія“ <sup>216)</sup>. Но однакожъ тотъ же Мелетій остается внѣ церковнаго общенія съ Аѳанасіемъ <sup>217)</sup>. Въ церкви римской и александрійской онъ прямо считался еретикомъ, послѣдователемъ Арія (*ἀρειομαρτίτης*), что Василій признавалъ очень неблагопріятнымъ для церковнаго благосостоянія <sup>218)</sup>. Тоже видимъ относительно

<sup>212)</sup> См. выше примѣч. 89 и дал., а также текстъ.

<sup>213)</sup> Theodoret. V, 3. Basilii. Epist. (263) ad Occidentales. Твор. VII, 249.

<sup>214)</sup> См. выше примѣч. 80 и далѣе, а также текстъ.

<sup>215)</sup> Epist. (69) ad Athanasium, episc. Alexandr. Твор. VI, 175.

<sup>216)</sup> Epist. (57) ad Melet. episc. Antioch. Твор. VI, 153.

<sup>217)</sup> Basilii epist. (89) ad Melet. Твор. VI, 209.

<sup>218)</sup> Epist. (266) ad Petrum, ep. Alexand. Твор. VII, 260—261. Gregor. Theol. Carmen de vita sua. Col. 1141—1142. Твор. VI, 56.

личности Павлина, другаго епископа Антіохійскаго, бывшаго предметомъ многихъ, долгихъ и сильныхъ споровъ въ церкви. Аѳанасій поддерживалъ самыя тѣсныя сношенія съ Павлиномъ: всѣхъ сторонниковъ Павлина онъ называетъ „своими возлюбленными“ (*τοῖς ἀγαπητοῖς*)<sup>219</sup>). Не такъ взирали на Павлина другіе представители православія. Василій великій чуждается Павлина,—онъ укоризненно отзывается о немъ за его склонность къ ученію Маркелла и за то, что послѣдователей этого еретика онъ принимаетъ въ общеніе съ церковію<sup>220</sup>). Діодоръ, пресвитеръ Антіохійскій, лично упрекаетъ Павлина за то, что онъ отвергалъ „троичностьъ вѣстасей“<sup>221</sup>). Тоже повторяется относительно Василія, еп. Анкирскаго, который почитался главой полуаріанъ. На соборѣ Сардикійскомъ, православномъ, о немъ положено было: „не считать его даже между христіанами“<sup>222</sup>), а между тѣмъ о немъ хорошо отзывается Феодоритъ<sup>223</sup>), и, что особенно замѣчательно, Аѳанасій, принимая во вниманіе, что Василій сомнѣвался лишь относительно слова: „единосущный“, почитаетъ его „братомъ, имѣющимъ съ православными ту же мысль“, и находитъ, что онъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ исповѣдниковъ православія<sup>224</sup>). Заслуживаютъ упоминанія отношенія, въ какихъ стояли православные къ епископу Самосатскому Евсевію. Евсевій былъ истинный другъ Василія великаго; послѣдній питалъ къ нему самыя симпатическія чувства, считалъ его ревностнымъ дѣятелемъ въ пользу православія, ведетъ съ нимъ непрерывную переписку. Григорій Богословъ также переписывается съ нимъ, какъ лицомъ единомышленнымъ. Феодоритъ отзывается о немъ съ самой лестной стороны<sup>225</sup>). Тѣмъ не менѣе въ Римѣ и Александріи онъ считался аріаниномъ<sup>226</sup>). Василій великій былъ въ сношеніяхъ съ Діо-

<sup>219</sup>) Athan. Tomus ad Antiochenos. Col. 797. Твор. III, 190.

<sup>220</sup>) Epist. (263) ad occidentales. Твор. VII, 250.

<sup>221</sup>) Theodoret. V, 3.

<sup>222</sup>) Sosom. III, 12.

<sup>223</sup>) Theodoret. II, 20.

<sup>224</sup>) De Synodis, Col. 765. Твор. III, 166.

<sup>225</sup>) Theod. II, 28.

<sup>226</sup>) Basilii epist. (266) ad Petrum. Твор. VII, 260—1.

доромъ, въ послѣдствіи еп. Тарсійскимъ; говорили о немъ, что онъ „любитъ и уважаетъ его за благодать, ощутительную въ его словѣ, по которой онъ многихъ дѣлаетъ лучшими“. Тотъ же Василій хвалитъ и воспитателя Діодора— Силуана, еп. Тарсійскаго. И однакожь за связи съ Діодоромъ многіе упрекали Василя, прекращали съ нимъ церковное общеніе <sup>227)</sup>, а Силуанъ, по свидѣтельству Созомена, не чуждался общенія аріанскаго, какъ доказаль это соборъ Селевкійскій <sup>228)</sup>. Къ лицамъ, процвѣтавшимъ въ древней церкви, писатели одной и той-же стороны относятся противоположно. Аѳанасій защищаетъ честь и память Діонисія, еп. Александрійскаго, почитаетъ его поборникомъ истины, посвящаетъ разбору его ученія цѣлое сочиненіе <sup>229)</sup>; между тѣмъ того же Діонисія Василій великій прямо называетъ предтечею аріанизма. Василій писалъ: „не все хвалю у Діонисія. Иное же и вовсе отметаю; потому что, сколько мнѣ извѣстно, онъ почти первый снабдилъ людей сѣменами этого нечестія (*σπέρματα τῆς ἀσεβείας*), которое столько надѣлало нынѣ шуму; говорю объ ученіи аномеевъ“ <sup>230)</sup>. Древніе историки цѣлые соборы, сомнительные по своему ученію, принимали за соборы православные. Такъ, Созомень соборъ Тіанскій (въ 367 г.) въ Каппадокіи причисляетъ къ соборамъ православнымъ <sup>231)</sup>, не обращая вниманія на то, что епископы этого собора подъ „единосущіемъ“ понимали „подобосущіе“ <sup>232)</sup>. При такомъ положеніи дѣлъ, когда различныя воззрѣнія на одно и то же лице, на одно и то же событіе возбуждали лишь споры и раздоры, Василій употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы во взглядахъ установить единообразіе, и чтобы не оставаться въ затруднительномъ положеніи, какъ это бываетъ въ ночномъ сраженіи, гдѣ не легко отличить своихъ отъ враговъ <sup>233)</sup>. Онъ съ горестію видѣлъ, что, между тѣмъ какъ самъ онъ

<sup>227)</sup> Epist. (244) ad Patrophilum. Col. 916. Твор. VII, 198.

<sup>228)</sup> Sosom. IV, 22. Col. 1180. Hefele I. 720.

<sup>229)</sup> De Sententia Dionysii.

<sup>230)</sup> Epist. (9) ad Maximum philos. Твор. VI, 44.

<sup>231)</sup> VI, 12.

<sup>232)</sup> Hefele I, 737—738.

<sup>233)</sup> Epist. (69) ad Athanasium. Твор. VI, 176.

стоитъ твердо на однажды принятой точкѣ зрѣнія, „другіе непрестанно переходятъ съ одной стороны на другую“<sup>234</sup>). Замѣчательный примѣръ колеблѣмости, двоедушія, неустойчивости представляетъ Евстафій Севастійскій, извѣстный учредитель монастыря въ Арменіи<sup>235</sup>). Онъ всю жизнь провелъ въ томъ, что, то становился другомъ Василія, то измѣнялъ ему, то стоялъ за православіе, то за аріанство, попеременно принадлежалъ то къ обществу православному, то аріанскому<sup>236</sup>). Аріане, съ своей стороны, часто по неважнымъ побужденіямъ и разногласіямъ, выдѣляли изъ себя различныя партіи, которыя, случалось, также скоро уничтожались, какъ быстро и возникали. Взгляды у однихъ и тѣхъ же аріанъ на данное лицо были неустойчивы, не тверды. Аріанствующіе, какъ напримѣръ, историкъ Филосторгій, причисляютъ къ своимъ врагамъ такихъ лицъ, которые были прямыми аріанами<sup>237</sup>). Истинно православные епископы причислялись къ рядамъ аріанъ<sup>238</sup>).

Какой изъ всего этого можно сдѣлать выводъ? Эпоха представляла картину удивительнаго религіозно-умственного броженія. Всѣ спорили, всѣ говорили, всѣ съ жаромъ стояли—кто за то, кто за другое, но мало прислушивались другъ къ другу. Всѣ волновались, всѣ стремились куда-то. Недоставало спокойнаго обсужденія дѣла, умысленно или неумысленно не понимали другъ друга. Вотъ замѣчательное изображеніе состоянія перкви въ эпоху аріанскую, сдѣланное Василіемъ великимъ. „Съ чѣмъ сравнить настоящее состояніе?“ спрашиваетъ онъ. „Безъ сомнѣнія, оно подобно морской битвѣ, въ которую мужи браннолюбивые и привыкшіе къ морскимъ сраженіямъ вступили съ раздраженіемъ другъ противъ друга. Какъ страшно съ обѣихъ сторонъ устремляются ряды кораблей! Предположи, если угодно, что корабли порываются сильной бурей, что мгла покрываетъ все туманомъ, что невозможно различить ни вра-

<sup>234</sup>) Epist. (245) ad Theophilum episc. Твор. VII, 206.

<sup>235</sup>) Sosom. III, 14.

<sup>236</sup>) Basilii epist. (263) ad Occidentales. Твор. VII, 247—248.

<sup>237</sup>) Philostorgii. Hist. eccles. Lib. VII, с. 17 (если теперешній текстъ Филосторгія въ данномъ мѣстѣ правиленъ).

<sup>238</sup>) Hefele. I, 666.

говъ, ни друзей. И теперешнее обуреваніе церковей не сильнѣе ли всякаго морскаго волненія? Имъ сдвинуты съ мѣста всѣ предѣлы отцевъ, приведены въ колебаніе всѣ основанія и всѣ твердыни догматовъ. Другъ на друга нападая, другъ другомъ низлагаемся. Кого не ниспровергъ противникъ, того уязвляетъ защитникъ. Если врагъ изложенъ и палъ, то нападаетъ на тебя твой соратникъ. Какъ скоро врагъ прошелъ мимо, другъ въ другѣ уже видятъ враговъ“ (*ἀλλήλους βλέπομεν πολεμίους*)<sup>239</sup>). Нужно было водвориться относительной тишинѣ, поучиться увлеченіямъ, и миръ церкви могъ наступить быстро, —разумѣется, въ средѣ колеблющихся, недоумѣвающихъ, увлекающихся. Такъ дѣйствительно и было. Въ силу указаннаго броженія умовъ нельзя строго судить арианствующихъ: они увлечены были общимъ потокомъ и увлекали другихъ. У нихъ часто были благія намѣренія, но результатъ получался худой. Къ православному они стояли въ большинствѣ случаевъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ стояли православные къ нѣкоторымъ представителямъ тогдашней церкви—къ Мелетію, Діодору, Павлину. Все дѣло часто сводилось къ взаимнымъ недоразумѣніямъ, взаимному недоумѣнію. Нисколько невиновны и православные, что они, случалось, не сходились другъ съ другомъ въ воззрѣніяхъ на лица, на историческія событія. Все въ церкви было въ какомъ-то безпримѣрномъ движеніи. Время, срокъ, было лучшимъ средствомъ для уврачеванія ранъ. Это и видимъ въ исторіи.

Пришло время и миръ въ церкви сталъ водворяться самъ собой. Шестидесятые и семидесятые годы представляютъ эпоху, когда въ религіозныхъ кружкахъ благоразуміе беретъ верхъ надъ полемическимъ ожесточеніемъ. Волненіе утихаеъ. Препжніе враги становятся друзьями. Всѣмъ стало видно, что споры въ религіи ни къ чему доброму не ведутъ. Шумъ стихаеъ. Взаимное нерасположеніе ослабѣваеъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ мы не видимъ у арианъ такихъ бурныхъ, страстныхъ соборовъ, какими были соборы Тирскій, Селевскійскій и пр. Тсперь вообще не видно соборовъ, которые бы собирались съ тѣмъ, чтобы на новый ладъ изла-

<sup>239</sup>) Lib. de Spiritu S. Col. 212—213. Твор. III, 350—352.

гать исповѣданіе вѣры. Замѣчательное явленіе! Стало ясно, что сами аріане начали съ недовѣріемъ относиться къ ихъ безконечнымъ по числу символамъ. Религіозная мысль послѣ долгаго напряженія требовала отдохновенія. Вѣдь, ни одинъ изъ многихъ аріанскихъ символовъ не приобрѣлъ себѣ ни авторитета, ни популярности въ церкви. Теперь аріане поняли всю неотразимую убѣдительность словъ св. Аѳанасія, который говорилъ о нихъ, что, „оспаривая соборъ Никейскій, аріане составляютъ много соборовъ, на каждомъ излагаютъ вѣру, но не могутъ устоять ни при одномъ вѣроизложеніи“ <sup>240</sup>). Бесплодность попытокъ реформировать церковную догматику вызвала въ сферахъ аріанскихъ реакцію: напряженность смѣнилась успокоеніемъ. Всѣ почувствовали нужду умиротворенія. Во всемъ, что ни дѣлаютъ теперь аріане, слышится лишь одинъ и тотъ же зовъ: „пойдемъ къ отцамъ своимъ и скажемъ имъ: анаематствуемъ аріанскую ересь и признаемъ соборъ Никейскій“ <sup>241</sup>), какъ этого требовалъ отъ нихъ св. Аѳанасій. Явилось у аріанъ нѣсколько соборовъ, но не съ прежнимъ характеромъ. Эти соборы хотятъ возвратить общества аріанскія подъ знамя Никейской вѣры <sup>242</sup>). „Единосущіе“ Сына Божія на нихъ не разъ провозглашается. Правда, ученіе это перетолковывается, но все же шагъ впередъ сдѣланъ. Страхъ передъ формулой—„единосущный“ прошелъ. О составленіи же новыхъ символовъ нѣтъ и рѣчи. Православные съ своей стороны относятся къ аріанамъ въ духѣ снисхожденія, кротости. При самыхъ легкихъ условіяхъ аріане принимаются въ церковь. Починъ въ этомъ случаѣ дѣлается тотъ же Аѳанасій <sup>243</sup>). Двѣ партіи сближаются <sup>244</sup>); туманъ, застилав-

<sup>240</sup>) Athan. de Synodis. Col. 705. Твор. III, 122.

<sup>241</sup>) Athan. de Synodis. col. 749. Твор. III, 154.

<sup>242</sup>) Разумѣемъ многократные полуаріанскіе соборы шестидесятыхъ годовъ въ Писидіи, Памфили, Ликии. Hefele I. 376.

<sup>243</sup>) Athan. de Synodis. Col. 765. Твор. III, 166—7. Tomus ad Antioch. Col. 797. Твор. III, 190. Epist. ad Rufinianum. Migne. Gr. t. 26. Твор. III. 424 и дал. Тоже самое дѣлаетъ и Василій В. См. его посланіе къ пресвитерамъ Гарсійскимъ (Epist. 113. Твор. VI, 254).

<sup>244</sup>) Неандеръ (I, 643) замѣчаетъ о 70-хъ годахъ: „это было время кризиса, чрезъ который восточная церковь переходитъ отъ своего доселѣш-

шій глаза аріанъ, разсѣвается. Савеллія, ученіе котораго подкладывали подъ опредѣленія Никейскаго собора аріане, ясно и рѣшительно отвергли православные <sup>243</sup>). Гнѣзда аріанства очищаются отъ заразы. Послѣ 30 лѣтъ аріанскаго господства въ Антиохіи и ея округѣ, мѣстные епископы Мелетій и другіе готовятъ здѣсь торжество православію <sup>246</sup>). Сильно было аріанство въ Константинополь, но не даромъ же сюда приглашается Григорій Богословъ: желаніе слышать ученіе православнаго пастыря начинается и здѣсь сказываться къ концу 70-хъ годовъ. Вообще уже въ царствованіе Іовіана стало примѣтнымъ, что „прежде оспариваемая Никейская вѣра получаетъ снова первенство“ <sup>247</sup>).

Съ теченіемъ времени аріанство усмиряется. Формулы аріанскіе теряютъ свой кредитъ въ средѣ церкви. Но остается однакожь отъ этихъ движеній, отъ этихъ споровъ, отъ этихъ стремительныхъ порывовъ—нѣчто, и это нѣчто переживаетъ аріанство, достается въ наслѣдіе дальнѣйшимъ поколѣніямъ въ исторіи. Это нѣчто не было ни еретическимъ, ни вредоноснымъ, ни опаснымъ для вѣры, ни антихристіанскимъ. Было оно характеристической чертой извѣстныхъ кружковъ, импульсомъ къ догматическому развитію въ церкви, поощрительнымъ началомъ къ раскрытію истинъ христіанскаго вѣдѣнія. Лучшія стороны въ аріанствѣ пережили самое аріанство. Осталась отъ него религіозная впечатлительность или чувство воспріемлемости въ вопросахъ вѣры, неудержимая жажда истины, остался присущимъ здравый интеллектуальный интересъ къ вопросамъ богословскимъ, готовность искать истину, утверждать ее, бороться за истину въ случаѣ нужды—и не уступать. Объяснимся ближе. Аріанизмъ имѣлъ въ себѣ много худыхъ сторонъ, но онъ не вовсе былъ чуждъ и сторонъ добрыхъ. Онъ имѣлъ ху-

---

няго разъединеннаго состоянія, отъ своего колебанія между аріанствомъ и православіемъ, къ единенію съ послѣднимъ“.

<sup>243</sup>) Напр. соборъ Александрійскій 362 года (Socr. III, 7); каждый изъ отцевъ церкви писалъ противъ Савеллія.

<sup>246</sup>) Theodoret. II, 27.

<sup>247</sup>) Sosom. VI, 5. Вопросъ о сближеніи аріанъ съ православными требовалъ бы болѣе подробнаго раскрытія; но къ сожалѣнію это выходило за предѣлы нашей задачи.



дыя стороны, ибо онъ былъ подозрителенъ, буквалистиченъ, скоръ на заключенія, горячъ до неразумія, слишкомъ вѣрилъ въ разумъ. Онъ вѣру хотѣлъ подчинить разуму. Но вѣра потому и есть вѣра, что она не подчиняется разуму. Гдѣ беретъ верхъ разумъ, тамъ нѣтъ и не можетъ быть вѣры. Аріанизмъ хотѣлъ понять, постигнуть, логически опредѣлить упостасныя отношенія Св. Троицы. Но кто можетъ исчислить звѣзды, а тѣмъ болѣе объять недомыслимое Божество? Вотъ слабыя стороны аріанизма... Но рядомъ съ худшими были и лучшія стороны въ томъ же аріанствѣ. Мысль богословствующая у нихъ не хотѣла довольствоваться хотя бы самыми возвышенными словесными формулами, въ которыхъ выражалась вѣра церковная. Они хотѣли, чтобы эти формулы говорили не слуху только и сердцу, но и разуму человѣческому. Они хотѣли привести въ согласіе вѣру и разумъ — требованіе, которое всегда будетъ предъявлять человѣкъ, пока живо человѣчество. Это пониманіе естественныхъ духовныхъ нуждъ человѣка было истиной, какую сказало аріанство прямо и открыто. Эта истина отъ аріанства перешла въ дальнѣйшія поколѣнія, высказывалась нерѣдко въ древней церкви (не высказывается ли это требованіе и теперь, въ наше время?). Утихли въ аріанствѣ, сначала ничѣмъ не сдерживаемые, порывы въ изслѣдованіи религіи; осталась въ кружкахъ, гдѣ оно царствовало, простая любовь къ религіозному знанію, склонность къ постоянному творчеству въ богословской наукѣ, къ уясненію религіозныхъ истинъ „еже отчасти“, потребность богословскаго просвѣщенія. Осталась почва для научнаго изслѣдованія въ границахъ, какія позволяла вѣра. Догматъ о Божествѣ Сына и Духа Святаго наконецъ и аріанами принятъ былъ, несмотря на то, что онъ выше разума. Бурные споры привели мысль аріанствующихъ богослововъ къ несомнѣнной истинѣ, что не все, далеко не все, можно довѣрить разсудочной критикѣ въ области религіи — и первѣе всего догматъ о Троицѣ. Аріанство дошло до этой истины своимъ горькимъ опытомъ. Религіозное знаніе получало должное ограниченіе; для него устанавлились законныя предѣлы, однакожь сохранилась въ кружкахъ, гдѣ прежде бурило аріанство, здравая интеллектуальная склон-

ность къ изученію вѣры. Разочарованіе послѣдовало въ аріанахъ послѣ того, какъ ихъ символы, вѣроизложенія, не убѣдили никого, никому не доставили душевнаго покоя. Но они не отказались отъ мысли о позволительности составлять новые символы, когда потребуютъ того нужды времени, когда нужно будетъ изложить для всеобщаго исповѣданія несомнѣнную догматическую истину. Это они признавали законнымъ, полезнымъ и противоположной мысли не высказывали. Потребности церкви они ставятъ на первомъ планѣ и впередъ не связываютъ себя никакими на сей счетъ узаконеніями и опредѣленіями. Все это, о чемъ мы сказали, осталось въ наслѣдіе отъ аріанства, когда оно отживало свои дни, поколѣніямъ современнымъ и будущимъ. Аріанство ослабѣваетъ и умираетъ въ тихой безвѣстности. Но оно создаетъ, что обыкновенно называется, направленіе, которое не умерло съ аріанствомъ. Отказавшись отъ ереси, это направленіе вошло въ теченіе богословскаго развитія церкви въ качествѣ православнаго направленія. Это направленіе и ранѣе—совмѣстно съ аріанствомъ, позднѣе—независимо отъ него, жило тамъ же, гдѣ жило само аріанство. Оно пріютилось въ Антиохіи, затѣмъ въ Константинополѣ и простирало свое вліяніе на округи, какія позднѣе стали называться патріархатами Антиохійскимъ и Константинопольскимъ. Это есть направленіе *антиохійское*, поскольку въ немъ удержались принципы и стремленія, отличавшіе преимущественно церковь антиохійскую въ эпоху аріанства. Этому направленію суждено было имѣть большое значеніе въ дальнѣйшей исторіи церковной.

Что касается до общества противниковъ аріанъ, православныхъ, представители его не могли извлечь изъ борьбы съ аріанствомъ никакихъ полезныхъ уроковъ. Ихъ основная точка зрѣнія, что вѣру не должно провѣрять разумомъ, что вѣра выше разума, была вѣрна, и не нуждалась въ измѣненіи, усовершеніи. Борьба эта важна была однакожь въ томъ отношеніи для православныхъ, что сильнѣе, крѣпче, цѣлостнѣе предались они вѣрѣ Никейской. Въ символѣ Никейскомъ они видѣли предметъ, за который, если потребуется, нужно положить животь свой. Символь вѣры оставался для нихъ неизмѣняемымъ и вполне достаточнымъ на всѣ

времена. Мысль эта впрочемъ выражается вполнѣ въ крайность, приводитъ къ недоразумѣніямъ, рутинерству. Интересъ къ религиозному знанію былъ и оставался у нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Орудіемъ мысли они пользовались лишь тогда и настолько, когда и насколько вызывала къ тому борьба съ врагами истины. Они не чуждались науки, но и не отдавались ей. Тишина церковная, относительная, — наступившая въ 60-хъ и въ особенности въ 70-хъ годахъ, дала возможность этой партіи безпристрастнѣе и строже отнестись къ вопросу: всѣхъ ли прежнихъ друзей ея нужно считать дѣйствительно друзьями? Это повело къ осужденію нѣкоторыхъ лицъ, которымъ она прежде довѣряла<sup>248</sup>). Центромъ, гдѣ сосредоточились силы этой партіи, были именно тѣ же мѣста, гдѣ жили и дѣйствовали защитники Никейскаго собора — Александрія, а за нею Римъ. Вліяніе Александріи простиралось и на сопредѣльныя страны. Это было направленіе *александрійское*, по скольку оно было выраженіемъ тѣхъ принциповъ и стремленій, какими отличались въ богословствованіи церковь и школа александрійская. Направленіе это долго живетъ въ исторіи, не сливаясь съ направлениемъ антioxійскимъ, но исторія его траурная. Теперь оно перестало быть единственно православнымъ, потому что антioxійское направленіе, очистившись отъ своихъ крайностей, вошло въ общій потокъ церковной жизни. Церковь вся становилась православною, но это не мѣшало жить направленіямъ полною жизнію, сталкиваться, бороться, впадать въ крайности, снова становиться здоровыми. Изъ нихъ выдѣляются крайнія партіи, сепаративныя общества, выходятъ еретическія ученія, пока наконецъ направленія не примиряются вполнѣ, образовавъ одно церковно-богословское русло. Послѣ чего никакіе сильные споры, которые потрясали бы вселенную, не могли имѣть мѣста въ древней церкви. Когда это совершилось?...

---

<sup>248</sup>) Папа Дамась и еп. Александрійскій Петръ на соборѣ Римскомъ (въ 376 г.) осудили Аполлинарія. *Sosom.* VI, 25.

#### IV.

Это вѣра православныхъ.  
*Отцы Халкидонскаго собора.*

Прости соборъ архіереевъ и іереевъ,  
почтенныхъ сановитостію и лѣтами.  
Умолкъ языкъ непріязненный.  
*Григорій Богословъ.*

Въ своемъ изслѣдованіи мы подошли къ изложенію и раскрытію догматической дѣятельности второго вселенскаго Константинопольскаго собора. Исторія его намъ такъ же мало извѣстна, какъ и перваго вселенскаго. Актовъ или протоколовъ собора до насъ не дошло; вѣроятно ихъ никогда и не существовало. При изученіи этого собора приходится довольствоваться скудными свѣдѣніями, сохранными церковными историками V вѣка, и сочиненіями Григорія Богослова, очевидца, бывшаго на соборѣ. Хотя сочиненія Григорія и не скудны свѣдѣніями, но эти послѣднія изложены въ духѣ полемическомъ, а потому научное пользование ими требуетъ осторожнѣйшей критики.

Единственнымъ документомъ, заключающимъ въ себѣ результаты догматической дѣятельности собора II вселенскаго, остается символъ Константинопольскій, извѣстный подъ именемъ Никео-константинопольскаго <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> О происхожденіи символа константинопольскаго существуетъ неоднаковое мнѣніе. Гефеле думаетъ, что онъ былъ въ употребленіи въ церкви ранѣе II Вс. собора и на ономъ только подвергся исправленію (Conciliengeschichte II, 9. 10). Это мнѣніе раздѣляетъ и Чельцовъ (Др. формы символа, стр. 64—5). Но первый, кажется, самъ себѣ противорѣчитъ, когда называетъ символъ Кон—скій „квинтэссенціей“ обширнаго вѣроопредѣленія

Сдѣлаемъ анализъ символа. Исходной точкой для этого возьмемъ символъ Никейскій, съ которымъ и будемъ сравнивать разсматриваемый символъ.

Начало символа, изложеніе ученія о Богѣ Отцѣ, у отцевъ никейскихъ и константинопольскихъ однозначуще, но въ словахъ есть самая незначительная разница. Въ символѣ Константинопольскомъ читаемъ: „вѣруемъ во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, видамаго всего и невидимаго“. Слово „неба и земли“ (*οὐρανοῦ καὶ γῆς*), въ символѣ Никейскомъ не было. Отцы Константинопольскаго собора не сдѣлали никакихъ существенныхъ поясненій въ этомъ догматѣ для вѣрующихъ потому, безъ сомнѣнія, что о Богѣ Отцѣ не было споровъ въ церкви. Григорій Богословъ прямо замѣчалъ: „нужно ли говорить объ Отцѣ, Котораго не касаются *по общему согласію* всѣ водящіеся естественнымъ смысломъ (еретики)“<sup>2)</sup>.

Ученіе о Сынѣ Божіемъ, какъ второй въпостаси св. Троицы изложено неодинаково въ символѣ Константинопольскомъ по сравненію съ символомъ Никейскимъ. Въ символѣ Никейскомъ было: „и во единого Господа Иисуса Христа, Сына

(*τόμος*), составленнаго отцами собора вселенскаго, но до насъ не дошедшаго, относительно котораго однакожъ встрѣчаемъ указаніе въ ц. исторіи Θεодорита (V, 9). Неандеръ считаетъ символъ Кон—скій за передѣлку символа Никейскаго (B. I, 646), тоже—еп. Іоаннъ (ист. Вс. соб. стр. 112). Мы присоединяемся къ мнѣнію Неандера и Іоанна. Послѣдній дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, заслуживающихъ вниманія, противъ мнѣнія Гефеле и Чельцова (стр. 118—20), собственно по вопросу о восьмомъ членѣ вѣры. Съ своей стороны въ подтвержденіе втораго мнѣнія прибавимъ слѣдующее. Въ посланіи отцевъ собора къ императору Θεодосію встрѣчаемъ одно мѣсто, которое наводитъ на мысль, что символъ составленъ отцами самостоятельно, на основаніи Никейскаго символа. Они писали: „мы возобновили взаимное общеніе между собою, потомъ изрekli краткія опредѣленія (т. е. символъ), утвердивъ вѣру отцевъ никейскихъ (*ἔλαβα καὶ συντόμοις ὄροντες ἐξεφώνησαν, τὴν τε τῶν πατέρων πίστιν τὴν ἐν Νικαίᾳ κηρούσαντες. Binii. Concilia. p. 533. tom I, pars 1*), и осудили возникшія противъ нея ереси“, т. е. соборъ направилъ свой символъ противъ ересей. Значитъ отцы сами составили символъ на основаніи символа Никейскаго собора.—Послѣдующая церковь ясно отличаетъ этотъ символъ отъ символа Никейскаго (IV Вс. соборъ).

<sup>2)</sup> Oratio in Aegyptiorum, adventum. Col. 249. Migne. Gr. tom. 36. Твор. III, 190. Издан. 1-е.

Божія, единопороднаго, рожденнаго, отъ Отца, т. е. *изъ сущности Отца. Бога отъ Бога*, свѣтъ отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго все произошло, *какъ на небѣ, такъ и на землѣ*“. Въ символѣ же Константинопольскомъ читаемъ: „и во единаго Господа І. Христа, Сына Божія Единороднаго, рожденнаго отъ Отца *прежде всѣхъ вѣковъ*, свѣтъ отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, не сотвореннаго, единосущнаго Отцу, чрезъ Котораго все произошло“ (*καὶ εἰς ἓνα κύριον Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν υἱὸν τοῦ Θεοῦ τὸν μονογενῆ, τὸν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα πρὸ πάντων τῶν αἰώνων, φῶς ἐκ φωτός, θεὸν ἀληθινὸν ἐκ θεοῦ ἀληθινοῦ, γεννηθέντα, οὐ ποιηθέντα, ὁμοούσιον τῷ πατρὶ, διὸ οὐ τὰ πάντα ἐγένετο*). Съ перваго взгляда видно, что редакция константинопольская совершеннѣе редакціи никейской. Для доказательства нашей мысли разсмотримъ: чѣмъ, какими побужденіями могли руководствоваться отцы при измѣненіи символа Никейскаго въ ученіи о Сынѣ Божіемъ? Отцы Константинопольскаго собора прежде всего сдѣлали нѣкоторыя сокращенія символа Никейскаго по данному вопросу. Сокращеніи имѣютъ полную основательность. Такъ словъ „Бога отъ Бога“, находящихся въ Никейскомъ символѣ, нѣтъ въ символѣ Константинопольскомъ. Нужно думать потому, что какъ скоро есть въ символѣ слова: „Бога истиннаго отъ Бога истиннаго“ первое выраженіе было излишнимъ; оно представлялось тождесловіемъ. Въ символѣ Константинопольскомъ нѣтъ также словъ, встрѣчающихся въ Никейскомъ символѣ: „какъ на небѣ, такъ и на землѣ“. Эти слова были излишни, когда ясно уже сказано было: „чрезъ Котораго (Сына) все произошло“. Если — все, то конечно произошло этъ Него небо и что на небѣ, земля и что на землѣ. Сократители символа Никейскаго избѣгали многословія. Но главное сокращеніе касается словъ— „изъ сущности Отца“, словъ, которыя изъ символа Никейскаго не переносятся въ Константинопольскій. Почему этихъ словъ не находимъ въ символѣ Константинопольскомъ? Профессоръ Чельцовъ указываетъ <sup>3)</sup> двѣ причины: слова: „изъ сущности

<sup>3)</sup> Чельцовъ. Древнія формы символа, стр. 65—67.

Отца“ опущены во 1-хъ потому, что слово „единосущный“ одно достаточно для выраженія отношеній Сына Божія къ Отцу; во 2-хъ потому, что о словахъ: „изъ сущности“ много спорили, понимали ихъ превратно, и соборъ, исключая ихъ изъ символа, хотѣлъ тѣмъ положить конецъ спорамъ. Та и другая причина, представляемая авторомъ, намъ кажется недостаточна. Относительно первой причины замѣтимъ: выраженія „изъ сущности Отца“ и „единосущный“ совсѣмъ не тождественны,—удержаніе послѣдняго выраженія не вознаграждаетъ опущенія перваго; слова „рожденный изъ сущности Отца“ указывали на предвременный, предвѣчный моментъ происхожденія Сына, а выраженіе „единосущный Отцу“ указывало на одно изъ свойствъ Сына, рожденного отъ Отца: Онъ единосущенъ со Отцемъ. Ибо символъ имѣлъ цѣлю перечислить свойства Сына, рожденного отъ Отца. Онъ, говорилъ, что Сынъ—Богъ истинный, несотворенный, единосущный, творецъ. Касательно второй причины, замѣтимъ: если константинопольскіе отцы избѣгали словъ: „изъ сущности Отца“, потому что эти слова соблазняли нѣкоторыхъ, то на томъ же самомъ основаніи они должны были исключить изъ символа и слово: „единосущный“, потому что споры были и о томъ и о другомъ выраженіи. По нашему мнѣнію, причина исключенія изъ символа словъ: „изъ сущности Отца“ могла быть другая. Выраженія: „рожденный отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца“, и „единосущный Отцу“ могли приводить къ мысли, что рожденіе Сына Божія отъ Отца и бытіе Его съ извѣстными свойствами суть моменты послѣдующіе одинъ за другимъ. *Сначала* Сынъ рождается отъ сущности Отца, а *потомъ* остается имѣющимъ извѣстныя свойства, единосущнымъ Отцу. Выраженія Никейскаго символа легко могли давать поводъ къ такой мысли. Въ самомъ дѣлѣ, слова: „рожденного изъ сущности Отца“ давали представленіе, что былъ отъ вѣчности моментъ, когда Сынъ какъ бы выдѣлился, произошелъ изъ сущности Отца. Слово же „единосущный“ какъ бы указывало на одно изъ свойствъ бытія Сына во Отцѣ послѣ акта рожденія Его. Нужно было устранить подобную мысль. Это и сдѣлали отцы константинопольскаго собора. Они исключили слова: „изъ сущности Отца“, замѣнивъ ихъ другими:

„рожденнаго отъ Отца *прежде всѣхъ вѣковъ*“. Эти послѣднія слова моментъ рожденія Сына ставили внѣ сферы всякаго представленія о какомъ либо времени: бытіе Сына и рожденіе Его являются у отцевъ константинопольскихъ однимъ и тѣмъ же предвѣчнымъ актомъ. Рожденіе и бытіе Сына—не отличные одинъ отъ другаго акты, но одинъ и тотъ же актъ. Вотъ мысль отцевъ, когда они исключили: „изъ сущности“ и замѣнили это словами: „прежде всѣхъ вѣковъ“. Они исправили не совсѣмъ точный языкъ Никейскаго символа. Выраженія: „рожденнаго прежде всѣхъ вѣковъ“ и „единосущный“ въ символѣ Константинопольскомъ должны были дополнять и пояснять одно другое. Удержавъ слово: „единосущный“ въ своемъ символѣ, отцы константинопольскаго собора заявляли предъ лицомъ всего христіанскаго міра, что они согласны въ вѣрѣ съ отцами никейскими: они устраняли возможность всякихъ подозрѣній на ихъ счетъ.

Ученіе символа Константинопольскаго о лицѣ Иисуса Христа, Сына Божія, какъ Богочеловѣка, также изложено въ чертахъ иныхъ, чѣмъ какъ оно изложено въ символѣ Никейскомъ. Въ Никейскомъ символѣ было: „ради насъ человекъ и ради нашего спасенія снисшедшаго и воплотившагося, вочеловѣчившагося, страдавшаго и воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ“. Въ символѣ же Константинопольскомъ читаемъ: „ради насъ человекъ и ради нашего спасенія сшедшаго *съ небесъ* и воплотившагося *отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы*, и вочеловѣчившагося, *распятаго за насъ при Понтіи Пилатѣ*, и страдавшаго, и *погребеннаго* и воскресшаго въ третій день *по писаніямъ*, и восшедшаго на небеса, и *сидящаго одесную Отца* и паки имѣющаго *пріити со славою*—судить живыхъ и мертвыхъ, *котораго царству не будетъ конца*“. (Τὸν δι' ἡμῶν τοὺς ἀνθρώπους καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν κατελθόντα ἐκ τῶν οὐρανῶν καὶ σαρκωθέντα ἐκ πνεύματος ἁγίου καὶ Μαρίας τῆς παρθένου καὶ ἐνανθρωπήσαντα, σταυρωθέντα τε ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου καὶ παθόντα καὶ ταφέντα καὶ ἀναστάντα τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ κατὰ τὰς γραφάς, καὶ ἀνελθόντα εἰς τοὺς οὐρανοὺς, καὶ καθεζόμενον ἐκ δεξιῶν τοῦ Πατρὸς; καὶ πάλιν ἐρχόμενον μετὰ δόξης κρῖναι ζῶντας καὶ νεκρούς· οὗ τῆς βασιλείας οὐκ ἔστι τέλος). Всѣ отличія символа



Константинопольскаго отъ Никейскаго въ изложеніи ученія о Богочеловѣкѣ сводятся къ тому, что первый имѣеть цѣлю возможно яснѣе изобразить плотское естество Богочеловѣка. Сюда направляются изреченія: „отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы“, — указаніе на сверхъестественное, но человѣческое рожденіе Христа; „распятаго за насъ при Понтіи Пилатѣ“, „погребеннаго“ — признаки истинно человѣческаго страданія Христа; — „сѣдящаго одесную Отца“, „придетъ со славою“ — указаніе на то, что Богочеловѣкъ съ своимъ человѣческимъ естествомъ пребываетъ и по окончаніи земнаго пришествія, въ немъ же придетъ судить міръ, и съ нимъ же пребудетъ во вѣки. Символь имѣеть въ виду устранить всякія подозрѣнія относительно непризрачности, реальности человѣческаго естества во Христѣ. Есть всѣ основанія предполагать, что отцы направляли свои опредѣленія противъ ученія Маркелла <sup>4)</sup> и Аполлинарія. Что символъ имѣлъ въ виду ниспроверженіе ученія Маркелла, это видно изъ того, съ какою силою онъ утверждаетъ мысль, что Богочеловѣкъ всегда пребываетъ лицомъ отличнымъ отъ Отца („сѣдяща одесную Отца“, „царству Котораго не будетъ конца“). Что отцы имѣли въ виду поразить ученіе Аполлинарія, это видно изъ словъ собора Константинопольскаго 382 года, бывшаго какъ бы продолженіемъ недавняго собора вселенскаго <sup>5)</sup>, Отцы сказаннаго собора въ посланіи къ папѣ Дамасу, указывая на то, что сдѣлано было на II Вселенскомъ соборѣ, между прочимъ, писали <sup>6)</sup>: „касательно воплощенія Господа мы сохраняемъ ученіе неизвращенное: принимаемъ домостроительство плоти и не безъ души, и *не безъ ума*, и не несовершенное, но допускаемъ цѣлостнымъ, т. е. совершенное прежде вѣкъ Слово Божіе въ послѣдніе дни для спасенія нашего сдѣлалось совершеннымъ челоуѣкомъ“ <sup>7)</sup>.

<sup>4)</sup> Hefele. Band. II, s. 11.

<sup>5)</sup> Hefele. II, 37.

<sup>6)</sup> Theodoret. V, 9. Наше соображеніе подтверждаетъ Hefele. В. II, s. 9. 10. Caspari. Quellen zur Geschichte d. Taufsymbols und d. Glaubensregel. 1866—1875. В. I, 40. 136. III, 46.

<sup>7)</sup> Другія черты новыя по сравненію съ символомъ Никейскимъ, въ которыхъ описывается Богочеловѣкъ у отцевъ II Вселенскаго собора, не имѣють особеннаго значенія.

Переходимъ къ ученію II Вселенскаго собора о Духѣ Святомъ. Въ символѣ Никейскомъ о третьей ипостаси Св. Троицы просто замѣчено было: (вѣруемъ) „и въ Духа Святаго“. Не то видимъ у отцевъ собора Константинопольскаго. Здѣсь говорится: „И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, отъ Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ спокланяемаго и славимаго, глаголавшаго чрезъ пророковъ“. (*Kaì eis tò pneûma tò áγιον, tò κύριον ζωολοῖόν, τὸ ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορευόμενον, τὸ σὺν πατρὶ καὶ υἱῷ συμπροσκυνούμενον καὶ συνδοξαζόμενον, τὸ λαλῆσαι διὰ τῶν προφητῶν*).

Черты ученія о Духѣ Св., въ какихъ здѣсь излагается оно, всѣ встрѣчаются у отцевъ церкви Никейской эпохи. „Святымъ“ Духа именуется, напр. Григорій Нисскій, уча: „Духъ Святой святъ по естеству (*τὸ pneûma tò áγιον κατὰ φύσιν*), такъ же какъ Отець по естеству святъ, равно какъ и Единородный“ <sup>8)</sup>. „Господомъ“ (*κύριος*) исповѣдуется Его Василиій великій <sup>9)</sup>. „Живое и существенное и ипостасное царство есть Духъ Святой“, говорить въ томъ же родѣ Григорій Нисскій <sup>10)</sup>. О Духѣ „животворящемъ“ проповѣдуетъ Василиій великій. Раскрывая это ученіе, онъ говорить: „Духъ оживотворяетъ (*ζωολοεῖ*) вмѣстѣ съ животворящимъ все Богомъ и дающимъ жизнь Сыномъ“ <sup>11)</sup>. Объ „исхожденіи“ Духа св. отъ Отца съ ясностію учить Григорій Богословъ. Онъ говорить: „не выходя изъ данныхъ намъ предѣловъ, вводимъ Нерожденнаго, Рожденнаго и отъ Отца Исходящаго (*τὸ ἐκ τοῦ πατρὸς ἐκπορευόμενον*). Но когда сіе исхоженіе? Прежде самаго *когда*. Если же надобно выразиться нѣсколько смѣлѣе,—тогда же, какъ и Отець“ <sup>12)</sup>. Вѣру въ Духа Св. „спокланяемаго и славимаго со Отцемъ и Сыномъ“ отцы излагали со всею рѣшительностію. Аванасій писалъ: „Духъ прославляется со Отцемъ и Сыномъ“ (*τὸ συνδοξαζόμενον πατρὶ καὶ υἱῷ*). „Истинные поклонники поклоняются Отцу, но поклоняются Ему Духомъ

<sup>8)</sup> De Spiritu sancto contra Macedonianos. Col. 1228. Migne, t. 45. Твор. VII, 52.

<sup>9)</sup> Contra Eunomium. Lib. IV. Col. 732. Migne, t. 29. Твор. III, 196.

<sup>10)</sup> De Spiritu sancto contr. Macedon. col. 1321 Твор. VII, 43.

<sup>11)</sup> Lib. de Spiritu S. Col. 172. Migne, t. 32. Твор. III, 319.

<sup>12)</sup> Orat. III theologica. col. 76, 77. Migne, t. 36. Твор. III, 51.

и Истиною, т. е. исповѣдуя Сына и въ Немъ Духа“ <sup>13)</sup>. Василий великій пишетъ: „Сынъ исповѣдуется единосущнымъ Отцу и Св. Духъ вмѣстѣ споклоняемымъ“ <sup>14)</sup>. Григорій Нисскій вопрошаетъ: „отдѣляется ли когда отъ Сына Духъ такъ, чтобы при поклоненіи Отцу, не включалось вмѣстѣ и поклоненію Сыну и Духу“ (*συμπεριλαμβάνεσθαι καὶ τοῦ πνεύματος τὴν προσκύνησιν*) <sup>15)</sup>? Выраженія о Духѣ Св., что Онъ глаголаеъ чрезъ пророковъ, встрѣчаются у отцевъ очень часто.

Ученіе Константинопольскаго символа о Духѣ Святомъ провозглашено было безъ сомнѣнія для ниспроверженія безконечныхъ неправильныхъ воззрѣній относительно третьей вѣпостаси св. Троицы, а также и вопреки Маркеллу, отрицавшему вѣпостасное бытіе Духа Св. Было бы неосновательно полагать, что оно изложено въ виду македоніанъ, какъ обыкновенно думаютъ. Съ македоніанами на соборѣ II вселен., хоть они и были приглашены сюда, и рѣчи не было о Духѣ Святомъ.

Съ перваго взгляда ученіе символа Константинопольскаго о Духѣ можетъ представляться не полнымъ: въ изложеніи онаго не встрѣчается имени: Богъ въ приложеніи къ Духу Святому. Были ли высказываемы въ церкви какія либо неосновательныя подозрѣнія касательно составителей вѣроопредѣленія, не знаемъ. Но извѣстно, что соборъ Константинопольскій 382 г., на который слѣдуетъ смотрѣть какъ на продолженіе собора Вселенскаго 381 года, исповѣдывалъ ученіе о Божествѣ Духа съ полною ясностію и рѣшительностію и тѣмъ указалъ истинный смыслъ Константинопольскаго символа касательно ученія о Духѣ Святомъ. Вотъ эти примѣчательныя слова отцевъ собора Константинопольскаго 382 года. „Вѣра древняя учитъ насъ вѣровать во имя Отца, и Сына и Св. Духа, т. е. вѣровать въ Божество, силу и единосущество Отца и Сына и Св. Духа (*ὁμοῦς μᾶς τοῦ πατρὸς, καὶ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος*), вѣровать въ равночестное достоинство (*ὁμοτίμον τῆς ἀξίας*) и

<sup>13)</sup> Epist. I ad. Serapionem. Col. 601, 608. Твор. III, 50. 54.

<sup>14)</sup> Epist. (90) ad Occidentales. Migne, t. 32. Твор. VI, 212.

<sup>15)</sup> De Spiritu S. con. Maced. Col. 1332. Твор. VII, 55.

совѣчное царствованіе трехъ совершенныхъ ипостасей или трехъ совершенствъ лицъ<sup>16)</sup>. Итакъ, ученіе о Духѣ Св., какъ истинно Божественной ипостаси Троицы, есть принадлежность ученія символа Константинопольскаго<sup>17)</sup>.

Подъ какимъ вліяніемъ произошло составленіе символа Константинопольскаго? Подъ вліяніемъ ли направленія александрійскаго или антиохійскаго? Не задумываясь, отвѣчаемъ: подъ вліяніемъ направленія антиохійскаго<sup>18)</sup>. Почему такъ нужно думать? Прежде всего, самая мысль составить новый символъ могла принадлежать только представителямъ антиохійскаго направленія. Припомните мысли Аѳанасія александрійскаго о неизмѣняемости и достаточности символа Никейскаго на всѣ времена. Мыслями этими одушевлена была и соединена и вся партія александрійскаго богословскаго направленія. Иначе смотрѣли на дѣло представители направленія антиохійскаго. Символъ Никейскій не былъ для нихъ послѣднимъ словомъ въ изложеніи христіанской догматики. Нужды времени для нихъ были важнымъ побужденіемъ и оправданіемъ въ составленіи новыхъ символовъ, вѣроопредѣленій. Если обратимъ вниманіе на содержаніе символа Константинопольскаго, то опять увидимъ, что онъ носитъ печать антиохійскаго направленія. Символъ, какъ мы сказали, въ догматѣ о воплощеніи Сына Божія, направленъ противъ Маркелла и Аполлинарія, а Маркеллъ и Аполлинарій считались страшными врагами христіанскаго ученія именно въ кружкахъ антиохійствующихъ; въ обществахъ же дружественныхъ съ александрійскимъ богословствованіемъ на нихъ смотрѣли не очень строго. Далѣе, если изъ символа Никейскаго исключены слова: „изъ сущности Отца“, то это могли сдѣлать только богословы антиохійскаго направленія. Лишь въ средѣ ихъ эти слова символа Никейскаго возбуждали безконечные и жаркіе споры, только въ средѣ ихъ они возбуждали постоянный про-

<sup>16)</sup> Theod. V, 9. Col. 1216.

<sup>17)</sup> Говорить о другихъ пунктахъ ученія символа Константинопольскаго не входило въ нашу программу.

<sup>18)</sup> Если мысль наша съ перваго взгляда кажется произвольною, то въ дальнѣйшемъ нашемъ изслѣдованіи, надѣемся, она получаетъ всѣ нужныя для нея основанія.

тестъ. Александрійцы не могли отказаться отъ указанныхъ словъ <sup>19)</sup>, не отказываясь отъ большинства сочиненій св. Аѳанасія, гдѣ этотъ терминъ защищался съ поразительною энергіей. Наконецъ, соборъ Константинопольскій вселенскій въ своей дѣятельности опирался изъ прежнихъ соборовъ болѣе всего на соборъ Аптіохійскій, 378 года, о которомъ, къ сожалѣнію, мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія <sup>20)</sup>, но о которомъ, какъ авторитетномъ, наравнѣ съ соборомъ вселенскимъ Константинопольскимъ говорятъ отцы Константинопольскаго собора 382 года <sup>21)</sup>. Намъ можно сдѣлать два возраженія: въ 1-хъ, по свидѣтельству церковнаго историка Каллиста, свидѣтельству единственному, на составленіе символа имѣлъ вліяніе болѣе всего Григорій Нисскій <sup>22)</sup>, а онъ былъ александріецъ. Во 2-хъ, во всемъ символѣ и въ особенности въ ученіи о Духѣ Святомъ ясно чувствуется отраженіе идей писателей александрійскаго направленія, какъ это мы и сами выше доказали, сопоставивъ ученіе о Духѣ Святомъ символа Константинопольскаго съ ученіемъ Аѳанасія, Василия и другихъ александрійскихъ богослововъ. Относительно перваго возраженія скажемъ. Мы не вѣримъ Каллисту, писателю XIV вѣка. Ему въ этомъ случаѣ не вѣрять и наука <sup>23)</sup>. Григорій Нисскій, по нашему мнѣнію, не былъ такимъ лицомъ, которое въ

---

<sup>19)</sup> Правда, у Сократа (Ш, 7) встрѣчаемъ извѣстіе, что будто соборъ александрійскій 362 года положилъ не употреблять выраженіе „сущность“ въ отношеніи къ Лицамъ Св. Троицы; но это извѣстіе, по справедливому замѣчанію Гефеле (В. I, 727), лишено всякаго основанія.

<sup>20)</sup> Арх. Порфирія. Св. Григорій Нисскій, стр. 24 (Прибавл. къ Твор. св. отецъ, т. 20). Hefele I, 743.

<sup>21)</sup> Theodor. V, 9. Col. 1216. Слѣдуетъ замѣтить, что выраженіе: „по писаніямъ“, которое встрѣчается и въ Константинопольскомъ символѣ, по мнѣнію Каспаря, есть черта, отличающая символы, вышедшіе изъ церквей антиохійскаго округа, по сравненію съ символами другихъ церквей (Quellen. Ш, 73).

<sup>22)</sup> Nicephorus Callistus. Hist. eccles. Lib XII. Cap. 13. Еп. Іоанна „Ист. соборовъ“, стр. 118.

<sup>23)</sup> Неандеръ нерѣшительно говоритъ, что Григорій Нисскій „кажется“ имѣлъ вліяніе на ходъ догматической дѣятельности II вселенскаго собора (Neander. В. I, s. 645). Гефеле извѣстіе Каллиста прямо считаетъ неслаживающимъ довѣрія (Hefele В. II, s. 10).

состояніи было взять въ свои руки ходъ дѣлъ многочисленнаго собранія епископовъ. Даже Григорію Богослову это оказалось не по силамъ, а тѣмъ болѣе Григорію Нисскому. Какого характера былъ Григорій Нисскій, объ этомъ свидѣтельствуемъ братъ его Василій великій. Онъ жалуется на его „простодушіе“<sup>24)</sup>, считаетъ его немудрымъ въ управленіи дѣлами церкви; „о немъ я знаю, что онъ совершенно неопытенъ въ дѣлахъ церкви“<sup>25)</sup>, замѣчаетъ Василій. Мало было имѣть ораторскій талантъ, быть превосходнѣйшимъ богословомъ-писателемъ, быть человѣкомъ высокихъ нравственныхъ качествъ; нужно было приобрѣсть еще авторитетъ, имѣть силу воли, умѣть направлять дѣла къ опредѣленной цѣли: все это едва ли было у „неопытнаго“ и „простодушнаго“ Григорія. На второе возраженіе отвѣтъ простъ: антiохійское направленіе во времена II вселенскаго собора заключалось не въ разности догматическихъ воззрѣній его представителей по сравненію съ тѣми же воззрѣніями представителей александрійской стороны, но лишь въ разности духовныхъ склонностей<sup>26)</sup>. Догматика александрійцевъ и антiохійцевъ въ это время ничѣмъ существенно не отличалась одна отъ другой. Догматическія воззрѣнія у нихъ были одинаковы. Аѳанасій, Василій въ ученіи богословскомъ являлись для нихъ, антiохійцевъ, такими же хранителями истины, какъ и для всѣхъ приверженцевъ александрійскаго направленія. Соборъ Константинопольскій несомнѣнно мыслилъ также, какъ Аѳанасій, Василій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій. Разницы не было. Ученіе этихъ свѣтилъ церкви несомнѣнно легло въ основу опредѣленій символа Константинопольскаго.

Составленіемъ символа и ограничивается, собственно говоря, догматическая дѣятельность II вселенскаго собора. Но исторія знаетъ, что кромѣ этого на соборѣ сдѣлано было и еще многое, не относящееся къ догматикѣ. Мы намѣрены войти въ разсмотрѣніе фактовъ, составляющихъ другія стороны дѣятельности соборной. Мы надѣемся найти

---

<sup>24)</sup> Epist. (100) ad Eusebium ep. Samos. Твор. VI, 238.

<sup>25)</sup> Epist. (215) ad Dorotheum presbyt. Твор. VII, 100.

<sup>26)</sup> См. объ этомъ конецъ III главы.

въ нихъ болѣе или менѣе ясное подтвержденіе нашей основной мысли, что соборъ константинопольскій былъ выраженіемъ направленія антиохійскаго. Тѣмъ охотнѣе беремса за эту задачу, что съ подобной точки зрѣнія еще никѣмъ не былъ обозрѣнъ ходъ дѣлъ на Константинопольскомъ вселенскомъ соборѣ. Желасмъ однакожъ быть немногословными, сколько позволить самое дѣло.

Въ дѣятельности собора, съ нашей точки зрѣнія, заслуживаетъ вниманія: во 1-хъ, появленіе македоніанъ на соборѣ; въ 2-хъ, споры о Павлинѣ; въ 3-хъ, положеніе Григорія Богослова на соборѣ и его окончательное удаленіе изъ Константинополя во время собора.

Почему, съ какою цѣлю появляются на соборѣ македоніане? Чтобы уяснить этотъ вопросъ, нужно хоть нѣсколько заглянуть на исторію македоніанъ до собора.

Ученіе македоніанъ извѣстно („Сынъ Божій подобенъ Отцу“, „Духъ—тварь“). Они были многочисленны. Они разсѣяны были въ Константинополь, Фракіи, Вионни, Гелеспонтѣ, Исавріи и т. д. <sup>27)</sup>, т. е. гдѣ сильнѣе всего утвердилось аріанское, антиохійское направленіе. Вслѣдствіе безконечныхъ раздоровъ въ станѣ аріанскомъ, македоніане рѣшились принять „единосущіе“ и соединиться съ церковію. Для сей цѣли они держатъ соборы и потомъ посылаютъ уполномоченныхъ въ Римъ къ папѣ Либерію, которому они должны были представить грамоту съ изъявленіемъ желанія о присоединеніи къ церкви. Папа принялъ депутацію и македоніане вошли въ союзъ съ церковію. Въ представленной грамотѣ они писали: „держимъ и хранимъ вѣру, утвержденную на Никейскомъ соборѣ и пребывающую доннѣ чистою и непоколебимою“. Къ грамотѣ приложенъ былъ символъ Никейскій. Относительно пониманія слова: „единосущный“, на словахъ они заявляли, Либерію, что подъ единосущіемъ они разумѣютъ подобосущіе. Если вѣрить историкамъ, это заявленіе не вызвало со стороны Либерія протеста. Съ своей стороны папа вручилъ уполномоченнымъ изъ македоніанъ грамоту, съ которою они и возвратились домой. Въ этой грамотѣ македоніане назва-

<sup>27)</sup> Socr. IV, 4. 12. Socr. VI, 10.

ны были „свѣтильниками вѣры“ (*τῶ τῆς πίστεως φωτί προλαμπόμενοι*). Въ той же граматѣ папа съ радостію заявляетъ, что македоніане возвратились къ исповѣданію Никейскому <sup>28)</sup>). Но унія македоніанъ съ православными была непрочно. Вслѣдствіе какихъ-то причинъ позднѣе они снова отвергли слово: „единосущный“ и вообще символъ Никейскій. Впрочемъ, такъ сдѣлали не всѣ, а только нѣкоторые <sup>29)</sup>). Такъ шли дѣла македоніанъ до собора II вселенскаго. Отцы собора призываютъ ихъ на соборъ для разсужденія съ ними. Соборъ имѣлъ въ виду воссоединить ихъ снова съ церковію. Весьма вѣроятно, что помимо прошедшаго въ исторіи македоніанъ, подававшего благія надежды, отцы надѣялись воссоединить македоніанъ съ церковію, принимая во вниманіе сходство у тѣхъ и другихъ общей богословской точки зрѣнія. Созомевъ въ этомъ смыслѣ замѣчаетъ о македоніанахъ, что они „не многимъ чѣмъ отличались въ своихъ понятіяхъ о вѣрѣ“ отъ членовъ собора, почему и призваны были на соборъ. Близость македоніанъ по ихъ направленію къ направленію собора внушала отцамъ увѣренность, что ихъ доводы, убѣжденія, увѣщанія будутъ сочувственно приняты еретичествовавшими. Но надежды членовъ собора не оправдались. Македоніане, кажется, во всемъ изъявляли полное согласіе съ требованіями отцевъ, за исключеніемъ принятія слова: „единосущный“ <sup>30)</sup>).

<sup>28)</sup> Socr. Lib. IV, 12. Sosom. VI, 10. 11.

<sup>29)</sup> Socr. V, 4.

<sup>30)</sup> Что македоніане согласны были съ соборомъ во всемъ прочемъ въ вѣроученіи, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что съ ними и рѣчи не было о Духѣ Св. Въ Духа Св. они, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ тѣ, кои были на соборѣ, нужно полагать, вѣровали одинаково съ отцами, т. е. правильно, въ духѣ православія. Кстати замѣтить, что распространенное мнѣніе о томъ, что соборъ II вселенскій созванъ былъ противъ македоніанъ, вслѣдствіе ихъ неправильныхъ мыслей о Духѣ Св., лишено всякаго основанія. Оно произошло отъ слѣдующихъ причинъ: во-первыхъ, извѣстно было изъ историковъ церковныхъ, что на соборѣ являлись и македоніане, и этотъ фактъ принять былъ за поводъ къ созванію собора. Во вторыхъ, позднѣе въ церкви явилась мысль: приписать собору II вселенскому какую либо опредѣленную задачу, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ отношеніи къ I вселенскому собору; а такъ какъ самымъ виднымъ актомъ собора было составленіе члена о Духѣ Св., то



Еретники такъ и остались упорными <sup>31)</sup>. Число македоніанскихъ епископовъ, явившихся на соборъ, было велико: 36 человекъ. Ихъ, вѣроятно, нарочито собрали изъ близъ лежащихъ странъ <sup>32)</sup>.

Переходимъ къ изложенію дѣла Павлина, еп. антиохійскаго на соборѣ II вселенскомъ. Въ Антиохіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ явилось одновременно два епископа, которые и раздѣляли управленіе надъ православною паствою въ тамошней церкви. Это Мелетій и Павлинъ: кругъ друзей и недруговъ у каждаго изъ нихъ былъ строго опредѣленъ <sup>33)</sup>. Друзья одного были врагами другаго, и на оборотъ. Павлинъ держался стороны александрійствующихъ. Друзья Никейскаго символа дарили его своею пріязнію. Онъ стоялъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Аѳанасіемъ великимъ. Этотъ послѣдній называлъ Павлина и сущихъ съ нимъ возлюбленными своими <sup>34)</sup>. Извѣстный приверженецъ Никейскаго символа Осія Кордовскій былъ также другомъ Павлина. „О дружественныхъ отношеніяхъ“ Осіи и Павлина упоминаетъ Созоменъ <sup>35)</sup>. Павлинъ былъ поставленъ во епископа Антиохіи однимъ пришлецомъ съ запада Люциферомъ <sup>36)</sup>, епископомъ съ острова Сардиніи. Какъ поставленный западнымъ епископомъ, онъ и оставался всегда

---

поводъ къ созванію собора и начали искать въ македоніанахъ (Евагр. Церк. истор. I, 1. Дѣян. Вс. собр. въ русск. пер., т. IV, 107. Изд. 1-ое). По ясному свидѣтельству древнихъ церковныхъ историковъ, соборъ созванъ былъ просто для утвержденія никейскаго ученія (Sosom. VII. 7) и вообще противъ ересей (II Всел. соб., пр. I); вопросъ же о македоніанахъ былъ дѣломъ второстепеннымъ.

<sup>31)</sup> Хотя попытка собора воссоединить македоніанъ съ церковію оказалась безплодною, однакоже у церковныхъ историковъ можно находить много отрядныхъ извѣстій о благотворномъ дѣйствіи II вселен. собора на послѣднихъ изъ арианъ. Послѣ собора ариане часто цѣлыми общинами переходили въ православіе (Soer. V, 10 ad fin. V, 23. Sosom. VIII, 1).

<sup>32)</sup> Soer. V, 8. Sosom. VII, 7.

<sup>33)</sup> Споры о Мелетіи и Павлинѣ не были случайными и неважными; ими, по свидѣтельству Григорія Богослова, „все приводилось въ движеніе, все потрясалось“. Корни споровъ лежали очень глубоко. Catmen de se ipso, de vita sua. Col. 107j. Migne, t. 37. Твор. VI, 27.

<sup>34)</sup> Tomus ad Antiochenos. С. 1. 797. Твор. III, 190.

<sup>35)</sup> Sosom. III, 11.

<sup>36)</sup> Soer. III, 6. Это было въ 362 году.

въ связяхъ съ западомъ. Приверженцы Павлина привозили съ запада какія то письма, вѣроятно—папскія, въ которыхъ епископство въ Антиохіи исключительно предоставлялось Павлину <sup>37)</sup>. Въ Антиохіи Павлинъ имѣлъ цѣлаго приверженныхъ къ нему христіанъ <sup>38)</sup>. Тѣмъ не менѣе это была община отдѣльная, строго опредѣленная. Ученіе Павлина, повидимому, было строго православное <sup>39)</sup>. Но это не мѣшало его противникамъ обвинять его и въ савелліанствѣ и маркелліанствѣ. Флавіанъ, впослѣдствіи — послѣ II вселенскаго собора — епископъ антиохійскій, будучи пресвитеромъ антиохійскимъ, обличалъ Павлина въ искаженіи ученія о различіи ипостасей Божества. Θεодоритъ пишетъ: „мудрѣйшій Флавіанъ обратился къ Павлину и сказалъ: если ты, любезный, дорожишь общеніемъ Дамаса (папы), то покажи намъ ясно сродство догматовъ. Дамасъ, исповѣдуя единое существо Троицы, прямо проповѣдуетъ о трехъ ипостасяхъ, а ты напротивъ отвергася триничность ипостасей“. Такимъ обличеніемъ Флавіанъ — замѣчаетъ историкъ—заставилъ замолчать Павлина“ <sup>40)</sup>. Вотъ друзья и недруги Павлина! Въ Антиохіи онъ встрѣчаетъ себѣ сопротивление, а въ Александріи и Римѣ дѣятельную поддержку. — Совмѣстникомъ Павлина по кафедрѣ Антиохійской былъ Мелетій. Мелетій былъ сначала зараженъ аріанствомъ <sup>41)</sup>. Его обращеніе въ православіе идетъ постепенно и ко времени втораго вселенскаго собора вполне завершается. На соборѣ Селевкійскомъ онъ подписалъ аріанское вѣроопредѣленіе. Вслѣдствіе этого аріане доставили ему высокій престоль антиохійской церкви, надѣясь найти въ немъ опору для себя <sup>42)</sup>. Но онъ не оправдалъ всѣхъ надеждъ аріанъ <sup>43)</sup>.

<sup>37)</sup> Basili Epist. (214) ad Terentium Comit. Col. 785. Твор. VII, 96.

<sup>38)</sup> Socr. III, 9 et annot.

<sup>39)</sup> Athan. Tomus ad Antiochenos. Col. 809. Твор. III, 197--198.

<sup>40)</sup> Theodoret. V, 3.

<sup>41)</sup> Мелетію и его приверженцамъ ставили въ вину слишкомъ раздѣльное представленіе о трехъ ипостасяхъ Божества. Горекій. „Жизнь св. Афанасія“, стр. 150. Athanasii. Tomus ad Antiochenos. Col. 801. Твор. III, 192; см. также Gregorii. De vita sua. Col. 1135. Твор. VI, 52.

<sup>42)</sup> Socr. II, 44. Sosom. IV, 28.

<sup>43)</sup> Ibidem et Theodoret. II, 27.

Въ немъ пробуждается желаніе сблизиться съ приверженцами Никейскаго символа. Въ 363 году, на соборѣ, подъ предсѣдательствомъ самого Мелетія, собравшемся въ Антиохіи, многіе ариане приняли символъ Никейскій. Но Мелетій и теперь еще не былъ православнымъ въ собственномъ смыслѣ; потому что въ свиткѣ соборномъ дано было неправильное толкованіе слову: „единосущный“. По толкованію этого свитка: „единосущный“ значить: „подобный Отцу по сущности“; а это пониманіе полуарианское. Къ слову: „сущность“ соборъ питалъ также подозрѣніе <sup>44)</sup>. Въ дальнѣйшей своей жизни впрочемъ Мелетій вполне эмансипировался отъ возрѣвнй арианскихъ. Съ нимъ входитъ въ самое дружественное общеніе Василій великій и этимъ снимается съ Мелетія всякое подозрѣніе. Мелетій въ своемъ догматическомъ развитіи такимъ образомъ проходитъ школу, какую проходили многіе изъ тогдашнихъ арианъ: началъ съ рѣшительнаго арианства и кончилъ несомнѣннымъ православіемъ. Замѣчательно, что Мелетій подобно всѣмъ епископамъ антиохійскаго направленія избѣгалъ общенія съ Аполлинаріемъ. Общество послѣдователей одного и общество послѣдователей другаго оставались внѣ церковнаго общенія <sup>45)</sup>. Въ церквахъ сирскихъ и малоазійскихъ Мелетій пользовался извѣстностію, уваженіемъ и популярностію. По словамъ Василія великаго, „весь востокъ“ признавалъ Мелетія истиннымъ епископомъ антиохійскимъ и всѣ почитали его, какъ чловѣка „неукоризненнаго въ вѣрѣ и по жизни неимѣющаго никакого сравненія съ другими“ <sup>46)</sup>. Не то видимъ въ Римѣ и Александріи: здѣсь онъ считался прямо еретикомъ. Папы проклинали его, въ Александріи не хотѣли имѣть съ нимъ общенія <sup>47)</sup>. Обращаемся къ II вселен. собору. На этомъ соборѣ Мелетій занималъ безспорно первенствующее значеніе (*πρόεδρος*), какъ объ этомъ прямо и ясно свидѣтельствуеть Григорій Богословъ <sup>48)</sup>. Первенствующее положеніе

<sup>44)</sup> Socr. III, 25. Sosom. VI, 4.

<sup>45)</sup> Sosom. VI, 25.

<sup>46)</sup> Epist. (67) ad Athanasium episc. Alexandr. Твор. VI, 170.

<sup>47)</sup> См. выше гл. III, прим. 217--218.

<sup>48)</sup> Carmen de vita sua. Col. 1134. Твор. VI, 52.

Мелетія антиохійскаго на соборѣ не говоритъ ли о томъ, что представители антиохійскаго направленія стояли во главѣ собора? Къ сожалѣнію Мелетій вскорѣ, еще во время собора, умеръ. Онъ умеръ и унесъ съ собою во гробъ тотъ миръ, какой онъ умѣлъ водворять на соборѣ! Вопросъ, поднятый на соборѣ, о преемникѣ Мелетію показалъ съ ясностію: какимъ духомъ, какими склонностями, какимъ направлениемъ отличались отцы собора, что для насъ такъ важно. Предложеніе, вышедшее отъ лица Григорія Богослова: утвердить катедру антиохійскую за Павлиномъ, который оставался еще въ живыхъ, встрѣтило на соборѣ рѣшительное и единодушное сопротивленіе. Отцы ни въ какомъ случаѣ не хотѣли объявить антиохійскимъ епископомъ Павлина, недруга Мелетіева, креатуру римскую, любимца александрійскаго. Молодые епископы собора, живые и впечатлительные, подали голосъ противъ Павлина, а за ними и всѣ почтенные старцы-епископы. Весь соборъ, какъ одинъ человекъ, высказался противъ постановленія Павлина. Главнымъ основаніемъ выставлено было отцами то, что утвердить Павлина, это значило бы уступать западу. „Въ дѣлахъ восточной церкви—провозглашали отцы—долженъ быть господиномъ востокъ, а не западъ“. Напрасно Григорій Богословъ развивалъ предъ отцами мысль, что если сдѣлаютъ уступку западу въ этомъ вопросѣ—„въ маломъ“, то будутъ вознаграждены тѣмъ, что доселѣ чуждый востоку западъ станетъ на сторону собора. Отцы отвергли предложеніе <sup>49)</sup>. Не ясное ли дѣло, что дѣла на соборѣ находились не въ рукахъ александрійцевъ, а въ рукахъ антиохійцевъ? Кандидатура Павлина не прошла на соборѣ, потому что онъ былъ и считался другомъ Рима, а съ Римомъ и всѣхъ тѣхъ, кто доселѣ стоялъ за одно съ Римомъ. Григорій Богословъ епископовъ собора за споры изъ-за Павлина иронически называетъ „стадомъ галокъ“, мечущимися „осами“ <sup>50)</sup>. Но не стадомъ галокъ въ сущности были отцы собора, отвергая Павлина, а напротивъ высокопарящими орлами, съ выси

<sup>49)</sup> Нужно сказать, что Григорій Богословъ былъ глубокимъ почитателемъ римской церкви. Ibid. Col. 1068. Твор. 23.

<sup>50)</sup> Ibid. 1134—46. Твор. 52—58.

серьезнаго пониманія церковныхъ дѣлъ усматривавшими, какъ опасно было уступить западу даже въ маломъ, тому западу, который въ это время началъ уже ясно показывать стремленіе къ властительству (папа Юлій)<sup>51)</sup>. О еслибы всегда, вездѣ восточная церковь высказывала такую истинную мудрость, какую показалъ соборъ! Тогда папы не скоро бы утвердились въ мысли, что они епископы епископовъ! Споры о Павлинѣ кончились тѣмъ, что, вмѣсто утвержденія его, соборъ возвелъ въ достоинство епископа антиохійскаго, пресвитера антиохійскаго же Флавіана<sup>52)</sup>, того Флавіана, который считалъ и обличалъ, какъ еретика, Павлина, — который наравнѣ съ Павлиномъ обличалъ и Аполлинарія въ присутствіи Мелетія, смотрѣвшаго на это дѣло съ доброніемъ<sup>53)</sup>. Можетъ ли быть послѣ этого сомнѣніе въ томъ, какое направленіе наиболѣе вліяло на соборъ, антиохійское или александрійское?

Что особеннаго представляетъ положеніе Григорія Богослова на II вселенскомъ соборѣ? — Григорій прибылъ для проповѣди истины въ столицу около 379 г., по его словамъ, потому что того желали и „пастыри и овцы“<sup>54)</sup>, потому, что того хотѣлъ Василій великій<sup>55)</sup>. Но прежде разсмотрѣнія положенія его во время собора, мы необхо-

---

<sup>51)</sup> Описаніе собора Григоріемъ заслуживаетъ справедливой критики, о чемъ можно встрѣчать замѣчанія и въ нашей литературѣ. Арх. Порфірія: Жизнь св. Григорія Богослова, стр. 80. М. 1864 г. Но послѣдующіе писатели уклонились отъ этого правильнаго пути. Преосвящ. Іоаннъ называетъ противниковъ Павлина людьми „неблагоразумными“ (Ист. вс. соб. стр. 124); авторъ статьи: „второй вселенскій соборъ“ (Хр. Чт. 1878, ч. II) находитъ въ тѣхъ же недругахъ Павлина „духъ партій“, „не осмысленное отношеніе къ дѣлу“ (стр. 198), считаемъ ихъ „скрытыми аріанами“ (стр. 200), вообще изображаетъ соборъ въ мрачныхъ краскахъ: вмѣсто святаго собора выходитъ соборъ очень подозрительный (на немъ „интриги, безурядица“, стр. 206). Но эти послѣдніе два автора слишкомъ много довѣряли Григорію, а потому, по нашему мнѣнію, приходили къ воззрѣніямъ на соборъ совершенно неправильнымъ. Мы постарались отнестись къ дѣлу съ возможнымъ безпристрастіемъ.

<sup>52)</sup> Soer. V, 9.

<sup>53)</sup> Theodoret. V, 3.

<sup>54)</sup> De vita sua. Col. 1070. Твор. VI, 24.

<sup>55)</sup> Gregor. Theol. oratio in laudem Basilii. Col. 497. Tom. 6. Твор. IV, 54.

димо должны въ возможной краткости изучить нѣкоторые факты изъ его жизни въ Константинополѣ до собора, поскольку эти факты проливаютъ свѣтъ на событія, имѣвшія мѣсто въ отношеніи къ Григорію на самомъ соборѣ. Григорій, какъ александріецъ по духу, идеямъ, воспитанію, прибывъ въ Константинополь, ищетъ себѣ сочувствія и поддержки среди лицъ александрійскаго же направленія. Это такъ естественно! Онъ вступаетъ въ близкія связи съ философомъ Максимомъ (циникомъ), который еще задолго до собора пріѣхалъ и оставался въ Константинополѣ. Кто былъ этотъ Максимъ циникъ? Это александріецъ родомъ и воспитаніемъ, поборникъ Никейскаго собора <sup>56)</sup>, другъ главныхъ вождей александрійскаго направленія: Аѳанасія, Василія великаго, а затѣмъ и самого Григорія. Аѳанасій состоялъ въ перепискѣ съ Максимомъ. До насъ сохранилось письмо перваго ко второму, въ которомъ ревность Максима безусловно похваляется. „Прочитавъ писанное тобою нынѣ, говоритъ Аѳанасій въ посланіи къ нему;—похвалилъ я благоговѣніе твое“, и присовокупляетъ: „ты по праву вразумляй невѣрныхъ“ <sup>57)</sup>. Изъ посланія видно полное согласіе мнѣній Максима и Аѳанасія. Василій также переписывался съ Максимомъ по вопросамъ богословскимъ и высоко ставилъ благочестіе этого философа. Вотъ начальныя строки письма Василіева: „Слова суть изображенія души. Поэтому и я узналъ тебя изъ письма и порадовался, нашедши, что не лѣнностно стремишься къ первымъ и важнѣйшимъ изъ благъ; разумѣю любовь къ Богу и ближнему“. Впрочемъ полного согласія у Василія съ Максимомъ по вопросамъ богословскимъ (о Діонис. александр.) не видно изъ письма <sup>58)</sup>. Максимъ, замѣтимъ, принадлежалъ къ писателямъ не изъ послѣднихъ <sup>59)</sup>. Съ этимъ-то Максимомъ въ самыя искреннія отношенія вступилъ Григорій въ Константинополѣ. Онъ

<sup>56)</sup> Sosom. VII, 9.

<sup>57)</sup> Ad Maximum philos. Col. 1085. 1089. Migne. t. 26. Твор. III, 353. 357.—Что Максимъ, къ которому писалъ Аѳанасій, тождественъ съ Максимомъ константинопольскимъ, объ этомъ см. въ сочиненіи Горскаго: Жизнь Аѳанасія, стр. 167.

<sup>58)</sup> Epist. (9) ad Maximum philos. Твор. VI, 44.

<sup>59)</sup> Ullmann. Gregorius von Nasians. S. 206.

былъ истиннымъ другомъ (*φίλος*) Григорія <sup>60</sup>). „Кто былъ такъ расположенъ ко мнѣ, какъ этотъ Максимъ? пишетъ Григорій. Онъ жилъ со мной подъ одной кровлей, вкушалъ съ одной трапезы, раздѣлялъ мои мнѣнія и предположенія. Онъ вооружался на людей зломудренныхъ, а мои поученія хвалилъ усердно“ <sup>61</sup>). Григорій на первыхъ порахъ ожидалъ отъ Максима только одного добра для церкви и вѣры. Онъ посвятилъ ему слово <sup>62</sup>), въ которомъ вызываетъ его, съ полною надеждою, стоять за истину. Онъ говорилъ, обращаясь къ Максиму: „приступи, увѣнчаю тебя нашими вѣнцами; предъ Богомъ, предъ ангелами, предъ всею церковію, громогласно провозглашу о тебѣ, побѣдившемъ ложь ересей, чтобы пріять небесное царство, стать Богомъ (*Θεόν γενέσθαι*), не подлежащимъ страданію“ <sup>63</sup>). Называетъ его „христианиномъ паче всѣхъ“ <sup>64</sup>) (*χριστιανὸς ἕτερον πάντων*). Послѣ этихъ похвалъ Максиму онъ замѣчаетъ: „посрамляй возстанія ересей, тѣмъ равностиѣе, что ты искусился уже въ страданіяхъ“ <sup>65</sup>). Кромѣ этого Максима Григорій завязываетъ сношенія съ церковью александрійской. Такъ онъ самъ упоминаетъ о письмѣ къ нему Петра александрійскаго <sup>66</sup>), ученика Аванасіева <sup>67</sup>). Кромѣ того онъ съ удовольствіемъ встрѣчаетъ лицъ, прибывшихъ изъ Александріи въ Константинополь, между которыми были епископы, ду-

<sup>60</sup>) Greg. Theol. De vita sua. Col. 1095. Твор. VI, 35.

<sup>61</sup>) Ibidem. Col. 1085. Твор. 31.

<sup>62</sup>) Слово „въ похвалу Ирона“. Подъ Ирономъ нужно разумѣть именно Максима (см. Тв. Св. Гр. ч. II. 266, примѣч. Ullmann. ibid. S. 201). Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

<sup>63</sup>) Orat. in laudem Hieronis philos. Col. 1200—1. Migne. t. 35. Твор. II, 268—9.

<sup>64</sup>) Ibid. Col. 1205. Твор. 272.

<sup>65</sup>) Ibid. col. 1220. Твор. 285. Утвержденіе Θεодорита (V, 8, а за нимъ Каллиста: Nicéph. Callist. Hist. eccles. XII, 11), что Максимъ былъ аполлинаристъ, ни на чемъ не основывается. Григорій не сталъ бы такъ высоко отзываться о Максимѣ, еслибы онъ былъ еретикъ, аполлинаристъ, и въ послѣдствіи онъ ничего не говоритъ о Максимѣ въ подобномъ родѣ. Нужно помнить, что для Θεодорита, какъ антиохійца, всѣ несогласные съ принципами антиохійской школы казались аполлинаристами.

<sup>66</sup>) Gregor. Theol. De vita sua. Col. 1088. Твор. VI, 32.

<sup>67</sup>) Theodoret. V, 39.

ховенство <sup>68)</sup>. Григорій принялъ этихъ лицъ съ распрос-тертыми объятіями и почтилъ ихъ похвальнымъ словомъ <sup>69)</sup>. Онъ съ восторгомъ говорилъ къ прибывшимъ изъ Александрии: „Скажу привѣтствіе пришедшимъ изъ Египта! *Отъ васъ бо промчеса слово* (1 Сол. 1, 8), ко всѣмъ людямъ, здраво исповѣдуемое и проповѣдуемое; вы лучшіе плододѣлатели изъ всѣхъ, особливо нынѣ правовѣрующихъ. Духовно питаете не одинъ народъ, но едва не цѣлую вселенную. Вы питомцы и порожденія великихъ наставниковъ и подвижниковъ истины, которыхъ ничто не подвигло и не убѣдило измѣнить въ чемъ нибудь Троицѣ и повредить ученіе о Божествѣ“. „Посему объемлю и правѣтствую тебя лучшій изъ народовъ, народъ христоролюбивѣйшій (*λατῶν φιλοχριστότατε*), пламенѣющій благочестіемъ. Народъ мой! Ибо дѣйствительно мой. Вотъ я даю десницу общенія при столькихъ свидѣтеляхъ видимыхъ и невидимыхъ“ <sup>70)</sup>. Что Григорій вступалъ въ связи съ александрійцами, это нѣкоторымъ не нравилось въ Константинополѣ (*καὶ μὴ δοκῆι τοῖς βασιλεύουσι*) <sup>71)</sup>. Александрійцы съ своей стороны примкнули къ Григорію <sup>72)</sup> (*προσδραμόντες ἡμῖν, μηδὲ ὡς ξένοις, ἀλλ' ἡμετέροις*). Но всѣ эти близкія связи Григорія съ александрійцами значительно порвались послѣ того, какъ египтяне устроили поистинѣ дурное дѣло. Они посвятили для Константинополя новаго епископа въ лицѣ Максима, конечно, съ его согласія, въ оппозицію Григорію. Это было крайне неожиданно. Теперь Григорій начиналъ понимать александрійцевъ. Прежній другъ Григорія Максимъ превратился

<sup>68)</sup> Ullmann. 203—4, 242. Это духовенство александрійское прибыло съ корабельщиками, привозящими хлѣбъ въ столицу. См. объ этомъ: Горскаго, жиз. Аен. стр. 65; Greg. Theol. orat. in Aegyptiorum adventum. Col. 241. 248. Твор. III. 183. 187.

<sup>69)</sup> Когда произнесена была рѣчь къ Египтянамъ, Ульманнъ (S. 206—7) затрудняется опредѣлить, но склоняется къ мысли, что она сказана уже послѣ катастрофы съ Максимомъ, впрочемъ доказательства его въ пользу этой мысли оч. слабы.

<sup>70)</sup> Въ рѣчи къ Египтянамъ Григорій восхвалялъ и ихъ епископа Петра.

<sup>71)</sup> Orat. in Aegyptiorum adventum. Col. 241—245. Твор. 183—6.

<sup>72)</sup> Ibid. col. 248. Твор. 188.



для него въ его первѣйшаго врага <sup>73)</sup>. Александрійцы сдѣлались для него зломъ, предметомъ горькихъ жалобъ, нападокъ и негодованія <sup>74)</sup>. Посвященіе Максима было отвергнуто въ Константинополѣ и Григорій успокоился. При такихъ обстоятельствахъ собрался соборъ Константинопольскій, вселенскій. На соборѣ, въ началѣ, не было епископовъ изъ Египта. Онъ составилъ исключительно изъ епископовъ восточныхъ <sup>75)</sup>, т. е. епископовъ антиохійскаго направиленія. Повидимому, положеніе Григорія среди епископовъ не одинаковаго съ нимъ богословскаго строя мысли было естественно. Однако же при началѣ собора этого не видимъ. Дѣла собора сосредоточивались въ рукахъ Мелетія антиохійскаго, о которомъ Григорій отзывался такъ: „онъ весь былъ въ Богѣ (*Θεοῦ γέμων*), свѣтлый взоръ его внушалъ уваженіе“ <sup>76)</sup>. Теченіе дѣлъ на соборѣ подъ руководствомъ Мелетія, пользовавшагося безусловнымъ авторитетомъ и всеобщимъ уваженіемъ, идетъ какъ нельзя лучше. Григорій утвержденъ отъ собора архіепископомъ столицы, Константинополя <sup>77)</sup>. Сдѣлано ли еще что подъ предсѣдательствомъ Мелетія на томъ же соборѣ—неизвѣстно. Смерть прервала благотворную и миротворную дѣятельность Мелетія. Миръ, доселѣ царствовавшій на соборѣ, смѣняется спорами и несогласіемъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Григорій расходится въ воззрѣніяхъ съ прочими членами собора. Желаніе Григорія, ставшаго по смерти Мелетія первенствующимъ членомъ собора, желаніе быть на соборѣ подобнымъ регенту, управляющему двумя хорами пѣвчихъ и приводящему въ гармонію ихъ пѣніе, не осуществилось <sup>78)</sup>. Извѣстный уже намъ вопросъ о Павлинѣ разъединяетъ его отъ остальныхъ членовъ собора. Собору казалось, что Григорій хочетъ добиться благоросположенія Запада, сдѣлать

---

<sup>73)</sup> De vita sua. Col. 1080 et. cet. Твор. VI, 29 и дал. Исторія съ Максимомъ произошла до собора.

<sup>74)</sup> Ibidem.

<sup>75)</sup> Ibid. Col. 1134. Твор. 52.

<sup>76)</sup> Ibid.

<sup>77)</sup> Ibid. Col. 1135. Твор. 53. Theodor. V, 8.

<sup>78)</sup> De vita sua. Col. 1136—1138. Твор. VI, 52—54.

уступку римскому епископу, чего не хотѣли отцы собора. Возникло опасеніе за самостоятельность восточной церкви. Григорій съ своими александрійскими симпатіями оставался одинокимъ на соборѣ, состоящемъ изъ восточныхъ, антиохійствующихъ. Григорій и соборъ перестали понимать другъ друга <sup>79)</sup>). Но на этомъ дѣло не кончилось.

Къ сожалѣнію о причинахъ дальнѣйшихъ размолвокъ Григорія съ отцами собора, до прибытія сюда епископовъ египѣтскихъ, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Единственный свидѣтель дѣла самъ Григорій, но его описаніе событій этого времени очень не ясно. Видно, что у него были какія-то разногласія съ соборомъ, какъ будто по вопросамъ догматическимъ, но въ чемъ состояли точнѣе эти вопросы и препирательства, остается неизвѣстнымъ. Вотъ прикровенное описаніе Григоріемъ дѣлъ собора касательно разсматриваемаго времени: „какъ высокоудры они (епископы собора) во всемъ прочемъ! Прекрасный источникъ древней вѣры, которая нѣкогда была преподаана въ Никей, этотъ источникъ вѣры, какъ я видѣлъ, жалкимъ образомъ возмущенъ былъ солеными потоками учений, какія распространяли люди сомнительной вѣры, которые, держась середины, принимаютъ всякое мнѣніе. И это было бы всего утѣшительнѣе, еслибы дѣйствительно держались середины, а не явно предавались къ противной сторонѣ... Мы какъ то чрезъ мѣру челоуѣколюбивы. Поставили предъ алтарями проповѣдническую кафедру и вѣсѣмъ вопіемъ: входи сюда, кто хочеть, хотя бы два или три раза перемѣнялъ вѣру; неразумное дѣло привязываться къ одной вѣрѣ (*ὅχι εὐμαθὲς πότει προεχέουσαι μῆ*). когда знаемъ, что путей жизни много“. „И моавитянамъ и аммонитянамъ, которымъ въ древности не позволялось входить въ церковь, нынѣ открытъ въ нее входъ“ <sup>80)</sup>). Изъ послѣднихъ словъ Григорія, повидимому, можно заключить, что онъ недоволенъ былъ какими-то снисходительными мѣрами собора въ отношеніи къ еретикамъ или лицамъ, въ предшествующей жизни впадавшимъ въ заблужденіе, о чемъ однакожъ исторія ничего не знаетъ.

<sup>79)</sup> Ibid. Col. 1138 et cet. Твор. 54 и дал.

<sup>80)</sup> Ibid. Col. 1148—1150. Твор. 59—60.

Продолжаемъ описаніе Григорія: „были на соборѣ люди, которые неохотно вошли въ собраніе. Они уловлены были двусмысленностію ученій (*τῆ διπλῶν διδασκαλῶν*): проповѣдуемое имъ открыто, казалось благочестивымъ, какъ порожденіе вовсе не походившее на своихъ родителей“. Затѣмъ, выразивъ неудовольствіе на членовъ собора, Григорій пишетъ о нихъ: „имъ не нравился вводитель новыхъ ученій (рѣчь безъ сомнѣнія идетъ о самомъ Григоріѣ): такъ дерзкіе называютъ благоразумныхъ, но и они не понравились благоразумному (т. е. Григорію). И вотъ Лоть и патріархъ Авраамъ (т. е. соборъ и онъ самъ) идутъ одинъ въ ту, а другой въ противную сторону. Скорѣе рѣки потекутъ вверхъ и огонь измѣнитъ свое обычное направленіе, — замѣчаетъ Григорій, нежели я измѣню чему либо въ моемъ спасеніи“. Всѣ эти вещи, о которыхъ говоритъ Григорій такъ загадочно, привели его къ одному неизмѣнному рѣшенію: „съ этого времени нога моя избѣгала вашихъ собраній, устраниаясь отъ худыхъ бесѣдъ и собраній“<sup>81)</sup>. Сказать что либо строго опредѣленное, на основаніи приведенной тирады изъ сочиненій Григорія, о свойствахъ и содержаніи разногласій его съ отцами собора по вопросамъ догматическимъ, было бы слишкомъ смѣло. Можно дѣлать только попытки уяснить въ чемъ тутъ дѣло, можно только гадательно утверждать, о чемъ говоритъ Григорій; но лишь — съ большею или меньшею вѣроятностію. Не говоритъ ли здѣсь Григорій объ обстоятельствахъ составленія символа Константинопольскаго? Когда, въ какое именно время теченія собора составленъ былъ символъ, объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Историки молчатъ и Григорій тоже. Мы даже не знаемъ: были ли когда либо попытки со стороны ученыхъ уяснить этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ заслуживаетъ полнаго вниманія. Съ нѣкоторою вѣроятностію можно догадываться, что Григорій въ указанномъ мѣстѣ своихъ сочиненій говоритъ объ обстоятельствахъ составленія символа Константинопольскаго. Чѣмъ бы можно намъ подтвердить свою догадку? Словами самого же

<sup>81)</sup> Ibid. Col. 1151—3. Твор. 60—1.

Григорія. Въ приведенной тирадѣ онъ говоритъ о какихъ-то нападкахъ на символъ Никейскій: „источникъ вѣры Никейской возмущенъ солеными потоками ученій, какія распростирали люди сомнительной вѣры“. Нельзя ли здѣсь видѣть намекъ на то, что отцы собора, вопреки мнѣнію, господствовавшему въ александрійскихъ кругахъ, о неизмѣнности Никейскаго символа, рѣшились исправить, пополнить, подвергнуть новой редакціи этотъ символъ, составивъ какъ бы въ замѣнъ его новый? Подобное рѣшеніе отцевъ едва ли могло быть угоднымъ Григорію, стоявшему на точкѣ зрѣнія александрійствующихъ. Не отсюда ли всѣ тѣ неясные укоры, какіе выражаетъ онъ въ данномъ мѣстѣ разсматриваемаго сочиненія относительно отцевъ собора? Въ это же время, быть можетъ, происходили споры о томъ, исключить или удержать въ символѣ столь много надѣлавшее шуму выраженіе: „изъ сущности Отца“. Быть можетъ, въ это же время имѣли мѣсто разсужденія и диспуты о томъ: какими словами выразить ученіе о Духѣ Св.? и пр. Словомъ, не къ этому ли времени относится составленіе символа Константинопольскаго, который во многомъ такъ отличается отъ символа Никейскаго? Вѣдь не могло же все это не возбуждать толковъ, споровъ, встрѣчныхъ предложеній, говора, отраженіемъ которыхъ, быть можетъ, и служить данный отрывокъ изъ писаній Григорія! Весьма характеристичны слѣдующія замѣчанія Григорія: „эти епископы, еслибы дѣйствительно держались середины, а не явно предавались къ противной сторонѣ“... „всѣмъ вопіемъ: входи сюда, кто хочетъ, хотя бы два или три раза перемѣнялъ вѣру“... „Не благоразумное дѣло привязываться къ единой вѣрѣ“... „Уловлены двусмысленностію ученій, проповѣдуемое открыто казалось благочестивымъ“.... Не заключаютъ ли они въ себѣ указанія вотъ на что: составлять новые символы, какъ мы знаемъ, были большіе охотники аріане („противная сторона“), одинъ символъ у нихъ смѣнялъ другой, одни и тѣже лица подписывали то тотъ, то этотъ символъ („два или три раза перемѣняли вѣру“); они не имѣли привязанности къ какомунибудь одному символу („не благоразумное дѣло привязываться къ одной вѣрѣ“). Теперь, какъ скоро положено было на II вселенскомъ соборѣ составить символъ новый, не

должно ли было это казаться людямъ, подобнымъ Григорію, уступкой противной сторонѣ, неуваженіемъ къ единой вѣрѣ никейской, не могло ли казаться шаткостію принциповъ? Очень вѣроятно. Шаткость возрѣній („двусмысленность ученій“) членовъ собора, о которой говоритъ Григорій, не заключалась ли въ томъ, что они въ одно и то же время и крѣпко стояли за никейскую вѣру и водились мыслию о составленіи и провозглашеніи новаго символа, какъ будто прежній недостаточенъ, не хорошо выражаетъ вѣру. Это могло представляться противорѣчіемъ. Говоря о шаткости возрѣній у нѣкоторыхъ членовъ собора, Григорій замѣчаетъ, что эти послѣдніе однакожъ „уловляли“ прочіихъ членовъ, которые неохотно пришли на соборъ, т. е. такихъ, которые, по мѣнію Григорія, были твердыми въ вѣрѣ, составляли собой кругъ людей другихъ намѣреній, стремленій. Не слѣдуетъ ли здѣсь разумѣть того, что на соборѣ лица, отличавшіяся особенною чистотою вѣры, чуждыя всякихъ подозрѣній въ ученіи о Троицѣ,—что и эти лица подавали свой голосъ за провозглашеніе новаго символа, какъ желало того большинство, увлекаемая, быть можетъ, доводами этого большинства? Дѣло не возможное. — Оканчиваемъ анализъ разбираемаго мѣста изъ твореній Григорія. Онъ говоритъ далѣе, очевидно, о себѣ: „имъ не нравились вводителю новыхъ ученій: такъ дерзкіе называютъ благоразумныхъ, но и они не нравились благоразумному“. Здѣсь идетъ дѣло о чемъ-то столь важномъ, что въ случаѣ уступки противникамъ онъ лишился бы, по его словамъ, самаго „спасенія“. Но о чемъ собственно ведетъ рѣчь въ этихъ словахъ Григорій? Не помогутъ ли разрѣшенію вопроса другія сочиненія Григорія? Отчасти, да. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, раскрывая причины, которыя привели его къ оставленію константинопольской катедры, Григорій говоритъ: „нынѣ я возведенъ на престолъ, а на утро сводятъ меня съ престола. Въ состояніи ли кто прискаты на это хотя ложную причину? Осмѣливаюсь сказать, Христе мой, что у меня на сердцѣ. Они завидуютъ моимъ подвигамъ. А можетъ быть, скажу ясно, предметомъ ихъ нападеній Духъ (Св.), Духъ, выслушайте это, исповѣдуемый Богомъ. Еще говорю: Ты мой Богъ и въ третій разъ восклицаю: Духъ

есть Богъ“ <sup>82)</sup>. Въ другомъ изъ сочиненій тотъ же Григорій и по тому же поводу говорить: „доселѣ ничто не приводило въ такое колебаніе цѣлую землю, какъ дерзновеніе, съ какимъ Духа возглашаемъ Богомъ. Сіе-то, какъ извѣстно, и меня подвергло нерасположенію друзей“ <sup>83)</sup>. Ставь (сознаемся) на скользкій путь догадокъ, мы позволимъ себѣ высказать еще догадку по поводу сейчасъ цитированныхъ словъ Григорія. Не было ли у Григорія споровъ на соборѣ о томъ: не слѣдуетъ ли, признавая Духа Св. Богомъ, такимъ именно выраженіемъ и обозначить сущность третьяго лица св. Троицы и въ символѣ? Нужда пополненія символа, по крайней мѣрѣ, въ членѣ о Духѣ Св., уже хорошо сознавалась въ церкви: эту мысль, какъ мы знаемъ, высказывалъ Василій великій, другъ Григоріевъ, благословившій его отправиться на проповѣдь истины въ Константинополь. Не было ли на соборѣ преній касательно слововыраженія члена о Духѣ Св., которымъ имѣлось въ виду пополнить символъ Никейскій? Не принималъ ли участія въ этихъ спорахъ Григорій? Не высказывалъ ли онъ, что Духа нужно славословить въ символѣ Богомъ? Не встрѣтилъ ли онъ противодѣйствія своему предложенію? Замѣчательно, что въ символѣ Духъ Св. не названъ Богомъ, хотя чистота вѣры отцевъ собора чище лучей солнечныхъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Григорій дѣйствительно настаивалъ на соборѣ на томъ, чтобы положено было въ символѣ именовать Духа Богомъ, отголоскомъ чего и служатъ разбираемыя слова Григорія, но не встрѣтилъ сочувствія своему предложенію. Почему? Можетъ быть потому, что не хотѣли подавать повода къ бесплоднымъ спорамъ. Ибо аріане упрекали православныхъ за ученіе о Божествѣ Духа Св., равночестномъ съ Божествомъ Отца и Сына, въ требожіи <sup>84)</sup>. Отцы могли опасаться такихъ же споровъ, какіе вызвало послѣ I Вселенскаго собора слово: „едино-

---

<sup>82)</sup> Carmen de se ipso et advers. invidos. Col. 1247. Migne. t. 37. Твор. VI, 68.

<sup>83)</sup> Carmen de se ipso. Col. 1290, t. 37. Твор. VI, 87.

<sup>84)</sup> Такъ упрекали Григорія Богослова (De vita sua. Col. 1074. Твор. VI, 26).

сущный“, и содера въру въ сердцѣ и на устахъ, не хотѣли заключать ее въ мертвую букву во избѣжаніе соблазна слабыхъ и колеблющихся. Могли быть и другія причины, намъ равно неизвѣстныя, но безъ сомнѣнія основательныя и благословныя. Быть можетъ, Григорій разошелся съ соборомъ по указанному вопросу, о чемъ и говорить въ своихъ сочиненіяхъ, хоть и не съ большою ясностію.

Итакъ, подведемъ итоги нашихъ сужденій о томъ, за что такъ былъ недоволенъ Григорій соборомъ, когда послѣ дѣла Павлина и какихъ-то другихъ разногласій на соборѣ, онъ оставилъ засѣданія соборныя, дожидаясь прибытія Египтянъ? Недоволенъ былъ, по нашимъ догадкамъ, тѣмъ, что соборъ предпринялъ дѣло составленія символа, и тѣмъ, что этотъ символъ излагали въ выраженіяхъ, какія не соответствовали желаніямъ его, Григорія. Замѣчательно, что хотя Григорій пережилъ время II вселенскаго собора, но никогда и нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не приводитъ символа Константинопольскаго или словъ изъ него. Принялъ ли онъ символъ Константинопольскій?<sup>85)</sup> На наши разсужденія относительно обстоятельствъ происхожденія символа Константинопольскаго совершенно основательно возразятъ: „все это догадки,—гипотезы“. Такъ! Но пусть люди, болѣе автора знающіе, отвѣтятъ на вопросъ: какъ произошелъ, при какихъ обстоятельствахъ составилъ символъ Константинопольскій? Вопросъ, по нашему мнѣнію, очень важенъ. Мы довольны, что сдѣлали попытку разъяснить вопросъ...

Послѣ разсужденій о дѣлѣ Павлина и другихъ споровъ, вѣроятнѣе всего по поводу составленія символа, Григорій оставилъ соборъ, не являясь на засѣданія его. Но вотъ прибыли на соборъ епископы александрійскіе (египетскіе) и иллирійскіе (македонскіе),—надежды Григорія снова пробудились. Онъ думалъ было встрѣтить въ лицѣ ихъ братьевъ и друзей. Вѣдь это были старинные защитники Никейскаго символа и поборники александрійскихъ богословскихъ стремленій. Онъ называетъ новоприбывшихъ „дѣлателями Божіихъ законовъ и тайнствъ“<sup>86)</sup> (*ἐργάται τῶν τοῦ Θεοῦ νόμων*

<sup>85)</sup> Къ заключенію отрицательному склоняется Hefele. В. II, S. 11. 12.

<sup>86)</sup> Gregorii Theol. De vita sua. Col. 1155. Твор. VI, 62.

*καὶ μυστηρίων*). Григорій полагалъ, что въ средѣ этихъ епископовъ онъ встрѣтитъ радушію, сочувствіе своимъ желаніямъ и надеждамъ. Но этого не случилось. Вновь прибывшіе епископы, во 1), не сошлись съ отцами собора, во 2), отвернулись отъ Григорія. Взаимныя отношенія вновь прибывшихъ епископовъ—александрійствующихъ и епископовъ собора,—антиохійствующихъ,—Григорій изображаетъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ чертахъ: „тѣ и другіе сошлись между собою (скажу нѣчто въ подражаніе трагикамъ), какъ вепри, остря другъ на друга свирѣпыя зубы и искошая огненные очи“ <sup>87)</sup>. Если мы переведемъ метафорическую рѣчь Григорія на обыкновенный языкъ, то должны будемъ признать ту простую истину, что александрийцы и антиохійцы приняли другъ друга далеко не дружески. Оно и совершенно понятно; они стояли подъ различными богословскими знаменами. Что касается египтянъ и македонянъ, они конечно уже знали о рѣшеніи дѣла Павлина соборомъ, а это одно уже должно было настраивать ихъ враждебно къ отцамъ собора. Въ своихъ разсужденіяхъ на соборѣ, по словамъ Григорія, прибывшіе епископы руководились „болѣе раздраженіемъ, нежели разумомъ“ <sup>88)</sup>. Противодѣйствовать начинаніямъ собора они поставили себѣ истинною цѣлю. Изъ всего видно, что александрійская партія не долго оставалась въ общеніи съ соборомъ. Она начала дѣлать собранія отдѣльно отъ истиннаго собора. Григорій въ рѣчи къ отцамъ собора прямо заявлялъ: „востокъ и западъ (подъ первымъ нужно разумѣть антиохійцевъ, подъ вторымъ — александрійцевъ) раздѣлились на двѣ противоположныя стороны, и есть опасность, что они, составляя разные удѣлы, столько же будутъ разнствовать и во мнѣніяхъ“ <sup>89)</sup>. Θεοδορίτῃς еще яснѣе говоритъ, что александрійская партія (египтяне) совсѣмъ отдѣлились отъ собора <sup>90)</sup>. Отдѣлившись отъ собора, египтяне не сошлись и съ Григоріемъ. По словамъ Григорія, и на него отъ александрійствующихъ

<sup>87)</sup> Ibidem. Col. 1155—6. Твор. 62.

<sup>88)</sup> Ibidem. Col. 1156. Твор. 62.

<sup>89)</sup> Orat. coram 150 episc. Col. 484. Твор. IV, 44.

<sup>90)</sup> Theod. V, 8.



щихъ „повѣяло“ чѣмъ-то западнымъ и суровымъ <sup>91)</sup>“. Изъ оппозиціи восточнымъ, антiохійцамъ, отцамъ собора, утвердившимъ константинопольскую кафедру за Григоріемъ, новоприбывшіе епископы отвергли избраніе его на указанную кафедру <sup>92)</sup>). Григорій такимъ образомъ разошелся и съ этими новыми членами собора, разошелся, значитъ, со всѣмъ соборомъ. При такихъ обстоятельствахъ Григорію ничего не оставалось дѣлать, какъ покинуть Константинополь; такъ и было. Что къ концу собора Григорій дѣйствительно разошелся съ отцами собора, объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуесть въ прощальной рѣчи, обращенной къ этимъ отцамъ. „Кромѣ прочаго есть во мнѣ и то, что не во многомъ соглашаюсь со многими и не люблю идти однимъ съ ними путемъ. Можетъ быть сіе дерзновенно и невѣжественно, однакожь я подверженъ сему <sup>93)</sup>“. Передавая свѣдѣнія, касающіяся собора II вселенскаго, Григорій пишетъ: „я изнемогаю, видя, что меня ненавидятъ даже и друзья <sup>94)</sup>“. Да и ранѣе своей разлуки съ соборомъ и Константинополемъ, Григорій чувствовалъ, что онъ становится чуждъ и востоку и западу. „Опять уже дѣлится на двѣ враждебныя части міръ, зывалъ онъ, а кто остается въ мирѣ, и не преклоняется ни на ту, ни на другую сторону, тотъ терпитъ зло отъ обѣихъ сторонъ: или презираютъ его или нападаютъ на него. Къ числу послѣднихъ принадлежу и я <sup>95)</sup>“.

Послѣ того, какъ Григорій сложилъ съ себя бремя правленія церковью константинопольскою, епископомъ столицы становится Нектарій, Тарсійскій уроженецъ, сенаторъ, но еще не крещеный. Избраніе его состоялось по вліянію и указанію въ особенности двухъ членовъ собора: Флавіана, недавно избраннаго во епископа Антіохіи въ противность тѣмъ, кто желалъ утвердить на кафедрѣ антiохійской Павлина, и Діодора, еп. Тарсійскаго, поставленнаго во епи-

<sup>91)</sup> De vita sua. Col. 1155. Твор., VI, 62. Sos. VII, 7.

<sup>92)</sup> Greg. De vita sua. Col. 1156. Твор. 62.

<sup>93)</sup> Orat. coram 150 episc. Col. 484—5. Твор. IV, 45.

<sup>94)</sup> De vita sua. Col. 1161. Твор. VI, 65.

<sup>95)</sup> Oratio II de pace. Col. 1148. Твор. II, 242. Слич. orat. (26) in Se ipsum t. 35. Col. 1252. Твор. II, 310.

скопы этого города извѣстнымъ Мелетіемъ <sup>96)</sup>. Діодоръ и Флавіанъ были самыми ревностными поборниками антиохійскихъ богословскихъ доктринъ. Соборъ II вселенскій, царь Θεодосій, народъ константинопольскій съ удовольствіемъ приняли новоизбраннаго святителя. Созоменъ замѣчаетъ, что „случившееся (избраніе Нектарія) произошло не безъ соизволенія Божія“, ибо „многіе увѣрены, что это такъ случилось, поелику Богъ внушилъ это царю“ <sup>97)</sup>. Такъ закончился рядъ событій съ Григоріемъ Богословомъ на II вселенскомъ соборѣ.

Какое общее заключеніе можно выводить изъ исторіи пребыванія Григорія въ Константинополѣ и въ особенности изъ обстоятельствъ его присутствованія на вселенскомъ соборѣ для разъясненія нашего вопроса, поставленнаго нами цѣлю изученія этого предмета? Очень ясное и неопровержимое! Дѣла на соборѣ вселенскомъ находились въ рукахъ представителей антиохійскаго направленія. Сначала ими управляетъ Мелетій, а по смерти его сообща—весь соборъ <sup>98)</sup>, состоявшій изъ епископовъ однихъ восточныхъ церквей. Григорій былъ единопущенъ съ соборомъ только тогда, когда живъ былъ Мелетій, этотъ „человѣкъ Божій“, вліяніе котораго на соборѣ было безусловно. По смерти же Мелетія Григорій по всѣмъ важнымъ вопросамъ расходится съ соборомъ въ воззрѣніяхъ. Григорій ясно почувствовалъ себя человѣкомъ другаго направленія. Египетскіе и македонскіе епископы, стоявшіе на точкѣ зрѣнія александрійской богословской науки, рѣшительно не имѣли общенія съ соборомъ, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ духъ Мелетіевъ; а на Мелетія, какъ извѣстно, не хорошо смотрѣли на западѣ и въ Александріи. На мѣсто Григорія епископомъ столицы избирается Нектарій, хорошо извѣстный антиохійцамъ.

Что доселѣ мы доказывали свойствами догматической дѣятельности собора II вселенскаго и историческими фактами, имѣвшими мѣсто на ономъ, тоже можно доказать и прави-

<sup>96)</sup> Theod. V, 4.

<sup>97)</sup> Socr. V, 8; Sosom. VII, 8.

<sup>98)</sup> „Многоначаліе, тоже безначаліе“, говоритъ Григорій о соборѣ по смерти Мелетія (De vita sua. Col. 1151. Твор. VI, 60).

лами того же собора. Нѣкоторые изъ правилъ константинопольскаго вселенскаго собора, судя по содержанію, могли быть обязаны своимъ происхожденіемъ отъ представителей антиохійскаго богословскаго направленія, а никакъ не отъ представителей церкви римской или александрійской. Таково правило 2, въ которомъ епископамъ данной церкви воспрещено вмѣшиваться въ дѣла другихъ церквей. По мнѣнію церковныхъ историковъ и канонистовъ<sup>99)</sup>, правило это направляется противъ церкви александрійской, которая позволила себѣ самовольно поставить, въ лицѣ Максима, епископа для столицы; но намъ кажется, правило направляется и противъ церкви римской, которая въ лицѣ Люцифера, посвятившаго Павлина для Антиохіи, позволяла себѣ вторгаться въ чуждыя ей церкви. Правило 4 о Максимѣ ципикѣ и посвятившихъ его очевидно также обязано своимъ происхожденіемъ сторонѣ, отвергнувшей этого самозванца. Наконецъ, 3 правило собора, возвысившее Константинополь въ іерархическомъ отношеніи до степени почти равной съ Римомъ, могло возникнуть только въ сферѣ церкви константинопольской и поддержано въ церквахъ антиохійскихъ, такъ какъ эти церкви доселѣ шли рука объ руку въ церковныхъ дѣлахъ. Что же касается до церкви римской и александрійской, онѣ съ неудовольствіемъ смотрѣли на іерархическое возвышеніе Константинополя, почему правила II собора вселенскаго долго у нихъ не находили принятія<sup>100)</sup>.

<sup>99)</sup> Hefele. II, 16. Ullmann S. 242.

<sup>100)</sup> Hefele. II, 31. Hergenröther. Photius patriarch. Band. I. S. 34—5. Мы утверждаемъ, что веденіе дѣла собора заключалось въ рукахъ антиохійцевъ; но этому, по видимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что на соборѣ въ числѣ важныхъ дѣателей являются и не антиохійцы, каковы: Григорій Нисскій, Кирилъ Іерусалимскій, Амфилохій Иконійскій. Въ сущности же присутствованіе этихъ лицъ на соборѣ не противорѣчитъ нашему утвержденію. Григорій Нисскій питалъ глубокое уваженіе къ Мелетію, что и доказалъ своею рѣчью на похоронахъ этого послѣдняго: онъ почиталъ Мелетія, а чрезъ то безъ сомнѣнія стоялъ въ хорошихъ отношеніяхъ и къ прочимъ почитателямъ Мелетія, изъ которыхъ состоялъ соборъ. Кирилъ Іерусалимскій одолжилъ собору своимъ утвержденіемъ на каедрѣ (Theodoret. V, 9).—ибо онъ доселѣ считался сторонникомъ арианъ (Soer. V, 8)—вслѣдствіе чего онъ, конечно, дѣйствовалъ заодно съ соборомъ. Амфилохій по всемъ вопросамъ былъ единодушнъ съ Василіемъ великимъ, а Ва-

Какой приём встрѣтилъ себѣ соборъ II вселенскій Константинопольскій во всемъ христіанскомъ мірѣ какъ по своей догматической, такъ и по другимъ сторонамъ своей дѣятельности? Были ли опредѣленія его приняты безъ всякихъ споровъ и прекословіи вездѣ и тотчасъ же, какъ скоро сдѣлались извѣстными его вѣроизложеніе и распоряженія? Нѣтъ. Соборъ и опредѣленія его довольно продолжительное время встрѣчали себѣ оппозицію въ церкви римской и александрійской. Весь западъ сначала не принималъ вѣроопредѣленія собора Константинопольскаго, и такъ продолжалось не мало времени. Ранѣе второй половины V вѣка, времени папы Льва вел., трудно найти ясное свидѣтельство о томъ, что папы и западъ усвоивали авторитетъ нашему собору наравнѣ съ прочими вселенскими соборами. Подобно римлянамъ отнеслись къ вѣроизложенію Константинопольскаго II вселенскаго собора и александрійцы. Они вообще, по утверженію Гергенретера, совсѣмъ не хотѣли признавать этого собора <sup>101)</sup>“. Такъ дѣла шли въ церкви александрійской до половины V вѣка, когда наконецъ и здѣсь былъ признанъ авторитетъ символа константинопольскаго, но не безъ борьбы и не единодушно <sup>102)</sup>. Замѣчательно, что соборъ константинопольскій 382 г. въ своемъ посланіи къ церкви римской, разъясняя многія стороны догматической дѣятельности собора II вселенскаго, не приводитъ и не упоминаетъ символа, только что составленнаго <sup>103)</sup>. Не сдѣлано ли это изъ мудрой осторожности, — изъ опасенія нареканій со стороны церкви римской за якобы извращеніе вѣры никейской, такъ какъ римляне и александрійцы считали символъ никейскій неизмѣннымъ навсегда? Это тѣмъ

силій былъ глубокимъ почитателемъ Мелетія. Да и вообще всѣ и эти подобныя лица были преверженцами александрійскихъ идей лишь въ ограниченномъ смыслѣ. Въ это время антиохійское направленіе начинаетъ замѣтно проникать и въ ряды самихъ александрійцевъ.

<sup>101)</sup> Hergenröther. *ibid.* S. 34.

<sup>102)</sup> Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ только краткія замѣчанія о томъ, какъ отнеслась церковь римская и александрійская къ символу константинопольскому. Позднѣе въ своемъ изслѣдованіи мы приведемъ болѣе точные и ясные факты, доказывающіе ту же истину. Вообще съ этимъ вопросомъ мы еще повстрѣчаемся — и не разъ.

<sup>103)</sup> Theodor. V.

естественнѣе думать, что изъ посланія видно, что въ Римѣ уже успѣло сложиться вообще невыгодное мнѣніе о всей дѣятельности собора II вселенскаго. Должно замѣтить, символъ константинопольскій не признали и не приняли тѣ именно церкви, которыя издавна подозрительно и недоувѣрчиво, въ свое время основательно, а тепорь безъ всякихъ основаній относились къ богословскимъ кружкамъ антиохійскимъ. Призракъ аріанства все еще продолжалъ устрашать эти церкви, тогда какъ на востокѣ въ дѣйствительности аріанство почти порешло уже въ область преданій.

Другія важныя распоряженія собора Константинопольскаго вселенскаго встрѣчены были на первыхъ порахъ въ тѣхъ же сойчасъ упомянутыхъ церквахъ противодѣйствіемъ. Такъ Нектарія не сойчасъ признала законнымъ архіепископомъ столицы церковь западная. Соборъ медиоланскій 381 года, осенью <sup>104</sup>), подъ предѣдательствомъ знаменитаго Амвросія, еп. Медиоланскаго, высказалъ себя за Максима и не призналъ Нектарія <sup>105</sup>). Тоже было, должно думать, и въ Римѣ. Ибо соборъ Константинопольскій 382 года, извѣщая папу Дамаса о томъ, что сдѣлано на II вселенскомъ соборѣ, и упоминая о возведеніи Нектарія во епископа столицы, прѣсиль папу „отложить всякое человѣческое пристрастіе (*πάσαν προεπάθειαν*) и благоустройство церквей предпочесть расположенію и любви личной <sup>106</sup>)“. Григорій Богословъ также неодобрительно смотрѣлъ на избраніе Нектарія. Размышляя самъ съ собою, въ одномъ стихотвореніи, онъ пишетъ: „кому не надлежало бы приближаться къ спасительнымъ дверямъ, тотъ предпочтенъ моимъ тайнодѣйствіямъ. Кто изъ мудрыхъ похвалить сіе? <sup>107</sup>)“. Тотъ же Григорій указываетъ недостатокъ пастырской ревности въ Нектаріѣ <sup>108</sup>). Впрочемъ Григорій въ перепискѣ съ Нектаріемъ показывалъ и расположеніе къ своему преемнику <sup>109</sup>). Недружелюбно смот-

<sup>104</sup>) Соборъ вселенскій былъ въ маѣ—іюль.

<sup>105</sup>) Hefele II, 20. 37.

<sup>106</sup>) Theodor. V, 9. Col. 1217.

<sup>107</sup>) Carmen in invidios. Col. 1338. Migne. t. 37. Твор. VI, 70.

<sup>108</sup>) Epist. (202) ad Nectarium episc. Constant. Том. 37. Твор. IV, 191—2.

<sup>109</sup>) Напр. Epist. 185. t. 37. Твор. VI, 246. Въ Александріи тоже не признавали законности поставленія Нектарія. Hergenröther. ibid. S. 34-

рѣли римляне и александрійцы также на Флавіана, архіепископа антїохійскаго, поставленнаго отъ II вселенскаго собора. Соборъ Константинопольскій 382 года въ посланіи къ папѣ Дамасу проситъ римскую церковь отложить всякое пристрастіе по отношенію къ Флавіану <sup>110)</sup>, какъ и по отношенію къ Нектарію. Дѣйствительно въ Римѣ посвященіе Флавіана встрѣтило продолжительное противодѣйствіе. Папа Дамасъ лично просилъ царя Θεодосіа, чтобы онъ уничтожилъ „тираннію“ въ Антіохіи—такъ называлъ онъ правленіе Флавіана — и просилъ не разъ <sup>111)</sup>. Церковь александрійская стояла по указанному вопросу на одной и той же точкѣ зрѣнія съ папою. Архіепископъ александрійскій Теофилъ (385 г.), пресмникъ Тимоѳея, по сказанію Сократа, питалъ гнѣвъ къ Флавіану, какъ къ человѣку незаконно возсѣвшему на епископскую кафедру въ Антіохіи <sup>112)</sup>. Вообще касательно Флавіана церкви опредѣленно раздѣлились такимъ образомъ: Римъ и западъ, Александрія и Египетъ, Аравія были противъ епископствованія Флавіана; Сирія же, Понтъ, Каппадокія, вся Азія, Фригія и конечно Константинополь поддерживали Флавіана на престолѣ. Распри о Нектаріѣ и Флавіанѣ впрочемъ съ теченіемъ времени кончились благополучно <sup>113)</sup>.

Въ виду этихъ разногласій естественно было желаніе въ церкви, чтобы „пришли въ согласіе и единство части вселенной, ко вреду своему раздѣлившіяся“ <sup>114)</sup>.

---

<sup>110)</sup> Theodor. V, 9.

<sup>111)</sup> Theod. V, 23. Такое же отношеніе встрѣчаемъ и въ церкви Медианской. Hefele. II, 37.

<sup>112)</sup> Socrat. V, 15.

<sup>113)</sup> Theod. V, 2<sup>o</sup>. Socr. V, 15. Hefele II, 40.

<sup>114)</sup> Gregorii Theol. Epist. (135) ad Sophronium praefectum. Твор. VI 194.

## V.

О Богѣ нельзя говорить, что Онъ питался млеко́мъ или родился отъ Дѣвы; о Богѣ нельзя сказать, что Онъ двухмѣсячный или трехмѣсячный.

*Несторій.*

Невмѣстимый принимаетъ плоть отъ Маріи, опредѣляетъ заключиться въ Дѣвическомъ чревѣ. Безпредѣльный содержится плотію. Безстрастный добровольно страдаетъ за насъ собственною плотію.

*Св. Кирилл.*

Переходъ отъ споровъ аріанскихъ къ спорамъ несторіанскимъ, спорамъ о лицѣ Богочеловѣка—христологическимъ, совершился въ церкви, по нашему мнѣнію, очень просто. Аріане въ своихъ интересахъ ссылались, какъ мы указывали выше, на многія изреченія Новаго Завѣта относительно Христа, въ которыхъ Онъ Самъ или евангелисты и апостолы говорили о Немъ уничижительно. Эти изреченія извѣстны. Изъ этихъ изреченій аріане выводили заключеніе, что Сынъ ниже Отца, подчиненъ Ему <sup>1)</sup> и пр. Со стороны представителей православія необходимо было разяснить, въ какомъ смыслѣ нужно понимать подобныя уничижительныя изреченія о Христѣ. Общая мысль ихъ была та, что изреченія подобнаго рода нужно относить исключительно къ человѣческой природѣ Христа. Дѣло ясное! Но такое рѣшеніе вопроса встрѣчало затрудненія, возраженія, имѣло недо-

<sup>1)</sup> Cyrilli, episc. Alexandr. Epist. ad Acacium Melitinae episc. Col. 197. Migne. Gr. t. 77. Дѣян. Вселен. собор. Т. II, 398.

молвыи. Если Христось одно говорилъ и совершалъ какъ человекъ, другое какъ Богъ, не слѣдовало ли отсюда, что естества во Христѣ были раздѣлены: въ Немъ одномъ дѣйствовала двѣ сущности и двѣ раздѣльныя воли? Въ отвѣтъ на эти возраженія, конечно, можно было отвѣчать: природы во Христѣ не разъединены, а находятся въ соединеніи. Но на это разъясненіе готово было новое возраженіе: если естества во Христѣ были тѣсно соединены, если Онъ Богочеловекъ въ буквальный смыслѣ, то возникало богохульное заключеніе, что когда Онъ говоритъ о себѣ уничижительно, Онъ обманывалъ Своихъ учениковъ. Ибо Тотъ, Кто въ каждомъ словѣ и каждомъ дѣлѣ есть воистину Богъ, не могъ говорить и дѣйствовать *только* по человѣчески. На эту мысль сильно ударяетъ блаженный Θεодоритъ, участіе котораго въ спорѣ несторіанскомъ извѣстно. Приводя изреченіе Христа, что Онъ не знаетъ о дни же томъ и часѣ (Мѡ. 24, 36), Θεодоритъ не безъ основанія рассуждалъ: „если какъ Богъ, и зная *день*, однакожь желая скрыть, говорилъ, что не знаетъ его, то смотри, къ какому богохульству должно приводить заключеніе: Истина лжетъ; она не по праву называется истиной, если заключаетъ въ себѣ что нибудь противное истинѣ? Почему Слово носитъ им. премоудрости, какъ скоро подвержено немощи невѣдѣнія“<sup>2)</sup>? Возраженіе существовало; нужно было рѣшить его. Отсюда—споры несторіанскіе. Необходимо было найти такое рѣшеніе вопроса объ отношеніи двухъ природъ во Христѣ, какое устраняло бы всякія недоумѣнія, возраженія. Къ этому и стремятся представители и православія и несторіанства въ спорахъ христологическихъ въ V вѣкѣ. Мы впрочемъ думаемъ, что эти споры едва ли возгорѣлись бы, еслибы на сценѣ церковно-исторической не появилось Несторія, человека съ достоинствами, но крайне запальчиваго, любившаго настоять на своемъ, гордаго; а главное, какъ питомецъ монастырскій, онъ мало зналъ жизнь и ея требованія, узко понималъ интересы церкви. Въ самомъ дѣлѣ, по христологическому вопросу много было уже написано прекраснаго

<sup>2)</sup> Cyrilli. Apologeticus pro XII capitibus, contra Theodoretum. Col. 409, 412. Migne. Gr. t. 76. II, 149.



отцами церкви IV вѣка, но вопросъ отъ того не приблизился къ уразумѣнію. Онъ превышалъ мысль человѣческую. Аріанство давно усмирилось и почти исчезло изъ нѣдръ церкви восточной. Возраженій съ точки зрѣнія аріанской противъ ученія объ отношеніи естествъ во Христѣ не слышно было. Можно было довольствоваться тѣмъ, что уже сдѣлано по вопросу касательно ученія о лицѣ Богочеловѣка; но этого однакожь не случилось. Умъ кичить, и вотъ снова споры....

Въ самомъ началѣ споровъ христологическихъ вся церковь раздѣлилась на двѣ половины: одна высказалась за ученіе, признанное позднѣе православіемъ, другая за несторіанство, за ересь. За православіе высказались все тѣ страны и церкви, гдѣ въ IV вѣкѣ жили и дѣйствовали поборники никейскаго собора. За несторіанство крѣпко стояли опять тѣ же страны и церкви, которыя въ IV вѣкѣ боролись въ пользу аріанства <sup>3)</sup>. Параллель выходила самая строгая. Подтвердимъ сказанное фактами. Какъ во времена аріанскихъ споровъ во главѣ противниковъ этой ереси стояла александрійская церковь, тоже самое и теперь. Главнымъ представителемъ православія во время споровъ несторіанскихъ былъ св. Кириллъ, архіепископъ александрійскій. Отцы александрійской или точнѣе египетской церкви на III вселенскомъ соборѣ заявляли: „отъ епископовъ египетскихъ требовать отчета въ православной вѣрѣ излишнее дѣло. Ибо всякому очевидно, что мы слѣдуемъ вѣрѣ святѣйшаго Кирилла“ <sup>4)</sup>. Такихъ было на самомъ соборѣ 50 человекъ <sup>5)</sup>. Какъ во времена аріанства, такъ и теперь подъ вліяніемъ александрійской церкви, церковь римская взяла ту же сторону. Кириллъ писалъ въ Римъ, разъясняя дѣло, просилъ содѣйствія папъ и легко достигъ желаемого <sup>6)</sup>. Папа склонился на

<sup>3)</sup> См. гл. II нашего изслѣдованія.

<sup>4)</sup> *Vinii. Concilia. T. I, pars I. Acta concilii Ephesini, p. 184. Дѣян. Всел. Собор. I. 537. Изд. 1-ое. Цѣлый соборъ епископовъ въ Александріи осудилъ Несторіа въ 430 году. (Cyrilli. Epist. ad Monachos Constantinop. Col. 125. Migne. Gr. t. 77. Дѣян. I, 458. Въ этомъ томѣ Миня собраны все посланія Кирилла).*

<sup>5)</sup> *Concilia. Acta con. Ephes. p. 272. Дѣян. I, 790.*

<sup>6)</sup> *Cyrilli. Epist. ad Coelestinum. Col. 80 et c. Дѣян. I, 364.*

сторону Кирилла и съ собою склонилъ и всю церковь западную <sup>7)</sup>). Папа Целестинъ писалъ Кириллу: „Ты во всемъ имѣешь такія же мысли, какія мысли и мы имѣемъ: въ защищеніи вѣры ты самый мужественный поборникъ“ <sup>8)</sup>). Какъ и въ эпоху никейскаго собора, страны иллирійскія подъ влияніемъ ли папъ или подъ влияніемъ александрійской церкви объявляютъ себя за ученіе, которое раскрывалось и доказывалось Кирилломъ. Эссалоника, Македонія и „весь Иллирикъ“ <sup>9)</sup>, подали голосъ за одно съ Римомъ и Александріей. Кириллъ при одномъ случаѣ писалъ, что епископъ эссалійскій и другіе епископы Македоніи всегда согласны съ папскими сужденіями <sup>10)</sup>. Церковь іерусалимская какъ и въ IV вѣкѣ безъ всякихъ колебаній стала на сторонѣ александрійскаго ученія. Что все это было дѣйствительно такъ, т. е. что всѣ эти церкви пристали къ одной сторонѣ, объ этомъ слышимъ свидѣтельство изъ устъ противоположной партіи: „Западъ, Египетъ и Македонія“ отдѣлились по этому свидѣтельству <sup>11)</sup> отъ церквей восточныхъ. — Съ другой стороны, гдѣ ранѣе въ IV вѣкѣ жило и процвѣтало аріанство, тамъ теперь въ V вѣкѣ утверждается несторіанство, другая партія въ церкви. Аріанство свило себѣ гнѣздо въ Антиохіи сирійской, тоже было теперь съ несторіанствомъ. Отсюда вышли всѣ вожди несторіанскихъ движеній. Архіепископъ антиохійскій Іоаннъ объявлялъ себя „другомъ“ Несторія <sup>12)</sup> (III всел. соборъ также именуеть Іоанна другомъ Несторія), и, перечисляя болѣе важныхъ епископовъ антиохійскаго округа, замѣчаетъ о нихъ, что они относятся, какъ и самъ Іоаннъ, „съ любовью“ къ Несторію и считаютъ его дѣломъ „собственнымъ“

7) Соборъ Римскій въ 430 г. осудилъ Несторія. Cyrilli. Epist. ad Joannem episc. Antioch. Col. 96. Дѣян. I, 416.

8) Coelestini Ep. ad Cyrillum. Col. 91. Migne. Gr. t. 77. Дѣян. I, 367.

9) Cyrilli epist. ad Coelest. Col. 84. Дѣян. I, 363. Concilia. Acta Conc. Ephes. p. 175. Дѣян. I, 511.

10) Cyrilli. Ep. ad Joannem Antioch. Col. 96. Дѣян. I, 417.

11) Joannis episc. Antioch. Epist. ad Nestorium. Col. 1453. Migne, Gr. t. 77. Дѣян. I, 432.

12) Іоаннъ воспитывался вмѣстѣ съ Несторіемъ въ одномъ монастырѣ близъ Антиохіи. Le Quin. Oriens christ. t. II, p. 721.

своимъ дѣломъ“<sup>13)</sup>. Тотъ же Іоаннъ поручаетъ умнѣйшему и образованнѣйшему изъ епископовъ антиохійскаго округа Θεодориту опроверженіе возрѣній противной стороны<sup>14)</sup>. Самъ Θεодоритъ еп. кирскій называетъ Несторія своимъ „другомъ“, „отцемъ“ и рѣшается употребить всѣ силы свои ко благу этого отца<sup>15)</sup>. Такимъ образомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Антиохія съ ея округомъ дружно стояла за Несторія, еретика. Какъ ранѣе, въ эпоху арианства, Константинополь былъ мѣстомъ, откуда раскидывались тенета для уловленія приверженцевъ этому нечестію, такъ было и теперь. Архіепископъ константинопольскій Несторій, виновникъ церковныхъ смуть, энергически дѣйствовалъ для привлеченія на свою сторону сколько возможно болѣе послѣдователей, и съ успѣхомъ. Какою сильною привязанностію пользовался Несторій въ обществѣ константинопольскомъ, это видно изъ того, что, когда онъ былъ уже изгнанъ; народъ, по смерти архіепископа константинопольскаго Максиміана, здѣсь возгласалъ: да будетъ Несторій снова епископомъ въ столицѣ<sup>16)</sup>. Какъ во времена господства арианскаго замѣчательный по своему іерархическому положенію епископъ ираклійскій Θεодоръ держалъ сторону ереси, такъ и теперь епископъ близъ лежащей къ Константинополю Иракліи Фритилась становится сторонникомъ несторіанства<sup>17)</sup>. Сторону Несторія держатъ весьма многіе епископы сирійскіе, азійскіе и понтійскіе<sup>18)</sup>.

Вообще Азія теперь склонилась къ одной ереси, какъ прежде въ IV вѣкѣ къ другой. Параллель полная. Отсюда, изъ всѣхъ этихъ фактовъ о сферѣ распространенія идей александрійской церкви и несторіанства въ церкви V вѣка, съ ясностію видно, что раздѣленіе церкви, начавшееся по поводу арианства, не умирало и въ послѣдствіи, — оно только скрывалось. Прошелъ цѣлый вѣкъ, а оно все еще было живо. Случились новые споры, и обстоятельства показали, что

<sup>13)</sup> Ioannis Antioch. Epist. ad Nestorium. Col. 1457. Дѣян. I, 436—7.

<sup>14)</sup> Cyrilli. Apologeticus adversus Theodoretum. Col. 389. Дѣян. II, 125.

<sup>15)</sup> Concilia. Acta conc. Ephes. pag. 282. Дѣян. I, 828.

<sup>16)</sup> Neander. Allgem. Geschichte. S. 690.

<sup>17)</sup> Concilia. p. 309—310. Дѣян. II, 25.

<sup>18)</sup> Ibid. p. 213, 226—7. Дѣян. 616—17. 655. и друг.

и древнія рапы не зажили еще совсѣмъ. Въ отдѣльныхъ церквахъ были симпатіи и антипатіи, которыхъ не могло сокрушить само всесокрушающее время. Дальнѣйшія историческія параллели между временами аріанскими и настоящими, о которыхъ мы говоримъ: прежде Александрія, ставъ во главѣ православнаго движенія, сильно опиралась въ своей дѣятельности на авторитетъ папскій, ждала подкрѣпленія и помощи изъ Рима, тоже и теперь <sup>19)</sup>). Кириллъ почтительно просить папу Целестина рѣшить вопросъ, какъ поступить съ Несторіемъ, и вѣрно выполняетъ волю папскую. Враги папы суть враги Кирилла. Иначе держитъ себя противная партія, какъ это было и во времена аріанства. Несторій пренебрежительно относится къ папѣ; беретъ на себя задачу перерѣшать папскія опредѣленія <sup>20)</sup>). Авторитетъ папскій для него мало значить. Наконецъ, поборниками православія въ эпоху аріанскую были между прочимъ монахи <sup>21)</sup>, ровностные враги аріанъ, — теперь тоже самое. Монахи, начиная съ Константинополя и повсюду ненавидятъ несторіанство <sup>22)</sup> и крѣпко держатся стороны православной. Традиція и въ послѣднихъ двухъ отношеніяхъ переходитъ изъ рода въ родъ и проявляется, когда наступаетъ для сего часть.

Первая партія по своему богословскому направленію и по складу своихъ догматическихъ воззрѣній есть партія александрійская, тѣсно примыкающая къ направленію и воззрѣніямъ, отличающимъ ту же партію и въ IV вѣкѣ; вторая партія по главнымъ чертамъ богословской науки, отличающимъ сочиненія, вышедшія отсюда въ V вѣкѣ, есть партія антиохійская, родственная съ болѣе ранней партіей того же имени.

Укажемъ основныя качества и воззрѣнія той и другой

---

<sup>19)</sup> Cyrilli. Epist. ad Coelest. Col. 84. Дѣян. I, 364.

<sup>20)</sup> Несторій бралъ подъ свою защиту пелагианъ, осужденныхъ въ Римѣ (Coelestini: Ep. ad Nestorium, Concilia, p. 137. Дѣян. I, 390—1.

<sup>21)</sup> См. гл. II нашего изслѣдованія, стр. 37.

<sup>22)</sup> Ревностную борьбу монаховъ противъ Несторія хвалитъ Кириллъ (Cyr. Ep. ad monachos Constantinop. Col. 125. Дѣян. I, 459). Дѣйствительно монахи въ Константинополѣ явно высказывали свою ненависть къ этому еретику. (Concilia p. 160. Дѣян. I, 469).

стороны. — Прежде всего посмотримъ, какъ рѣшали онѣ вопросъ объ отношеніи вѣры къ разуму, науки къ догмату, ибо это — исходная точка зрѣнія, которая опредѣляла собою такія или другія отношенія къ вопросамъ догматики. Сторона православная, александрійствующая раздѣляетъ въ этомъ отношеніи принципы Аѳанасія. Василя в., Григорія Богослова <sup>23</sup>). Вѣрѣ долженъ быть подчиненъ разумъ, разуму долженъ быть положенъ предѣлъ въ изслѣдованіи вѣры, вѣра выше разума — вотъ смыслъ воззрѣній, раскрываемыхъ православными богословами, противниками несторіанства. Начнемъ съ Кирилла. Онъ говоритъ: „зачѣмъ мнѣ заботливо изслѣдовать Писаніе, а не мудрствовать въ простотѣ сердца согласно съ нимъ“ <sup>24</sup>)? Въ частности, касательно величайшаго догмата о воплощеніи Богочеловѣка, Кириллъ пишетъ: „Прими благоволеніе Отца, даровавшаго намъ собственнаго Сына. Не изслѣдуй, прошу, этого дѣла (*μὴ περιεργάζου τὸ πρῶμα*). Оно не поддается разуму языческой мудрости и обыкновенному пониманію — чуждо того и другаго“ (*ἀλλότριον γὰρ ἐκατέρω*) <sup>25</sup>). Въ другомъ мѣстѣ Кириллъ восклицаетъ: „какая необходимость предлагать всѣмъ эти вопросы (о воплощеніи) столь утонченные и сокровенные? Не больше ли бы пользы принесли мы людямъ изъясненіемъ нравственнаго ученія, когда мы еще не способны съ надлежащею вѣрностію проникать въ догматическое ученіе“ <sup>26</sup>)? Папа Целестинъ съ своей стороны раскрываетъ мысли подобныя мыслямъ Кирилла; о вѣрѣ онъ пишетъ: „въ этой внутренней войнѣ вѣра должна послужить стѣной для насъ; ея духовными стрѣлами вы можете защищать себя самихъ противъ невѣрія. Будемъ хранить ее, потому что она хранитъ насъ“ <sup>27</sup>). Папа внушаетъ крайнюю осторожность въ изысканіяхъ о вѣрѣ. Онъ говоритъ: „надобно болѣе бояться и не высокоумдрствовать, углубляясь въ изысканія (Рим. 11, 20); не должно,

<sup>23</sup>) См. начало III главы, стр. 52—56.

<sup>24</sup>) Cyril. Homilia contra Nestorium. Col. 993, Migne. t. 77. Дѣян. I, 639.

<sup>25</sup>) Disputatio de incarnatione Verbi Dei. Concilia, p. 377. Дѣян. II, 199.

<sup>26</sup>) Cyrilli Ep. ad Acacium Beroeensem. Col. 97. Дѣян. I, 419—20.

<sup>27</sup>) Coelestini. Ep. ad clerum constantinop. Concilia, p. 140. Дѣян. I, 402.

какъ сказано, изслѣдовать предметовъ, вышихъ себя“ (Сир. 3, 20)<sup>28)</sup>. Онъ же прямо запрещаетъ вдаваться въ умствованія о воплощеніи. „Пусть устранится, предписывалъ Целестинъ, вопросъ о рожденіи (Христа), который всякій истинно вѣрующій долженъ рѣшить во простотѣ сердца, ибо кто осмѣлится испытать Бога“<sup>29)</sup>? Епископъ Θεοδοτῆς анкирскій<sup>30)</sup>, приверженецъ Кирилла, внушаетъ смотрѣть на образъ воплощенія какъ на чудо и требуетъ, чтобы при видѣ этого чуда умолкъ разумъ. Вотъ его внушительныя слова: „итакъ не спрашивай меня объ образѣ чудеса Божіихъ, ибо скажу тебѣ: чудеса показываютъ только, что совершилось, а знать образъ совершенія я представляю Богу“. Не спрашивай: „какимъ образомъ Богъ пребываетъ Богомъ и дѣлается человѣкомъ?“<sup>31)</sup>. „Вѣрь чуду и не испытывай (*πιστεύε καὶ μὴ ἐρεῖνα*) умомъ совершившагося“<sup>32)</sup>. — Партія еретичествующая антиохійская напротивъ требовала болѣе свободныхъ отношеній разума къ вѣрѣ, мысли къ догмату. Она хотѣла хотя нѣсколько проникнуть въ тайны вѣры, сокрытыя отъ умственного зора человѣческаго. Несторіане — это были аріане V вѣка. Противники несторіанъ ясно усматривали подобныя стремленія у несторіанствующихъ. Целестинъ, обличая Несторія, замѣчалъ: „ему бы надобно прочитать въ Писаніи и держать (въ умѣ), что суетныхъ изысканій, которыя не помогаютъ спасенію, но служатъ къ гибели душъ, надобно скорѣе убѣгать, нежели вдаваться въ нихъ“<sup>33)</sup>. Онъ находитъ у Несторія стремленіе къ мудрости, которое привело его къ юродству: „не къ вашему ли епископу, пишетъ папа къ клиру константинопольскому,

<sup>28)</sup> Coelestini. Ep. ad Nestor. Concilia p. 134. Дѣян. I, 380.

<sup>29)</sup> Coelestini. Epist. ad clerum constantinop. Concilia, p. 416. Дѣян. II, 330.

<sup>30)</sup> Хотя Анкира и была очень отдалена отъ Александріи, однакожъ въ лицѣ Θεοδοτῆς имѣла дѣятельнаго сторонника Кириллова. Замѣчательно, подобное же было и во дни Аванасія. Здѣсь въ это время заявилъ себя борьбой противъ аріанства Маркеллъ. Но тотъ и другой епископы анкирскіе подъ конецъ сами вдаются въ ересь, впадая въ противоположную крайность.

<sup>31)</sup> Theodoti episc. Ancyr. Помилія I, col. 1357. Migne. Gr. t. 77, Дѣян. II, 221—2.

<sup>32)</sup> Ibidem. col. 1368. Д. 233—4.

<sup>33)</sup> Coelestini. Ep. ad Cyril. col. 91. Migne. Gr. t. 77. Дѣян. I, 368.

правильно можно отнести сіи слова: *глаголющеся быти мудры обжуродъша*“ (Рим. 1, 2) <sup>34)</sup>. Тотъ же папа во всѣхъ вообще несторіанахъ видитъ людей, увлекающихся новизнами и поработившихся горделивому разуму человѣческому. Онъ побуждаетъ сильныхъ міра выступить въ борьбу съ „новизнами“ ученія и противъ тѣхъ, „которые усиливаются постигнуть величіе Божіе способомъ человѣческаго изслѣдованія“ (*Divinae majestatis potentiam im humanae disputationis rationem artare contendunt*) <sup>35)</sup>. Въ самомъ дѣлѣ, несторіанствующіе при всемъ желаніи твердо держаться почвы вѣры, необходимо должны были, какъ скоро они взялись разъяснить таинственный догматъ, не разумъ подчинять вѣрѣ, а вѣру разуму. Такъ и было въ сущности. Несторіане во время споровъ съ православными въ такомъ родѣ выражали свои требованія, какому оставались чуждыми богословы другой стороны. Въ сознаніи III-го вселенскаго собора Несторій видѣлъ позволеніе снова изложить вѣру (*εκτεθῆναι πιστιν*) <sup>36)</sup>, на основаніи Писанія и церковнаго ученія, въ чемъ не видѣли никакой надобности сторонники Кирилла. На томъ же соборѣ приверженцы его предполагали увидѣть диспуты противныхъ сторонъ, чтобы истина разъяснена была „посредствомъ предложеній и рѣшеній, вопрошеній и отвѣтовъ“ <sup>37)</sup>. Опять этого избѣгала сторона православныхъ, какъ пути скользкаго въ области вѣры. Іоаннъ антиохійскій задачу дѣятельности собора ефесскаго полагалъ въ томъ, чтобы „заняться изслѣдованіемъ догматовъ“ (*προστάξει ἐξέτασιν τῶν δογμάτων*) <sup>38)</sup>. Несторіанствующіе упрекали отцевъ III вселен. собора въ томъ, что они „не хотѣли производить изысканій о спорныхъ вопросахъ“; исходною точкою въ этихъ изысканіяхъ въ противоположность православнымъ отцамъ они считали „знаніе и испытаніе догматовъ“ (*γνώσις καὶ τῶν δογμάτων ἐμπειρία*) <sup>39)</sup>. По словамъ Сократа, если это не

<sup>34)</sup> Coelestini. Ep. ad clerum Constantinop. Concilia, p. 140. Дѣян. I, 401.

<sup>35)</sup> Concilia. Acta conc. Ephes. p. 236. Дѣян. I, 680.

<sup>36)</sup> Ibid. pag. 213 Дѣян. 615.

<sup>37)</sup> Ibidem. p. 225. Дѣян. 650.

<sup>38)</sup> Ibidem. p. 271 Дѣян. 787.

<sup>39)</sup> Ibid. p. 275. Дѣян. 800.

фраза <sup>40)</sup>),—Несторій критически относился къ прежнимъ церковнымъ писателямъ, смотрѣлъ на нихъ съ недовѣріемъ. „Несторій не показывалъ вниманія къ древнимъ, по предпочиталъ всѣмъ самого себя“.

Если такъ смотрѣли православные и еретики на отношеніе вѣры и разума, то послѣ временъ аріанскихъ, мы снова встрѣчаемся въ лицѣ представителей двухъ партій съ борьбой рационализма,—впрочемъ не особенно смѣлаго,—съ супранатурализмомъ...

Догматическія воззрѣнія двухъ партій александрійской и антиохійской относительно спорнаго пункта о соединеніи двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ были во многомъ неодинаковы. Несторіанствующіе держались однихъ, противники—другихъ. Во главѣ первыхъ, какъ извѣстно, стоялъ Несторій, архіеп. константинопольскій, возведенный изъ пресвитеровъ антиохійскихъ. Сдѣлаемъ краткія замѣчанія о личности этого человѣка. Историкъ Сократъ сообщаетъ о немъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, но ихъ нужно принимать съ критическою осторожностію <sup>41)</sup>). Сократъ прямо свидѣтельствуетъ, что это былъ человѣкъ очень талантливый, отличавшійся краспорѣчіемъ и даромъ слова. Жизнь его послала отпечатокъ аскетическихъ наклонностей (*σωφροσύνη*). Но вмѣстѣ съ этимъ онъ сообщилъ о Несторіи много такого, что бросаетъ тѣнь на умственный и нравственный характеръ его <sup>42)</sup>). Разборъ этихъ извѣстій долженъ однакожъ показать, что Сократъ едва ли былъ вполне правъ въ своихъ воззрѣніяхъ въ послѣднемъ случаѣ. Онъ называетъ Несторія „тщеславнымъ, вспыльчивымъ, легкомысленнымъ“ (*τό κοῦφον τῆς διατοίας; το θυμικόν καὶ κερόδοξον*). Все это очень можетъ быть и правда, и вѣроятно—права. Но во всякомъ случаѣ доказательства нашего историка въ подтвержденіе такой характеристики не тверды. Такія качества его характера онъ усматриваетъ въ томъ; что Несторій гналъ ере-

<sup>40)</sup> Socr. VII, 32. Впрочемъ мнѣніе Сократа подтверждаетъ и Кириллъ (ep. ad clericos constantinop. col. 65. Дѣян. I, 351).

<sup>41)</sup> Ноандеръ (Band. I, 667—8), не смотря на свои симпатіи къ этому еретику, въ критикѣ Сократовыхъ извѣстій не показываетъ однакожъ ни силы, ни пронзительности.

<sup>42)</sup> Socr. VII, 29. 31. 32.



тиковъ и раскольниковъ. Согласны. Но съ другой стороны развѣ такія дѣйствія Несторія нельзя считать проявленіемъ ревности къ благочестію, къ православію? Притомъ, и это главное, нужно взять во вниманіе особенную, оригинальную для того времени историческую точку зрѣнія Сократа. Несомнѣнный фактъ, что этотъ историкъ неодобрительно, худо смотрѣлъ на всѣхъ тѣхъ епископовъ, которые ознаменовали свою дѣятельность преслѣдованіемъ еретиковъ, какъ на-противъ онъ усердно хвалилъ тѣхъ епископовъ, которые мирволили еретикамъ <sup>43)</sup>. Напр. о самомъ Златоустѣ Сократъ отзывается не совсѣмъ хорошо, кажется, потому, что онъ строго относился къ еретикамъ. Если такъ, то имѣемъ ли мы право вѣрить Сократу въ его извѣстіяхъ о нравственномъ характерѣ Несторія, основанныхъ исключительно на томъ наблюденіи, что Несторій былъ гонитель еретиковъ и вообще сектантовъ? Думаемъ, нѣтъ. Что касается до умственного образованія Несторія, то тотъ же историкъ въ этомъ отношеніи не высокаго мнѣнія о еретикѣ. Онъ говоритъ: „будучи отъ природы краснорѣчивъ, Несторій считалъ себя образованнымъ, а на самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой учености (*ἀνάγωγος ἦν*), да и не хотѣлъ изучать (*ἀπηξίον μανθάνειν*) книги древнихъ толкователей“. Доказательство, которымъ историкъ подтверждаетъ свое мнѣніе, не выдерживаетъ критики. Сократъ ставитъ ему въ упрекъ, что онъ не читалъ какихъ-то древнихъ списковъ посланій Іоанна Богослова, что онъ не читалъ Евсевія кесарійскаго и Оригена, въ которыхъ, по мнѣнію Сократа, находилось ясное ученіе по тому вопросу, относительно котораго спорилъ еретикъ, притомъ ученіе, прямо противоположное его мнѣніямъ. Читалъ или не читалъ, изучалъ или не изучалъ Несторій перечисляемая Сократомъ богодухновенныя и патристическія писанія, объ этомъ ни Сократъ, ни мы доподлинно не знаемъ. Но кто можетъ быть настолько самоувѣренъ, чтобы сказать, что еретикъ всего этого дѣйствительно не читалъ и не зналъ? Очень можетъ быть, что онъ все это зналъ не хуже Сократа, но не придавалъ этому значенія. Развѣ кто пользуется для доказательства своихъ извѣстныхъ воз-

<sup>43)</sup> Socr. VII, 2: 41.

зрѣній писаніями, въ которыхъ находятся мысли обратныя тѣмъ, какія хотятъ доказывать? Мы должны еще сказать, что Сократъ по вопросу о Несторіи не можетъ быть признанъ свидѣтелемъ безпристрастнымъ. Онъ былъ поклонникомъ александрійскаго богословствованія, почитателемъ главы александрійской школы—Оригена, защитникомъ его памяти, заступникомъ за Евсевія кесарійскаго, оригениста, — вообще онъ былъ истый александріецъ по направленію <sup>44)</sup>. Имѣемъ ли мы право довѣрять ему въ сужденіяхъ о представителяхъ антиохійскаго направленія, какимъ былъ Несторій? Едва ли. Не потому ли Сократъ не любилъ и Златоуста, что тотъ былъ выходцемъ изъ антиохійской школы? Нѣтъ основаній защищать Несторія, но и нѣтъ основаній вполнѣ вѣрить Сократу. Итакъ остается несомнѣнно вѣрное въ извѣстіяхъ Сократа о Несторіи: во 1-хъ то, что Несторій былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ, иначе бы его не вызвали въ Константинополь изъ отдаленной Антиохіи для возведенія въ санъ архіепископа столицы; во 2-хъ то, что онъ былъ человѣкъ строгой, монашеской жизни: дѣйствительно нѣтъ ни одного историческаго свидѣтельства, которое набрасывало бы тѣнь на нравственную жизнь еретика. Къ этимъ характеристическимъ чертамъ Несторія нужно еще прибавить то, о чемъ мы замѣтили выше относительно этого еретика. Несторій былъ человѣкъ гордый, не любилъ ни предъ чѣмъ и ни предъ кѣмъ преклоняться. Если ему разъ пришло на мысль, что его идеи правильны, а воззрѣнія другихъ нѣтъ—ничто не могло остановить его ревности къ провозглашенію своихъ и къ борьбѣ съ противоположными воззрѣніями. Ревность его была не по разуму, но едва ли она происходила изъ тщеславія и вспыльчивости. Это былъ характеръ рѣшительный, смѣлый. Еще: Несторій очень мало зналъ жизнь, ея требованія. Въмѣсто того, чтобы приглядываться къ обстоятельствамъ, соразмѣрять свои дѣйствія съ требованіями времени, общества, онъ шелъ на проломъ. Мы знаемъ, что Несторій потерялъ доброе имя, честь, вѣчное спасеніе, но не будь онъ по вос-

<sup>44)</sup> Socr. VI, 13. I, 8. II. 21. Онъ даже близокъ былъ къ воззрѣніямъ монофизитскимъ. VII, 32.

питанію человѣкомъ, который ничего не зналъ дальше стѣпъ монастырскихъ и книгъ, а будь онъ человѣкомъ опытнымъ касательно злобы дня, не будь онъ крайнимъ антиохійцемъ; изъ него вышелъ бы человѣкъ совѣтъ другой. Но что говорить о томъ, чего нѣтъ?..

Богословскія воззрѣнія Несторія <sup>45)</sup> касательно лица Богочеловѣка просты до наглядности, ясны до осязательности, но еретичны. Въ виду того, что мысли этого еретика можно находить только въ краткихъ его письмахъ и въ отрывочныхъ его сочиненіяхъ, слѣд. не въ системѣ, мы для большой связи и опредѣленности изложимъ ихъ въ собственныхъ своихъ словахъ. Христосъ терпѣлъ униженіе, родился, возрасталъ, постепенно преуспѣвая въ премудрости, страдалъ и умеръ, но Онъ былъ Богочеловѣкъ. Какъ же все это Онъ претерпѣвалъ — Божествомъ или челоѣчествомъ? Разумѣется, челоѣчествомъ. Значить, заключаетъ Несторій, въ Немъ, Христѣ, естества были раздѣлены <sup>46)</sup>. Божество его не принимало непосредственно участія во всемъ томъ, въ чемъ выразилось уничижительное состояніе Его <sup>47)</sup>. Эту общую и главную мысль раскрываетъ Несторій яснѣе, когда разсматриваетъ частнѣе всѣ обстоятельства земной жизни Богочеловѣка. Рожденіе Христа отъ Дѣвы было рожденіемъ челоѣческимъ, а не Божескимъ. Сынъ Божій, рѣдившись предвѣчно отъ Отца, не могъ еще родиться во времени; родился только челоѣкъ, который вошелъ въ общеніе съ Сыномъ Божиимъ. Но это общеніе началось со

---

<sup>45)</sup> У церк. историковъ установился обычай, прежде чѣмъ говорить о Несторіи и его ученіи, излагать ученіе Θεодора Мопсуецкаго. Хотя ученіе Несторія и Θεодора имѣютъ много общаго между собою, однакожь прямую историческую преемственность ихъ воззрѣній нельзя установить со всею строгостію. Θεодоръ своими воззрѣніями не возбуждалъ никакихъ движеній въ церкви своего времени. Онъ жилъ и умеръ въ мирѣ съ церковью. Мы съ своей стороны считаемъ излишнимъ говорить о Θεодорѣ, потому что о немъ ничего не говорится въ документахъ, имѣющихъ отношеніе къ соборамъ Кирилла съ Несторіемъ, о немъ не упоминаетъ и соборъ ефесскій III вселенскій.

<sup>46)</sup> *Χωρίζω τὰς ψύσεις*, говорилъ Несторій (Concilia. Acta conc. Ephes. p. 200 Дѣян. I, 580.

<sup>47)</sup> Nestorii Anathematismus III. Concilia, p. 159. Дѣян. I, 482. Acta conc. Ephes. p. 200. Дѣян. I, 580.

времени зачатія Иисуса. Въ самой утробѣ Дѣвы Маріи былъ „и младенецъ и Владыка Младенца“ (*βρέφος καὶ τοῦ βρέφους δεσπότης*) <sup>48)</sup>, съ тѣмъ различіемъ, что чревоношеніе простираясь на человѣка Христа, не простиралось на Сына Божія, потому что естество Божеское и человѣческое не соединились. Отсюда Несторій отрицалъ названіе: Богородица, которымъ церковь именуеть Приснодѣву. Отъ Нея родился не Самъ Богъ, а одежда (*indumentum*), которая должна была облекать Сына Божія, — храмъ (*templum*), въ которомъ Онъ имѣлъ обитать <sup>49)</sup>. Несторій давалъ Богоматери наименованіе Христородицы <sup>50)</sup>, поскольку она родила человѣка-Христа. Дальнѣйшіе факты въ земной жизни Богочеловѣка онъ разсматриваетъ съ той же точки зрѣнія. Изъ Евангелія извѣстно, что Христось мало по малу преуспѣвалъ въ премудрости, возрастѣ и благодати (Лук. 2, 52). Значить, Онъ подлежалъ тѣмъ же законамъ усовершенствованія, какъ всякій праведный мужъ. Кто же преуспѣвалъ премудростію, благодатию и возрастомъ? Отвѣтъ у Несторія такой: человѣкъ, а не Богъ. Богъ совершенъ отъ вѣка, преуспѣваніе можетъ принадлежать только человѣку Иисусу. Какимъ образомъ премудрость Сына Божія не сообщилась человѣку, съ которымъ Онъ вошелъ въ общеніе? Это зависѣло отъ того, что естества въ Богочеловѣкѣ были раздѣлены. И съ другой стороны, чему подлежало человѣчество Христа—усовершенію—тому не подлежало Божество Его <sup>51)</sup>. Божеская природа не препятствовала естественному процессу возрастанія и усовершенія, которому подчинено было человѣчество Христа. Но болѣе всего, что и естественно, мысль Несторія обращена на разъясненіе факта страданій и смерти Богочеловѣка. Христось страдалъ и умеръ. Опять вопросъ: какъ Онъ страдалъ—Божествомъ или человѣчествомъ? Отвѣтъ: человѣчествомъ. Божество выше страданій. Страданія Богочеловѣка возможны были только потому, что во

<sup>48)</sup> Nestorii. Anath. I, ibidem. Дѣян. I, 461. Concilia. Acta conc. Ephes. p. 200. Дѣян. I, 581.

<sup>49)</sup> Marii Mercatoris scripta ad Nestorianam haeresim pertinentia. Col. 761—2. Migne. Lat. t. 48.

<sup>50)</sup> Nestorii. Ep. ad Coelestinum. Concilia, p. 133. Дѣян. I, 373.

<sup>51)</sup> Concilia. Acta conc. Ephes. p. 201. Дѣян. I, 584.

Христъ Божество было въ раздѣленіи отъ человѣчества. Когда страдало второе, первое не испытывало и не могло испытывать страданій <sup>32</sup>). Такова система воззрѣній Несторія! Въ ученія Несторія противники усматривали мысль, что, раздѣляя естества, при чемъ одно страдаетъ, а другое остается безучастнымъ въ страданіяхъ <sup>33</sup>), онъ тѣмъ самымъ вводитъ неправильное воззрѣніе о двухъ сынахъ въ Богочеловѣкѣ, о двухъ лицахъ въ одномъ лицѣ. Но эту мысль, ему приписываемую, еретикъ старался устранять чрезъ прямое заявленіе, что онъ чуждъ мысли о двухъ сынахъ (*ὅτι καὶ μὴ δύο δογματίσωμεν*) въ лицѣ Богочеловѣка. Онъ писалъ, что „въ отношеніи къ сыновству“ Христосъ единъ и нераздѣленъ <sup>34</sup>). Мысль, нужно сознаться, не ясная. Она нѣсколько уясняется чрезъ то, что Несторій не совсѣмъ отрицалъ общеніе Божества и человѣчества во Христѣ; онъ признавалъ таковое, но допускалъ въ самой малой мѣрѣ. Это общеніе онъ обозначалъ специальнымъ терминомъ: *συμάρθεια* <sup>35</sup>). Термицъ этотъ, сколько мы знаемъ, Несторій нигдѣ не объясняетъ, а означаетъ онъ: соприкосновеніе. Свой дѣйствительный смыслъ этотъ терминъ получаетъ чрезъ сравненіе его съ выраженіемъ, какое употребляли для той же цѣли православные: *ἕνωσις φυσική* — соединеніе по естеству. Вообще мысль, какая давалась указаннымъ терминомъ Несторія, та, что общеніе Божества и человѣчества въ Богочеловѣкѣ было самое незначительное. Теорія Несторія могла встрѣчать и дѣйствительно встрѣчала самыя серьезныя возраженія. Она была прямо еретическая: если Христосъ уничтожился и страдалъ человѣчествомъ безъ всякаго участія Божества во всемъ этомъ, въ такомъ случаѣ колебалась вѣра въ дѣйствительность искупленія. Уничуждался и стра-

<sup>32</sup>) Nestorii. Anath. X, XII. Concilia p. 159. Дѣян. I, 484—5. Acta. conc. Ephes. p. 200. Дѣян. I, 581.

<sup>33</sup>) Несторій впрочемъ не былъ чуждъ изученія объ усвоеніи (*οἰκτιρόσθαι*) Божествомъ страданій плоти (Nest. ep. ad Cyril. col. 56. Дѣян. I, 341).

<sup>34</sup>) Concilia. Acta conc. Ephes. p. 200. Дѣян. I, 580).

<sup>35</sup>) Ibid p. 199—200. Дѣян. 578. 581. Соединеніе Божества и человѣчества Несторій называлъ соединеніемъ *κατ' ἐνδοξίαν* въ противоположность православному ученію о соединеніи „по существу“ (Marii Mercatoris. Scripta ad Nestorianam haeresim pertinentia. Col. 911. Nota).

далъ только человѣкъ, хотя и высшей праведности, но человѣкъ, какой удовлетворить правдѣ Божіей не могъ. Самое снисхожденіе Сына Божія на землю казалось излишнимъ<sup>56)</sup>. Еще: съ своей точки зрѣнія Несторій приходилъ къ странной мысли, что Христось страдалъ, и за Самого Себя (*ὄλεο ἑαυτοῦ τὴν τοῦ σώματος θυσίαν συνελαχόμενος*). Если во Христѣ человѣкъ былъ внѣ соединенія съ Богомъ, то Онъ имѣлъ нужду въ искупленіи, подобно всякому другому человѣку<sup>57)</sup>. Очевидно Несторій не признавалъ безгрѣшности Христа. Мысль, которая могла вселять ужасъ въ сердца истинно вѣрующихъ. Заслуживаетъ упоминанія экзегетическій взглядъ Несторія на евангельскія и апостольскія изреченія о Христѣ, въ которыхъ о Немъ говорится то въ смыслѣ уничижительномъ, то въ смыслѣ неизреченнаго превосходства. Этотъ вопросъ долго и послѣ волновалъ церковь. Несторій сообразно съ своимъ ученіемъ о раздѣльности естества во Христѣ, утверждалъ, что данныя изреченія — одни нужно относить ко Христу, какъ человѣку, исключая при этомъ Божество Его, другія — какъ Богу, не перепоясая мыслью на Его уничиженное челоуѣчество<sup>58)</sup>. Выходило отсюда, что евангелисты и апостолы, когда говорятъ о единомъ Христѣ, описываютъ не одно, а два лица. Въ этомъ экзегетическомъ воззрѣніи къ Несторію тѣсно примыкали и всѣ представители сирской церкви, антиохійской науки: Θεодоритъ, архіеп. антиохійскій Іоаннъ и др.<sup>59)</sup>. Воззрѣнія Несторія касательно лица Богочеловѣка раздѣляли епископы антиохійскаго церковнаго округа, воспитанные въ тѣхъ же началахъ, какъ и самъ еретикъ. Таковъ былъ прежде всего Θεодоритъ<sup>60)</sup>. Онъ подобно Несторію, по тѣмъ же соображеніямъ, училъ, что нужно

<sup>56)</sup> Подобную мысль можно нерѣдко встрѣчать у Кирилла.

<sup>57)</sup> Concilia Acta conc. Ephes. p. 201. Дѣян. I, 585.

<sup>58)</sup> Nestorii Anath. IV. Concilia. p. 159. Дѣян. I, 463.

<sup>59)</sup> Cyrilli. Apologeticus advers. Theodoretum. Col. 412—13. Дѣян. II, 149—151. Cyrilli. Apologeticus pro XII capitibus adversus orientales episcopos. Col. 332 et cet. Migne. Gr. t. 76. Дѣян. II, 65 и др.

<sup>60)</sup> О бл. Θεодоритѣ въ рус. литературѣ существуетъ обширная монографія Н. Н. Глубоковскаго: Θεодоритъ епископъ Киррскій. Т. 1—2. М. 1890.

представлять естества Богочеловѣка не въ соединеніи по естеству, но въ раздѣленіи одно отъ другаго (*τῶν φύσεων ἢ διαφορᾶ*). Θεодоритъ пишетъ: „кто это жилъ въ благоговѣннѣи, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами приносилъ моленіе, не имѣя силы спасти себя, но молился Могущему его спасти и просилъ освобожденія отъ смерти? Не Богъ Слово, Который безсмертенъ, безстрастенъ. Но это есть то, что Онъ воспринялъ отъ сѣмени Давида, что смертно, подлежитъ страданію и трепещетъ смерти—естество, взятое отъ насъ, а не то, которое восприняло его ради нашего спасенія“ <sup>61</sup>). Человѣческая природа во Христѣ, по Θεодориту, была прославлена отъ Божества, но прославлена какъ отъ силы ей чуждой, внѣшней <sup>62</sup>). Съ другой стороны онъ прямо отрекался отъ ученія о вѣстасномъ соединеніи (*τῆν κατ' ἐλόσασιν ἕνωσιν*) во Христѣ двухъ естествъ. Подобное воззрѣніе онъ называетъ „страннымъ, чуждымъ свѣщ. Писанію и отцамъ церкви“ <sup>63</sup>). Ученіе это встрѣчало возраженія, противодѣйствіе съ его стороны. Онъ говоритъ, что если признать вѣстасное соединеніе, то въ лицѣ Богочеловѣка изъ Божества и человѣчества образовалось естество среднее, смѣшанное изъ Божества и человѣчества. „Если же произошла средина (*χωρίς*), замѣчалъ онъ, то Богъ уже не Богъ (Сынъ Божій) и храмъ (человѣчество) не храмъ, а и храмъ представляется Богомъ и Богъ—храмомъ: таковъ ближайшій смыслъ середины“ <sup>64</sup>). Впрочемъ ученіе Θεодорита много мягче, сдержаннѣе ученія принципала ереси—Несторія. Θεодоритъ избѣгаетъ крайностей. Онъ принимаетъ и употребляетъ выраженіе: Богородица <sup>65</sup>). Онъ допускаетъ мысль о обоженіи человѣчества Христа, какъ скоро Богъ воплотился въ человѣкѣ. Такъ онъ пишетъ: „мы боготворимъ Сына какъ единаго, боготворимъ воспринявшее и воспринятое въ Немъ, но помнимъ разность естествъ“ <sup>66</sup>). Еще

<sup>61</sup>) Cyrill. Apologeticus advers. Theodoretum. Col. 436—7. Дѣян. II, 177—8.

<sup>62</sup>) Ibid. Col. 425. Дѣян. 165.

<sup>63</sup>) Ibid. Col. 400. Дѣян. 126.

<sup>64</sup>) Ibid. Col. 400 Дѣян. 136—7.

<sup>65</sup>) Ibid. Col. 393. Дѣян. 129.

<sup>66</sup>) Ibid. Col. 420. Дѣян. 158.

мягче, ближе къ ученію православному было ученіе другихъ сторонниковъ несторіанской доктрины. Разумѣемъ Іоанна антїохійскаго и многихъ епископовъ, окружавшихъ его. Кромѣ тѣхъ смягченій несторіанства, какія у нихъ были общими съ Θεодоритомъ, у нихъ же встрѣчаемъ иногда весьма чистое ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ. Сирскіе епископы, возражая св. Кириллу по поводу его ученія, писали: „сыновство послѣ соединенія одно у той и другой природы (во Христѣ), такъ какъ онѣ нераздѣльны одна отъ другой; послѣ соединенія не было раздѣленія, потому что соединеніе остается вѣчнымъ. Даже въ страданіяхъ плоти Божество было не отдѣльно (*ἐν τοῖς πάθει τῆς σαρκὸς ἢ θεότης ἀχώριστος*), оставаясь безстрастнымъ, и совершало чрезъ плоть Богоприличное. Посему исповѣдуемъ одного и того же Сына, хотя природы оставались неслитными; не говоримъ объ одномъ и другомъ (т. е. Сынѣ), но объ одномъ и томъ же“ (*οὐκ ἄλλον καὶ ἄλλον, ἀλλ' ἓνα καὶ τὸν αὐτόν*). Эти же епископы дуждались Несторіевою мысли, что Христосъ пострадалъ и за самого Себя. Они протестовали противъ подобной мысли, говоря: „Христосъ принесъ Свою плоть въ жертву Богу Отцу не за Себя, но за однихъ насъ“<sup>67)</sup>. Тѣже антїохійскіе епископы употребляютъ формулу, которая была признана позднѣе истинно выражающею православное ученіе, что во Христѣ естества были соединены: „неслѣнно, нераздѣльно“ (*ἀσυγχύτως, ἀχωρίστως*)<sup>68)</sup>. Вообще нужно сказать, многіе противники ученія Кириллова вдавались въ полемѣку съ нимъ по недоразумѣнію, по непониманію его ученія, а не вслѣдствіе рѣшительной противоположности воззрѣній. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось это янѣе.

Какъ въ арианствѣ богословствующая мысль стремилась къ тому, чтобы раздѣльно, неслѣнно представлять Упостаси св. Троицы, подобное же по вопросу о Богочеловѣкѣ повторяется въ несторіанствѣ. Мысль направлена къ тому, чтобы

<sup>67)</sup> Cyrilli. Apolog. adver. orientales. Col. 361. 364. Дѣян. II, 97—8.

<sup>68)</sup> Ibid. Col. 369. Дѣян. II, 106. Кажется, въ слѣдъ за ними подобныя же выраженія стали употреблять и Кириллъ (*ἀτρέπτως, ἀσυγχύτως*). Ibid. Col. 324.



ясно и отчетливо представлять моментъ различія естествъ во Христѣ. Родство это главнѣйше зависитъ отъ того, что тамъ и здѣсь дѣйствуютъ однѣ и тѣже идеи антиохійскаго богословскаго направленія. Тогда онѣ выражаются не совсѣмъ строго и рѣшительно, а теперь съ полною отчетливостію.

Какъ противники аріанства, православные, въ противодѣйствіе аріанамъ, съ силою раскрывали мысль о единствѣ Лицъ Троицы, — моментъ единства въ этомъ вопросѣ беретъ перевѣсъ у нихъ надъ моментомъ различія, — тоже было теперь съ борцами противъ новой ереси — хринологической. Защитники православія и IV и V вѣка держались одного и того же направленія александрійской школы.

Передадимъ мысли св. Кирилла <sup>69)</sup>, главнаго вождя <sup>70)</sup> православныхъ въ спорахъ несторіанскихъ. Эти мысли излагаетъ онъ въ чертахъ очень тонкихъ; въ видахъ большей точности памъ должно, раскрывая его ученіе, говорить его собственными словами. Основная точка зрѣнія Кирилла проста: если Сынъ Божій вочеловѣчился, то Онъ совершаетъ это для того, чтобы принимать самое близкое участіе въ дѣйствіяхъ чловѣка, съ которымъ произошло соединеніе, такъ что это было уже не два существа, а одно въ полномъ смыслѣ слова. Въ противоположность Несторію, который беретъ за разъясненіе вопроса съ полною увѣренностію, что такое разъясненіе возможно, онъ говоритъ по вопросу, какъ искренне вѣрующій, а не какъ изслѣдователь, желающій пропикнуть въ самую сущность вопроса. „Говоримъ, писалъ онъ, что Слово соединено было съ плотію, имѣющею разумную душу, непостижимо и неизреченно (*ὄλερ τοῦν καὶ ἀλοῦρητος*) и какъ только Само вѣдаетъ“ <sup>71)</sup>. Одно для Кирилла ясно, что соединеніе природъ было „соединеніемъ естественнымъ“ <sup>72)</sup>, т. е. истиннымъ“. Какъ соединены они,

<sup>69)</sup> О жизни Кирилла см. монографію Арх. Порфирія. Приб. къ Твор. св. отецъ т. 13.

<sup>70)</sup> Другіе представители православной богословской мысли: Прокль, еп. кизическій, вполнѣдствіи архіеп. константинопольскій, Θεодотъ и др.

<sup>71)</sup> Cyrilli. Explicatio XII Caputum. Col. 297. Migne. Gr. t. 76. Дѣян. II, 31.

<sup>72)</sup> *ἑνωσις φυσική, ἑνωσις κατ' οὐσίαν* — вотъ выраженія, какія употреб-

Кирилль отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сравненіемъ: тѣло и душа въ человѣкѣ разнокачественны, и однакожъ они составляютъ единого человѣка; то же и по отношенію къ естествамъ Богочеловѣка <sup>73</sup>). Послѣ этого, все, что ни совершаетъ Богочеловѣкъ, всѣ факты земной жизни Христа, не слѣдуетъ приписывать Божеству или человѣчеству въ отдѣльности, но обѣимъ природамъ въ ихъ гармоническомъ сочетаніи. Онъ пишетъ: „въ самомъ дѣлѣ были: зачатіе Бога отъ Дѣвы, рожденіе Бога (*θεοῦ ἡ γέννησις*), сходство Бога съ нами по домостроительству во всемъ, страданіе Бога (*θεοῦ τὸ πάθος*), воскресеніе Бога (*θεοῦ ἀνάστασις*) и, наконецъ, вознесеніе Бога на небо. Невмѣстимый, принявъ плоть отъ Маріи, опредѣляетъ заключиться въ дѣвическомъ чревѣ, Невзмѣняемый принимаетъ человѣческій образъ. Безстрастный страдаетъ за насъ и цо насъ Своею плотію. Неприкосновенный прободается копьемъ отъ нечестивыхъ. Безсмертный Свѣтъ подвергается смерти крестной“ <sup>74</sup>). Рассматривая важнѣйшіе факты въ жизни Богочеловѣка, на которые обращено было всецѣлое вниманіе и противной стороны, Кирилль о рожденіи Богочеловѣка говорилъ: „Св. Дѣва по плоти родила Бога, соединившагося съ плотію въ (единую) Упостась“. Она родила Его не въ томъ смыслѣ, что Сынъ Божій получаетъ вторичное рожденіе, ибо Онъ однажды родился уже отъ вѣка, но въ томъ, что Онъ соединился съ естествомъ человѣческимъ <sup>75</sup>). Рождаемое отъ Маріи Кирилль описываетъ въ такихъ словахъ: „Тѣло Христа не есть что либо особое отъ Слова“ <sup>76</sup>). Далѣе: „Тѣло, соединенное съ Словомъ, не было чуждо Ему (*μὴ ἑλλότριον τοῦ λόγου τὸ σῶμα αὐτοῦ*); тѣло, которое мы называемъ осязаемымъ и видимымъ“ <sup>77</sup>), сдѣдалось „животворящимъ (*ζωοποιόν*), ляля Кирилль для обозначенія тѣснѣйшаго единенія двухъ естествъ во Христѣ.

<sup>73</sup>) Ibid. Col. 300. Дѣян. II, 33. 34.

<sup>74</sup>) Cyrilli. De incarnatione Verbi Dei filii patris. Concilia p. 376. Дѣян. II, 196—7.

<sup>75</sup>) Cyrilli. ad Nestorium de excommunicatione. Col. 117. 120. Migne. Gr. t. 77. Дѣян. I, 451. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ знаменитыя XII главъ или анаематствъ Кирилла.

<sup>76</sup>) Cyrilli. Ep. ad Nestor. Col. 48. Дѣян. I, 332.

<sup>77</sup>) Cyrilli. Explicat. XII cap. Col. 301. Дѣян. II, 34.

такъ какъ оно стало собственнымъ Слово (*ὅτι γέγονεν ἰδιὰ τοῦ λόγου*), могущему все животворить<sup>78)</sup>. Вопросъ о возрастаніи Христа и преуспѣяніи въ премудрости, на которомъ останавливалось вниманіе несторіанъ, Кирилль неизбѣжно подвергаетъ также разсмотрѣнію. Трудно было дать ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ скоро допускалось самое тѣсное единеніе естество въ Христѣ. И дѣйствительно Кириллово разрѣшеніе вопроса едва ли могло удовлетворить противниковъ. Кирилль писалъ: „когда услышишь, что (Христось) преуспѣвалъ премудростію, возрастомъ и благодатію, не думай, что Слово Божіе содѣлалось мудрымъ постепенно. И опять не дерзай пустословить, что преуспѣяніе приписываемъ человѣку, ибо это, какъ я думаю, есть ничто иное, раздѣлять на двое единого Христа“. Въ заключеніе Кирилль говоритъ: „говорится о Сущей Премудрости, что Она преуспѣвала въ премудрости, хотя Она совершенна какъ Богъ“, потому что „приняла на Себя чрезъ совершеннѣйшее соединеніе свойства человѣческія“<sup>79)</sup>. Обращаясь къ страданіямъ Христа, Кирилль утверждалъ, что Сынъ Божій усвоилъ Себѣ страданія плоти человѣческой. „Мы исповѣдуемъ, что самый Сынъ Божій, хотя безстрастенъ по собственному естеству, однакожъ за насъ пострадалъ плотію и въ распятомъ тѣлѣ безстрастно усвоилъ себѣ страданія собственной плоти (*τὰ τῆς ἰδίας σαρκὸς ὀλογοῦμενος πάθη*). По благоволенію Божію Онъ принялъ смерть за всѣхъ (Евр. 2, 9), предавъ ей собственное тѣло (*τὸ ἰδίον σῶμα*)<sup>80)</sup>, хотя по естеству есть жизнь и Самъ есть воскресеніе“<sup>81)</sup>.

Что мысли Кирилла по сравненію съ несторіанскими не столь ясны и наглядны—это несомнѣнно. Происходитъ это

<sup>78)</sup> Cyrilli. ad Nestor. de excommunicatione (Anathematismus II). Col. 121. Дѣян. I, 455.

<sup>79)</sup> Cyrilli, Apolog. advers. Orientales. Col. 340—341. Дѣян. II, 73—74.

<sup>80)</sup> Cyrilli, ad Nest. de excommunicatione. Col. 113. Д. I, 445.

<sup>81)</sup> Съ большею рѣшительностію выражаетъ мысль объ участіи Сына Божія въ страданіяхъ плоти Прокль. Онъ говоритъ: необходимымъ оставалось, чтобы Богъ—непричастный грѣху—умеръ за согрѣшившихъ. Присносушный пришелъ и далъ въ уплату Свою кровь. (Concilia, p. 7. 8. Дѣян. I, 316. 319).

отъ того, что въ своихъ сужденіяхъ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія глубокой вѣры. Положенія вѣры никогда не сдѣлаются достояніемъ разумнаго знанія, потому что они не могутъ сдѣлаться таковымъ. Сужденія Кирилла удовлетворяли религиозное чувство христіанина, и въ этомъ ихъ высокаго достоинство, неизмѣримое превосходство предъ рациональными мыслями Несторія. Догматъ о Троичности Лицъ Божества остался непостижимымъ послѣ всѣхъ разъясненій его Афанасіемъ, Василиемъ великимъ, Григоріемъ Богословомъ; тоже должно сказать и о догматѣ воплощенія: послѣ всѣхъ Кирилловыхъ объясненій онъ остается по прежнему таинственнымъ. Вѣра исключаетъ собою разсудочную ясность.

Воззрѣнія Кирилла встрѣчаютъ себѣ много возраженій со стороны его противниковъ. Ему приписывали аполинаризмъ <sup>82)</sup>, т. е. ученіе о томъ, что Богочеловѣкъ страдалъ естествомъ Божескимъ <sup>83)</sup>. Противъ него говорили: „Кириллъ учитъ, что страдало Божество едиnorodнаго Сына Божія, а не Его челоувѣчество“ <sup>84)</sup>. Выходя изъ того же основнаго воззрѣнія, приписываемаго Кириллу, утверждали, что онъ воскрешалъ ересь арианскую <sup>85)</sup>. Если Христосъ страдалъ Божествомъ, то значить Его Божество было другихъ свойствъ, не столь совершенныхъ, какъ Божество безстрастнаго Отца, — вотъ заключеніе, которое приводило несторіанъ къ тому, чтобы упрекать Кирилла въ арианствѣ. Наконецъ, тому же Кириллу приписывали доктрину, которая позже стала называться монофизическою <sup>86)</sup>. Несторіане увѣряли своихъ сторонниковъ, что Кириллъ утверждалъ <sup>87)</sup>, что

---

<sup>82)</sup> Concilia. Acta conc. Ephes. Col. 267. Дѣян. I, 778. Nestorii. Ep. ad Cyrill. Col. 56. Дѣян. I, 341.

<sup>83)</sup> Кириллъ повидимому въ самомъ дѣлѣ не чуждается мысли о страданіи Христа и Божествомъ. Въ оправданіе Кирилла нужно сказать, что мысль о томъ, что Богъ страдать не можетъ—не религиознаго, а философскаго происхожденія. Вѣра не иначе понимаетъ страданіе Христа, какъ приписывая страданія и Самому Богу. Кириллъ просто не хотѣлъ угождать философскимъ воззрѣніямъ тѣмъ болѣе, что съ философской точки зрѣнія необъяснимо и самое воплощеніе.

<sup>84)</sup> Concilia. Acta Conc. Ephes. p. 284. 283 Дѣян. I, 842, 836.

<sup>85)</sup> Ibid. p. 284. Дѣян. 843. Nestorii. Ep. ad Cyrill. Col. 56. Дѣян. I, 341.

<sup>86)</sup> Nestorii. Ep. ad Coelest. Concilia, p. 134. Дѣян. I, 377.

<sup>87)</sup> Concilia. Acta conc. Ephes. p. 284, 282. Дѣян. I, 842, 828.

„изъ Божества и человѣчества произошло одно естество“<sup>88</sup>). Но все это лишь одни нападки, напраслины. Кирилль не аполлинаристъ, потому что допускалъ полноту человѣческой природы во Христѣ, чего не дѣлалъ Аполлинзрій (Христось Аполлинарія былъ безъ духа или, по вашей терминологіи, безъ души). Аріане также не могли находить для себя благоприятнымъ ученіе Кирилла, ибо его ученіе о единосущномъ Сынѣ было выше всякаго сомнѣвія. Отъ упрека въ монофизитствѣ Кирилль самъ оправдываетъ себя весьма ясно<sup>89</sup>).

Экзегетическій вопросъ, къ которому приковывалось вниманіе антioxійскихъ богослововъ относительно того, какъ понимать евангельскія и апостольскія изреченія, въ которыхъ человѣчески уничижительно или божески возвышенно говорится о Христѣ, Кирилль въ противоположность своимъ врагамъ рѣшаетъ въ духѣ и смыслѣ своей общей системы. Что Христось говоритъ о Себѣ или что говорятъ евангелисты и апостолы о Немъ уничижительнаго или божески-возвышеннаго, всѣ эти изреченія, по Кириллу, нераздѣльно слѣдуетъ относить къ одному и тому же Лицу Богочеловѣка, устраниаясь мысли, что ихъ слѣдуетъ относить раздѣльно къ Христу, то какъ Богу, то какъ человѣку. Кирилль писалъ неоднократно: „рѣчи евангельскія (и апостольскія), означаютъ ли опѣ человѣческое или Божественное, относимъ къ одному Лицу. Такъ какъ мы вѣруемъ, что Христось, вочеловѣчившееся Слово Божіе, есть одинъ Сынъ, то если говорится что либо человѣческое (о Христѣ), приписываемъ человѣческимъ мѣрамъ Его, (Сына Божія), чело-вѣчества, потому что и человѣческое опять Его же; если же

<sup>88</sup>) Нужно сказать, что Кирилль дѣйствительно употреблялъ выраженіе, заключающее мысль объ одномъ ествѣ въ Богочеловѣкѣ (*μία φύσις τοῦ Θεοῦ λόγον σεσαρκωμένην*) Cyril. Apologeticus adver. Orientales. Col. 349. Дѣян. II, 83). Но выраженіе это не его собственное; оно заимствовано имъ изъ одного сочиненія св. Аванасія: de incarnatione Dei Verbi (Migne. Gr. ser. t. 28 Col. 28), которое впрочемъ признается подложнымъ. Лишь относить это сочиненіе къ числу сомнительныхъ (dubia) сочиненій Аванасія. Гефеле положительно отвергаетъ его подлинность (Hefele, II, 144). Нужно думать, что Кирилль допускалъ потому это выраженіе, что подобно многимъ писателямъ древней церкви смѣшивалъ понятіе: „естество“ и „лице“: Слово *φύσις* у него употреблялось въ смыслѣ *ὑπόστασις*.

<sup>89</sup>) Cyrilli Ep. ad Ioannem. Antioch. p. 180. Дѣян. II. 378.

говорится о Немъ какъ о Богѣ, то вѣруя, что вочеловѣчившійся есть Богъ, рѣчи относящіяся къ природѣ свѣрхъестественной, опять относимъ къ Нему, какъ единому Христу и Сыну“<sup>90)</sup>.

Разность возрѣній св. Кирилла и его противниковъ теперь для насъ, надѣемся, становится совершенно ясна.

Для нашей задачи чрезвычайно важно уяснить еще вопросъ: какъ относились обѣ стороны къ символу Н. всел. собора, къ догматической дѣятельности его, вообще къ этому собору. Представители партій смотрѣли на символъ константинопольскій разнo. Кириллъ въ своихъ сочиненіяхъ при разъясненіи хринологическихъ вопросовъ никогда не пользуется редакціей символа константинопольскаго, но всегда и исключительно редакціей символа никейскаго. Кириллъ прямо и рѣшительно объявлялъ, что единственнымъ символомъ, которымъ должна руководствоваться церковь, есть символъ никейскій. Въ духѣ св. Аѳанасія<sup>91)</sup>, Кириллъ считаетъ его во всемъ достаточнымъ и неизмѣннымъ даже въ буквѣ. Онъ говоритъ: „рѣшительно терпѣть не можемъ, чтобы кто нибудь потрясалъ вѣру или символъ вѣры, изданный иѣкогда св. отцами никейскими, и рѣшительно не позволимъ ни себѣ, ни кому вибудь другому измѣнить хоть одно слово, тамъ поставленное, ни пропасть хоть одному слогу (*οὐτε ἐπιτρέπομεν λέγειν ὁμείψαι, ἢ μίαν γοῦν παραβῆναι σὺλλαβὴν*), помня слова сказавшаго: не прилагай предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отцы твои“ (Приг. 22, 28)<sup>92)</sup>. Отправляясь отъ такого возрѣнія на символъ никейскій, Кириллъ въ борьбѣ съ Несторіемъ пользуется именно этимъ символомъ, оставая въ сторонѣ символъ константинопольскій, не смотря

<sup>90)</sup> Cyrilli. Explicatio XII cap. Col. 301. Дѣян. II, 35. 6. Cyrilli ad Nestorium de excommunic. Col. 116. 120 (Anath. IV). Дѣян. I, 447—8, 453. Въ примѣръ того, какъ Кириллъ прилагаетъ къ дѣлу данное экзегетическое правило, можно указать на его толкованіе извѣстнаго мѣста изъ евангелія Матѳея: „о дни же томъ“, и пр. Онъ говоритъ: Ему (Христу) принадлежитъ знаніе и видъ незнанія. Онъ знаетъ Самъ по Божеству, какъ Премудрость Отчая, но, ставши въ уровень невѣдующаго чelовѣчества, домостроителественно совершаетъ то, что свойственно и другимъ (Adversus Theodoretum. Col. 416. Дѣян. II, 154).

<sup>91)</sup> См. III главу, стр. 61—62.

<sup>92)</sup> Cyrilli Ep. ad. Ioannem Antioch. Col. 180—181. Дѣян. II, 379.

на то, что въ послѣднемъ символѣ ученіе о Богочеловѣкѣ изложено полнѣе, чѣмъ въ первомъ. Напр. онъ писалъ къ Несторію: „св. и великій соборъ изрекъ, что единородный Сынъ *родился по сущности отъ Бога Отца*, Богъ истинный отъ Бога истиннаго, Свѣтъ отъ Свѣта, Которымъ Отецъ все сотворилъ, сошелъ, *воплотился и воцеловѣчился, страдалъ, воскресъ въ третій день и возшелъ на небеса*“<sup>93</sup>). Хотя Кириллъ приводилъ слова символа не съ буквальною точностію, но нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ символомъ никейскимъ. Онъ употребляетъ характерное выраженіе этого символа, исключенное соборомъ константинопольскимъ II вселенскимъ: „отъ сущности“. Это во первыхъ. Во вторыхъ, члены о Богочеловѣкѣ съ строгою точностію приводятся Кирилломъ по редакціи символа никейскаго, при чемъ дополненія, сдѣланныя въ этихъ членахъ соборомъ константинопольскимъ, Кирилломъ обходятся. Тотъ же Кириллъ въ своихъ сочиненіяхъ приводитъ и полный текстъ символа никейскаго<sup>94</sup>), нигдѣ не упоминая о символѣ константинопольскомъ. И когда ему необходимо было составить толкованіе на символъ, онъ опять изъясняетъ символъ никейскій въ его древнѣйшей формѣ<sup>95</sup>). Другое отношеніе къ символу константинопольскому встрѣчаемъ у представителей антиохійскаго богословствованія. Самъ Несторій исключительно пользуется редакціей символа константинопольскаго, когда онъ доказываетъ свое ученіе на основаніи вселенскихъ соборовъ. Это встрѣчаемъ неоднократно у него. Напр. въ посланіи къ папѣ Целестину Несторій пишетъ<sup>96</sup>): „св. и всехвалыные отцы никейскіе<sup>97</sup>) сказали, что Господь нашъ

<sup>93</sup>) Cyrilli. Epist. ad Nest. Col. 45. Дѣян. I, 329--330.

<sup>94</sup>) Cyrilli ad Nest. de excommunic. Col. 109. Д. I, 441.

<sup>95</sup>) Concilia, p. 457. Дѣян. II, 448.

<sup>96</sup>) Nestorii Ep. ad Coelest. Concilia p. 133. Д. I, 373. Извѣстный специалистъ по исторіи древнихъ символовъ Каспари признаетъ, что Несторій въ своихъ сочиненіяхъ пользовался символомъ константинопольскимъ (Quellen zur Geschichte d. Symbols. B. I, s. 136 Anmerk.), но за доказательствами отсылаетъ читателя къ какому-то своему сочиненію, написанному, къ сожалѣнію, на норвежскомъ языкѣ.

<sup>97</sup>) Никейскіе: потому что символъ константинопольскій не есть новый

І. Христось воплотился *отъ Св. Духа и Маріи Дѣвы*“. Какъ извѣстно, выраженіе: *отъ Св. Духа и Маріи Дѣвы* не находится въ символѣ никейскомъ, а есть принадлежность символа константинопольскаго. Въ другомъ посланіи Несторія къ тому же Целестину читаемъ<sup>98)</sup>: они (сторонники Кирилла) не понимаютъ ученія, изложеннаго св. отцами: „вѣруемъ во единаго Господа І. Христа, Сына Божія, воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы“. Членъ о Богочеловѣкѣ опять читается по редакціи константинопольскаго символа. Въ сочиненіи „о догматахъ“ Несторій также пользуется редакціей символа константинопольскаго<sup>99)</sup>. Редакція же символа никейскаго имъ игнорируется<sup>100)</sup>. Блаженный Феодоритъ былъ также поборникомъ собора константинопольскаго<sup>101)</sup>. Есть основаніе думать, что и вообще въ церквахъ константинопольской и антиохійской символъ константинопольскій уже былъ въ практикѣ и употреблялся церковно и частно христіанами. Въ самомъ дѣлѣ, когда сдѣлалось извѣстнымъ въ Константинополѣ лжеученіе Несторія, кто то составилъ прокламацію, направленную противъ еретика, которая и ходила по рукамъ въ столицѣ. Въ этой прокламаціи между прочимъ значилось: „указываю тебѣ, ревнитель св. вѣры, какъ исповѣдывала эту часть христіанскаго ученія церковь антиохійская<sup>102)</sup>. Она знала

---

въ собственномъ смыслѣ,—въ основѣ его былъ положенъ символъ никейскій. Отсюда этотъ символъ извѣстенъ былъ больше съ именемъ никейскаго.

<sup>98)</sup> Nestorii. Epist. ad Coelestinum. Concilia, p. 134. Дѣян. I, 378.

<sup>99)</sup> Concilia. Acta p. 199. Дѣян. I, 577.

<sup>100)</sup> Несторій не первый изъ числа столичныхъ епископовъ является рѣшительнымъ приверженцемъ константинопольскаго символа. Такимъ былъ уже Іоаннъ Златоустъ. По мнѣнію Каспаря, Златоустъ приводитъ въ своихъ бесѣдахъ слова символа по редакціи константинопольской (Quellen, V. I, S. 94). Дѣйствительно, Златоустъ напр., говоритъ: по внушенію Духа Святаго говорили пророки, какъ содержится въ нашемъ символѣ. „Который (Духъ) глагола въ пророкахъ“ (см. Opera J. Chrysost. T. V. p. 690. Ed Montfaucou); а это слова символа константинопольскаго. Символъ же никейскій, сколько мы знаемъ, у Златоуста не цитруется.

<sup>101)</sup> Но объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

<sup>102)</sup> Этотъ символъ однакожъ не былъ исключительно принадлежностію антиохійской церкви. Отличать цитируемый символъ отъ символа к—скаго, какъ дѣлаютъ это западные ученые, а за нимъ Чельцовъ (Древн. формы символа, стр. 46 и д.), нѣтъ твердыхъ основаній.



не двухъ сыновъ Бога, но единого Сына... при Августѣ Кесарѣ родившагося отъ Маріи Дѣвы. Это ученію высказано въ сихъ именно словахъ: насъ ради спешаго и родившагося *отъ Св. Маріи Приснодѣвы* <sup>103)</sup> и *распятаго при Понтіи Пилатъ*, и далѣе, какъ сказано въ символѣ <sup>104)</sup>. Здѣсь встрѣчаемъ типическія формулы собора константинопольскаго, отмѣчаемыя нами курсивомъ. Жителю константинопольскій приводитъ этотъ символъ отъ лица церкви антиохійской; значить онъ былъ признаваемъ авторитетнымъ какъ въ столицѣ, такъ и въ Антиохіи <sup>105)</sup>. Была ли какая нибудь, хотя скрытая, борьба между александрійцами и антиохійцами изъ-за символовъ никейскаго и константинопольскаго, сказать трудно. Можно однакожь догадываться, что Кириллъ смотрѣлъ недружолобно на Несторія и антиохійцевъ за то, что они предпочитали символъ II всел. собора символу I-го, а Несторій съ своей стороны не уважалъ привязанности Кирилла къ символу никейскому. Такъ, когда архіеп. александрійскій слишкомъ рѣшительно стоитъ за неприкосновенность символа никейскаго даже въ буквѣхъ и словахъ, въ его рѣчи (слова приведены выше) слышится намекъ на враговъ этого символа.

<sup>103)</sup> Приснодѣвы вм. Дѣвы — вариантъ.

<sup>104)</sup> Concilia, p. 129. Дѣян. I. 357.

<sup>105)</sup> Во время III всел. собора приверженность Іоанна антиохійскаго и прочихъ сирскихъ епископовъ къ символу к-скому не высказывается ясно. Въ посланіяхъ и различныхъ документахъ, писанныхъ собственно въ это время, они не приводятъ этого символа, а символъ никейскій. Но это не значить, чтобы они не знали и не признавали символа к-скаго. Въ указанномъ случаѣ у нихъ были свои достаточныя основанія. Во 1-хъ, императоръ объявлялъ, что слѣдуетъ держаться ник. символа (Concilia. Acta p. 280. Д. I, 820), а потому епископы восточные, если желали добиться исполненія своихъ намѣреній, волей-неволей должны были дѣлать угодное императору. И дѣйствительно, когда восточные писали, что они держатся ник. символа, это нравилось императору Θεодосію (Ibid p. 283. Д. 838). Восточные епископы умалчивали о символѣ к-скомъ, какъ о предметѣ, который только еще болѣе раздулъ бы взаимные раздоры двухъ партій. Далѣе, восточные объявляли себя за символъ никейскій, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Кириллъ отказался отъ всѣхъ своихъ сочиненій, писанныхъ противъ Несторія (Ibidem, p. 284. Д. 840. Cyrilli, ep. ad Donatum, episc. Nicopol. t. 77. Col. 249); значить все это дѣло было просто средствомъ къ достиженію извѣстной цѣли.

Ииша по поводу антиохійцевъ и ихъ воззрѣній, Кирилль, хоть и не особенно ясно, замѣчалъ: „мы утверждаемъ, что не просили у кого нибудь новаго изложенія вѣры, не принимали подновленнаго другими (*καίνοτομηθεῖσα λαῖ ἐτέρον*), потому что для насъ достаточно символа вѣры, правильно во всѣхъ отношеніяхъ составленнаго“ (рѣчь безъ сомнѣнія идетъ о символѣ никейскомъ). Указаніе Кирилля на „изложеніе вѣры подновленное“, которое онъ противопоставляетъ символу никейскому, не есть ли указаніе на символъ константинопольскій, бывшій „поволеніемъ“ никейскаго? Кирилль какъ будто направляетъ свою рѣчь противъ какихъ то враговъ никейскаго символа, когда говоритъ еще: „изложенія вѣры, изданнаго въ Никее, мы все держимся, не измѣняя ровно ничего въ немъ содержащагося, ибо небезопасно еще что нибудь присовокуплять къ нему“<sup>106</sup>). Съ другой стороны Несторій какъ то неохотно выслушиваетъ доказательства Кирилля, построенныя на изреченіяхъ символа никейскаго. Такъ, опровергая подобныя доказательства и передавая буквально слова символа никейскаго, на которыя ссылался Кирилль, онъ какъ-то уклончиво замѣчалъ: „эти слова твоего благочестія, и ты знаешь, что они твои“<sup>107</sup>). То, что приводитъ Кирилль изъ символа, это Несторій какъ будто не хочетъ признавать за слова истиннаго символа. — Мы потому остановились своимъ вниманіемъ на разъясненіи вопроса объ отношеніи двухъ партій къ собору II вселенскому, что это должно пролить свѣтъ на дальнѣйшую нашу рѣчь о томъ, при какихъ условіяхъ символъ константинопольскій входитъ во всеобщее церковное употребленіе. Притомъ вопросъ этотъ, которымъ мы занялись сейчасъ, не разъясненъ въ наукѣ. — Въ связи съ вопросомъ объ отношеніи двухъ партій къ символу константинопольскому — полагаемъ, по не утверждаемъ — стоитъ другой вопросъ: какъ обѣ партіи смотрѣли на ученію о Духѣ Св. и его соотношеніи къ Сыну. Въ символѣ константинопольскомъ Упостась Духа Св. изображена въ чер-

<sup>106</sup>) Cyrilli. Ep. ad. Acacium Melitinae episc. Col. 188. Дѣян. II, 387. Ibid. Col. 184. Дѣян. 383.

<sup>107</sup>) Nestorii. Ep. ad Cyrill. Col. 49; Дѣян. I, 336,

тахъ выпуклыхъ, при чемъ соотношеніе Его къ Сыну указано только въ томъ, что Онъ споклоняемъ съ (Отцемъ и) Сыномъ. Приверженцы несторіанства, говоря о Духѣ Св., придерживаются той же точки зрѣнія, по которой Духъ Святой тщательно отличается отъ другой Упостаси Свят. Троицы—Сына Божія. Иначе было у александрійцевъ, которые держались символа никейскаго и не слѣдовали терминологіи символа константинопольскаго. Они Сына Божія и Духа ставили въ самыя тѣсныя отношенія. Ученіе объ этомъ Кирилла и антиохійцевъ таково. Кирилль писалъ въ своихъ „анаѳематствахъ“ противъ Несторія: „кто говоритъ, что Господь І. Христосъ прославленъ Духомъ въ томъ смыслѣ, что пользовался чрезъ Него какъ-бы чуждою силою, а не почитаетъ собственнымъ Его Духомъ (*ἰδίῳ αὐτοῦ τὸ πνεῦμα*), анаѳема“<sup>108</sup>). Въ другомъ мѣстѣ онъ же называетъ Духа не чуждымъ Сыну (*οὐκ ἀλλότριον τοῦ υἱοῦ*) и присовокупляетъ: „разумѣется относительно сущности“<sup>109</sup>). Антиохійцы не соглашались съ такими выраженіями Кирилла и опровергали ихъ, какъ заключающія неправильное ученіе. Θεодоритъ, разбирая изреченіе Кирилла: „Духъ собственъ Сыну“, писалъ: „что до того, собственъ-ли Духъ Сыну, то, если онъ, Кирилль, говоритъ, что Духъ одного съ Нимъ (Сыномъ) оцества и отъ Отца происходитъ, то мы исповѣдуемъ это вмѣстѣ съ нимъ. Если же говорить, что Онъ (Духъ) отъ Сына и чрезъ Сына (*εἰ δ' ὡς ἐξ υἱοῦ, ἢ δι' υἱοῦ*) имѣетъ бытіе, то это отвергаемъ, какъ богохульное и нечестивое“<sup>110</sup>). Тотъ же Θεодоритъ писалъ противъ Кирилла: „Онъ произносилъ хулы на Духа Св., утверждая, будто Онъ не отъ Отца исходитъ, но отъ Сына имѣетъ начало (*ἀλλ' ἐξ υἱοῦ τὴν ὑπαρξιν ἔχειν*). Вотъ плодъ сѣмянъ Аполлинарія“<sup>111</sup>). Впрочемъ нужно сказать, что какого

<sup>108</sup>) Cyrilli, ad Nestor. de excommun. Col. 121 (Anath. XI). Дѣян. I, 454.

<sup>109</sup>) Cyrilli, Ep. ad Ioannem Antioch. Col. 181. Дѣян. II, 379.

<sup>110</sup>) Cyrilli. Apolog. advers. Theodoret. Col. 432. Дѣян. II, 172.

<sup>111</sup>) Epist. (151) ad Monachos. Col. 1417. Migne. Gr. t.83, Протестъ противъ Кирилла или вообще александрійцевъ, которые Духа и Сына поставляли въ самыя тѣсныя отношенія (см. гл. 3 нашего изслѣдованія, стр. 95—97), громко высказывается въ еретическомъ символѣ, представленномъ на III всел. соборѣ и приписываемомъ Θεодору Мопсуетскому (Concilia, p. 259. Дѣян. I, 747).

либо спора о Духѣ Св. въ дальнѣйшей исторіи несторіанской эпохи не видно. Ибо смыслъ ученія о Духѣ Св. и у Кирилла, и у Θεодорита, и у другихъ—былъ одинъ и тотъ же.

Разногласіе, открывшееся между двумя церковными партіями по догматическимъ вопросамъ, побуждаетъ правительство церковное и гражданское созвать новый вселенскій соборъ. На соборъ въ Ефесъ созваны были какъ епископы стороны Кирилла, такъ и епископы стороны Несторія. Но собравшіеся епископы не составили одного собора, а сообразно съ своими воззрѣніями богословскими раздѣлились на двѣ части. Епископы, согласные съ Кирилломъ, составили свой соборъ многочисленный; это и есть вселенскій ефесскій соборъ. Епископы же, единомысленные съ Несторіемъ, въ противодѣйствіе этому собору, образовали въ томъ же Ефесѣ свой „отступнический“ соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна антиохійскаго. Обѣ стороны не хотѣли имѣть общенія одна съ другой. Епископы собора ефесскаго вселенскаго рѣшительно отказались отъ общенія съ еретиками; они говорили Кириллу, послѣ того какъ противоположная сторона показала много задору и ярости: „Вотъ наши тѣла (т. е. если хочешь, наказывай насъ), вотъ церкви (т. е. если хочешь, лиши насъ сана), вотъ города (т. е. если хочешь, сошли въ ссылку), но привести насъ въ общеніе съ восточными (антиохійцами) вы не можете“<sup>112)</sup>. Съ своей стороны отступнический соборъ относился къ отцамъ истиннаго собора въ духѣ рѣшительной нетерпимости. Антиохійцы называли Кирилла и его приверженцевъ безумствующимъ Египтомъ, воюющимъ на Бога и слугъ Его, соборъ Кирилла дѣлали предметомъ насмѣшекъ, находя, что его дѣла хуже всякой комедіи<sup>113)</sup>. Такое явленіе взаимнаго разобщенія сторонъ легко объясняется тѣмъ, что епископы православные, сторонники Кирилла не хотѣли ничѣмъ поступиться предъ противниками въ своихъ догматическихъ воззрѣніяхъ, будучи увѣрены въ ихъ чистотѣ и

<sup>112)</sup> Concilia. Acta Conc. Ephes. p. 298. Дѣян. I, 882.

<sup>113)</sup> Theodoret. Ep. ad episc. Andream Samosat. Col. 1463. Migne. Gr. t. 83.

православіи, — приверженцы Несторія — тоже самое. Около Кирилла сгруппировались епископы тѣхъ странъ, гдѣ онъ съ самаго начала нашелъ себѣ приверженцевъ: изъ Александріи и Египта, Рима, Іерусалима и Палестины, Иллирика <sup>114</sup>). Около Іоанна антиохійскаго и Несторія сгруппировались епископы изъ тѣхъ самыхъ странъ, гдѣ Несторій и ранѣе собора приобрѣлъ себѣ адептовъ: изъ антиохійскаго округа, Малой Азіи, Оракии.

Къ сожалѣнію о догматической дѣятельности какъ собора вселенскаго, такъ и отступническаго мы знаемъ и можемъ сказать очень немного. Вслѣдствіе полного единенія внутри каждой группы въ отдѣльности, ни споровъ, ни преній, ни продолжительныхъ разсужденій по вопросамъ быть не могло. Ни та, ни другая сторона не составила какихъ-либо догматическихъ опредѣленій. Составлялись такъ сказать, неписанныя опредѣленія, которыя просто заключались въ единодушномъ рѣшеніи вопросовъ. Все, что нужно сказать о догматической дѣятельности собора вселенскаго и отступническаго, состоитъ въ слѣдующемъ.

Соборъ вселенскій, подъ предводительствомъ Кирилла, исходною точкою своихъ рѣшеній беретъ символъ никейскій. Имъ руководились отцы, какъ главнымъ началомъ въ сужденіи о томъ, кто правъ въ ученіи — Кириллъ или Несторій. Ученіе Кирилла найдено вполне сообразнымъ съ символомъ никейскимъ, а ученіе Несторія противорѣчащимъ оному. Соборъ единодушно выразилъ свое полное уваженіе къ символу никейскому <sup>115</sup>). Онъ не разъ прочитывается на соборѣ <sup>116</sup>). Самымъ выразительнымъ образомъ соборъ

---

<sup>114</sup>) Къ Кириллу присоединились также епископы церковнаго округа ефесскаго, послѣдуя вліятельному по своему положенію епископу ефеск. Мемнону.

<sup>115</sup>) Concilia. Acta conc. Ephes. p. 174—5. 187 et c. Дѣян. I, 507—9. 544 и дал.

<sup>116</sup>) Ibidem, p. 174, 2<sup>o</sup> 6. Дѣян. I, 507, 741. Символъ константинопольскій не былъ читанъ на соборѣ (Hefele II, 311). Мнѣніе Hahn'a (Bibliothek d. Symbole, 83), что символъ никейскій съ прибавками константинопольскаго всел. собора утвержденъ отъ собора ефесскаго, не вѣрно. Невѣрно думаетъ и еп. Іоаннъ (Ист. соб., стр. 119), что въ правилѣ 7 III всел. собора разумѣется символъ никео-цареградскій.

изъявилъ свое уваженіе къ сказанному символу въ томъ, что на немъ положено не составлять ни теперь, ни послѣ новаго вѣроопредѣленія или символа. На соборѣ предъявленъ былъ какой-то ложный символъ, бывшій однакожъ въ ходу въ Лидіи и, кажется, въ Константинополѣ. Отцы, осудивъ этотъ символъ, какъ еретическій, потому что въ немъ проскальзывали мысли несторіанскія, положили хранить во всей цѣлости символъ никейскій. Въ „Дѣяніяхъ“ читаемъ: „св. соборъ опредѣлилъ: не позволять никому произносить, писать или слагать (*προσφέρειν, συγγραφεῖν, συντιθέναι*) иную вѣру, кромѣ опредѣленной св. отцами, сошедшимися въ Никее“<sup>117</sup>). Для разъясненія вопросовъ, поднятыхъ несторіанствомъ, соборъ обращается къ сочиненіямъ прежнихъ писателей церковныхъ. Это были писатели, во 1-хъ, вышедшіе изъ-подъ направленія александрійскаго богословствованія (Петръ, еп. александрійскій (300—311 гг.), Аѳанасій, Василій великій, Григорій Богословъ, Григорій нисскій, Амфилохій иконійскій, Теофилъ александрійскій, Аттікъ, архіеп. константинопольскій)<sup>118</sup>); во 2-хъ, принадлежавшіе къ церкви западно-римской (св. Киприанъ, св. Амвросій, папы). Что же касается до писателей антioxійскаго богословскаго направленія, чтеній изъ ихъ сочиненій не встрѣчаемъ на соборѣ. Не читались ни сочиненія Евстафія, еп. антioxійскаго, не смотря на то, что они еще тогда были цѣлы и извѣстны<sup>119</sup>), ни сочиненія Юанна Златоуста, обязаннаго своимъ богословскимъ образованіемъ Мелетію, еп. антioxійскому. Если мы познакомимся съ содержаніемъ тѣхъ отрывковъ названныхъ писателей, какіе (отрывки) предложены были для чтенія на

<sup>117</sup>) Ibidem. p. 263. Дѣян. I. 763.

<sup>118</sup>) Аттікъ, бывшій родомъ изъ Арменіи и принадлежавшій къ числу тамошнихъ монаховъ (Soer. IV, 20), но своимъ симпатіямъ и наклонностямъ напоминаетъ типъ александрійца. Въ противоположность Несторію онъ преслѣдовалъ Пелагіанъ, враговъ римской церкви (Coolest. Ep. ad Nestorium. Concilia, p. 134. Дѣян. I, 379); подобно александрійскимъ епископамъ, напримѣръ Теофилу, онъ былъ недругомъ Златоуста (Sosom. VIII, 27). Кириллъ высоко уважалъ память Аттिका (Cyril. Epist. ad Clericos Constantinop. Col. 65. Дѣян. I, 351).

<sup>119</sup>) Concilia, p. 129. Дѣян. I, 357—8.

соборѣ, то легко усмотримъ ихъ основной характеръ. По содержанію эти отрывки отвѣчали идеальнымъ-возвышеннымъ, строго супранатуралистическимъ воззрѣніямъ вождей православія въ несторіанскую эпоху. Въ нихъ по вопросу о Богочеловѣкѣ давалось предпочтеніе мысли о тѣснѣйшемъ соединеніи естество предъ мыслию о раздѣльномъ представленіи оныхъ. Моментъ единства естество во Христѣ преобладаетъ надъ моментомъ различія тѣхъ же естество. Приведемъ нѣкоторые изъ отрывковъ патристическихъ, о которыхъ мы говоримъ. Отцы собора въ сочиненіяхъ Петра александрійскаго читали: „слова Гавріила: Господь съ тобою (Лук. 1, 28), значать тоже, что Богъ Слово съ тобою. Они означаютъ, что Слово родилось въ утробѣ Дѣвы и содѣлалось плотію, какъ написано“ (Лук. 2, 35)<sup>120</sup>). Въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія они читали слѣдующія мысли: „Слово содѣлалось человѣкомъ и усвоило Себѣ все принадлежащее плоти (*τοῦ λόγου ἰδιολοιουμένου, τὰ τῆς σαρκὸς*). Слово перенесло на себя немощи тѣла“ (*τὰ πάθη τοῦ σώματος εἰς ἑαυτὸν μετέθηκεν*)<sup>121</sup>). Изъ сочиненій Григорія Богослова прочитано было на соборѣ слѣдующее мѣсто: „не имѣеть въ Немъ (Спасителѣ) мѣсто иной и иной (раздѣленіе естество). Сего да не будетъ. Ибо то и другое въ раствореніи (*τὰ γὰρ ἀμφοτέρα ἐν τῇ συστάσει*) — и Богъ вочеловѣчился и человѣкъ обожился, или какъ бы ни наименовалъ бы кто это“<sup>122</sup>). Изъ сочиненій Григорія нисскаго на соборѣ было читано: „Чистый и непорочный не отвращается (пріемлетъ) сквернъ человеческого естества (*τὸν τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως καθάρχειται ὄψλον*), но прошедъ всѣ степени нашего убожества, претерпѣваетъ даже самую смерть“<sup>123</sup>). Изъ писателей близкихъ по времени своей жизни къ эпохѣ собора предложены были для чтенія извлеченія изъ сочиненій Θεοφιλα александрійскаго и Аттика. У перваго читали: „хотя образомъ рожденія Слово отличается отъ насъ, однакоже во всемъ, кромѣ грѣха, уподобляется намъ. Оно и

<sup>120</sup>) Concilia. Acta Conc. Ephes. p. 193. Дѣян. I, 561—2.

<sup>121</sup>) Ibid., p. 193. Дѣян. 562—3.

<sup>122</sup>) Ibid., p. 196. Дѣян. 570.

<sup>123</sup>) Ibid., p. 197. Дѣян. 572.

раждается, и повивается пеленами, и питается млекою, въ младенствѣ полагается въ ясли, принимаетъ всѣ немощи естества нашего (*τῆς φύσεως ἡμῶν τῆν ἀδύναταν ἐκδεχόμενος*)<sup>124</sup>). У втораго читали: „Неподлежащій осязанію по безтѣлесному естеству дѣлается осязасмымъ. Безначальный пріемлетъ начало по тѣлу, Совершенный возрастаетъ, Неизмѣняемый преуспѣваетъ, *Покрывалъ небо облаки* повивается пеленами, Царь полагается въ ясляхъ“<sup>125</sup>). Изъ писателей римской, или правильнѣе латинской, церкви читалось на соборѣ немногое. Такъ изъ сочиненій св. Кипріана карфагенскаго было прочитано: „Онъ (Сынъ Божій) смирилъ Себя, дабы возвысить людей, поверженныхъ долу, былъ уязвленъ, дабы уврачевать наши раны, претерпѣлъ смерть, дабы смертнымъ доставить безсмертіе“<sup>126</sup>).

Немного сказано нами о догматической дѣятельности III вселенскаго собора. О таковой же дѣятельности отступническаго собора скажемъ еще меньше. Отмѣтимъ въ этомъ отношеніи лишь одинъ фактъ. Антиохійцы рѣшительно отвергли важнѣйшее изъ сочиненій Кирилла, написанныхъ противъ Несторія: „Двѣнадцать главъ“ (анаематствъ). Соборъ отступнической выразилъ такое опредѣленіе: „тотъ, кто подпишетъ эти главы или согласится съ ними и не будетъ опровергать ихъ, тотъ подвергнется церковнымъ наказаніямъ“<sup>127</sup>). Въ этомъ произведеніи Кирилла соборъ усматривалъ ереси—арианскую и аполинарианскую, а также находилъ ученіе о томъ, что Безстрастный страдалъ Божескимъ естествомъ<sup>128</sup>).

Соборъ вселенскій низложилъ, лишилъ сана всѣхъ участниковъ собора отступническаго<sup>129</sup>); съ своей стороны соборъ отступнической частью низложилъ, частью лишилъ церковнаго общенія всѣхъ отцевъ собора вселенскаго<sup>130</sup>). Этими и закончился соборъ Ефесскій.

<sup>124</sup>) Ibid., p. 195. Дѣян. 567.

<sup>125</sup>) Ibid., p. 197. Дѣян. 573.

<sup>126</sup>) Ibid., p. 195. Дѣян. 567.

<sup>127</sup>) Ibid., p. 280. Дѣян. 815.

<sup>128</sup>) Ibid., p. 225. Дѣян. 651.

<sup>129</sup>) Ibid., p. 249. Дѣян. 719, 11, 15.

<sup>130</sup>) Ibid., p. 225. Дѣян. I, 652.



## VI.

Да возвеселятся небеса и радуется земля. Разрушено средостѣніе оградъ, печаль прекратилась и всякіе раздоры уничтожены, Спаситель нашъ Христосъ даровалъ миръ церквамъ своимъ.

*Св. Кириллъ.*

Соборъ ефесскій, распавшись на двѣ части—несторіанствующую и православную, не примирилъ церкви, не положилъ конца спорамъ о лицѣ Богочеловѣка. Вскорѣ однакожь наступаютъ лучшія времена для церкви. Раздѣленіе почти прекращается, единеніе церковей восстанавливается. Мы говоримъ объ *уніи* тридцатыхъ годовъ V столѣтія, соединившей богослововъ александрійскаго и антиохійскаго на правленія. Унія эта представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи церкви V вѣка. На нее нужно смотрѣть какъ на заключительный актъ собора ефесскаго. Истинный конецъ соборъ ефесскій вселенскій имѣлъ только въ этой уніи. Унія имѣетъ великое догматическое значеніе. Опрежденія, выработанныя во время ея теченія, составили результатъ, отъ котораго, какъ несомнѣнной церковной истины, отирались богословы ближайшаго времени. На ней утверждалось вообще дальнѣйшее раскрытіе церковнаго ученія о лицѣ Богочеловѣка. Унія, какъ показываетъ самое слово, есть соединеніе—александрійскихъ и антиохійскихъ доктринъ, послѣднихъ насколько онѣ заключались въ сочиненіяхъ Иоанна архіеп. антиохійскаго и бл. Θεодорита, съ полнымъ устраненіемъ крайнихъ и нетерпимыхъ въ церкви воззрѣній Несторія. Уніальные документы, т. е. сочиненія, которыя писаны были въ видахъ достиженія уніи и которыя служатъ памятниками, разъясняющими для историка внутренній ходъ ея, сдѣлались документами, согласіе съ кото-

рыми необходимо требовалось въ ту эпоху отъ всякаго, кто хотѣлъ носить имя православнаго человѣка. Друзья уніи становятся и остаются поборниками православія въ его чистѣйшемъ видѣ.

Намъ слѣдуетъ рассмотретьъ унію только съ одной стороны—съ догматической, которая имѣетъ ближайшее отношенію къ нашей задачѣ <sup>1)</sup>. Унія совершилась не вдругъ, но однакожъ въ 433 году она уже входитъ въ полную силу и дѣлается достояніемъ церкви. Инициатива къ уніи дана была императоромъ Θεодосіемъ младшимъ; обезпеченный положеніемъ церковныхъ дѣлъ, тотчасъ послѣ собора ефесскаго императоръ обращается къ архіепископу Іоанну съ требованіемъ, чтобы онъ вошелъ въ сношенія съ Кирилломъ и заключилъ съ нимъ миръ церковный <sup>2)</sup>. Сторонники антиохійской доктрины, приверженцы Іоанна антиохійскаго, вмѣсто того, чтобы протянуть Кириллу руку примиренія, поступиться нѣкоторыми изъ своихъ неправильныхъ мнѣній, на первый разъ обращаются чрезъ письмо къ архіепископу Алоксандрійскому, признавая себя правыми, съ такими предложеніями, которыхъ вождь православія не только не могъ принять, но которыя положительно оскорбили его. Іоаннъ и его приверженцы, между которыми видное мѣсто занимаютъ Θεодоритъ кирскій и Акакій еп. веррійскій, хотѣли только на томъ условіи вступить въ общеніе съ Кирилломъ, буде онъ откажется отъ всѣхъ своихъ сочиненій: посланій, краткихъ разсужденій и цѣлыхъ книгъ, и согласится оставаться при одномъ символѣ никойскомъ <sup>3)</sup>, который, какъ извѣстно, почти не давалъ отвѣта на жгучіе вопросы о лицѣ Божечеловѣка. Можно было принять такое предложеніе за

<sup>1)</sup> Исторія уніи представляетъ предметъ научно интересный. Она заслуживала бы отдѣльнаго научнаго изслѣдованія. Въ рус. литературѣ можно находить объ этомъ предметѣ свѣдѣнія въ монографіи Горскаго: Жизнь бл. Θεодорита (Приб. къ Твор. св. отцовъ, т. 14); а также въ монографіи г. Глубоковскаго. Бл. Θεодоритъ. Т. I.

<sup>2)</sup> *Epist. imperatorum ad Ioannem episc. Antioch.* Col. 1458 et c. *Migne-Gr. t. 77.* Дѣян. II, 345—7.

<sup>3)</sup> *Cyrilli Epist. ad Acasium episc. Melit.* Col. 184. *Migne. t. 77.* Дѣян. II, 383. Слич. также гл. V сего изслѣдованія, примѣч. 105. Этотъ планъ выработанъ Акакіемъ веррійскимъ (*Cyrill. Ep. ad Donatum episc. Nicopol.* Col. 249. Дѣян. II, 407).

пронію! Могъ ли принять Кириллъ подобное странное требованіе, не выражавшее ничего, кромѣ новыхъ притязаній? Согласиться съ этимъ требованіемъ не значило ли для Кирилла отказаться отъ высокихъ, святыхъ доктринъ александрійскаго богословствованія? Не значило ли отвергнуть ефесскій вселенскій соборъ? Не значило ли предъ лицомъ всего христіанскаго міра сознаться, что доселѣ онъ держался неправыхъ мыслей, которыхъ онъ самъ теперь стыдится? Кириллъ отвѣчалъ антїохійскимъ епископамъ полнымъ отказомъ. Въмѣсто удовлетворенія ихъ странныхъ притязаній, онъ обратился съ предложеніями краткими и справедливыми, которымъ они должны были послѣдовать, если хотѣли достигнуть мира церковнаго. Онъ потребовалъ отъ нихъ, чтобы они отказались отъ еретическихъ мыслей Несторія, согласно съ соборомъ ефесскимъ вселенскимъ высказались за низложеніе его и признали законнымъ пастыремъ архіепископа константинопольскаго Максиміана <sup>4)</sup>. Послѣдній пунктъ требуетъ поясненія съ нашей стороны. По низверженіи Несторія, архіепископомъ константинопольскимъ сдѣлался названный Максиміанъ. Онъ избранъ былъ изъ лицъ, единомышленныхъ съ Кирилломъ <sup>5)</sup>. Максиміанъ былъ родомъ изъ Рима, принадлежалъ къ числу монаховъ <sup>6)</sup>. Онъ находился въ дружественной перепискѣ съ Кирилломъ <sup>7)</sup>. Избранъ былъ Максиміанъ для церкви константинопольской членами вселенскаго ефесскаго собора <sup>8)</sup>. Вслѣдствіе этихъ причинъ онъ не былъ призванъ законнымъ архипастыремъ въ церкви антїохійской. Какъ приняли епископы антїохійскаго округа вышеуказанное заявленіе Кирилла? Они отвѣчали на него письмомъ, посланнымъ съ Павломъ, еп. смисскимъ, другомъ Иоанна и его единомышленниковъ. Но письмо это было не лучше перваго. Оно заключало въ себѣ много несправедливостей, жалобъ въ отношеніи къ Кириллу

<sup>4)</sup> Cyrilli. Epist. ad Acacium episc. Melit. Col. 184—5. Дѣян. II, 333—4.

<sup>5)</sup> Cyrilli. Epist. ad Juvenalem episc. Col. 156 et c. Migne, t. 77. Дѣян. II, 310 и дал.

<sup>6)</sup> Hefele, Conciliengeschichte. B. II, 248.

<sup>7)</sup> Epistolae Maximiani ad Cyrillum et Cyrilli ad Maxim. Col. 148 et c. Migne. t. 77. Дѣян. II, 302. 304.

<sup>8)</sup> Vinii. Concilia. T. I, pars 2, pag. 408. Дѣян. II, 298.

и было положительно оскорбительно для послѣдняго. Составители письма хулили его за все, что сдѣлано было на соборѣ ефесскомъ. Вообще оно было неприлично по тону и притязательно по своимъ предложеніямъ <sup>9)</sup>. Кирилль такъ говорить объ этомъ письмѣ: „вручено было мнѣ письмо отъ Іоанна, впрочемъ заключающее въ себѣ не то, что слѣдовало; оно написано, не какъ должно было, въ тонѣ насмѣшки, а не соглашенія. Ибо вмѣсто того, чтобы успокоить меня въ печали, причиненной событіями предшествующими и ихъ собственными поступками въ Ефесѣ, они сочли благовременнымъ излить свой гнѣвъ на меня, порожденный какъ бы ревностію ихъ къ св. догматамъ“ <sup>10)</sup>. Однакожь Кирилль въ видахъ мира церковнаго и вслѣдствіе снисхожденія къ заблуждающимся, не отказался вступить въ разъясненія, переговоры съ уполномоченнымъ отъ лица антиохійскихъ епископовъ—Павломъ емисскимъ объ условіяхъ взаимнаго соглашенія касательно спорныхъ пунктовъ вѣроченія. Переговоры эти имѣли успѣхъ вождсленный. Павелъ уступилъ: рѣшился анаеоматствовать Несторія и признать Максиміана архіепископомъ константинопольскимъ. Кирилль принялъ посла въ церковное общеніе <sup>11)</sup>. Павелъ заявлялъ Кириллу, что такія же воззрѣнія раздѣляютъ съ нимъ и всѣ сирскіе епископы, и просилъ его принять и ихъ въ общеніе церковное. Но Кирилль не иначе соглашался на это, какъ подъ условіемъ, чтобы епископы антиохійскаго округа представили ему исповѣданіе вѣры, въ которомъ бы и объяснили ему какъ они разсуждаютъ о спорныхъ вопросахъ <sup>12)</sup>. Это требованіе Кирилла въ непродолжительномъ времени и было исполнено. Іоаннъ антиохійскій представилъ Кириллу краткое исповѣданіе вѣры, которое и было главнымъ документомъ, легшимъ въ основу уніи.

Въ виду важности этого документа, мы выпишемъ его сполна. Послѣ предисловія, въ которомъ говорилось: „о томъ, какъ мы (антиохійскіе епископы) думаемъ и говоримъ

<sup>9)</sup> Cyrilli. Epist. ad Donatum. Col. 252. Дѣян. II, 409.

<sup>10)</sup> Cyrilli. Ep. ad Acacium. Melit. Col. 185. Дѣян. II, 384.

<sup>11)</sup> Ibid. Col. 185. Дѣян. 385. Libellus Pauli episc. Emisseni, col. 168. Migne. t. 77. Дѣян. II, 353.

<sup>12)</sup> Cyrilli. Epist. ad Acacium. Col. 185. Дѣян. II, 385.

о Богородицѣ и объ образѣ вочеловѣченія единороднаго Сына Божія, по необходимости, чтобы не допустить многорѣчія, скажемъ кратко; однакожь съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ почерпнули мы это изъ писаній божественныхъ и преданій св. отцевъ<sup>13)</sup>, — слѣдовало самое исповѣданіе вѣры такого содержания: „Итакъ мы исповѣдуемъ, что Господь нашъ Иисусъ Христосъ единородный Сынъ Божій есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, состоящій изъ разумной души и тѣла, что Онъ рожденъ прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣднее время ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы по человѣчеству; что Онъ единосущенъ Отцу по Божеству и единосущенъ намъ по человѣчеству; ибо въ Немъ совершенное соединеніе двухъ естествъ. Почему мы и исповѣдуемъ одного Христа, одного Сына, одного Господа. На основаніи такого несліяннаго соединенія мы исповѣдуемъ Пресвятую Дѣву Богородицею, потому что Богъ—Слово воплотился и вочеловѣчился и въ самомъ зачатіи соединилъ съ Собою храмъ, отъ нея воспринятый. (*Ὁμολογοῦμεν τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν υἱὸν τοῦ θεοῦ τὸν μονογενῆ, θεὸν τέλειον καὶ ἀνθρώπον τέλειον ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος; πρὸ αἰῶνων μὲν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν αὐτὸν δι' ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν ἐκ Μαρίας τῆς παρθένου κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα; ὁμοουσίον τῷ πατρὶ τὸν αὐτὸν κατὰ τὸν θεότητα, καὶ ὁμοουσίον ἡμῖν κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα; δύο γὰρ φύσεων ἑνώσις γέγονε διὰ ἓνα Χριστόν, ἓνα κύριον ὁμολογοῦμεν. Κατὰ ταύτην τὴν τῆς ἀσχηχότου ἐνώσεως ἔννοιαν ὁμολογοῦμεν τὴν ἁγίαν παρθένον θεοτόχον, διὰ τὸ θεὸν λόγον σαρκωθῆναι καὶ ἐνανθρωπήσαι, καὶ ἐξ αὐτῆς τῆς συλλήψεως ἐνώσει εαυτῆρ τὸν ἐξ αὐτῆς ληφθέντα καὶ*). Известно, что богословы одни изъ евангельскихъ и апостольскихъ изреченій о Господѣ признають общими, какъ принадлежащія одному лицу, другія же по причинѣ различія двухъ естествъ принимаютъ раздѣльно, и тѣ изъ нихъ, которыя приличны Богу, относятся къ Божественности Христа, уничтожительныя же къ Его человѣчеству“<sup>13)</sup>).

<sup>13)</sup> Ioannis episc. Antioch. Epist. ad Cyrill. Col. 172. Migne. Gr. t. 77. Дѣян. II. 357—8. Приведенное исповѣданіе не есть новое; оно очень сходно

Сдѣлаемъ разборъ этого исповѣданія. Не трудно замѣтить, что въ немъ встрѣчаются многія выраженія характеристичныя для антиохійскаго богословствованія. Таковы выраженія: „совершенный Богъ и совершенный человекъ, изъ разумной души и тѣла“, „единосущенъ намъ по человечеству“; дѣлается особое удареніе на томъ, что „Сынъ Божій родился въ послѣднее время по человечеству“; употребляется выраженіе „храмъ“ по отношенію къ человѣческой природѣ Христа; указывается „неслитное соединеніе“; подтверждается экзегетическое правило для многихъ изреченій новозавѣтныхъ, что ихъ нужно относить въ отдѣльности то къ человѣческому, то къ Божескому естеству Христа. Но въ то же время исповѣданіе носитъ печать свидѣтельствующую, что составители его принимали и усвоили воззрѣнія и терминологию александрійской богословской науки. Помимо того, что здѣсь встрѣчается наименованіе св. Дѣвы Маріи Богородицей, ученіе о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ выражается такъ, какъ выражалъ его Кириллъ: „совершилось единеніе двухъ естествъ“ (*ἕνωσις*); далѣе, соединеніе Бога Слова съ человѣческимъ естествомъ относится ко времени зачатія Христа; еще: дѣлается уступка касательно экзегетическаго правила, какъ толковать евангельскія и апостольскія изреченія о Богочеловѣкѣ, ибо признается, что есть такія изреченія, которыя можно относить ко Христу безъ различія въ мысли о томъ, относятся ли они къ Божеству или человечеству Его. — Къ исповѣданію присоединено заявленіе, что Іоаннъ и другіе епископы сирскіе анасематсвуютъ Несторіа и его ученіе и принимаютъ Маѣсміана въ общеніе <sup>14)</sup>. Касательно того же Іоаннъ уѣдомляетъ и папу и архіепископа константинопольскаго <sup>15)</sup>.

Исповѣданіе Іоанна и епископовъ съ нимъ единомысленныхъ Кириллъ принялъ съ великою радостію, какъ даръ

---

съ исповѣданіемъ, съ которымъ Іоаннъ антиохійскій обращался къ императору Феодосію еще во время III вселенскаго собора. Hefele. II, 261—2.

<sup>14)</sup> Ioannis Ep. ad Cyrillum. Col. 173. Дѣян. II, 359.

<sup>15)</sup> Ioannis Antioch. Ep. ad Syestum, Cyrillum. Col. 165. Migne. t. 77. Дѣян. II, 351.

неба, и призналъ его вполне православнымъ <sup>16)</sup>. Миръ церковный началъ водворяться. Кирилль съ своей стороны, не признавая себя непогрѣшимымъ (*ὁ, πλημμέλῃς τι... πολλὰ γὰρ πταίμεν ἄπαντες*) въ спорахъ съ антиохійцами <sup>17)</sup>, старался яснѣе и точнѣе раскрыть свое ученіе въ тѣхъ пунктахъ, которые служили камнемъ преткновенія и соблазна для епископовъ сирскихъ. Въ посланіи къ Іоанну Кирилль, во избѣжаніе всякихъ подозрѣній, старается раскрыть, сколько возможно точнѣе, ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Онъ говорилъ: „одинъ Господь І. Христосъ, хотя мы и не знаемъ различія естествъ (*ἡ τῶν φύσεων διαφορά*), которыя вошли въ это неизъяснимое соединеніе“ (*ἕνωσις*). Объявляетъ сумасбродами тѣхъ, кто приписываетъ ему мысль о сляніи или смѣшеніи Божества и человѣчества во Христѣ. Отвергаетъ ученіе, которое нѣкоторые находили у него, что Христосъ страдалъ человѣчествомъ и вмѣстѣ Божествомъ. „Не этимъ несказанной Божественности естествомъ страдалъ Христосъ“, замѣчаетъ Кирилль <sup>18)</sup>. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ выраженій Кирилла указываютъ на то, что онъ въ видахъ полнаго сближенія съ своими прежними противниками пересталъ чуждаться формулъ, дотолѣ исключительно принадлежавшихъ антиохійскому догматическому языку <sup>19)</sup>, и во всякомъ случаѣ избѣгаетъ формулъ, которыя соблазняли антиохійцевъ. Далѣе, Кирилль принимаетъ и усволяетъ экзегетическое правило, выработанное антиохійскими богословами относительно извѣстныхъ евангельскихъ и апостольскихъ изреченій о Богочеловѣкѣ. Излагая въ одномъ своемъ посланіи, писанномъ во время уніи, истинный смыслъ этого антиохійскаго правила, онъ говоритъ: этимъ они „утверждаютъ не то, что одни наименованія приличе-

<sup>16)</sup> Cyrilli. Ep. ad Ioann. Col. 173. M. t. 77 D. II, 372.— Сочиненіе это начинается восторженными словами: „да возвеселятся небеса“, и принадлежитъ къ важнѣйшимъ документамъ, касающимся уніи.

<sup>17)</sup> Cyrilli. Apologeticus ad imper. Theodosium. Col, 456. Migne. Gr. t. 76. Дѣян. II, 264.

<sup>18)</sup> Cyrilli. Ep. ad Ioannem. Col. 180. Дѣян. II, 378. Epist. ad Succensum episc. Col. 232.

<sup>19)</sup> Συνεχωρήσαμεν αὐτοῖς, говоритъ Кирилль (ad Eulogium presbyt. Col. 225. Migne. Gr. t. 77).

ствують Слово Бога Отца, какъ Сыну Самому по Себѣ взятому отдѣльно, а другія—Ему рожденному отъ жены такъ, какъ другому Сыну опять отличному, но то, что одни приличны Его Божеству, другія человѣчеству“. При этомъ онъ присовокупляетъ: „подобное и я говорю“ <sup>20</sup>). Тотъ же Кирилль совершенно основательно указываетъ и причину, которая побуждала антиохійскихъ богослововъ раздѣлять „наименованія“ и которая заключается въ противодѣйствіи арианамъ, злоупотреблявшимъ уничтожительными выраженіями о Христѣ; эту причину онъ признаетъ очень уважительною <sup>21</sup>). Наконецъ, Кирилль къ удовольствію своихъ прежнихъ противниковъ разрѣшаетъ вопросъ, который, кажется, очень беспокоилъ епископовъ сирскихъ. Должно думать, что между послѣдними ходилъ слухъ, что будто Кирилль не признаетъ одного очень важнаго для антиохійцевъ сочиненія св. Аеанасія, именно посланія его къ Эпиктету еп. коринескому. Посланіе это заключало очень ясное исповѣданіе двухъ естествъ во Христѣ, хотя въ то же время возвѣщало и ученіе о соединеніи оныхъ. Антиохійцы, при самомъ началѣ заключенія уніи съ Кирилломъ, чрезъ выше поименованнаго Павла обратились къ Кириллу съ просьбою, чтобы онъ объявилъ имъ: согласенъ ли онъ съ упомянутымъ посланіемъ Аеанасія? Кирилль, разумѣется, далъ утвердительный отвѣтъ и сообщилъ антиохійцамъ лучшій списокъ этого Аеанасіева сочиненія <sup>22</sup>). Мы въ послѣдствіи видимъ, что антиохійцы не разъ обращаются къ посланію Эпиктета для доказательства правоты своихъ мнѣній и опроверженія враговъ.

Все это чрезвычайно успокоительно подѣйствовало на епископовъ, дотоѣ враждебно расположенныхъ къ Кириллу. Распри въ церкви начали утихать. Какъ прочно стала укореняться унія среди антиохійскаго церковнаго округа, какъ все болѣе и болѣе повсюднымъ стало ся торжество, это можно видѣть изъ слѣдующаго посланія Іоанна антиохійскаго: „всѣ

<sup>20</sup>) Cyrilli. Ep. ad Acasium. Col. 196, Дѣян. II, 395. Epist. ad Succensum episcop. Col. 232.

<sup>21</sup>) Ibid. Col. 197. Дѣян. 398—9.

<sup>22</sup>) Ibid. Col. 200. Дѣян. 401. Cyrilli. Ep. ad Ioannem. Col. 181. Дѣян. II, 380.



епископы востока (т. е. округа антиохійскаго), какъ и епископы всего прочаго міра, осудили Несторія и согласились на его изложеніе (главный пунктъ уніи). Мы сдѣлали и объявили, что надлежало, вотъ уже четыре года (сдѣланіе писано въ 437 году). Всѣ епископы приморскіе согласились и подписались. Епископы второй Финикіи, Киликійцы сдѣлали это прошлымъ годомъ; Арабы чрезъ своего епископа Антиоха; страны Месопотамскія, Озроени, Евфрата и вторая Сирія одобрили все то, что мы сдѣлали. Мы уже давно получили (благопріятный) отвѣтъ со стороны исаврійцевъ; всѣ епископы первой Сиріи подписались съ нами<sup>23)</sup>. Въ этомъ посланіи Іоаннь перечисляетъ всѣ церкви, входившія въ составъ патріархата антиохійскаго, и всѣ онѣ представляются присоединившимися къ уніи. Унія нашла собѣ благопріятный приемъ въ средѣ большинства антиохійцевъ<sup>24)</sup>.

Конечно, дѣло не обошлось безъ враговъ для уніи. Въ это время, когда жизнь церковная отличалась особенною, часто болѣзненною чувствительностію ко всѣмъ мѣрамъ, какія предпринимались властями для благоустройства церкви, уніи, какъ явленіе весьма замѣчательное, не могла не возбудить пререканій и споровъ. Унію приняли враждебно тѣ, которые изъ епископовъ, приверженцевъ антиохійскаго богословскаго направленія. Они находили, что епископы восточно, прежніе приверженцы несторіанскихъ доктринъ, — сближались съ Кирилломъ и соглашались съ его ученіемъ, тѣмъ самымъ измѣнили себѣ, уступили врагу въ неправомъ дѣлѣ. Это были открытые враги уніи<sup>25)</sup>; съ ними никакое соглашеніе было невозможно. Они отвернулись отъ церкви, церковь отжалась отъ нихъ! Былъ другой классъ враговъ уніи изъ числа тѣхъ же приверженцевъ антиохійскихъ доктринъ: не думаемъ, чтобы ихъ было много. Эти враги мира присоединились къ уніи лицемерно. Они подкладывали подъ

<sup>23)</sup> Mansi. Concilia t. V, p. 972—4 (Martin. Pseudosynode Brigandage, p. 63—64. Paris, 1875).

<sup>24)</sup> Hefele II, 259.

<sup>25)</sup> Имена и дѣятельность ихъ извѣстны; но изложеніе фактовъ, сюда относящихся, выходило за предѣлы нашей задачи.

универсальное исповѣданіе смыслъ свой—несторіанскій и объявляли, что Кирилль перешелъ на ихъ сторону, отказался отъ своего прежняго ученія. Кирилль о нихъ говоритъ: „востроуженные примиреніемъ святыхъ церквей, они злобно порицають тѣхъ, кто не хочетъ съ ними соглашаться и исповѣданіе св. отцовъ восточныхъ поносить, толкуя его неправильно, и извращая для подтвержденія того, что имъ приятно и нравится, чтобы не разставаться съ суеловіемъ Несторіа<sup>26)</sup>“. „Они превращаютъ все вверхъ и внизъ и говорятъ, что съ ихъ нечестивыми мыслями согласно исповѣданіе восточныхъ<sup>27)</sup>“. Въ опроверженіе подобной клеветы Кирилль тщательно сличаетъ исповѣданіе съ ученіемъ Несторія и съ очевидностію доказываетъ, что между ними нѣтъ ничего общаго<sup>28)</sup>. Гораздо опаснѣе всѣхъ этихъ враговъ уніи для мира церковнаго были противники этого соглашенія между александрійцами и антиохійцами, вышедшіе изъ рядовъ почитателей Кирилла. Они подозрительно смотрѣли на этого святителя, который вошелъ въ общеніе съ Іоанномъ; они видѣли въ данномъ шагѣ Кирилла измѣну православнои вѣрѣ<sup>29)</sup>. *Это были предтечи монофизитства.* Они вопили противъ Кирилла за то, что онъ допускалъ ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ; это имъ казалось ересью, антиохійскимъ заблужденіемъ. Они обращались къ архіепископу александрійскому съ настойчивыми вопросами: какъ это онъ принялъ въ общеніе антиохійцевъ, когда они учатъ о двухъ естествахъ, какъ это и сказано въ ихъ исповѣданіи, поданномъ Кириллу? Самъ Кирилль объ этомъ пишетъ такъ: „нѣкоторые говорятъ: отъ него епископъ александрійскій терпнть и хвалить ихъ (т. е. восточныхъ), когда они признають два естества?“<sup>30)</sup>. Кирилль, проведеншій всю жизнь въ борьбѣ съ врагами истины, желаетъ и теперь убѣдить, успокоить новыхъ своихъ враговъ. Но можно ли ожидать вниманія, спокойнаго отношенія къ дѣлу отъ упорныхъ ере-

<sup>26)</sup> Cyrilli. Ep. ad Acacium. Col. 188. Дѣян. II, 386.

<sup>27)</sup> Ibid. Col. 189. Дѣян. 389.

<sup>28)</sup> Ibid. Col. 189 et c. Дѣян. 389 и дал.

<sup>29)</sup> Hefele не находитъ основаній обвинять Кирилла въ измѣнѣ его первоначальнымъ принципамъ. (Hefele II, 253).

<sup>30)</sup> Cyrilli. Ep. ad Eulogium presbyt. Col. 225. Дѣян. II, 402.

тиковъ; а это враги Кирилла именно и оказались такими... Онъ сдѣлалъ все, чтобы заставить замолкнуть враговъ изъ числа своихъ прежнихъ друзей. Онъ говоритъ съ ними ихъ языкомъ, употребляетъ выраженія ими любимыя, приспосабливается къ образу ихъ воззрѣній, ухѣщаетъ ихъ, что унія ничего не измѣнила въ его прежнемъ ученіи. Любовь, снисхожденіе, слышится въ каждомъ словѣ Кирилла, съ какими онъ обращается къ своимъ невѣрнымъ друзьямъ<sup>31)</sup>. Защищая ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ, онъ старается имъ доказать, что этимъ не исключается ученіе о соединеніи естествъ. Одно заключается въ другомъ. „Утверждаемъ, писалъ онъ<sup>32)</sup> имъ, что два естества соединились, и вѣримъ, что послѣ этого соединенія, какъ бы уничтоживши дѣленіе на двое (*ὡς ἀνηρημένης ἕδη τῆς εἰς δύο διατο-*

<sup>31)</sup> Въ числѣ враговъ Кирилла, вышедшихъ изъ ряда его почитателей, Гефеле помѣщаетъ и св. Исидора Пелусіота, принимая во вниманіе одно посланіе Исидора къ Кириллу. Гефеле говоритъ, что будто первый ставитъ въ укоръ второму то, что этотъ уступилъ антиохійцамъ больше, чѣмъ сколько слѣдовало, что онъ усвоилъ себѣ несторіанскіе термины (В. II, 271). Что дѣйствительно Исидоръ въ чемъ-то укорялъ Кирилла во время возникновенія уніи, это правда, но въ томъ ли, въ чемъ полагаетъ Гефеле—это вопросъ нерѣшенный. Въ самомъ дѣлѣ, Исидоръ по направленію самъ былъ антиохійцемъ, какъ это видно изъ того, что осуждалъ Кирилла во время III всел. собора за слишкомъ строгій приговоръ надъ Несторіемъ („Посланіе къ Кириллу“. Твор. св. Исидора. ч. I стр. 180. М. 1859), и что внушалъ ему твердо держаться ученія о двухъ естествахъ (Другое посл. къ Кириллу. *Ibid.* стр. 188). Послѣ этого странно было бы допускать, какъ это дѣлаетъ Гефеле, что Исидоръ могъ упрекать Кирилла за сближеніе съ антиохійцами въ догматическомъ языкѣ. Съ своей стороны Кириллъ, какъ извѣстно, въ сношеніяхъ съ Іоанномъ главнымъ образомъ и старался лишь о томъ, чтобы убѣдить послѣдняго, что онъ, Кириллъ, ясно и точно исповѣдуетъ ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Краткое и не совсемъ вразумительное посланіе Исидора къ Кириллу, на которомъ основывастъ свое мнѣніе Гефеле (посл. (324) къ Кириллу. *Ibid.* стр. 188), не слѣдуетъ ли скорѣе понимать въ томъ смыслѣ, что Исидоръ былъ недоволенъ Кирилломъ за то, что послѣдній и послѣ уніи все-таки въ посланіяхъ къ своимъ друзьямъ, о которыхъ мы теперь говоримъ (въ текстѣ), продолжалъ выражаться такимъ образомъ, который могъ соблазнять вообще подозрительныхъ антиохійцевъ?

<sup>32)</sup> Cyrilli. Epist. Acacium. Col. 192—3. Дѣян. II, 392. Cyrilli. Epist. ad Eulogium. Col. 225. Дѣян. II, 403 и дал. Cyrilli. Epist. ad Succensum episc. Col. 232.

μῆς), пребываетъ одно естество (*μία φύσις*) Сына какъ еди-наго, но вочеловѣчившагося и воплотившагося“ <sup>33</sup>). Защищая то же ученіе о двухъ естествахъ, онъ доказываетъ далѣе, что такое воззрѣніе не заключаетъ мысли, будто Христосъ имѣлъ какъ бы чужую, Ему не собственную, плоть какого-то отдѣльнаго лица. Отсюда онъ говоритъ, опять-таки приспособляясь къ терминологіи, любимой его приверженцами, къ которой они были привязаны до крайности: „не Богъ и чловѣкъ (т. е. два отдѣльныя лица), соединившись вмѣстѣ, составили одного Христа, но Богъ, будучи Словомъ, почти по нашему (безъ грѣха) пріобщился плоти и крови“ (*ὁ λόγος παραπληρώως ἡμῶν μετέσχευεν αἵματος καὶ σαρκός*), такъ что Богъ мыслится вочеловѣчившимся, воспріавшимъ нашу плоть и сдѣлавшимъ ее своею собственною“ <sup>34</sup>). Кириллъ наконецъ разъясняетъ своимъ неразумнымъ друзьямъ, что ученіе о двухъ естествахъ, которое такъ соблазняло ихъ, не ведетъ къ мысли, что страдалъ за насъ какой-то отдѣльный отъ Сына Божія чловѣкъ и что Сынъ Божій не усвоилъ Себѣ его страданій. Кириллъ писалъ: „говоримъ, что Само Слово Божіе претерпѣвало все, что происходило съ Его плотію“ <sup>35</sup>). Но напрасно Кириллъ старался образумить своихъ учениковъ, которые перестали понимать своего учителя. Не даромъ считается аксіомой, что враги изъ друзей самые ужасные и непримиримые враги. Они не только не удовлетворились его разъясненіями, не оцѣнили его снисходительности къ нимъ, но даже стали злоупотреблять его авторитетомъ, его сочиненіями, его терминологіею <sup>36</sup>). Унію они считали пятномъ въ дѣятельности Кирилла. Куда вело и привело

<sup>33</sup>) Выраженіе, какъ мы знаемъ (гл. V нашего изслѣдованія примѣч. 88), не принадлежитъ самому Кириллу, но заимствовано изъ Аванасія. Это выраженіе было любимо въ кругахъ александрійцевъ, подобно какъ *ὁμοούσιος*, Богородица, потому что одно это изреченіе прямо давало знать, что произносящій его не есть несторіанинъ, атіохіецъ. Употребляя выраженіе: *μία φύσις*, Кириллъ въ посланіяхъ къ тѣмъ же своимъ приверженцамъ объ образѣ соединенія естествъ во Христѣ однакожъ писалъ, что въ Немъ *ἐντάρχη τὸ διαφορὸν*. Ad Succ. 241.

<sup>34</sup>) Cyrilli. Epist. ad Valerianum episc. Iconiensem. Col. 257. Migne, t. 77. Дѣян. II, 417.

<sup>35</sup>) Ibidem, col. 264. Дѣян. 422.

<sup>36</sup>) Vid. Cyrilli Ep. ad Succensum. col. 240 et c.

поразуміе этихъ ревнителѣй вѣры? Но объ этомъ рѣчь впереди...

Нельзя сказать, чтобы Кириллъ оставался въ неизмѣнно добрыхъ отношеніяхъ съ истинными приверженцами уніи. Между нимъ и этими послѣдними выходили недоразумѣнія, разногласія <sup>37)</sup>, и Кириллъ сошелъ въ могилу неувѣренный въ безопасности церковнаго мира въ будущемъ. Одинъ изъ униатовъ, къ сожалѣнію почтеннѣйшій изъ униатовъ, узнавъ о смерти Кирилла, вмѣсто похвальной рѣчи этому по истинѣ великому мужу, сочинилъ и пустилъ въ ходъ ѣдкую сатиру на усопшаго праведника <sup>38)</sup>...

---

<sup>37)</sup> Чисто историческія свѣдѣнія, къ нашему дѣлу неотносящіяся, о послѣднихъ событіяхъ во время уніи, подробно изложены нами въ Исторіи послѣднихъ четырехъ вс. соборовъ, стр. 102—111.

<sup>38)</sup> *Epistola Theodoretī ad Domnum Antioch*, Migne. Gr. t. 83. col. 1489 et c.

## VII.

Мнѣ кажется, что съ нимъ случилось что-то въ родѣ того, что бываетъ съ тѣми, кто не умѣетъ плавать и вдругъ упадетъ съ корабля. Прежде чѣмъ станутъ тонуть, они барахтаются руками и ногами и по чувству самосохраненія безъ разбору хватаются бѣдные за все, что ни попалось подъ руку.

*Св. Кирилль.*

Переходимъ къ изученію свойствъ и характера догматической дѣятельности, заключающейся въ дѣяніяхъ собора халкидонскаго, IV вселенскаго. Какъ извѣстно, дѣянія халкидонскаго собора состоятъ изъ троякаго рода документовъ, которые равно имѣютъ отношеніе къ нашей задачѣ: первый—касается собора константинопольскаго помѣстнаго 448 года, второй—собора разбойничьяго 449 года и третій наконецъ собственно халкидонскаго собора. Изучимъ основные принципы и точки зрѣнія, на которыхъ стоялъ каждый изъ указанныхъ соборовъ въ своей догматической дѣятельности. Начнемъ, въ хронологическомъ порядкѣ, съ собора константинопольскаго 448 года.

Соборъ константинопольскій доселѣ не былъ серьезно изученъ и понятъ наукой западной, не говоря уже о русской, которая неохотно выбираетъ самостоятельный путь научнаго изслѣдованія.

Константинопольскій соборъ можетъ быть понятъ наукой только въ связи съ обстоятельствами и явленіями церковной уни, о которой мы говорили въ предшествующей главѣ. Этотъ соборъ есть прямое и рѣшительное заявленіе симпа-

тій къ уніи, совершившейся между александрійцами и антїохійцами назадъ тому пятнадцать лѣтъ. Враги уніи стали врагами собора константинопольскаго. Судь этого собора есть судь надъ тѣми, кто не принялъ и не призналъ уніи т. е. надъ крайними александрійцами.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше увеличивалось число друзей и защитниковъ уніи. Почти во всѣхъ церквахъ восточныхъ на нее смотрѣли, какъ на несомнѣннѣйшее выраженіе церковной истины по вопросу о Богочеловѣкѣ, по вопросу о соединеніи въ Немъ двухъ естествъ. Но чѣмъ больше унія находила себя защиты, тѣмъ больше озлоблялись на нее неразумные приверженцы александрійскихъ доктринъ. Если во времена св. Кирилла такихъ лицъ съ крайнимъ александрійскимъ направленіемъ, враждебныхъ уніи, извѣстно было немного (Акакій мелитинскій, Сукценсъ Діокесарійскій и пр.), то это зависѣло не оттого, что такихъ враговъ уніи изъ числа александрійцевъ и въ самомъ дѣлѣ было не много: нѣтъ. Ихъ было много, но эти враги уніи были сдержаны, нерѣшительны, оставались въ колеблѣмости, въ недоумѣніи, мало дѣйствовали. Ихъ порывы, ихъ стремленія сдерживалъ высокій церковный авторитетъ Кирилла. Кириллъ былъ за унію. Это связывало руки врагамъ уніи, заставляло ихъ смиряться: скончался Кириллъ (444 г.), и положеніе дѣлъ быстро перемѣнилось. Друзья Кирилла, недовольные уніей, видѣвшіе въ ней уступку, сближеніе съ антїохійскимъ богословствованіемъ, а это богословствованіе для нихъ казалось ничѣмъ другимъ, какъ несторіанствомъ, — заволновались, начали открыто дѣйствовать. Ихъ основная точка зрѣнія была крайне оригинальна. Они любили и не любили Кирилла, этого главнѣйшаго представителя александрійскаго богословствованія во времена споровъ несторіанскихъ. Они любили Кирилла, поскольку онъ былъ ревностнымъ противникомъ несторіанства, вождемъ III вселен. собора, замѣчательнымъ писателемъ, ясно и прямо изложившимъ свои антинесторіанскія воззрѣнія; но того же Кирилла они не любили, поскольку онъ въ послѣднюю эпоху своей жизни сближается съ антїохійцами въ уніи, поскольку онъ былъ писателемъ, ратовавшимъ за унію, поскольку онъ былъ врагомъ враговъ

уніи, вышедшихъ изъ числа его неразумныхъ учениковъ. О первой фазѣ его церковно-исторической дѣятельности они всегда рѣшительно и прямо говорили, о второй же фазѣ его дѣятельности они упорно молчали. Въ одномъ лицѣ Кирилла для нихъ было какъ-бы два отдѣльныхъ лица. Одному изъ этихъ лицъ они сочувствовали, другому ни мало. Положеніе неестественное. Но развѣ мало удивительнаго историкъ встрѣчаетъ въ это удивительное время? Враги уніи изъ александрійцевъ обыкновенно выставляли себя поборниками идей и ученія Кирилла, стояли за Кирилла; но подъ Кирилломъ разумѣли Кирилла до 433 года. Все это было бы очень странно, если бы не было совершенно дѣйствительно. Враги уніи изъ александрійцевъ и суть монофизиты. Монофизиты такимъ образомъ суть ничто другое, какъ враги уніи изъ александрійцевъ, но переставшихъ понимать Кирилла и извратившихъ его христологическое ученіе. Съ ними то имѣетъ дѣло въ лицѣ извѣстнаго архимандрита константинопольскаго Евтихія соборъ константинопольскій. Соборъ этотъ есть первая открытая встрѣча защитниковъ уніи съ врагами уніи изъ александрійцевъ.

На другой точкѣ зрѣнія стояли защитники уніи, насколько это выразилось на соборѣ константинопольскомъ и позднѣе—соборѣ халкидонскомъ. Они всей душой привязаны были къ уніи. Въ ней видятъ они истинное слово, высказанное церковію касательно ученія о Богочеловѣкѣ и соединеніи въ немъ двухъ естествъ. За унію они готовы были положить животъ, и многіе дѣйствительно положили, а пострадали немало всѣ безъ исключенія. Враговъ уніи изъ александрійцевъ они считали язвой церкви. Борются съ этими послѣдними для нихъ значило бороться за истину, за вѣру, за православіе. Они почитали себя приверженцами и почитателями Кирилла, его авторитетъ высоко цѣнили. Кириллъ для нихъ былъ такъ же великъ, какъ и для монофизитовъ, но въ дѣятельности и ученіи Кирилла не все вызывало у нихъ одинаковыя симпатіи. Дѣятельность Кирилла послѣ собора III вселенскаго, направленную къ единенію съ антїохійцами, они ставили выше его дѣятельности предъидущей, поскольку эта дотолѣ выражалась только въ



противодѣйстви несторіанству и антиохійцамъ. Документы уніальные, на которыхъ красовалось имя Кирилла, были такъ сказать новымъ завѣтомъ враговъ монофизитства. Враги монофизитовъ, подобно самимъ монофизитамъ, ставили себя подъ знамена Кирилла. Они основывали свою дѣятельность на дѣятельности Кирилла. Въ этомъ заключается главная причина, почему церковные историки, когда говорятъ о монофизитахъ и ихъ противникахъ, путаются въ своихъ представленіяхъ. Какимъ образомъ одни и другіе основывались на Кириллѣ, считали себя учениками одного и того же Кирилла,—это было вопросомъ въ наукѣ и вопросомъ запутаннымъ... Составъ партіи защитниковъ уніи былъ не одинаковъ. Это имѣло важныя церковно-историческія послѣдствія. Въ составъ этой партіи входили и приверженцы антиохійской догматики, принявшіе унію, и приверженцы александрійской догматики, ставшіе на сторонѣ уніи. Это придаетъ указанной партіи разнообразіе, но изъ этого разнообразія раждалась чудная гармонія. Тѣхъ и другихъ тѣсно соединяло уваженіе къ уніи, но у тѣхъ и другихъ были особенности, отъѣнки во взглядахъ, напр. на прежнихъ писателей богослововъ. Первые всѣми своими душевными силами тяготѣли къ писателямъ, вышедшимъ изъ антиохійской школы,—александрійскихъ писателей они ставили ниже; вторые отъ всей души любили писателей александрійской школы, но не столь цѣнили писателей школы антиохійской <sup>1)</sup>. Взявшись за одно и тоже дѣло защиты уніи, они сблизились, передали другъ другу свои воззрѣнія на писателей церковныхъ, перестали различать между послѣдними „нашихъ“ и „не-нашихъ“. И это было дѣломъ, великой церковно-исторической важности. Переграда между приверженцами двухъ школъ падала. Они неодинаково смот-

<sup>1)</sup> Напр. Антиохійцы къ сочиненіямъ св. Аванасія относились съ разборчивостію и авторитетнымъ для себя по вопросу о воплощеніи считали лишь его посланіе къ Эпиктету; съ своей стороны александрійцы питали нерасположеніе даже къ памяти Златоуста, какъ это видно изъ посланій Кирилла (Ep. ad Atticum episc. Constantinop. Col. 352. Migne, t. 77). Неландеръ ясно различаетъ патристическіе авторитеты александрійцевъ и антиохійцевъ, когда говоритъ объ одномъ сочиненіи Феодорита (Band. 1, s. 697--8).

рѣли на дѣятельность Кирилла. Униты антиохійцы высоко цѣни унію, подозрительно смотрѣли на первыхъ порахъ на доуниальную дѣятельность Кирилла, на самый III вселен. соборъ; униты же александрійцы, не чуждаясь уніи, сохраняли благодарную память и о дѣятельности Кирилла до нея. Сходясь въ воззрѣніяхъ на унію, тѣ и другіе обмѣнялись своими симпатіями касательно Кирилла, подозрѣніе уступило мѣсто довѣрію, нерасположеніе—любви. Водворялась полная гармонія между тѣми и другими касательно Кирилла. Утверждаемъ: это великій церковно-историческій фактъ! Далѣе, униты изъ антиохійцевъ, питая уваженіе къ дѣятельности II вселенскаго собора, значенія котораго не признавали александрійцы, передали это уваженіе и уніатамъ изъ александрійцевъ. Если по однимъ изъ важныхъ церковныхъ вопросовъ униты изъ антиохійцевъ стали смотрѣть глазами унитовъ изъ александрійцевъ, то по другимъ эти послѣдніе стали смотрѣть глазами первыхъ. Защитники уніи сдѣлались защитниками православія въ полномъ смыслѣ слова <sup>2)</sup>. Отъ нихъ беретъ принципы послѣдующая церковь въ наукѣ и въ спорныхъ догматическихъ вопросахъ.— Сдѣлаемъ еще одно общее замѣчаніе: враги уніи, монофизиты, носятъ на себѣ яркую печать александрійскаго направленія; друзья уніи, православные, носятъ на себѣ свойства умѣреннаго антиохійскаго богословскаго направленія. Первые враждебны ко всему тому, что не есть направленіе александрійское; вторые, сочувствуя по преимуществу антиохійскому богословскому направленію, въ тоже время относятся дружественно и къ тому, что не составляетъ проявленія любимаго ихъ направленія. Кругозоръ послѣднихъ очень широкъ и въ этомъ главная сила защитниковъ уніи.

Постараемся охарактеризовать главныхъ представителей собора константинопольскаго, именно Евтихія, монофизита, врага унитовъ, патріарха константинопольскаго Флавіана и Евсевія дорилейскаго, друзей уніи, противниковъ крайняго александрійскаго богословскаго направленія.

---

<sup>2)</sup> Съ подобными защитниками уніи противъ монофизитовъ встрѣчаемся на соборѣ константинопольскомъ 448 года въ лицѣ патріарха Флавіана и Евсевія еп. Дорилейскаго.

Евтихій былъ монахъ одного константинопольскаго монастыря. Извѣстно, что монахи доставили самый значительный контингентъ для партіи монофизитской. Не даромъ они ранѣе были жаркими сторонниками Кирилла. Ревность легко могла переходить въ увлеченіе, жаръ одушевленія могъ приводить къ крайности. Это и видимъ у многихъ монаховъ того времени: египетскихъ, палестинскихъ, сирскихъ и константинопольскихъ. Евтихій былъ энергическимъ дѣятелемъ въ пользу Кирилла и противъ Несторія во время III вселенскаго собора. „Когда Несторій противился истинѣ, Евтихій сталъ за истину“ <sup>3)</sup>. Кириллъ, уважая Евтихія, прислалъ ему послѣ III вселенскаго собора экземпляръ дѣяній этого собора <sup>4)</sup>. Въ своихъ богословскихъ воззрѣніяхъ Евтихій представлялъ частію чистый типъ александрійца, частію типъ того же александрійца, но уже пошатнувагося въ православіи. Евтихій подобно всѣмъ александрійцамъ того времени стоялъ за соборъ Никейскій и Ефесскій вселенскій, но ни словомъ не упоминаетъ о соборѣ вселенскомъ константинопольскомъ 381 года <sup>5)</sup>. Символь вѣры, опять подобно тѣмъ же александрійцамъ, онъ читалъ по редакціи собора никейскаго, и не хотѣлъ знать редакціи II вселенскаго собора <sup>6)</sup>. Все это не представляло однакожъ ничего предосудительнаго, и многія лица чистаго православія дѣлали тоже самое. Но въ другихъ своихъ воззрѣніяхъ онъ уже болѣе или менѣе ясно отчуждался отъ православія. Евтихій не признавалъ сочиненій Кирилла, писанныхъ имъ во время и послѣ уніи: нѣтъ ни малѣйшаго въ положительномъ смыслѣ указанія на нихъ въ словахъ Евтихія, хотя ему не разъ приходилось высказывать, какъ онъ смотритъ на явленія церковныя недавняго прошлаго. Ни къ чему другому, какъ именно къ уніальнымъ сочиненіямъ Кирилла, но въ смыслѣ неблагопріятномъ, нужно относить темноватую мысль Евтихія, высказанную имъ при одномъ слу-

---

<sup>3)</sup> Bini. Concil. T. II, pars 1. Acta Chalced. p. 83. Дѣян. III, 263. Изд. 1-ое.

<sup>4)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 57. Дѣян. III, 186.

<sup>5)</sup> Ibid. p. 86. Дѣян. 269.

<sup>6)</sup> Ibid. p. 56. Дѣян. 185.

чаѣ объ отцахъ церкви. Онъ говорилъ: „если же встрѣтятся у нихъ въ нѣкоторыхъ словахъ, что нибудь ложное или погрѣшительное (*διασφαλθὲν, ἢ διαπλανηθὲν*), этого онъ не отвергаетъ и не принимаетъ“ <sup>7)</sup>. Эти слова получаютъ свой смыслъ только тогда, когда мы возмемъ во вниманіе, что крайніе александрійцы, какимъ былъ и Евтихій, только часть дѣятельности Кирилла признавали заслуживающею почета, а другую уніальную — нѣтъ. Въ данныхъ словахъ Евтихія высказывается не какой либо критицизмъ въ отношеніи къ отеческимъ писаніямъ, а односторонность взгляда на сочиненія Кирилла. Евтихій прямо заявлялъ <sup>8)</sup>, что въ сочиненіяхъ Кирилла нѣтъ ученія о двухъ естествахъ: это, хотя съ большою натяжкою, еще можно было сказать о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ этого писателя, написанныхъ до собора ефесскаго, на примѣръ объ анаематизмахъ его, но отнюдь нельзя было сказать о сочиненіяхъ того же Кирилла, писанныхъ во время и послѣ уніи, потому что въ послѣднихъ усиленно утверждалась мысль о двухъ естествахъ во Христѣ. Если же однакожъ Евтихій прямо заявляетъ, что въ писаніяхъ Кирилла нѣтъ ученія о двухъ естествахъ, то этимъ онъ несомнѣнно давалъ знать, что онъ игнорируетъ уніальные документы <sup>9)</sup>. Положительное еретическое ученіе Евтихія, ученіе монофизитское, формулируется имъ такъ: „послѣ воплощенія Бога Слова я поклоняюсь одному естеству,—естеству Бога воплотившагося (*μίαν φύσιν προεβουλεύθη θεοῦ σαρκωθέντος*) и вочеловѣчившагося“ <sup>10)</sup>; или: „исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество“ (*μετὰ ἕνωσιν μίαν φύσιν ὁμολογῶ*) <sup>11)</sup>. Фразы эти не собственное изобрѣтеніе еретика; онѣ встрѣчаются въ сочиненіяхъ св. Кирилла, который въ свою очередь беретъ ихъ изъ писаній Афанасія; но онѣ заимствуются изъ Кирилла внѣ связи съ прочими возрѣніями этого отца церкви,

7) Ibid. p. 79. Дѣян. 251.

8) Ibid. p. 92. Дѣян. 289.

9) Мысль объ отношеніи Евтихія къ уніи яенѣ будетъ, когда мы скажемъ о дѣятельности константинопольскаго собора.

10) Ibid. p. 79. Дѣян. 251.

11) Ibid. p. 92. Дѣян. 287.

а потому у Евтихія получаютъ еретическій характеръ, ка-кого онѣ не могли имѣть въ своемъ мѣстѣ. То обстоятельство, что эти фразы встрѣчались въ сочиненіяхъ Кирилла, придавало монофизитству видъ истиннаго ученія, увлекало многихъ, но это было не больше какъ *видъ* дѣйствительнаго ученія Кириллова. Касательно умственныхъ способностей Евтихія западные писатели не высокаго мнѣнія <sup>12)</sup>. Но съ этимъ мнѣніемъ можно соглашаться только отчасти. Правда, что Евтихій не получилъ серьезнаго и систематическаго образованія, но онъ былъ изворотливъ, понятія его опредѣленны и строго формулированы; вообще онъ отчетливо представлялъ свое ученіе, насколько это возможно было для догмата высокотаинственнаго.

На иной богословской точкѣ зрѣнія стояли: предсѣдатель собора константинопольскаго патріархъ Флавіанъ и первый изобличитель и доносчикъ на Евтихія Евсевій дорилейскій. При всемъ сходствѣ въ воззрѣніяхъ, какъ мы увидимъ, Флавіанъ и Евсевій представляли однакожь по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ нѣкоторыя разности, которыя тѣмъ не менѣе не мѣшали имъ идти къ одной общей цѣли. Флавіанъ вышелъ изъ рядовъ антioxійскихъ богослововъ. Во время споровъ несторіанскихъ припималъ сторону Несторія, если только этого именно Флавіана Кириллъ называлъ въ одномъ своемъ посланіи „смутотворцемъ“ (*φωρατὴς*) <sup>13)</sup>. Но онъ принялъ унію и тѣмъ самымъ порвалъ всякія связи съ прежнимъ еретичествомъ и сталъ почитателемъ Кирилла. Флавіанъ, какъ антioxіецъ, въ отличіе отъ Евтихія, признавалъ вполнѣ авторитетными не только соборы вселенскіе—никейскій и ефесскій, но и вселенскій Константинопольскій соборъ (*ταῖς ἐκδήσεσι ἐν Νικαίᾳ καὶ ἐν Κωνσταντινῶ-πόλει*) <sup>14)</sup>. Въ своихъ воззрѣніяхъ на ученіе о лицѣ Бого-

---

<sup>12)</sup> Напр. Hefele (В. II, s. 318 и 319), но онъ ссылается на такіе авторитеты, какъ папа Левъ I, еп. вьенскій Авитъ, до которыхъ могли доходить только самыя неопредѣленные слухи объ Евтихіѣ.

<sup>13)</sup> Cyrilli. ep. ad Clericos Constantinop. Col. 68. Migne, t. 77. Дѣян. I, 351.

<sup>14)</sup> Flaviani. ep. ad Theodosium augustum. Col. 892. Migne. Gr. t. 65. Дѣян. III, 34.

человѣка онъ опирался по преимуществу <sup>15)</sup>, а можетъ быть и исключительно на уніальныя документы. Вотъ въ какихъ именно словахъ излагаетъ Флавіанъ сказанное ученіе: „проповѣдуемъ одного Господа нашего І. Христа, рожденнаго по Божеству отъ Бога Отца безначально прежде вѣкъ, въ послѣдніе же дни ради насъ и ради нашего спасенія родившагося по человѣчеству отъ Дѣвы Маріи, совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка, по воспріятію разумной души и тѣла, единосущнаго Отцу по Божеству и единосущнаго Матери по человѣчеству. Итакъ, исповѣдуя Христа въ двухъ естествахъ послѣ Его воплощенія отъ Святой Дѣвы и вочеловѣченія, мы исповѣдуемъ въ одной Упостаси и одномъ лицѣ одного Христа, одного Сына, одного Господа. И не отрицаемъ, что одно естество Бога Слова воплощенное и вочеловѣчившееся, потому что изъ двухъ (естествъ) одинъ и тотъ же есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ“ <sup>16)</sup>. Эти слова ученія Флавіанова представляютъ весьма близкое, можно сказать, буквальное повтореніе того исповѣданія вѣры, которое прислано было Іоанномъ антиохійскимъ Кириллу, и которое сдѣлалось основной уніи. Исключеніе составляетъ фраза Флавіанова, говорящая объ одномъ ествѣ Бога воплощеннаго: ея нѣтъ въ исповѣданіи вѣры Іоанна. Но она повторяется не разъ въ посланіяхъ Кирилла, писанныхъ этимъ мужемъ послѣ уніи <sup>17)</sup>. Флавіанъ говоритъ вообще словами уніальныхъ документовъ, потому что онъ былъ искренній другъ уніи. Стоя за унію, въ Евтихіи, напротивъ, онъ видѣлъ врага уніи, противъ котораго слѣдовало бороться, какъ противъ еретика и возмутителя церкви. Флавіанъ ставилъ въ упрекъ и вину Евтихію, что онъ не признавалъ (*περιόριμος ἀνατρέχειν*) одного изъ важныхъ сочиненій Кирилла, именно „посланія къ восточнымъ епископамъ“, въ которомъ онъ, Кириллъ, авторизовалъ вышеупомянутое исповѣданіе вѣры Іоанна ан-

---

<sup>15)</sup> Dorner. Entwicklungsgeschichte d. Lehre v. d. Person Christi, s. 105. Anmerk. Theil II, 1853.

<sup>16)</sup> Flavianus. ibidem. См. гл. VI нашего изслѣдованія стр. 184, а также: Concilia. Acta Chalced. p. 89. (Дѣян. III. 280).

<sup>17)</sup> См. гл. VI, прим. 33—34.

тіохійскаго. На это посланіе смотритъ Флавіанъ, какъ на такое, на которомъ должно основываться согласіе церкви (*πάντες συνέθεντο*) въ вѣрѣ <sup>18)</sup>). Изъ прочихъ сочиненій Кирилла патріархъ константинопольскій упоминаетъ только посланіе Кирилла къ Несторію, читанное на III вселенскомъ соборѣ и заключающее не менѣе ясное исповѣданіе о двухъ естествахъ во Христѣ, какъ и посланіе къ восточнымъ <sup>19)</sup>). Патріархъ былъ въ связяхъ съ защитниками уніи въ другихъ мѣстахъ, напимѣръ съ патріархомъ Антиохійскимъ Домномъ, преемникомъ Іоанна <sup>20)</sup>). Свое антимонѳизитское ученіе Флавіанъ излагаетъ въ словахъ рѣшительныхъ и точныхъ. Онъ говоритъ въ противоположность Евтихію: „единеніе двухъ сошедшихся во Христѣ естествъ состоитъ не въ томъ, будто эти естества слились своими свойствами вмѣстѣ, во едино, но въ томъ, что свойства естествъ пребываютъ совершенными (*perfectae naturarum proprietates*) во взаимномъ общеніи“ <sup>21)</sup>). Послѣ этихъ объясненій характеръ догматики Флавіана, полагаемъ, становится ясенъ.

Что касается до Евсевія дорилейскаго, то онъ, позволимъ такъ себѣ выразитя, прошелъ совершенно другую богословскую школу по сравненію съ патріархомъ Флавіаномъ, хотя и пришелъ къ одинаковой съ послѣднимъ цѣли. Евсевій въ началѣ своей исторической дѣятельности является сильнымъ врагомъ Несторія <sup>22)</sup>) и слѣдовательно сторонникомъ Кирилла. Онъ публично и не разъ изобличалъ Несторія. Догадываются, что это именно онъ прервалъ однажды нечестивую его проповѣдь, что это именно онъ сочинилъ прокламацію противъ Несторія, распространившуюся въ Константинополь и сравнившую его ученіе съ ученіемъ Павла Самосатскаго <sup>23)</sup>) слѣдовательно онъ былъ александріецъ по своимъ богослов-

<sup>18)</sup> Flaviani ep. ad Leonem parat. p. 9. Bini, Concilia. T. II, pars 1. Дѣян. III, 37.

<sup>19)</sup> Flaviani, ep. ad Leonem, p. 7. ibid. Дѣян. III, 31.

<sup>20)</sup> Martin. Le Pseudo-Synode, connu sous le nom de Brigandage d'Ephèse, p. 88. Paris 1875.

<sup>21)</sup> Flaviani. Ep. ad Leonem, p. 7. Bini, Concilia. T. II, pars 1. Дѣян. III, 30.

<sup>22)</sup> Евagr. Цер. Ист. I, 9.

<sup>23)</sup> Neander. Gesch. Christ. Rel. I, 698—9.

скимъ взглядамъ. Такимъ онъ и является предъ нами дѣйствительно. Подобно всѣмъ александрійцамъ, онъ признавалъ соборы вселенскіе Никейскій и Ефесскій <sup>24)</sup>, но не признавалъ собора константинопольскаго II вселенскаго <sup>25)</sup>. Писателями авторитетными въ разрѣшеніи богословскихъ вопросовъ считаетъ именно тѣхъ писателей, которыхъ высоко ставила церковь александрійская—въ широкомъ смыслѣ слова <sup>26)</sup>. Съ перваго взгляда непонятное и повидимому не искреннее заявленіе Евсевія на соборѣ константинопольскомъ что „Евтихій другъ ему“ <sup>27)</sup>, при нашемъ пониманіи Евсевія, получаетъ свой полный смыслъ. Евсевій и Евтихій съ даннаго времени были дружески связаны однимъ дѣломъ—борьбою съ Несторіемъ. Но Евсевій не остался тѣмъ, чѣмъ навсегда остался Евтихій. Онъ принялъ унію, призналъ ея важность и значеніе, чего не сдѣлалъ Евтихій. Евсевій также ревностно стоялъ за унію, какъ и Флавіанъ. Посланіе Кирилла „къ восточнымъ“, въ которомъ этотъ отецъ церкви авторизовалъ исповѣданіе Іоанна антиохійскаго, Евсевій считаетъ краеугольнымъ камнемъ, на которомъ долженъ утверждаться каждый истинно вѣрующій въ Богочеловѣка Христа; онъ называетъ это посланіе такимъ, въ сообразности съ которымъ „надлежитъ мудрствовать всѣмъ святымъ церквамъ“ <sup>28)</sup>. Евсевій былъ защитникомъ и поборникомъ уніи, вышедшимъ изъ рядовъ почитателей Кирилла и враговъ Несторія. Въ этомъ отличіе его отъ патріарха Флавіана. Намъ кажется, что вслѣдствіе этого точка зрѣнія Евсевія въ нѣкоторыхъ (не во всѣхъ) отношеніяхъ была шире Флавіанской. Онъ могъ понимать Кирилла цѣлостнѣе, полнѣе, ибо для него Кириллъ являлся великимъ какъ въ дѣлѣ уніи, такъ и до уніи. Евсевій былъ александріецъ, ревностный александріецъ; не въ этомъ ли лежитъ причина того озлобленія, съ

<sup>24)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 64. Дѣян. III, 205.

<sup>25)</sup> Ученый Гефеле остается въ недоумѣніи: почему Евсевій не упоминаетъ на ряду съ I и III всеел. соборами и II, и не находитъ путей къ разрѣшенію вопроса (Hefele. II, 32). Съ вашей же точки зрѣнія этотъ трудный вопросъ становится очень простымъ.

<sup>26)</sup> Concilia. Acta Chalcedon. p. 64. Дѣян. III, 206.

<sup>27)</sup> Ibid. p. 64. Дѣян. 207.

<sup>28)</sup> Ibid. p. 66. Дѣян. 311.



которымъ преслѣдовала его партія монофизитская: монофизиты могли смотрѣть на него, какъ на прямаго измѣнника, предателя вѣры, перебѣжчика.

Обращаемся къ изученію догматической дѣятельности собора константинопольскаго 448 года. Для насъ единственно важно разсмотрѣть вопросъ: на какой догматической точкѣ зрѣнія стояли отцы этого собора, за что они ратовали и противъ чего они возставали? Совокупность всѣхъ фактовъ собора константинопольскаго показываетъ, что отцы онаго цѣнили въ особенности ту часть церковной дѣятельности Кирилла, когда онъ принялъ нѣкоторыя положенія антиохійской догматики, въ такъ называемой уніи. Соборъ видитъ въ Кириллѣ не столько борца противъ крайностей антиохійскаго богословствованія, сколько примирителя александрійской и антиохійской догматики, какимъ онъ былъ во вторую половину своей церковно-исторической дѣятельности, высоко уважаетъ въ немъ устроителя уніи. Изъ всѣхъ многочисленныхъ сочиненій Кирилла соборъ обращаетъ вниманіе на известное „посланіе“ этого отца къ „восточнымъ“, въ которомъ излагается ходъ дѣла уніи, въ которомъ утверждается исповѣданіе вѣры Іоанна антиохійскаго и его приверженцевъ, которое исполнено сочувствія къ антиохійцамъ, вошедшимъ въ сношеніе съ нимъ, Кирилломъ. Духъ этого посланія хорошо характеризуютъ первыя слова, которыми начинаются оно: „да возвеселятся небеса и радуется земля“<sup>29)</sup>. Словомъ, соборъ въ основу своихъ рѣшеній по вопросу о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ полагаетъ ничто другое, какъ важнѣйшій изъ документовъ, касающійся уніи. Посланіе это, кромѣ того, было весьма важно для собора въ томъ отношеніи, что въ немъ сильно опровергалась монофизитская доктрина. „Да заградятся уста тѣмъ, кто проповѣдуетъ или тождество, или сліяніе, или смѣшеніе Сына Божія съ плотію“<sup>30)</sup>. А это именно и дѣлалъ Евтихій. Сущность суда надъ Евтихіемъ соборъ полагаетъ собственно въ томъ, чтобы рѣшить вопросъ: согласенъ ли онъ съ указаннымъ уніальнымъ посланіемъ Кирилла, согласенъ ли главнымъ обра-

<sup>29)</sup> Ibid. p. 68. etc. Дѣян. 219 и дал.

<sup>30)</sup> Ibid. p. 70. Дѣян. 224.

зомъ съ словами „исповѣданія вѣры“ Іоанна антiохійскаго, находившагося въ посланіи? Когда читалось на соборѣ то мѣсто посланія Кириллова, гдѣ буквально приводилось слова исповѣданія Іоаннова о неслитномъ соединеніи естествъ во Христѣ, Евсеvій прямо объявилъ, что Евтихій несогласенъ съ этимъ ученіемъ. Евсеvій говорилъ: „клянусь стопами вашими, онъ (Евтихій) не исповѣдуетъ этого и никогда не былъ согласенъ съ этимъ, но вопреки этому и мудрствовалъ (*τοῦτο οὐκ ὁμολογεῖ, οὐδὲ συνέθετό ποτε τοῦτοις, ἀλλ' ἐναντία ἐφρόνησε*), и говорилъ всякому къ нему приходящему, и училъ“. Тотъ же Евсеvій, далѣе, предложилъ на соборѣ, чтобы Евтихій, если онъ желаетъ доказать свое православіе, исповѣдывалъ свое согласіе съ ученіемъ заключающимся въ исповѣданіи Іоанна<sup>31)</sup>. Какое значеніе соборъ придавалъ униі, это видно изъ того, что одинъ епископъ, членъ собора, Савва Палтскій въ особенности обращаетъ вниманіе на ту эпоху въ исторіи церкви, когда Кириллъ и Іоаннъ антiохійскій пришли ко взаимному единенію<sup>32)</sup>. Изъ другихъ сочиненій Кирилла соборъ принялъ въ руководство для своихъ опредѣленій лишь одно посланіе его къ Несторію, въ которомъ съ полною ясностію исповѣдывалось ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ, которое вообще по своему изложенію соотвѣтствовало духу и характеру документовъ, принадлежащихъ къ униі. Въ этомъ посланіи, напримѣръ, говорилось: „естества, истинно соединенныя между собой, хотя различны, но въ соединеніи обоихъ сихъ естествъ есть одинъ Христосъ и Сынъ. Это не такъ, что въ семь соединеніи обоихъ сихъ естествъ уничтожилось различіе естествъ (*τῶν φύσεων διαφορὰ*), Его Божество и чловѣчество и при неизреченномъ соединеніи пребывали“<sup>33)</sup>. Изъ обстоятельствъ соборнаго суда надъ Евтихіемъ и собесѣдованій съ нимъ константинопольскихъ клириковъ, принимавшихъ участіе въ дѣяніяхъ собора, снова открывается: на какой точкѣ зрѣнія стоялъ соборъ и исполнители его воли. А равно изъ тѣхъ же обстоятельствъ съ несомнѣнностію открывается, что подсудимый, Евтихій, стоялъ на другой, противоположной точкѣ зрѣ-

<sup>31)</sup> Ibid. p. 90. Дѣян. 280. 2.

<sup>32)</sup> Ibid. p. 77. Дѣян. 245.

<sup>33)</sup> Ibid. p. 67. Дѣян. 214. .

нія. Такъ уполномоченные отъ собора клирики константинопольскіе (по дѣлу вызова Евтихія на соборъ) спрашивали Евтихія: „Слово (Христось) совершенный ли Богъ или нѣтъ? Воплотившійся совершенный ли человекъ, или нѣтъ“? Вопросы примѣчательны, потому что они прямо заимствовались изъ исповѣданія Іоаннова, важнѣйшаго уніальнаго документа. Ибо въ этомъ исповѣданіи говорилось: „Иисусъ Христось совершенный Богъ и совершенный человекъ“. Отвѣтъ Евтихія на первый вопросъ былъ утвердительный. На послѣдній-же еретикъ отвѣчалъ: „да не будетъ того, чтобы я говорилъ, что Христось состоитъ изъ двухъ еществъ“<sup>31)</sup>. Евтихій, значитъ, отрицалъ ту истину, которая лежала въ основѣ исповѣданія Іоаннова, и значитъ всецѣло отрицалъ унію. Весь соборъ чрезъ патріарха Флавіана и Евсевія дорилейскаго обращается къ Евтихію съ вопросомъ: признаетъ ли онъ Христа единосущнымъ намъ по человечеству? Патр. Флавіанъ спрашиваетъ: „исповѣдуешь ли ты, что Господь нашъ І. Христось единосущный Отцу по Божеству и единосущенъ намъ по человечеству?“<sup>32)</sup>. Евсевій, съ своей стороны, просилъ Евтихія отвѣтить на вопросъ: „признаетъ ли онъ, что Христось единосущенъ (*ὁμοούσιον*) намъ по плоти“<sup>33)</sup>? Вопросы эти опять заимствуются изъ извѣстнаго исповѣданія Іоанна<sup>37)</sup>, ибо здѣсь говорилось: „Онъ (Христось) единосущенъ Отцу по Божеству и единосущенъ намъ по человечеству“. Евтихій отрицалъ истину о единосущіи Христа съ нами по человечеству. Онъ сказалъ въ отвѣтъ Флавіану: „сознаю, что я донынѣ не признавалъ, что Онъ (Христось) единосущенъ намъ“. Отвѣтъ заключаетъ прямое непризнаваніе уніи и ея церковнаго значенія. Въ доказательство правоты своихъ воззрѣній по указанному сейчасъ вопросу, Евтихій ссылался на символъ никейскій, очевидно злоупотребляя неполнымъ развитіемъ въ немъ ученія о Бого-

<sup>31)</sup> Ibid. p. 87. Дѣян. 274.

<sup>32)</sup> Ibid. p. 91. Дѣян. 285.

<sup>33)</sup> Ibid. p. 90. Дѣян. 282.

<sup>37)</sup> Что связь между „исповѣданіемъ“ Іоанна и вопросажи Евтихію не случайна, это несомнѣнно доказывается тѣмъ, что вопросы предлагаются тотчасъ и по поводу прочитаннаго на соборѣ этого именно исповѣданія, заключавшагося въ посланіи Кирилла къ „восточнымъ“.

человѣкъ. Онъ утверждалъ, что, такъ какъ въ символѣ о Христѣ сказано только, что „Онъ единосущенъ Отцу“, и ничего не сказано: единосущенъ или не единосущенъ намъ по человечеству, то онъ и держался лишь той истины, что Христость „единосущенъ Отцу по Божеству“<sup>38)</sup>. Еслибы Евтихій признавалъ и исповѣдывалъ символъ константинопольскаго II всел. собора, онъ не сталъ бы и не могъ бы допустить себѣ подобной увертки<sup>39)</sup>. Наконецъ соборъ съ особенною настойчивостію требовалъ отъ Евтихія отвѣта: признаетъ ли два естества въ I. Христѣ (*δύο φύσεις μετὰ ἐναριθρότητι*)<sup>40)</sup>? Свою важность этотъ вопросъ, по существу сходный съ другими вопросами, съ какими обращались къ еретику члены собора или лица, принимавшія участіе въ ономъ, получаетъ отъ того, что это былъ вопросъ, относительно котораго было не мало споровъ и пререканій во время уніи. Мы знаемъ уже, что прежніе почитатели Кирилла возставали на него въ послѣднее время его церковной дѣятельности за то, что онъ безъ всякихъ колебаній въ теченіе уніи высказывалъ ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ, неслиянныхъ. Указанные враги Кирилла находили въ подобномъ ученіи какъ бы отступленіе его отъ прежнихъ доктринъ. И великій мужъ долженъ былъ защищать противъ своихъ неразумныхъ друзей ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Но усилія Кирилла убѣдить своихъ враговъ въ этой великой истинѣ далеко не достигли своей цѣли. Теперь, если соборъ настойчиво старается убѣдить въ той же истинѣ Евтихія, то онъ дѣйствуетъ въ духѣ уніи, подъ ея вліяніемъ. Отвѣтъ Евтихія на этотъ новый вопросъ извѣстенъ: отвѣтъ его былъ монофизитскій. Евтихій, вооружаясь противъ ученія о двухъ естествахъ во Христѣ, вполне раздѣ-

---

<sup>38)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 105—6. Дѣян. III, 324. 326. Это открылось на другомъ ревизионномъ константинопольскомъ соборѣ, разсматривавшемъ вопросъ о цѣлости и неповрежденности актовъ того собора константинопольскаго, о которомъ мы говорили доселѣ. А эта ревизія сдѣлана была въ виду клеветъ, распространенныхъ евтихіанами касательно указанныхъ актовъ.

<sup>39)</sup> Нашу мысль подтверждаетъ соборъ халкидонскій, вселенскій. Объ этомъ будетъ замѣчено въ своемъ мѣстѣ (стр. 237—238).

<sup>40)</sup> Concilia. p. 90—1. Дѣян. 282. 5.

ляль заблужденія всѣхъ вообще враговъ Кирилла, осуждавшихъ его дѣятельность во время уніи, порицавшихъ самую унію. Еретикъ провозглашалъ не новость. Въ противодѣйствіе Евтихію отцы собора константинопольскаго съ полною рѣшительностію исповѣдуютъ ученіе, утвердившееся въ церкви со времени уніи, о двухъ естествахъ, неслитныхъ, въ Богочеловѣкѣ. Патріархъ Флавіанъ говорилъ на соборѣ: „мы всегда мудрствовали и мудствуемъ, что І. Христосъ есть совершенный Богъ и совершенный челоѣкъ, единосущный Отцу по Божеству и единосущный Матери по челоѣчеству и состоитъ изъ двухъ естествъ въ одной Упостаси“ <sup>41)</sup>. Членъ собора, Василій селевкійскій говорилъ на томъ же соборѣ: „поклоняемся единому Господу І. Христу, въ двухъ естествахъ познаваемому. Ибо одно естество Онъ имѣлъ въ Себѣ Самомъ прежде вѣковъ, а другое, какъ родившійся отъ Матери ради насъ, получилъ отъ Нея и соединилъ съ Собою упостасно“ <sup>42)</sup>.

Конецъ собора извѣстенъ: онъ осудилъ еретика Евтихія <sup>43)</sup>.

Какъ принять былъ соборъ константинопольскій и его дѣянія въ тогдашней церкви? Не одинаково. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовали александрійскія идеи или ихъ вліяніе, тамъ представители церкви не приняли собора константинопольскаго. Не признала соборъ этотъ авторитетнымъ въ его рѣшеніяхъ церковь александрійская или египетская. Объ этомъ мы узнаемъ изъ актовъ собора разбойничьяго 449 года, на которомъ больше всего было александрійцевъ и на которомъ, во всякомъ случаѣ, александрійцы были вожаками <sup>44)</sup>. Въ актахъ этого собора читаемъ, что секретарь собора (пресвитеръ Іоаннъ), по поводу чтанныхъ здѣсь дѣяній собора константинопольскаго 448 года говорилъ: „изъ прочитаннаго мы видимъ, что сказавшіе это (дѣло идетъ о вышеприведенныхъ словахъ Фла-

---

<sup>41)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 73. Дѣян. III. 232.

<sup>42)</sup> Ibid. p. 75. Дѣян. 238.

<sup>43)</sup> См. подробнѣе о соборѣ кон-скомъ 448 г. въ моемъ сочиненіи по исторіи послѣднихъ четырехъ всел. соборовъ, стр. 1—23.

<sup>44)</sup> Доказательства будутъ представлены ниже.

віана и Василя селенкійскаго) изложили иную вѣру (*πίστις ἑτέρα*), отличную отъ той, которая изложена въ Никей и утверждена здѣсь (въ III всел. соборѣ) прежде“. Одинъ изъ членовъ собора разбойничьяго, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, отъ лица собора сказалъ: „если вѣра имѣетъ начало въ этихъ памятныхъ записяхъ, то анагема тѣмъ, которыя дали (такое) начало“ <sup>45)</sup>. Да и вообще соборъ отрицалъ дѣянія собора константинопольскаго. Церковь римская въ лицѣ папы Льва относилась также не совсѣмъ одобрительно къ собору константинопольскому. Папа незадолго до этого собора благосклонно пишетъ Евтихію, который увѣдомлялъ его о появленіи снова несторіанъ на востокѣ, желаетъ ему (Евтихію) успѣха въ борьбѣ со врагами, называетъ его „возлюбленнѣйшимъ сыномъ“, проситъ ему отъ Бога здравія <sup>46)</sup>. Папа въ этомъ случаѣ очевидно дѣйствуетъ по традиціи. Церковь римская издавна, со времени I вселенскаго собора, шла рука объ руку съ церковью александрійскою въ спорныхъ вопросахъ догматики. Папа и теперь протягиваетъ руку Евтихію, дѣйствовавшему отъ лица церкви александрійской. И послѣ собора константинопольскаго папа Левъ нѣкоторое время продолжаетъ подозрительно смотрѣть на дѣятельность Флавіана, насколько она выразилась въ опредѣленіяхъ собора константинопольскаго <sup>47)</sup>. Папа напоминаетъ Флавіану, что „суды надъ священниками должны быть здравы“ <sup>48)</sup>, и не тотчасъ беретъ сторону патріарха константинопольскаго. Левъ въ особенности недоволенъ тѣмъ, что соборъ не принялъ отъ Евтихія апелляціи, съ которою будто бы на самомъ судѣ соборномъ онъ обращался къ римскому епископу <sup>49)</sup>. Долго ли оставался папа въ заблужденіи касательно Флавіана и Евтихія, объ этомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Церковь іерусалимская также не приняла опредѣленій собора константинопольскаго, какъ это показалъ при-

<sup>45)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 75. Дѣян. 239.

<sup>46)</sup> Leonis ep. ad Eutychem. Concilia, p. 6. Дѣян. III, 23. 24.

<sup>47)</sup> Dorner. *ibid.* s. 105. Anmerk.

<sup>48)</sup> Leonis ep. ad Flavianum. Concilia p. 6. Дѣян. III, 26.

<sup>49)</sup> *Ibid.* et Flaviani ep. ad Leonem. Concilia p. 8 Дѣян. III, 32. Arendt. Leo der Grosse, s. 231. Mainz. 1832.

мѣръ патріарха іерусалимскаго Ювеналія на соборѣ разбойничьемъ. Ювеналій вполне раздѣлялъ воззрѣнія партіи александрійской на упомянутомъ соборѣ.

Кто же принялъ соборъ константинопольскій? Его приняла церковь константинопольская: Флавіанъ дѣйствовалъ въ духѣ своей церкви. Затѣмъ онъ взялъ на себя попеченіе распространить акты собора константинопольскаго въ Малой Азіи и Сиріи, и успѣхъ увѣнчалъ его труды. Это сдѣлалъ онъ по совѣту Саввы епископа палтскаго, бывшаго сочлена собора константинопольскаго <sup>30)</sup>. Патріархъ антиохійскій Домнъ <sup>31)</sup>, а за нимъ и другіе епископы Азіи подписались подъ опредѣленіями собора константинопольскаго, стали за одно съ Флавіаномъ. Блаженный Теодоритъ <sup>32)</sup> радостно привѣтствовалъ дѣятельность собора константинопольскаго, какъ побѣду истины, одержанную по благоволенію Божію надъ нечестіемъ. Вообще соборъ константинопольскій съ восторгомъ приняли униты и члены церквей, сочувствовавшихъ униі. И еще: гдѣ имѣло кредитъ направленіе антиохійское, тамъ и соборъ этотъ встрѣченъ былъ дружественнымъ и единодушнымъ участіемъ.

---

<sup>30)</sup> Martin. Le Pseudo-synode, p. 122.

<sup>31)</sup> Concil. Acta Chalced. p. 119. Дѣян. III, 367.

<sup>32)</sup> Theodoret. Ep. ad Eusebium episc. Ancyr. Col. 1263. Migne. Gr. t. 83. Martin. *ibid.* p. 123.

## VIII.

Отступникъ, звѣрь, поистинѣ самый упорный и боговраждебный, еще не успокоился, еще не разстался съ поселившеюся въ немъ злобой; постоянно раздражаясь ненавистію къ св. церквамъ, онъ въ дерзости своей обращаетъ противъ догматовъ истины необузданные языки людей нечестивыхъ и невѣжественныхъ.

*Св. Кирилль.*

Наступилъ 449 годъ христіанской эры. Церковь переживаетъ величайшій кризисъ. Враги уніи, крайніе александрійцы, противника, ожесточенные противники всего, что носило хотя малѣйшую печать антioxійскаго богословскаго направленія, торжествуютъ. Но слава Богу, не надолго! Мы говоримъ о соборѣ разбойничьемъ и его дѣянiяхъ, или правильнѣе — злодѣянiяхъ.

Это было удивительное время въ исторіи церкви; событія смѣняются одно другое съ неимоверною быстротою. Явленія слѣдуютъ одно за другимъ, какъ при чтеніи книги. Церковь сильно волновалась. Давно ли состоялась унія между александрійцами и антioxійцами, давно ли жилъ Кирилль, этотъ истый александріецъ, привѣтствовавшій унію *радощами* своими? Но вотъ уже наступили новыя времена. Великое явленіе — разумѣемъ унію, — считается позоромъ церкви, друзья уніи объявляются врагами церкви, православiя: противники уніи провозглашаютъ себя истинными носителями истинной вѣры! Монофизитство также высоко поднимаетъ свое знамя, какъ аrianство во времена Констанція. Видя все это, можно воскликнуть съ Василиемъ великимъ, пора-



женнымъ въ свое время бурями аріанизма: „вѣра и церковь гибнуть!“ Но промысль Божій не дремлетъ; — такъ утѣшаль св. Левъ скорбящую церковь разсматриваемаго времени, и дѣйствительно туча оказалась мимолетною.

Душею, вождемъ, неутомимымъ дѣятелемъ монофизитства, какъ извѣстно, былъ Діоскоръ, патріархъ александрійскій. Кто такое былъ Діоскоръ, чего онъ хотѣлъ, куда онъ стремился, чѣмъ условливались его симпатіи къ однимъ лицамъ, антипатіи къ другимъ? Вопросъ крайне интересный. Самою характеристическою чертою въ Діоскорѣ по нашему глубокому убѣжденію была ненависть къ Кириллу, перемѣшанная съ уваженіемъ къ этому великому мужу, или лучше сказать сдерживаемая общимъ почетомъ къ нему. Невозможно было порицать Кирилла открыто. Это значило дискредитировать себя въ глазахъ всей церкви. Нужно было прикрыть свою ненависть къ Кириллу маскою, самою искусною маскою любви и почтенія къ имени и дѣятельности своего предшественника. Такъ и дѣлаетъ Діоскоръ. Такъ поступаютъ и другіе его приверженцы. Дѣло неестественное и, какъ всякая ложь, не могло имѣть успѣха! На лжи можно продержаться только короткое время... Но переходимъ къ характеристикѣ Діоскора. Исторія ничего не знаетъ ни о воспитаніи, ни образованіи Діоскора: онъ является предъ нами въ исторіи внезапно, вполнѣ очерченною личностію, типомъ человѣка до послѣдняго нерва пропитаннаго враждою къ истинѣ, ревностію къ заблужденію, и навсегда остается онъ вѣрнецъ самому себѣ. Справедливо Діоскоръ говорилъ о своей пламенной ревности къ вѣрѣ: „я прилагаю попеченія о вѣрѣ православной и апостольской. Я направляю умъ свой къ чисто божественному, не смотрю на личность, не забочусь ни о чемъ, какъ только о своей душѣ и о правой вѣрѣ“ <sup>1)</sup>. Дѣйствительно таковъ характеръ Діоскора, но его ревность приняла не то направленіе, какое должно. Онъ погубилъ и свою вѣру и свои духовныя силы. Его ревность устремилась на скрытую, затаенную борьбу съ св. Кирилломъ; онъ хотѣлъ возвратить церковь къ тому положенію, въ какомъ она была до заключенія

<sup>1)</sup> Bini. Concilia. Acta Chalced. p. 58. Дѣян. III, 189.

III всел. собора. Желаніе невозможное. Сдѣланнаго однажды возвратити невозможно. Діоскоръ хотѣлъ заставитьъ церковь забыть о томъ, что совершено Кирилломъ въ послѣдніе годы его жизни. Его антипатія къ Кириллу была сильна. Гефеле замѣчаетъ <sup>2)</sup>, что Діоскоръ питалъ „ненависть къ памяти Кирилла“. Но откуда происходила эта ненависть—Гефеле не знаетъ, не знаютъ причины ея и другіе историки. Діоскоръ ненавидѣлъ Кирилла, потому что онъ былъ дѣятельнымъ лицомъ въ униі. Къ сожалѣнію, для подтвержденія нашей мысли мы располагаемъ очень скудными данными. Это потому, что вообще о Діоскорѣ мы почти ничего не знаемъ. Важнѣйшимъ документомъ, на основаніи котораго можно доходить до истинной причины указаннаго явленія, служатъ жалобы, съ которыми различныя александрійцы обращались противъ Діоскора на соборѣ халкедонскомъ. Въ одной жалобѣ говорится: Діоскоръ „ненавидѣлъ Кирилла за его правую вѣру“ (*ἀπεχθαρομένην πρὸς τὴν ὀρθὴν ἐκείνου πίστιν*) <sup>3)</sup>; въ другой повторяется то же самое: Діоскоръ „питалъ ненависть къ правой вѣрѣ Кирилла“ <sup>4)</sup>. Другихъ подробностей по этому важному пункту въ указанномъ документѣ къ сожалѣнію не находимъ. Чѣмъ бы, въ самомъ дѣлѣ, могъ быть недоволенъ Діоскоръ въ религиозной дѣятельности своего предшественника? Сочиненіями Кирилла, писанными до собора III вселенскаго, онъ былъ очень доволенъ, напр., его анафематствами противъ Несторія <sup>5)</sup>; соборомъ III вселенскимъ—тоже, ибо этотъ соборъ нелицемѣрно прославляется на соборѣ Діоскоровомъ или разбойничьемъ. Но былъ ли доволенъ Діоскоръ унией, принятой Кирилломъ? Нѣтъ. Но въ одномъ извѣстномъ документѣ <sup>6)</sup>, касающемся собора разбойничьяго и вышедшемъ

<sup>2)</sup> Hefele II, 314.

<sup>3)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 181. Дѣян. III, 573.

<sup>4)</sup> Ibid. p. 185. Дѣян. 583.

<sup>5)</sup> Hoffmann. Verhandlungen d. Kirchen versammlung zu Ephesus am 22 August 449, aus einer Syrischen Handschrift. S. 70. Kiel. 1873.

<sup>6)</sup> А такихъ документовъ, съ обнаруженіемъ сирскаго текста собора разбойничьяго (см. предыдущее замѣчаніе; кромѣ того тотъ же текстъ во франц. переводѣ изданъ аббатомъ Мартенемъ), въ нашемъ распоряженіи не мало.

отъ партіи Діоскора, не упоминается, какъ объ авторитетныхъ сочиненіяхъ, о важнѣйшихъ сочиненіяхъ Кирилла, писанныхъ съ цѣлю устроенія уніи. Діоскоръ рѣшительно игнорировалъ эту часть дѣятельности Кирилла. Только за это, и единственно только за это могъ ненавидѣть Діоскоръ своего великаго предшественника. Эту истину на соборѣ разбойничьемъ—прикровенно высказываетъ Діоскоръ устами Евстаѳа беритскаго <sup>7)</sup>. Ненавидѣть Кирилла больше было не за что Діоскору. Ненависть Діоскора къ Кириллу вслѣдствіе указанной причины выразилась тотчасъ же по смерти Кирилла и обрушилась на его друзей и родственниковъ. Нужно думать, что въ Александріи было очень мало защитниковъ уніи: Кириллъ былъ почти одинокъ. Полагаемъ, что лица, на которыхъ обрушилась ненависть Діоскора къ Кириллу, были лицами соприкосновенными въ отношеніи къ дѣлу уніи. Быть можетъ это были немногія лица, которыя сочувствовали уніи и на которыхъ возлагались Кирилломъ порученія во время хода уніальныхъ переговоровъ <sup>8)</sup>. Дру-

7) Concilia. Acta Chalced. p. 72. Дѣян. III, 229.

8) Одинъ изъ трехъ клириковъ александрійскихъ; подававшихъ жалобу на Діоскора на соборѣ халкидонскомъ, писалъ, что послѣдній гналъ его за то, что онъ удостоился близости и благосклонности Кирилла (Concilia. Acta Chalced. p. 181. Дѣян. III, 572). Очень можетъ быть, что этотъ клирикъ былъ довѣреннымъ лицомъ у Кирилла по дѣламъ уніи. Гоненіе началось на него тотчасъ послѣ смерти Кирилла. Не имѣлъ ли въ виду Діоскоръ въ лицѣ этого, довѣреннаго у своего предшественника, человѣка казнить память Кирилла, друга уніи? Другой клирикъ александрійскій также подвергся ненависти Діоскора за „близость къ Кириллу“. Этотъ въ своей жалобѣ на соборѣ халкидонскомъ говорилъ: „часто я былъ посылаемъ въ путешествія при блаженной памяти Кириллѣ, особенно въ царствующій новый Римъ; иногда по причинѣ порученныхъ мнѣ отъ него необходимыхъ дѣлъ, перешлывалъ все море“ (Ibid. p. 183. Д. 578). Не былъ ли этотъ клирикъ на посылкахъ у Кирилла во время сношеній по вопросу объ уніи, когда сношенія съ Константинополемъ у Кирилла были особенно дѣятельны? Самымъ несчастнымъ лицомъ, на которое излился весь гнѣвъ Діоскора противъ Кирилла, былъ племянникъ послѣдняго, пресвитеръ александрійскій Аванасій (Ibid. p. 185. Д. 583. Кстати замѣтить, что увѣреніе нѣкоторыхъ историковъ, что Діоскоръ былъ племянникомъ Кирилла, какъ это дѣлають Горскій, Мартин и др.—несправедливо; стоитъ лишь вникнуть въ жалобу Аванасія, поданную собору халкидонскому, чтобы отказаться отъ указаннаго мнѣнія). Аванасій былъ племянникъ Кирилла и очень вѣроятно

гя черты релігiознаго образа Діоскора заключаются въ слѣдующемъ: человекъ истинно православный, такъ онъ полагалъ, долженъ держаться вдали отъ углубленныхъ изслѣдованій вопросовъ релігiозныхъ, чтобы избѣгать и тѣни подозрѣній касательно допущенія какихъ либо новизнъ въ области вѣры. Отсюда, когда однажды ему поставлено было на видъ, что релігiозные вопросы изслѣдовать можно и должно, онъ рѣшительно отвращается подобной мысли<sup>9)</sup>. Далѣе, свв. и вселенскими соборами онъ признавалъ только два собора — никейскій и ефесскій, бывшій при Кириллѣ. Собору же константинопольскому 381 года онъ не усваивалъ церковнаго значенія<sup>10)</sup>. Наконецъ, его догматическія воззрѣнія были чистымъ монофизитствомъ: они ничѣмъ не отличаются отъ воззрѣній Евтихія, какъ это обнаружилъ соборъ разбойничій. Діоскоръ былъ въ связяхъ съ монофизитами всѣхъ странъ еще до собора константинопольскаго. Подъ его руководствомъ дѣйствовали Евтихій и монофизиты другихъ странъ<sup>11)</sup>. Къ епископамъ же востока, антиохійцамъ, онъ относился съ крайнимъ подозрѣніемъ, считая ихъ прямо несторіанами<sup>12)</sup>.

Мы приблизились къ изображенію догматической дѣятель-

быль однихъ и тѣхъ же воззрѣній съ своимъ дядей. Гоненіе на него со стороны Діоскора началось тотчасъ по вступленіи послѣдняго на престолъ (ibid. p. 186. Дѣян. 585. 588). Не дѣйствовалъ ли Діоскоръ подъ свѣжими впечатлѣніями, какія производила на него уніальная дѣятельность Кирилла? Чрезвычайно важно указать, что гоненіе Діоскора въ настоящемъ случаѣ выразилось между прочимъ въ отнятіи денегъ у Аезнасія и вообще родни Кирилловой (ibid. p. 186 Д. 586). Почему же Діоскоръ ограбилъ богатую родню Кирилла? Потому что обвинялъ Кирилла въ растратѣ церковныхъ суммъ и конфискацію капиталовъ, принадлежащихъ его роднѣ, хотѣлъ вознаградить потери церкви александрійской (Hefele, II, 314). Но за этою общою причиною не скрывалась ли частная и ближайшая? Кириллъ потратилъ деньги не на что другое, какъ на различные расходы по устройству дѣлъ уніи (Hef. II, 265). Значить, Діоскоръ возмѣщая убытки церковные указанною конфискацію Кириллова наслѣдства, хотѣлъ заявить этимъ, что деньги церковныя, израсходованныя Кирилломъ, пошли на дѣло недоброе, на худое дѣло.

<sup>9)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 55. Дѣян. III, 181.

<sup>10)</sup> Hoffmann. Verhandlung. d. Kirchenversam. zu Eph. S. 79.

<sup>11)</sup> Ibid. S. 9. 62.

<sup>12)</sup> Ibid. S. 68.

ности собора разбойничьяго 449 года. Какихъ руководительныхъ началъ держался онъ? Соборъ разбойничій, выразимся такъ, есть пародія на III всел. соборъ. Со стороны принциповъ онъ повторяетъ собой этотъ послѣдній соборъ. По результатомъ собора было не добро, а зло. Извѣстно, что и діаволь принимаетъ на себя образъ ангела свѣтла. Чего желалъ и къ чему стремился III всел. соборъ, тѣми же желаніями и стремленіями исполненъ былъ и соборъ разбойничій. Прежде всего соборъ провозглашаетъ твердость и неприкосновенность символа никейскаго. Діоскоръ говорилъ на соборѣ: „такъ какъ Богъ внимаетъ нашимъ совѣщаніямъ, то и вы сами постарайтесь сдѣлать ихъ твердыми и угодными Богу. Если кто вопреки дѣяніямъ или ученію отцевъ собравшихся въ Никею и здѣсь собравшихся (III всел. собор.) будетъ изыскивать, или переизслѣдовать, или пересматривать (*ἢ ζητεῖ, ἢ πολυπραγμονεῖ, ἢ ἀνασχευάζει*), да будетъ анаѳема. И такъ, если Духъ Св. присутствовалъ съ отцами, какъ и дѣйствительно Онъ присутствовалъ и опредѣлилъ то, что ими опредѣлено, то пересматривающій это упраздняетъ благодать Духа“<sup>13)</sup>. Съ цѣлью рѣшительнаго утвержденія именно символа никейскаго, на соборѣ перечитано было извѣстное дѣяніе III всел. собора о Харисіи, на которомъ утверждена неизмѣнность и подтвержденъ авторитетъ этого символа. Вотъ что говоритъ Діоскоръ, когда прочитано было сказанное дѣяніе на соборѣ: „думаю, что всѣмъ нравится изложеніе св. отцевъ, собиравшихся нѣкогда въ Никеѣ, которое утвердилъ и св. соборъ, собранный здѣсь (въ Ефесѣ) прежде и опредѣлилъ содержать его одно (*μόνα*), какъ достаточное. А мы знаемъ, что опредѣлено такъ: если кто вопреки этому будетъ говорить или мудрствовать, или вводить новое, или изслѣдовать, тотъ подвергается осужденію“. „Что вы думаете“? обращается Діоскоръ къ собору. Соборъ высказался съ рѣшительностію въ пользу мнѣнія Діоскора<sup>14)</sup> Съ другой стороны соборъ вселенскій константинопольскій и его символъ не находили на соборѣ Діоскоровомъ ни признанія,

<sup>13)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 55—56. Дѣян. III, 181—2.

<sup>14)</sup> Ibid. p. 140. Д. 458—9.

ни авторитета. Члены послѣдняго собора умышленно игнорируютъ его. Мы полагаемъ даже, что исключительное признаніе символа никейскаго было на соборѣ разбойничьемъ скрытымъ протестомъ противъ символа константинопольскаго, какъ новшества, какъ извращенія вѣры никейской. Что соборъ Діоскоровъ не хотѣлъ ничего знать о символѣ константинопольскомъ и соборѣ, на которомъ составленъ оный, это ясно видно изъ дѣяній разсматриваемаго собора. Діоскоръ заявлялъ на соборѣ: „для удовлетворенія всѣхъ, для укрѣпленія вѣры и для ниспроверженія возникшихъ вопросовъ твердо держусь опредѣлений отцевъ бывшихъ въ Никеѣ и Ефесѣ“. „Хотя говорятъ *два* собора, но они содержатъ одну вѣру“, присовокупляетъ патріархъ <sup>15)</sup>. Не ясно ли, что Діоскоръ опредѣленія константинопольскаго собора и самый этотъ соборъ исключаетъ изъ числа тѣхъ опредѣленій и соборовъ, которымъ онъ слѣдовалъ? Ту же мысль провозглашаетъ на соборѣ пресвитеръ антиохійскій Пелагій, клеветъ монофизитствующихъ. Въ своемъ кляузномъ прошеніи, онъ говорилъ на соборѣ: „признаю божественными, блаженными и вселенскими соборами: соборъ, по благовдленію Христа, собравшійся въ Никеѣ, и затѣмъ собравшійся здѣсь (въ Ефесѣ) дважды“ (т. е. III вселенскій и разбойничій); и въ частности о соборѣ разбойничьемъ говорилъ: „это *третій* вселенскій соборъ, собравшійся въ концѣ вѣковъ“ <sup>16)</sup>. О соборѣ константинопольскомъ вселенскомъ, какъ видимъ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Въ томъ же родѣ были заявленія на этомъ соборѣ и извѣстнаго Еетихія <sup>17)</sup>. Соборомъ подобныя возрѣнія приняты были съ полнымъ удовольствіемъ. Соборъ возглашалъ: „это спасаетъ вселенную, это утвердить вѣру. Отцы поставили все безъ опущенія <sup>18)</sup>“. Кромѣ символа никейскаго соборъ не хотѣлъ знать никакихъ другихъ символовъ. Это общая александрійская точка зрѣнія: въ Александріи символъ константинопольскій и въ

<sup>15)</sup> Ibid. p. 55. Д. 181.

<sup>16)</sup> Hoffmann Verhandl. d. Kirchenversam. S. 43 und Anmerk. 322.

<sup>17)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 57. Дѣян. III, 186.

<sup>18)</sup> Ibid. p. 55 Дѣян. 181.

это время, время разбойничьяго собора, не находилъ себѣ сочувствія и приѣма.

Замѣчательно, что мысль о неизмѣняемости и неприкосновенности символа никейскаго и исключительномъ его храненіи въ церкви приводила соборъ къ странному воззрѣнію, что ни теперь, ни послѣ не должно быть составляемо въ церкви никакихъ новыхъ вѣроопредѣленій, ни разъясненій, ни истолкованій вѣры. Не грозило ли это полнымъ уничтоженіемъ богословской науки? Діо коръ развиваетъ предъ соборомъ мысль, что для вѣры достаточно тѣхъ разъясненій, какія уже сдѣланы, что церковь не имѣетъ права излагать вѣру въ новыхъ вѣроопредѣленіяхъ, что не слѣдуетъ дѣлать никакихъ изысканій въ области религіи, что все это грозитъ опасностію для вѣры <sup>19)</sup>; а соборъ съ восторгомъ вслушивается въ эти слова Діоскора и принимаетъ ихъ съ неописаннымъ одобреніемъ. Соборъ восклицалъ: „Діоскоръ есть великій стражъ вѣры! Это слова св. Духа! Ты стражъ правилъ, чрезъ тебя имѣютъ жизнь отцы, ты стражъ вѣры <sup>20)</sup>“. „Если кто измѣнитъ (вѣру), да будетъ анаеема. Если кто передѣлаетъ, да будетъ анаеема. Проклятъ, кто прибавляетъ, проклятъ тотъ, кто убавляетъ, проклятъ тотъ, кто обновляетъ <sup>21)</sup>“. Соборъ, очевидно, стоялъ на точкѣ зрѣнія того консерватизма, отъ котораго нельзя было ожидать добра. Въ рѣчахъ собора слышится неумолимый приговоръ надъ естественными стремленіями человѣка изучать вѣру, толковать писаніе, разъяснять догматы. Соборъ — врагъ богословской науки. Послѣ подобныхъ опредѣленій собора вѣдь нельзя было сказать ни одной свѣжей мысли въ богословской наукѣ, чтобъ не подвергнуться проклятію, анаеемѣ. Такое воззрѣніе собора разбойничьяго нужно считать плодомъ неразумнаго уваженія къ памяти св. Аѳанасія. Мы знаемъ, что Аѳанасій въ свое время и при извѣстныхъ условіяхъ ратовалъ за неприкосновенность символа никейскаго. Это была великая заслуга Аѳанасія для міра христіанскаго. Но его неразумные по-

<sup>19)</sup> Ibid. p. 54. 55. Д. 177, 8, 182.

<sup>20)</sup> Ibid. p. 56. Дѣян. 182.

<sup>21)</sup> Ibid. p. 64. Дѣян. 206—7.

читатели, не понимая духа и потребностей вѣры и церкви, довели до абсурда его истинныя и высокія стремленія: Они забывали, что прошло уже сто лѣтъ послѣ того, какъ высказывалъ Аѳанасій свои идеи, что въ церкви явились новыя потребности, новыя нужды, которыя требовали справедливаго удовлетворенія. Монофизиты жили не настоящимъ, а прошедшимъ. Они подобны были тѣмъ „старухамъ“<sup>22)</sup>, которыя любятъ поучать новое поколѣніе, указывая золотой вѣкъ въ далекомъ прошедшемъ, но отрицаютъ значеніе новыхъ идей, новыхъ явленій. Что было бы съ церковію, съ наукою, съ разумомъ человѣческимъ, если бы узкія отсталыя воззрѣнія собора разбойничьяго восторжествовали? Мракъ и запустѣніе водворились бы въ церковной сферѣ. Аѳанасій училъ, что должна быть тверда вѣра никейская; а монофизиты выводили отсюда заключеніе, что все богословское развитіе церкви должно ограничиться исповѣданіемъ одного символа никейскаго, что раскрывать истины вѣры значитъ отрицать истинную вѣру и пр. Александрійское богословствованіе стало выражаться, наступали послѣдніе дни его...

Чрезвычайно важный для насъ вопросъ: какъ смотрѣлъ соборъ на извѣстную унію? Онъ отвергъ ее. Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Изъ всѣхъ уніальныхъ документовъ соборъ призналъ выражающими истинное ученіе лишь тѣ посланія Кирилла, въ которыхъ отцы собора разбойничьяго могли находить, хотя неправильно и съ величайшими натяжками, свои монофизитскія идеи и которыя имъ писаны были для успокоенія лицъ изъ числа приверженцевъ александрійской догматики, непризнавшихъ уніи. Свое полное нерасположеніе къ уніи соборъ высказалъ устами Евстаѳія еп. беритскаго, важнаго дѣятеля собора разбойничьяго. Слова Евстаѳія имѣютъ для насъ особенный интересъ, а потому мы выпишемъ ихъ въ точности, въ полномъ видѣ. Евстаѳій сказалъ: „необходимо объяснить вамъ, что, хотя въ ближайшемъ отцѣ нашемъ Кириллѣ присутствовалъ Богъ, однако нѣчто изъ написаннаго имъ (разу-

<sup>22)</sup> Cyrill. ep. ad Valerianum Iconiens. Col. 256. Migne. t. 77. Дѣян. II, 413.



мѣются анаѳематства его противъ Несторія) еще при жизни его было подвергаемо сомнѣнiю тѣми, которые не понимаютъ правильно того, что сказано украшено, пока онъ своимъ разумнѣйшимъ языкомъ не сдѣлалъ этого яснымъ для желающихъ извращать его писанiя, и убѣдилъ всѣхъ слѣдовать его благочестивому мудрствованiю (неправда: анаѳематства и впоследствии отвергались антиохiйцами). Но когда нѣкоторые (рѣчь идетъ объ александрiйцахъ, не принявшихъ унiи) готовы были изъ прочитанныхъ теперь посланiй блаженнѣйшаго мужа (Евстаѳiй говоритъ о замѣчательномъ унiальномъ документѣ, именно посланiи Кирилла, которое начинается извѣстными словами: „да возвеселятся небеса“) сдѣлать предметъ сомнѣнiя (т. е. когда нѣкоторые приверженцы Кирилла начали отвергать унiю), то онъ опять возымѣлъ нужду, а болѣе желанiе (какъ тонко замѣчено!) объясниться. Все свое время онъ посвятилъ тому благочестивому труду, чтобы объяснить самого себя, показать свое намѣренiе, и чрезъ свои посланiя къ бывшимъ епископамъ Акакию мелитинскому, Валерiану иконiйскому и Сукценсу диокесарiйскому въ Исаврiи (сейчасъ мы увидимъ, почему Евстаѳiй этимъ именно посланiямъ отдаетъ предпочтенiе предъ другими) выяснитъ всѣмъ, какъ нужно понимать недавно прочитанныя посланiя и догматъ о пришествiи нашего Спасителя. Ибо въ посланiяхъ къ этимъ мужамъ между прочимъ прибавлено и слѣдующее: „должно признавать не два естества, но одно воплотившееся естество Бога Слова; и эти слова свои онъ, Кириллъ, подтвердилъ свидѣтельствомъ Аѳанасiя“<sup>23)</sup>. Главное намѣренiе рѣчи Евстаѳiя состоитъ въ томъ, чтобы защитить честь Кирилла, какъ понимали ее монофизиты. Кириллъ былъ защитникомъ и покровителемъ унiи: на этомъ утверждались въ своихъ дѣйствovaniяхъ друзья унiи. Поэтому монофизитамъ, которые смотрѣли неприязненно на унiю, необходимо было перетолковать, въ своихъ интересахъ, въ свою пользу унiальную пору дѣятельности Кирилла,—представить, какъ будто унiи въ сущности и не было, какъ будто это было какимъ-то мимолетнымъ явленiемъ, которое не оставило

<sup>23)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 72. Дѣян. III, 229.

слѣдовъ въ дѣятельности Кирилла. Это и дѣлаетъ Евстаѳій, нужно признать, съ замѣчательною ловкостію. Онъ сначала заявляетъ, что вообще нерѣдко случалось, что сочиненія Кирилла перетолковывались, какъ это случилось, по Евстаѳію, съ анаематизмами Кирилла. Къ такимъ же сочиненіямъ Кирилла, которыя будто бы просто неправильно понимались, хитро Евстаѳій причисляетъ и его знаменитое посланіе къ восточнымъ: „Да возвеселятся небеса“. Евстаѳій не отрицаетъ, что это сочиненіе дѣйствительно принадлежитъ Кириллу, чего сдѣлать онъ и не могъ; но по нему, Евстаѳію, Кириллъ какъ будто бы и самъ отказался отъ этого посланія, когда написалъ нѣсколько другихъ, неодинаковыхъ съ первымъ по своему содержанію, ибо въ нихъ, заявляетъ съ торжествомъ Евстаѳій, прямо исповѣдовалось, что „одно воплотившееся естество Бога Слова“. Вотъ истинный смыслъ словъ Евстаѳія. Евстаѳій, какъ и всѣ монофизиты, соглашались и не соглашались съ Кирилломъ. Но напрасны усилія Евстаѳія исказить истинный образъ дѣятельности Кирилла во время уніи. Кириллъ, дѣйствительно, неліцемерно вступилъ въ братскія сношенія съ антиохійцами, никогда не отказывался и не раскаивался въ устроеніи дѣла уніи, ревностно заботился, чтобы она утвердилась въ кружкахъ антиохійскихъ. Лжетъ Евстаѳій, что будто Кириллъ въ посланіи къ Акакію и прочимъ высказалъ отступленіе отъ уніи и исповѣдалъ монофизитство. Дѣйствительно въ этихъ послѣднихъ встрѣчается вышеприведенная фраза объ „одномъ ествѣ“; но она употреблена Кирилломъ по причинамъ, которыя нами уже достаточно разъяснены въ своемъ мѣстѣ<sup>24)</sup>; а главное—указанныя посланія имѣли цѣлю доказать неразуміе тѣхъ, кои отвергали ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Это истинная цѣль посланій; однако же объ этомъ Евстаѳій молчитъ и молчитъ. Итакъ, послѣ нашихъ разъясненій, оппозиціонный характеръ собора разбойничьяго въ отношеніи къ уніи, полагаемъ, становится несомнителенъ.

Въ частности въ вопросѣ объ образѣ соединенія во Христѣ двухъ ествѣ Божескаго и человѣческаго соборъ

<sup>24)</sup> Гл. V, примѣч. 88; гл. VI, примч. 33.

держался открыто монофизитства. Стоит замѣтить, что соборъ однакожь ничуть не разъясняетъ, подобно тому, какъ ранѣе и Евтихій, на чемъ, на какихъ основаніяхъ и доказательствахъ опирается монофизитская доктрина. Онъ молчитъ объ этомъ. Не боялся ли онъ, чтобы подобными разъясненіями не допустить себѣ „обновить вѣру“? Монофизитство на соборѣ не раскрывается, а просто провозглашается какъ готовая доктрина. Такъ, когда на соборѣ разбойничьемъ читаны были дѣянія собора константинопольскаго 448 года, въ которыхъ объ Евтихіи записано было: „Евтихій сказалъ: исповѣдую, что Господь нашъ состоитъ изъ двухъ естествъ прежде соединенія, а послѣ соединенія исповѣдую одно естество“, Диоскоръ объявилъ: „и мы всѣ согласны съ этимъ“. Соборъ подтвердилъ слова своего главы; „согласны“, сказали члены собора <sup>25)</sup>). При другомъ случаѣ на томъ же соборѣ, Диоскоръ сказалъ: „можемъ ли мы допустить выраженіе, въ которомъ говорится о двухъ естествахъ послѣ воплощенія“? На это соборъ объявилъ: „анаѰема тому, кто употребляетъ подобное выраженіе; если кто говоритъ—два, анаѰема <sup>26)</sup>“. Монофизитство собора—фактъ ясный.

Опредѣливъ догматическую задачу собора, его основной характеръ, его направленіе, обращаемся къ раскрытію и подробному обелѣдованію вопроса: какъ отнесся соборъ къ своимъ противникамъ, приверженцамъ антиохійской догматики, друзьямъ уніи? Соборъ ефесскій 449 года <sup>27)</sup> озна-

<sup>25)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 92. Дѣян. III, 287.

<sup>26)</sup> Ibidem. p. 90. Д. III, 283. Нужно сказать, что мысли близкія къ монофизитству высказываемы были нѣкоторыми епископами даже на самомъ III всел. соборѣ. Онъ впрочемъ не встрѣтили опроверженія отъ отцевъ собора, безъ сомнѣнія потому, что, какъ казалось, онъ хорошо направлялся противъ ученія Несторія; о монофизитизмѣ же тогда никто и думать еще не могъ. Такъ Акакій мелетинскій, впослѣдствіи несомнѣнно монофизитъ, говорилъ, что неправильно „приписывать рожденіе и страданіе Христа не Божеству Его, а единому Его человечеству“ (Concilia Acta Ephes. p. 188. Дѣян. I, 546—547). Ту же мысль высказывалъ Θεодотъ, епископъ анкирскій (Ibid. p. 192. Дѣян. 558—559).

<sup>27)</sup> Во главѣ собора разбойничьяго стали александрійцы: Диоскоръ и другіе египетскіе епископы. Сторону Диоскора держалъ патр. іерусалимскій Ювеналій и епископы подручные ему. Римъ также, покрайней мѣрѣ въ

меновалъ себя великимъ крушеніемъ для всей партіи антиохійской, для всѣхъ поборниковъ уніи. Друзья антиохійской догматики не нашли себѣ пощады со стороны собора. Соборъ поистинѣ разбойничалъ! Прежде всего соборъ подвергъ анаемѣ и лишилъ сана благороднѣйшаго мужа, второго Златоуста по духу, патріарха константинопольскаго Флавіана, предсѣдателя извѣстнаго собора 448 года, а съ Флавіаномъ и Евсевіа. Съ Флавіаномъ и Евсевіемъ дорилейскимъ мы уже знакомы. Соборъ не могъ простить имъ того обстоятельства, что они любили Кирилла, кромѣ прочаго и за унію, что они ненавидили ересь Евтихія. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о томъ, какъ происходилъ судъ надъ упомянутыми лицами (Дѣянія халкидонскаго собора сообщаютъ самыя скудныя свѣдѣнія объ этомъ, а вновь открытый сирскій текстъ и вовсе не заключаетъ никакихъ извѣстій по вопросу). Извѣстно только, что въ вину Флавіану и Евсевію ставили то, что они исказили вѣру никейскую <sup>28</sup>). Но что подъ этимъ разумѣлось, соборъ или лучше сказать, наши документы не опредѣляютъ. Осуждая эти лица, соборъ въ связи съ этимъ оправдываетъ Евтихія <sup>29</sup>), и анаематствуетъ соборъ константинопольскій 448

---

началъ собора, не противодѣйствовалъ дѣятельности Діоскора (Concilia. Acta Chalced. p. 141. Дѣян. III, 461. 463). Илирикъ держался стороны патріарха александрійскаго, какъ это видно изъ того глубокаго сокрушенія, съ какимъ епископы илирійскіе на соборѣ халкидонскомъ раскаивались въ своей дѣятельности на соборѣ разбойничьемъ. Въ лицѣ Евстація беритскаго Финикія также взяла сторону Діоскора. Нужно сказать, что хотя Финикія принадлежала къ антиохійскому патріархату, но по интригамъ Ювеналія, между III и IV вв. соборами, она перешла въ вѣдѣніе патріарха іерусалимскаго. Вообще около Діоскора сгруппировались всѣ тѣ епископы, которые, всегда со времени I вв. собора, шли рука объ руку съ церковью александрійскою въ своей дѣятельности (см. гл. II и V нашего изслѣд.). Изъ другихъ мѣстъ къ Діоскору на соборѣ присоединились слѣдующія болѣе замѣчательныя лица: Стефанъ ефесскій, послѣдую примѣру Мемнона, засѣдавшаго на третьемъ вселенск. соборѣ, и въ простотѣ сердца полагающаго, что Діоскоръ дѣйствуетъ въ томъ же духѣ, какъ и Кириллъ, Ѡлассій Кесаріе-каппалокійскій, поставленный въ епископа рукою Прокла константинопольскаго, извѣстнаго противника несторіанства (Soer. VII, 48).

<sup>28</sup>) Concilia. Acta. Chalced. p. 141. Дѣян. III, 464.

<sup>29</sup>) Ibid. p. 109 et c. d. 366 и д.

года <sup>30)</sup>. Истинною причиною осужденія Флавіана и Евсевія, мы увѣрены, была ихъ приверженность къ церковной уніи <sup>31)</sup>.

Другими важнѣйшими жертвами собора разбойничьяго были: патріархъ антїохійскій Домнъ, бл. Θεодоритъ кирскій, Ива епископъ едесскій. Послѣдніе двое осуждены заочно: ихъ не было на соборѣ. За что осуждены всѣ они? По дѣянїямъ собора разбойничьяго, каждый изъ нихъ обвиняется въ различныхъ тяжкихъ винахъ; но вѣрить этимъ обвиненїямъ мы не имѣемъ никакихъ основаній <sup>32)</sup>. Дѣйствительною причиною ихъ осужденія было то, что они со всѣмъ расходились съ Діоскоромъ въ догматическихъ воззрѣнїяхъ: они стояли за унію, которую ненавидѣлъ Діоскоръ. Поражая этихъ лицъ, соборъ разбойничїй поражалъ въ сердцѣ саму унію. Для сужденія объ этомъ предметѣ въ особенности богатые матеріалы предлагаютъ недавно открытые акты сирскіе собора разбойничьяго <sup>33)</sup>. Безъ нихъ мы не могли бы говорить о дѣлѣ съ такою рѣшительностію, съ какою можемъ дѣлать это теперь.—Начнемъ съ Домна. Домнъ былъ племянникъ Іоанна антїохійскаго, вождя униотовъ <sup>34)</sup>. Родство по крови вело къ родству въ религиозныхъ воззрѣнїяхъ и интересахъ. Въ сохранившейся до насъ, благодаря сирскому тексту, переписка Домна съ Діоскоромъ и Флавіаномъ, которая началась еще ранѣе собора константинопольскаго 448 года, мы вполне можемъ видѣть религиозный образъ Домна. Домнъ былъ такимъ же защитникомъ уніи, какъ и его современникъ Флавіанъ. Въ своихъ письмахъ къ Діоскору Домнъ говоритъ, что основанїями для его догматическихъ воззрѣнїй служить ничто другое, какъ документы уніальные. Онъ говоритъ, что утверж-

<sup>30)</sup> Ibid. p. 75. Д. 239.

<sup>31)</sup> Свѣдѣнїя объ осужденїи этихъ лицъ см. въ другой нашей книгѣ о соборахъ, стр. 37—40. Да и вообще подробности о соборѣ разбойническомъ можно находить здѣсь на стр. 24 и д.

<sup>32)</sup> См. Martin. Le Pseudo-Synode, p. 39—44.

<sup>33)</sup> Объ этихъ актахъ см. наши двѣ статьи: „о сирскомъ текстѣ собора разбойничьяго“ и „о подлинности и достовѣрности сирскихъ актовъ того же собора“ (Чт. въ об. люб. дух. просв. 1876 г.).

<sup>34)</sup> Le-Quien. Oriens christianus. T. II, p. 721.

даетъ свою вѣру на тѣхъ опредѣленіяхъ, какія во времена Кирилла изъ Антиохіи были посланы въ Александрію, на тѣхъ посланіяхъ, какія Кирилль писалъ Іоанну антиохійскому, на сочиненіи Аванасія къ Эпиктету <sup>35</sup>), за которое такъ ревностно держались униты. Этого мало. Домнъ выразительно писалъ Діоскору: „дозволь намъ, прошу тебя, оставаться при тѣхъ сочиненіяхъ, которыя касаются уніи (Frieden-compromiss) при посланіи Кирилла (безъ сомнѣнія томъ, которое начинается словами: „да возвеселятся“), и при посланіи Аванасія къ Эпиктету. Ибо всѣ они упоминаются въ актахъ уніи <sup>36</sup>). Діоскоръ же напротивъ предписывалъ Домну принять анаеematства Кирилловы противъ Несторія <sup>37</sup>), чего однакожъ Домнъ сдѣлать не рѣшался. Впрочемъ онъ не отказывался признавать авторитетъ III вс. собора <sup>38</sup>). Домнъ въ отличіе отъ Діоскора и его партіи признавалъ авторитетъ II вс. собора. Отцевъ этого собора онъ называетъ „святыми“ и „блаженнѣйшими“; считаетъ ихъ дѣйствовавшими согласно съ соборомъ никейскимъ <sup>39</sup>). Съ главнымъ защитникомъ уніи, съ патріархомъ Флавіаномъ, онъ находился въ дружеской перепискѣ и вызываетъ его стать съ нимъ, Домномъ, за одно <sup>40</sup>) и бороться противъ Діоскора, возстать на защиту „вѣры“ <sup>41</sup>). Главная причина раздора между Діоскоромъ и Домномъ состояла въ слѣдующемъ: Діоскоръ требовалъ, чтобы Домнъ принялъ сочиненія Кирилла, написанныя имъ до уніи (анаеematизмы); напротивъ Домнъ отвергалъ эти сочиненія и держался уніальныхъ документовъ <sup>42</sup>), которыхъ въ свою очередь знать не хотѣлъ патріархъ александрійскій. Именно это разногласіе и было истинной причиной осужденія Домна на

<sup>35</sup>) Hoffmann. Verhandl. d. Kirch.—Versam. s. 71. Въ томъ же родѣ писалъ Домнъ къ Флавіану, *ibid.* s. 61.

<sup>36</sup>) *Ibidem.* s. 74.

<sup>37</sup>) *Ibidem.*

<sup>38</sup>) *Ibidem.* s. 71.

<sup>39</sup>) *Ibidem.* s. 62.

<sup>40</sup>) *Ibidem.*

<sup>41</sup>) Феодорита поборника уніи Домнъ считалъ своею правою рукою.

<sup>42</sup>) *Ibidem.* 59—60. Hefele, II, 316.

соборѣ діоскоровомъ <sup>43</sup>). Весьма замѣчательно, что въ посланіяхъ къ Діоскору Домнъ въ числѣ авторитетныхъ писателей рядомъ съ александрійскими писателями выставляетъ и антиохійскихъ церковныхъ дѣятелей: Іоанна Златоуста, епископовъ антиохійскихъ Мелетія, Евстаѳія, Флавіана <sup>44</sup>). Александрійцы подозрительно смотрѣли на великихъ дѣятелей антиохійскаго направленія. Со стороны Домна было большою смѣлостію указывать на нихъ, какъ на авторитеты церковные. Можно находить въ этомъ даже укоризну, брошенную Домномъ въ лице александрійцевъ, которые высоко цѣнили только писателей своей школы. Уравнивая авторитетъ антиохійскихъ и александрійскихъ великихъ писателей и великихъ учителей, Домнъ тѣмъ самымъ показалъ особую широту воззрѣній, которая вообще характеризовала теперешнихъ антиохійцевъ. Они не раздѣляли авторитетныхъ дѣятелей на „нашихъ“ и „не нашихъ“, отдавали должное заслугамъ всѣхъ великихъ дѣятелей и тѣмъ сдѣйствовали сближенію церкви, которая издавна во многомъ не сходилась одна съ другой. Въѣсть съ любовью къ увнѣ, къ Кириллу, антиохійцу, въ родѣ Домна, незамѣтно всасывали въ себя уваженіе ко всѣмъ великимъ авторитетамъ александрійскимъ. Не такъ поступали александрійцы въ отношеніи къ антиохійцамъ: кажется, они никого изъ антиохійскихъ дѣятелей не удостоивали ни малѣйшаго вниманія. Монофизитствующихъ патріархъ Антиохійскій почиталъ опасными врагами церкви. Итакъ, Домнъ представлялъ собой по богословскимъ воззрѣніямъ прямую противоположность Діоскору, а потому естественно, что соборъ разбойничій низвергнулъ этого патріарха.

Ееодорита постигла таже участь на соборѣ, хотя онъ и не присутствовалъ на немъ, такъ какъ ему положительно запрещено было являться на соборѣ <sup>45</sup>). Съ богословскою дѣятельностію Ееодорита мы уже отчасти <sup>46</sup>) знакомы: онъ

<sup>43</sup>) Въ чемъ обвинялся Домнъ соборомъ, см. Hoffmann'a въ особенностяхъ s. 60—61.

<sup>44</sup>) Ibidem. s. 75.

<sup>45</sup>) Concilia. Acta Chalced. p. 43. 47. Дѣян. III, 148. 158.

<sup>46</sup>) См. гл. V нашего изслѣдованія. Кроме того слѣдуетъ указать на извѣстную монографію г. Глубоковскаго объ этомъ лицѣ.

быль преданный ученикъ антиохійской школы. Когда случилась унія, Θεодоритъ присоединился къ ней и въ послѣдствіи сдѣлался душою всѣхъ защитниковъ этого церковнаго явленія. Когда начались смуты монофизитскія, Θεодоритъ прямо выставялъ себя поборникомъ уніи. Что онъ былъ православенъ, въ этомъ порукою для него служило то, что его проповѣди одобряли Іоаннъ и Домнъ <sup>47)</sup> антиохійскіе, извѣстные униты. При другомъ случаѣ, въ доказательство своего православія, Θεодоритъ ссылается на то, что онъ согласенъ съ тѣми документами, на которыхъ уверждалась унія восточныхъ съ Кирилломъ <sup>48)</sup>. Когда собрался соборъ разбойничій, отъ котораго онъ заранѣе не ожидалъ ничего добраго, Θεодоритъ внушалъ Домну, чтобы этотъ, отправляясь на соборъ, первѣе всего взялъ съ собою всѣ документы, касающіеся уніи (*ὡς χρὴ τοὺς ἀλιόττας εἰς τὴν σύνοδον τὰ ἐν τῷ καιρῷ τῆς συμβάσεως γραφέντα προσεβηκεῖν*). Значить, въ этихъ документахъ Θεодоритъ полагалъ сущность того дѣла, которому грозила опасность и которое высоко цѣнилъ онъ. Признавая важность уніи, онъ, подобно Домну, однакожь отказывался соглашаться съ анаематизмами Кирилла, признанія которыхъ Діоскоръ съ настойчивостью требовалъ отъ антиохійцевъ. Онъ называлъ это сочиненіе Кирилла „ядомъ“ (*ὶόν*) и боялся, какъ бы Діоскоръ на своемъ соборѣ не принудилъ церковь къ принятію этихъ анаематизмовъ <sup>49)</sup>. Θεодоритъ, подобно тому же Домну, уважалъ авторитетъ II вселенскаго собора <sup>50)</sup>. Къ крайнему неудовольствію Діоскора, еп. Кирскій былъ ревностнымъ врагомъ монофизитства. Какъ кажется, еще до собора константинопольскаго 448 года онъ посвятилъ разбору ученія монофизитовъ особое сочиненіе, которое выдано было подъ ироническимъ названіемъ „Еранистъ“ <sup>51)</sup>. По всему этому Діо-

<sup>47)</sup> Theodoret. Ep. ad Nomum, Consulem. Col. 1261.

<sup>48)</sup> Ep. ad Flavianum. Col. 1277, если это посланіе принадлежитъ Θεодориту (Hoffmann. s. 61).

<sup>49)</sup> Theodoret. Ep. ad Domnum. Col. 1312. 1310.

<sup>50)</sup> Epist. ad Flavianum. Col. 1280. Въ сочиненіи contra Nestorium (Migne, t. 83, col. 1157) Θεодоритъ излагаетъ свое изповѣданіе вѣры въ точномъ соотвѣствіи съ символомъ Константинопольскимъ.

<sup>51)</sup> См. Neander, I, 697. Еранистъ отпечатанъ у Миня въ т. 83. Въ



скоръ не могъ жаловать Θεодорита, и соборъ разбойничій осудилъ его <sup>52)</sup>. Θεодоритъ былъ унитъ, унитъ умный, мужественный, ревностный — этого одного было болѣе чѣмъ достаточно для собора, чтобы втоптать въ грязь славное имя Θεодорита <sup>53)</sup>.

Третьимъ изъ болѣе замѣчательныхъ лицъ, осужденныхъ соборомъ разбойничьимъ, былъ Ива, еп. едесскій. Ива находился въ дружескихъ связяхъ съ Домномъ и Θεодоритомъ. Домнъ заступался за него, когда на него дѣлали нападки монофизитствующіе <sup>54)</sup>. Θεодоритъ въ духѣ пріязненномъ переписывался съ Ивой <sup>55)</sup>. Богословская точка зрѣнія Ивы вполне совпадала съ точкою зрѣнія Домна и Θεодорита. Ива былъ унитъ. До уніи онъ былъ ревностнымъ поборникомъ несторіанства и врагомъ Кирилла, но послѣ устроенія уніи онъ примирился съ александрійцами <sup>56)</sup>. Ива при всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ своей жизни прямо объявлялъ, что онъ признавалъ православіе въ формѣ уніи. На соборѣ тирскомъ (448 г.) онъ говорилъ, что онъ „исповѣдуетъ и вѣруетъ такъ, какъ изложено въ граматѣ соглашенія, состоявшагося между Іоанномъ и Кирилломъ“ (*ὡς τὰ ὑπόμνητα περὶ ἐχει τὰ τῆς συμβάσεως*) <sup>57)</sup>. На соборѣ беритскомъ (448 г.)

Хр. чтеніи, 1846 г., т. 2, сдѣланъ переводъ этого сочиненія, но съ сокращеніями.

<sup>52)</sup> Какія вины ставилъ въ упрекъ Θεодориту соборъ, см. объ этомъ Hoffmann, s. 67—8.

<sup>53)</sup> Martin (p. 187. 91) дѣлаетъ самый сочувственный отзывъ о Θεодоритѣ. Онъ говоритъ: „Θεодоритъ — это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ фигуръ V вѣка. Его богатая событіями жизнь, его апостольскіе труды, увѣнчавшіеся блестящимъ успѣхомъ, его жаркія борьбы, въ которыхъ онъ руководился чувствомъ чести и сознаніемъ правоты, его многочисленныя сочиненія, гоненія, дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ лицъ этого времени, смутнаго и жалкаго. Его репутация, его авторитетъ на востокѣ были безмѣрны: всѣ другіе епископы смотрѣли на него, почти какъ на оракулъ. Это былъ не только великій писатель, могущественный гений, который обращалъ свое слово ко вселенной: это былъ исповѣдникъ, мученикъ, который любилъ всѣхъ и поддерживалъ всѣхъ“.

<sup>54)</sup> Concilia. Acta Chalced. p. 282. Дѣян. IV, 203 - 4. Домнъ оправдалъ Иву на соборѣ антиохійскомъ. Hoffmann, s. 29—31.

<sup>55)</sup> Theodoret. ep. ad Iban episc. Edesae. Col. 1349.

<sup>56)</sup> Concilia. Act. Chalced. p. 290 et c. Дѣян. IV, 255 и д. Издан. 1-ое.

<sup>57)</sup> Ibid. p. 277. Дѣян. 189.

тотъ же Ива заявлялъ: „до тѣхъ поръ, пока Кирилль не столкнулся съ Іоанномъ и не принялъ отъ него письменнаго исповѣданія вѣры, всѣ мы (антіохійцы) почитали его еретикомъ, а послѣ того, какъ церковь соединилась (*μετὰ ἕνωσιν τῶν ἐκκλησιῶν*) и Кирилль былъ принятъ, мы были въ общеніи съ нимъ и онъ съ нами“ <sup>58</sup>). Какъ *corpus delicti*, самую компрометирующую вещь въ жизни Ивы монофизиты выставляли извѣстное посланіе Ивы къ Марію Персу <sup>59</sup>). Въ этомъ посланіи монофизиты находили несторіанство, но въ сущности въ немъ было прославленіе уніи, которая полагала конецъ спорамъ въ церкви. Здѣсь описывается въ краткихъ чертахъ устройство уніи и говорится объ этомъ явленіи съ видимымъ сочувствіемъ. Ива писалъ: „когда они (Кирилль и Іоаннъ) вошли въ общеніе (унія) другъ съ другомъ, то распря прекратилась; въ церкви водворился миръ; въ ней нѣтъ уже раскола, но миръ, какъ было прежде“ <sup>60</sup>). Между тѣмъ на это-то посланіе указывалъ соборъ разбойничій, какъ на такое, за которое нужно подвергать автора всяческому проклятію. Нѣтъ сомнѣнія, Ива былъ унитъ и въ этомъ главная причина ненависти къ нему Діоскора и его собора. Другія черты религіознаго образа Ивы составляетъ слѣдующее: онъ былъ врагъ монофизитовъ <sup>61</sup>), отвергалъ анаематизмы Кирилла <sup>62</sup>), но за то принималъ третій вселенскій соборъ <sup>63</sup>). Иву діоскоровъ соборъ низвергнулъ <sup>64</sup>). Такой приговоръ объ Ивѣ встрѣченъ былъ соборомъ неистовыми криками, въ которыхъ высказывалась вся злоба и ярость александрійцевъ на этого унита. „Сжечь Иву среди города! И діаволь не говорилъ такъ! Не говорили такъ и фарисеи! Это рѣчи сатаны! Сжечь Иву среди Антіохіи въ примѣръ другимъ. Діаволь благочестивѣ Ивы!“ <sup>65</sup>).

<sup>58</sup>) Ibid. p. 289. Дѣян. 223—4.

<sup>59</sup>) Hoffmann. Verhandlungen. s. 11. 14.

<sup>60</sup>) Concil. Acta Chalced. p. 291. Д. 229.

<sup>61</sup>) Ibid. p. 287. Дѣян. 216.

<sup>62</sup>) Ibid. p. 289. Дѣян. 222—3.

<sup>63</sup>) Ibid. p. 278. Дѣян. 189.

<sup>64</sup>) Обвиненія собора противъ Ивы, см. Hoffm. s. 22—4.

<sup>65</sup>) Hoffm. 28. Относительно Ивы дѣлаетъ сочувственные отзывы Martin. p. 93. 185.

Перечислимъ остальныхъ епископовъ, подвергнувшихся суду собора разбойничьяго. Прежде всего упомянемъ Иринея, епископа тирскаго. Иринея издавна былъ въ дружбѣ съ партіей антиохійскою. Еще во времена Несторія онъ вмѣстѣ съ этимъ еретикомъ, будучи важнымъ государственнымъ сановникомъ, прибылъ на соборъ въ Ефесъ и былъ споспѣшникомъ въ дѣлахъ Іоанна антиохійскаго <sup>66</sup>). Впослѣдствіи онъ слѣлался епископомъ Тира. Онъ былъ поставленъ въ санъ епископа Домномъ антиохійскимъ и былъ въ связяхъ съ Θεодоритомъ. Безъ сомнѣнія всѣ эти обстоятельства въ совокупности и послужили во вредъ Иринею, осужденному соборомъ Діоскора <sup>67</sup>). Соборъ осудилъ не только самого Иринея, но лицъ имъ возведенныхъ въ епископское достоинство. Такимъ былъ Акилинъ епископъ вивловскій. Единственною причиною его осужденія отъ собора разбойничьяго было то, что онъ посвященъ рукою Иринея <sup>68</sup>). Соборъ очевидно имѣлъ въ виду искоренить всю партію, пріютившуюся подъ знаменемъ антиохійскаго богословствованія. Двое другихъ епископовъ: Даніиль харранскій или каррскій и Софроній еп. тельскій или константиискій подверглись суду собора главнѣйше кажутся потому, что они были родня Ивѣ и вѣроятно дѣйствовали за-одно съ нимъ. Даніиль былъ роднымъ племянникомъ Ивы <sup>69</sup>), а Софроній былъ двоюроднымъ братомъ того же епископа <sup>70</sup>).—Таковы были жертвы собора разбойничьяго! Александрійцы теперь вымѣщали на антиохійцахъ свой гнѣвъ. Соборъ охотно выслушивалъ приговоры вожаковъ его и покрывалъ радостными криками провозглашеніе отлученія на антиохійцевъ. Соборъ восклицалъ о Діоскорѣ: „черезъ тебя говоритъ Богъ! Духъ Св. черезъ тебя говоритъ! Вырви корни, правовѣрный! Пусть не останется ни одного несторіанина! Исторгни самые корни“ <sup>71</sup>), и Діоскоръ исторгалъ, слѣпо принимая пшеницу за плевелы...

<sup>66</sup>) Concilia. p. 167. T. I, pars 2. Дѣян. I, 489.

<sup>67</sup>) Hoffmann. Verhandlung. s. 37—9. Martin, 83—6. 183.

<sup>68</sup>) Hoffmann. ibid. s. 39—40. Martin. p. 183.

<sup>69</sup>) Concilia. Acta Chalced. p. 285. Дѣян. IV, 209.

<sup>70</sup>) Hoffmann. ibid. S. 35—7. 41—43. Martin. p. 184.

<sup>71</sup>) Hoffmann. S. 62—3.

Соборъ разбойничій сдѣлалъ свое дѣло. Онъ пронесся какъ буря по нивѣ церковной. Истинные носители чистаго православія убиты были унижены, посрамлены, ниспровергнуты. Соборъ разбойничій признанъ вселенскимъ. Скорбь, смущеніе водворились въ церкви. Едвали мы можемъ представить себѣ, какимъ ужасомъ наполнились сердца истинныхъ вождей православія. Проходятъ два года, цѣлыхъ два года томительныхъ, страшныхъ. Казалось, вѣра и церковь стоятъ на краю гибели! Но вотъ миновался срокъ, назначенный Промысломъ на искушеніе церкви, и скорбь должна была смѣниться свѣтлымъ праздникомъ. Всѣ получили возможность свободно вздохнуть, восклицая съ Давидомъ: „да возвеселятся небеса!“ Мы говоримъ о вселенскомъ соборѣ Халкидонскомъ.

---

## IX.

Приносимъ величайшую благодарность Спасителю всѣхъ Христу за то, что, уничтоживъ разномысліе многихъ заблуждающихся касательно вѣры, всѣ мы единодушно соединились въ одно и тоже исповѣданіе.

*Маркіанъ.*

Халкидонскій вселенскій соборъ начался раздѣленіемъ; въ продолженіе дѣятельности его также не разъ возникали важныя разногласія, но кончается онъ согласіемъ и единодушіемъ, которыя выразились въ непререкаемомъ принятіи догматическаго опредѣленія, составленнаго на этомъ соборѣ.

Разсмотримъ по порядку дѣянія халкидонскаго собора, имѣющія догматическое значеніе. Такихъ дѣяній четыре: первое и второе, четвертое и пятое.

Изученіе перваго дѣянія показываетъ, что соборъ открылся явнымъ раздѣленіемъ на двѣ половины. Внѣшнимъ знакомъ такого раздѣленія было то, что одна часть отцевъ заняла лѣвую сторону храма, въ которомъ засѣдалъ соборъ, а другая—правую сторону того же храма. Лѣвую сторону заняли римскіе легаты, епископы округа константинопольскаго, антиохійскаго и всѣхъ округовъ азіатскихъ. Правую же сторону заняли епископы египетскіе, палестинскіе, иллирійскіе. Во главѣ первыхъ стоялъ патріархъ константинопольскій Анатолій, во главѣ вторыхъ—уже извѣстный намъ Діоскоръ, патріархъ александрійскій <sup>1)</sup>. Партію Анатолія константинопольскаго составляли епископы всѣхъ тѣхъ окру-

<sup>1)</sup> Binii. Concilia. Tom. II, pars 1. Acta Chalced. p. 41. Дѣян. III, 140.

говъ церковныхъ, которые въ эпоху никейскую и несторіанскую соединены были единствомъ стремленій: новость для этой партіи составлялъ одинъ Римъ, который доселѣ не сходилъ съ этой партіей. Партію Діоскора александрійскаго составляли епископы тѣхъ округовъ, которые съ давнихъ поръ и неизмѣнно становились подъ главенство александрійской церкви. Здѣсь мы, значить, встрѣчаемся съ такимъ же почти группированіемъ въ составѣ партій, съ которымъ мы встрѣчались уже не разъ, а очень часто.

Для насъ чрезвычайно важно разъяснить вопросъ: чѣмъ условливалось такое совершенно новое явленіе, что римская церковь, въ лицѣ ея легатовъ, становится теперь не на сторону церкви александрійской, какъ это бывало доселѣ при различныхъ случаяхъ, когда поднимались и рѣшались различные догматическіе вопросы, а на другой сторонѣ, съ которою эта римская церковь не была въ связяхъ. При началѣ споровъ монофизитскихъ, какъ мы знаемъ, папа придерживается стороны Евтихія. Это такъ и должно было быть: Евтихій былъ представителемъ идей и стремленій церкви александрійской, которая въ изображаемую нами эпоху (IV и начало V вѣка) всегда дружила съ Римомъ, вслѣдствіе чего Римъ всегда благосклонно относился къ этой церкви и поддерживалъ ея интересы. Но папа вскорѣ увидѣлъ, что интересы этихъ двухъ союзныхъ церквей начали расходиться. Многія явленія этого времени побуждаютъ римскаго епископа кореннымъ образомъ измѣнить свою церковную политику. Послѣ собора константинопольскаго 448 года до папы дошло извѣстіе, что будто Евтихій, когда происходилъ надъ нимъ судъ этого собора, объявлялъ членамъ его, что онъ, Евтихій, подастъ апелляціонную жалобу къ папѣ <sup>2)</sup>; а подобнымъ образомъ поступали даже великіе александрійцы въ затруднительныхъ случаяхъ, напримѣръ Аеанасій, Кирилль; но извѣстіе это не побудило папу <sup>3)</sup> заступиться за него, почему онъ отвернулся отъ Рима. Все это дѣло не могло не оскорбить Льва, ибо папство IV и V вѣка начало уже слишкомъ высоко думать о себѣ.

<sup>2)</sup> Leonis ep. ad Flavianum. Concilia. ibid. p. 6. Дѣян. III, 25—6.

<sup>3)</sup> Flaviani ep. ad Leonem. Concil. ibid. p. 8. Дѣян. III, 32.

Между тѣмъ какъ Евтихій въ своемъ дѣлѣ вскорѣ оставляетъ папу въ сторонѣ, противоположная партія ищетъ себѣ въ немъ опоры и подкрѣпленія. Мы говоримъ о патріархѣ Флавіанѣ, который послѣ собора разбойничьяго обращается въ Римъ съ просьбою о заступничествѣ <sup>4)</sup>. Въ лицѣ Флавіана Константинополь сближается съ Римомъ. Для папы было тѣмъ дороже такое сближеніе, чѣмъ рѣже встрѣчались случаи такого сближенія со стороны константинопольскихъ патріарховъ. Діоскоръ съ своей стороны въ это время поступаетъ съ папой такимъ образомъ, какъ доселѣ не поступалъ не одинъ епископъ александрійскій. Онъ осмѣлился анаеменовать Льва <sup>5)</sup>. Этимъ Діоскоръ рѣшительно оттолкнулъ отъ себя римскаго первосвященника. Мы не говоримъ уже объ обстоятельствахъ собора разбойничьяго, на которомъ сдѣлано было такъ много возмутительнаго вообще, такъ много оскорбительнаго въ частности для папскаго авторитета. Все это привело къ тому, что папа Левъ отказался отъ исконной церковной политики Рима, отвернулся отъ вождей монофизитства и сталъ на сторону Константинополя. Были и другія причины, которыя побуждали папу присоединиться именно къ „лѣвой“ сторонѣ собора халкидонскаго. Теперешніе патріархи константинопольскій и антиохійскій, несмотря на то, что они по всѣмъ вѣроятностямъ должны были держаться стороны Діоскора, въ сущности протянули свою руку папѣ Льву. Анатолій, священникъ или діаконъ александрійскій, бывшій апокрисіаріемъ патріарха александрійскаго въ столицѣ <sup>6)</sup>, посвященный въ патріарха константинопольскаго по инициативѣ собора разбойничьяго <sup>7)</sup>, еще до времени собора халкидонскаго, вошелъ въ сношеніе съ папою и принялъ окружное посланіе его <sup>8)</sup>, не признанное соборомъ разбойничьимъ, отвергнулъ монофизитство. Патріархъ константинопольскій и папа римскій становились друзьями, а вмѣстѣ

<sup>4)</sup> Leonis ep. ad Theodosium august. *ibid.* p. 19. Дѣян. III, 69.

<sup>5)</sup> Acta Chalce. p. 182. Дѣян. III, 573.

<sup>6)</sup> Le-Quien. Oriens christ. Tom. I, 217.

<sup>7)</sup> Arendt. Leo d. Grosse, s. 255.

<sup>8)</sup> Marciani imper. et Pulcheriae epp. ad Leonem. Concil. *ibid.* p. 28—29. Дѣян. III, 107—8. Arendt, s. 259—260.

съ тѣмъ и общими врагами Діоскора. Тоже случилось съ важнѣйшимъ патріархомъ восточной церкви, Максимомъ антиохійскимъ. Максимъ поставленъ былъ въ патріарха антиохійскаго соборомъ разбойничьимъ на мѣсто Домна, осужденнаго этимъ соборомъ; но Максимъ не остался въ связяхъ съ виновникомъ своего возвышенія, Діоскоромъ, а вошелъ въ общеніе съ папой <sup>9)</sup>). Это было до собора халкидонскаго. И вотъ вслѣдствіе указанныхъ причинъ иацкскіе легаты на соборѣ халкидонскомъ засѣдаютъ не рядомъ съ Діоскоромъ, а вмѣстѣ съ Анатоліемъ и Максимомъ. Римъ и Александрія порвали свои старинныя отношенія, вмѣсто нихъ возникли новыя связи.

Характеристическія черты, отлпчавшія указанные двѣ партіи собора — „лѣвую и правую“, заключаются въ слѣдующемъ.

Партіи неодинаково смотрѣли на мужей потерпѣвшихъ осужденіе и низверженіе отъ собора разбойничьяго. Это ясно обнаружилось по поводу блаженнаго Θεодорита, когда онъ появляется на соборѣ. Раздались продолжительные и громогласные крики. Кричали и члены лѣвой и члены правой стороны. Между тѣмъ какъ члены лѣвой стороны привѣтствуютъ Θεодорита, какъ поборника православія, члены правой не могутъ безъ ужаса вспомнить о самомъ имени Θεодорита. Едва появляется онъ на соборѣ, какъ правая партія встрѣчаетъ его такими возгласами: „помилуйте! вѣра погибаетъ, изгоните его вонъ“. Въ отвѣтъ на это лѣвая сторона восклицала: „выгоните вонъ манихеевъ (сторонниковъ Діоскора), вонъ изгоните враговъ Флавіана, вонъ изгоните враговъ вѣры“. Діоскоръ отъ лица своей партіи замѣчалъ: „если принимается Θεодоритъ, значитъ изгоняется Кириллъ, котораго онъ анаѳематствовалъ“. Епископы лѣвой стороны отвѣчали на это: „Діоскора чловѣкоубійцу вонъ изгоните“. Несмотря на основательныя разъясненія самого Θεодорита и императорскихъ сановниковъ, изъ которыхъ становилось несомнѣнною законность появленія Θεодорита на соборѣ, сторонники Діоскора продолжали съ прежнимъ неистовствомъ вопить: „не называйте Θεодорита еписко-

<sup>9)</sup> Acta Chalce. p. 294. Дѣян. IV, 237. Изд. 1-ое.



помъ, онъ не епископъ, вонъ изгоните богопротивнаго, вонъ изгоните юдея“. Члены лѣвой стороны также продолжали отстаивать православіе и честь Θεодорита,—они говорили: „православнаго (оставьте) на соборѣ, вонъ изгоните мятежниковъ, вонъ изгоните челоуѣкоубійцъ“. Но эти замѣчанія лѣвой стороны только еще болѣе разожгли ярость сторонниковъ Діоскора, — они излиха вопіяху: „богопротивника вонъ изгоните, хулителя Христова изгоните вонъ. Θεодоритъ обвинялъ Кирилла; если мы примемъ Θεодорита, то изгонимъ Кирилла“. Тщетно императорскіе сановники призывали членовъ правой партіи къ порядку,—они еще разъ закричали: „изгоните одного и всѣ будемъ слушать; мы изъ благочестія вопіемъ, ради православной вѣры говоримъ это“<sup>10)</sup>). Если мы припомнимъ главнѣйшіе факты изъ дѣятельности Θεодорита, уже сообщенные нами, то не удивимся, что появленіе Θεодорита на соборъ вызвало такой шумъ,—столько проклятій и радостныхъ возгласовъ. Вступленіе Θεодорита на соборъ главнымъ образомъ привело на память исторію собора разбойничьяго, на которомъ осужденъ былъ онъ. Ибо лѣвая сторона видѣла въ этомъ соборѣ посрамленіе церкви, христіанства, вѣры; напротивъ правая — смотрѣла на оный, какъ на торжество православія, истины христіанской. Между тѣмъ какъ лѣвая сторона въ продолженіе всего перваго дѣянія собора халкидонскаго разоблачала беззаконія этого собора, правая съ упорнымъ фанатизмомъ защищала его и возглашала: „христіанинъ никого не боится. Пусть огонь разложуть, а мы предлагаемъ свое ученіе“<sup>11)</sup>). Отношеніе лѣвой и правой партіи собора къ собору разбойничьему составляло очень типическую черту, отличавшую двѣ группы епископовъ, собравшихся въ Халкидонѣ.

Далѣе,—отношеніе къ извѣстной уніи было неодинаково у членовъ собора. Это въ особенности ясно обнаружилось, когда читаны были дѣянія собора разбойничьяго и въ нихъ то мѣсто, гдѣ записаны были слова Евстаѳія Беритскаго<sup>12)</sup>,

<sup>10)</sup> Acta Chalced. p. 44—45. Дѣян. Ш, 149—151.

<sup>11)</sup> Acta Chalc. p. 49. Дѣян. Ш, 163.

<sup>12)</sup> Переданы нами и объяснены въ предыдущей главѣ, стр. 219—221.

въ которыхъ онъ старался уничтожить значеніе уніи, доказывая, что будтобы Кирилль въ посланіяхъ его къ епископамъ Акакію, Сукценцу и Валеріану отвергалъ ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ и утверждалъ ученіе объ одномъ ествствѣ Бога воплотившагося. Епископы лѣвой стороны собора находили эти разъясненія Евстаеія ложными, оретическими, — они возглашали: „это говоритъ Евтихій, это говоритъ Діоскоръ“. Напротивъ правая сторона видѣла въ словахъ Евстаеія полную истину, считала ихъ правильною оцѣнкою уніальной дѣятельности Кирилла. Они говорили: „Евстаеій хорошо сказалъ, православный хорошо сказалъ“<sup>13)</sup>. Нужно еще замѣтить, что на первомъ же засѣданіи собора халкидонскаго лѣвою стороною его принять былъ соборъ константинопольскій 448 года, утверждавшійся на уніи и отвергнуть соборъ разбойничій; этимъ лѣвая доказала, что ея дѣло тождественно съ дѣломъ собора константинопольскаго, что унія ей дорога.

Далѣе символъ константинопольскаго II вселецкаго собора, бывшій доселѣ предметомъ спора въ церкви, правда, спора, который обнаруживался не особенно ясно и шумно, является и теперь предметомъ разногласія на соборѣ халкидонскомъ, но разногласія явнаго, прямаго. Лѣвая сторона стояла за символъ Константинопольскій, правая же исключительно признавала символъ никойскій и слышать не хотѣла о символѣ константинопольскомъ. Когда перечитано было на соборѣ халкидонскомъ исповѣданіе вѣры, произнесенное Евтихіемъ предъ лицемъ собора Діоскорова 449 года, въ которомъ (исповѣданіи) заключался только символъ никейскій, то одинъ изъ членовъ лѣвой стороны Діогенъ епископъ кизическій заявилъ, что неправильно произносить символъ никейскій безъ тѣхъ поправокъ и дополненій, какія сдѣланы къ нему въ Константинополѣ 381 года, и что безъ этихъ поясненій символъ никейскій неполонъ и несовершенъ. Значить, истиннымъ выраженіемъ церковнаго христологическаго ученія онъ считалъ не символъ никейскій, а константинопольскій. Діогенъ говорилъ: „Евтихій коварно поставилъ на первомъ мѣстѣ соборъ св. отцевъ, бывшій въ Никеѣ,

<sup>13)</sup> Acta Chalced. p. 72. Дѣян. III, 230.

тогда какъ (соборъ константинопольскій) принялъ прибавленія (*προσθήκας*) по причинѣ нечестиваго мнѣнія Аполлинарія, Македонія и подобныхъ имъ, и именно въ символѣ прибавлено: *сшедшаго и воплотившагося отъ Духа святаго и Маріи Дѣвы*; это Евтихій опустилъ, какъ аполлинаристъ. И Аполлинарій принимаетъ св. соборъ, бывший въ Никеѣ, но понамаеть слова по собственному извращенному смыслу и избѣгаетъ выраженія: отъ Духа св. и Маріи Дѣвы. Св. отцы, жившіе послѣ, прояснили (*εσαφηνίσαν*) символъ никейскій <sup>14)</sup>). Мы уже знаемъ, что Евтихій чуждался символа константинопольскаго; поэтому заявленіе Діогена составляетъ протестъ противъ исключительнаго предпочтенія символа никейскаго, какое господствовало въ кругахъ александрійскихъ. Евсевій епископъ дорилейскій по поводу тогоже исповѣданія Евтихіева заявлялъ на соборѣ халкидонскомъ: Евтихій отрицалъ приписываемую ему мысль, что плоть Господа І. Христа съ неба, но отказывался объяснить, откуда же она. Т. е. Евсевій укорялъ Евтихія въ томъ, что онъ не призывалъ редакціи символа константинопольскаго, въ которой изъяснено, что Христосъ воплотился отъ Духа святаго и Маріи Дѣвы <sup>15)</sup>). Такъ смотрѣла на символъ константинопольскій лѣвая партія собора. Иныхъ взглядовъ держалась правая сторона собора халкидонскаго. Епископы египетскіе и другіе епископы, составлявшіе съ первыми одну и ту же группу, ревностно вооружались на соборѣ въ Халкедонѣ противъ редакціи символа константинопольскаго, усвоая церковный авторитетъ лишь символу Никейскому. Эти епископы вышеупомянутыя слова Діогена встрѣтили такими кликами, въ которыхъ выражалось ихъ недовѣріе къ символу константинопольскому: „Никто да не принимаетъ ни прибавленія, ни убавленія; да хранится постановленное въ Никеѣ“. И когда епископы лѣвой стороны нашли эти заявленія несправедливыми, епископы правой — снова восклицали: „прибавленіе (*προσθήκη*) никто да не принимаетъ; да хранится, что постановлено въ Никеѣ, да держится то, что отъ святаго Духа“ <sup>16)</sup>).

<sup>14)</sup> Acta Chalced. p. 57. Дѣян. III, 186—7.

<sup>15)</sup> Acta Chalced. p. 58. Дѣян. III, 188.

<sup>16)</sup> Acta Chalced. p. 57—8 Дѣян. III, 187.

Наконецъ, членовъ лѣвой и правой стороны раздѣляла неодинаковость воззрѣній по вопросу христологическому, поднятому монофизитствомъ. Отцы, занимавшіе лѣвую сторону собора, утверждались на ученіи о различіи естествъ во Христѣ Исусѣ, соединенныхъ во единство Лица Богочеловѣка. Они стояли подъ вліяніемъ тѣхъ мыслей, какія высказаны были папою Львомъ Великимъ въ окружающемъ посланіи къ собору разбойническому. Посланіе это легло въ основу воззрѣній, отличавшихъ теперь лѣвую сторону собора. Анатолій, патріархъ константинопольскій, какъ мы знаемъ, принялъ это посланіе, а за нимъ, конечно, и всѣ прочіе епископы <sup>17)</sup>, сгруппировавшіеся вокругъ него. Въ рядахъ лѣвой партіи мы не замѣчаемъ во все теченіе собора ни малѣйшихъ сомнѣній, колебаній касательно высокаго достоинства посланія Льва, о которомъ мы говоримъ. Вотъ главныя мысли, высказанныя касательно ученія о Богочеловѣкѣ Львомъ въ окружающемъ посланіи, которыя нашли себѣ приѣмъ у отцевъ лѣвой стороны: „истинный Богъ родился въ подлинномъ и совершенномъ ествѣ истиннаго чловѣка: всецѣль въ сгоемъ, всецѣль въ нашемъ (*totus in suis, totus in nostris*). Тотъ, кто сотворилъ чловѣка, Онъ же самъ сдѣлался чловѣкомъ, принявъ образъ раба. Оба естества сохраняютъ свои свойства безъ всякаго ущерба (*tenet sine defectu proprietatem suam utraque natura*). Каждое изъ двухъ естествъ въ соединеніи съ другимъ дѣйствуетъ такъ, какъ ому свойственно: Слово дѣлаетъ свойственное Слово, а плоть исполняетъ свойственное плоти (*verbo operante quod verbi est, et carne eequente quod carnis est*). Одно изъ нихъ сіяетъ чудесами, другое подлежитъ страданію. Хотя въ Господѣ Исусѣ одно Лице (*una persona*) — Бога и чловѣка, однако иное то, откуда происходитъ общее того и другаго — уничиженіе, и иное то, откуда происстекаетъ общее ихъ прославленіе. Отъ нашего естества у Него есть меньшее Отца чловѣчество, а отъ Отца у него есть равное со Отцемъ Божество“ <sup>18)</sup>. Соглашаясь съ воз-

<sup>17)</sup> \*Acta Chalced. p. 171. Дѣян. Ш, 545.

<sup>18)</sup> Hahn. Bibliothek der Symbole, p. 259. 260. 262. Дѣян. Ш, 521. 523—525. Подробности ученія Льва о воплощеніи можно находить въ об-

зрѣніями Льва, отцы лѣвой партіи однакожь далеки были отъ мысли о раздѣленіи во Христѣ естество въ смыслѣ несторіанскомъ. Такъ они при одномъ случаѣ во время перваго дѣянія собора восклицали: „анаѳема раздѣляющему, анаѳема раздробляющему на части“<sup>19)</sup>. Другими идеями одушевлены были члены правой стороны. Они были монофизитами и не признавали ученія о цѣлости двухъ естествъ въ Иисусѣ. Когда они услышали исповѣданіе лѣвой стороны о томъ, что во Христѣ два совершенныхъ естества, они возглашали: „нераздѣлимаго никто да не раздѣляетъ, Сына никто да не называетъ двойственнымъ (*ουθεὶς λέγει δύο*). Такъ мудрствовалъ Несторій, такъ провозглашалъ Несторій“<sup>20)</sup>. Ученіе о двухъ естествахъ казалось правой сторонѣ ересью, несторіанствомъ. Съ особою силою монофизитскую доктрину провозглашаетъ на соборѣ халкидонскомъ глава правой стороны, Діоскоръ. Послѣдній говорилъ: „я имѣю свидѣтельства св. отцовъ во многихъ мѣстахъ (ихъ твореній), что не должно признавать двухъ естествъ послѣ соединенія, но одно воплотившееся естество Слова. Я долженъ быть поверженъ вмѣстѣ съ отцами. Я защищаю догматы отцевъ, замѣчалъ самомнительно Діоскоръ о себѣ; ни въ чемъ не отступаю отъ нихъ“<sup>21)</sup>. При другомъ случаѣ патріархъ александрійскій говорилъ: „изъ двухъ (*ἐκ δύο*) (естествъ) признаю, двухъ (*δύο*) не признаю. Я сознаю, что я говорю не почтительно, но говорю такъ потому, что дѣло идетъ о душѣ“<sup>22)</sup>. И еще разъ онъ же замѣчалъ: „вотъ что утверждаю: послѣ соединенія нѣтъ двухъ естествъ“<sup>23)</sup>.

Окончивъ характеристику двухъ партій собора — лѣвой и правой, мы должны сказать вообще о каждой изъ нихъ на основаніи выше приведенныхъ фактовъ слѣдующее: лѣвая сторона была истинно православна; она составляла поэтому душу собора; правая напротивъ была еретична, неправо-

стоятельною трудѣ Делицина: Св. Левъ, папа римскій, стр. 92—110. Изд. Москов. Дух. Акад. 1849.

<sup>19)</sup> Acta Chalced. p. 58. Дѣян. III, 189.

<sup>20)</sup> Acta Chalced. p. 58. Дѣян. III, 189—90.

<sup>21)</sup> Acta Chalced. p. 74. Дѣян. III, 237.

<sup>22)</sup> Acta Chalced. p. 76. Дѣян. III, 243.

<sup>23)</sup> Acta Chalced. p. 77. Дѣян. III, 245.

славна, —она составляла партію противную интересамъ церкви. Лѣвая сторона руководилась воззрѣніями, господствовавшими въ кругахъ антиохійскихъ въ особенности со временъ уніи, —это партія антиохійская по преимуществу; правая же сторона была выраженіемъ крайностей александрійской догматики, поскольку онѣ выяснились въ особенности по поводу уніи. Торжество церкви должно было заключаться въ перевѣсѣ на соборѣ—воззрѣній лѣвой стороны надъ воззрѣніями правой.

Къ утѣшенію истинныхъ сыновъ церкви—такъ и случилось. Еслибы воспреобладала правая сторона, вмѣсто св. и вселенскаго собора церковь имѣла еще новый разбойничій соборъ. Отрадно видѣть, что уже въ срединѣ перваго же дѣянія собора халкидонскаго, о которомъ мы доселѣ и говорили, партія лѣвая увеличивается въ числѣ насчетъ правой, вслѣдствіе чего послѣдняя замѣтно таетъ, разлагается. Всѣ епископы палестинскіе съ ихъ главнымъ патріархомъ іерусалимскимъ Ювеналіемъ отдѣляются отъ Діоскора и фактически переходятъ съ правой стороны на лѣвую и тѣмъ разрываютъ свои связи съ монофизитскою партіею. Вслѣдъ за ними тоже самое дѣлаютъ епископы Иллирики, Эллады <sup>24)</sup>. Діоскоръ остается одинокимъ съ немногими епископами египетскими. Единодушіе на соборѣ становится господствующимъ. Діоскоръ перестаетъ быть главой сильной партіи; онъ остается вожакомъ немногихъ упорныхъ. Поэтому въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ собора Діоскоръ и его приверженцы не являются уже болѣе на соборѣ въ качествѣ членовъ равноправныхъ съ прочими отцами. Что въ особенности побудило епископовъ палестинскихъ и иллирійскихъ отстать отъ Діоскора и примкнуть къ лѣвой сторонѣ, —дѣянія прямо не говорятъ. По нѣтъ сомнѣнія, что вся совокупность фактовъ, всѣ показанія епископовъ, потерпѣвшихъ насиліе на соборѣ разбойническомъ и наконецъ неподкупное чувство истины—руководила указанными епископами при ихъ переходѣ отъ стороны еретической на сторону православную. Намъ кажется, что должно было сильно и благопріятно подействовать на нихъ и то обстоятельство, что во время сво-

<sup>24)</sup> Acta Chalced. p. 73—74. Дѣян. ПІ, 234—7.

ихъ показаній началъ колебаться одинъ изъ важныхъ вождей монофизизма — Евстаѳій беритскій: онъ прямо призналъ, что Флавіанъ „не погрѣшилъ въ вѣрѣ“<sup>25)</sup>.

Переходимъ къ анализу втораго и четвертаго<sup>26)</sup> дѣяній собора Халкидонскаго, составляющихъ одно цѣлое. Хотя въ теченіе перваго дѣянія партіи примирились и составили одинъ ликъ отцевъ, однакожь это не устранило возможности новыхъ дѣленій собора на партіи. Были вопросы, въ которыхъ не сходились между собой члены собора, нѣкоторыми высказывались сомнѣнія касательно такихъ вещей, которыя принимались отъ всего сердца прочими. Не трудно замѣтить, что въ числѣ недоумѣвающихъ, возражающихъ, сомнѣвающихся мы встрѣчаемъ исключительно тѣхъ епископовъ, которые прежде принадлежали къ партіи Діоскора. Это епископы палестинскіе и иллирійскіе. Въ нихъ все еще продолжалъ высказываться александрійскій духъ, который не вдругъ могъ слиться и объединиться съ духомъ антиохійскимъ. Рядъ явленій, о которыхъ повѣствуютъ II и IV дѣянія, открывается предложеніемъ, заявленнымъ на соборѣ, о составленіи новаго вѣроопредѣленія, которое бы, выражая православное ученіе вопреки монофизитству, въ тоже время примирило бы всѣхъ. Предложеніе это принято было далеко не единодушно. Оно было выражено въ такихъ словахъ: „должно изслѣдовать, разсуждать и стараться о томъ, чтобы утвердить истинную вѣру, ради которой по преимуществу и составился соборъ; желательно было бы, чтобы ученіе о предметахъ вѣры было правильное и всякое сомнѣніе было устранено согласнымъ изложніемъ и ученіемъ всѣхъ святыхъ отцевъ“ собора; „потщитесь безъ страха, безъ угодливости и вражды изложить вѣру (*τὴν πίστιν ἐκδέσθαι*) въ чистотѣ, такъ чтобы и тѣ, кои мудрствуютъ не одинаково со всѣми, снова приведены были познаніемъ истины къ единомыслию“<sup>27)</sup>. Не всѣ сочувственно откликнулись на это предложеніе. Иные находили, что снова составлять

<sup>25)</sup> Acta Chalced. p. 72. Дѣян. III, 230—1.

<sup>26)</sup> Третье дѣяніе посвящено суду надъ Діоскороми и не имѣетъ догматическаго значенія.

<sup>27)</sup> Acta Chalced. p. 158. Дѣян. III, 506—10.

вѣроизложеніе — дѣло излишнее и что нужно довольствоваться символомъ. А другіе добавляли, что нужно удовлетворяться изложеніемъ вѣры, заключающимся въ писаніяхъ прежнихъ отцевъ церкви и въ окружномъ посланіи Льва. А еще иные требовали отсрочки на размышленія для приготовления себя и исполненія такого важнаго дѣла, какъ вѣроизложеніе. Епископы перваго рода возглашали: „другаго изложенія (кромѣ символа вѣры) никто да не составляетъ, и не беремъ и не дерзаемъ излагать (*ἐκθεσιν ἀλλήλην οὐδὲ τοῦτοῦμεν ἐκθέσθαι*). Отцы научили и изложенное ими сохраняется въ письмени, больше этого мы не можемъ говорить“. „Писменнаго изложенія не составляемъ. Есть правило (III вс. собор.), повелѣвающее довольствоваться тѣмъ, что изложено. Это правило требуетъ, чтобы другаго изложенія не было“. Епископы втораго рода объявляли: „вѣра хорошо выражена отцами никейскими и утверждена св. отцами: Аѳанасіемъ, Кирилломъ, Целестиномъ, Василіемъ, Григоріемъ, а нынѣ еще святѣйшимъ Львомъ“. „Левъ далъ образецъ вѣры и мы слѣдуемъ ему“. Епископы третьяго рода заявили: „нельзя наскоро и небрежно рассуждать о вѣрѣ, поэтому просимъ дать намъ отсрочку, чтобы мы могли съ надлежащею обдуманностію подойти къ истинѣ дѣла“<sup>28)</sup>. Епископы послѣдняго класса очевидно ничего не имѣли противъ составленія вѣроопредѣленія, но смотрѣли на это, какъ на дѣло слишкомъ важное, великое, требующее особенной внимательности. Едвали можно сомнѣваться, что епископы, заявлявшіе себя противъ составленія вѣроопредѣленія, принадлежали къ сторонникамъ александрійскаго направленія или отчасти руководились его духомъ. Ибо извѣстно, что въ числѣ принциповъ александрійскаго направленія было мнѣніе, что символъ (именно никейскій) вполне достаточенъ для наученія въ вѣрѣ, и что не слѣдуетъ рядомъ съ нимъ быть новымъ вѣроизложеніямъ. Сторонниками составленія новаго вѣроизложенія, по всей вѣроятности, были представители антиохійскаго направленія или бывшіе члены лѣвой стороны собора. Ибо это направленіе ничего не могло возражать противъ составленія но-

<sup>28)</sup> Acta Chalced. p. 158—159. Дѣян. III. 510—11.



выхъ вѣроопредѣленій, по нуждамъ времени. Къ сожалѣ-  
нію, дѣянія не упоминають, кто именно изъ епископовъ  
желалъ вѣроизложенія; но для насъ важно уже и то, что  
въ числѣ протестующихъ мы не встрѣчаемъ лицъ, стояв-  
шихъ во главѣ прежней лѣвой стороны, благопріятной антиохій-  
скому направленію. Конецъ спорамъ, по указанному во-  
просу, положенъ былъ тѣмъ, что признано было необхо-  
димымъ перечитать всѣ тѣ вѣроизложенія и святоотеческіе  
документы, изъ которыхъ можно было бы научиться истинѣ  
касательно спорнаго догмата. Этимъ и занимается соборъ  
въ продолженіе второго и четвертаго дѣяній собора. Дѣло  
это, повидимому, несложное, не обошлось однакожь безъ  
пререканій. Прошло не мало времени прежде, чѣмъ соборъ  
въ полномъ своемъ составѣ пришелъ къ единодушному  
признанію критеріевъ православія, поскольку таковыхъ  
нужно было искать въ религіозныхъ документахъ прошед-  
шаго и настоящаго времени.

Въ силу указанныхъ побужденій прежде всего прочитанъ  
былъ въ слухъ всего собора символъ никейскій, а за нимъ  
и символъ константинопольскій 381 года. По прочтеніи сим-  
вола никейскаго, соборъ въ радостныхъ кликахъ выразилъ  
свое согласіе съ этимъ символомъ. Соборъ восклицалъ: „это  
вѣра православныхъ! Ею всѣ вѣруемъ, въ ней мы крести-  
лись, въ ней крестимъ. Всѣ такъ вѣруемъ“<sup>29)</sup>. Символа  
никейскаго никто не отрицалъ, всѣ придавали ему церков-  
ный авторитетъ; этимъ и объясняется единодушіе, съ ко-  
торымъ чтеніе его принято было отъ отцевъ собора. Даже  
тѣ, кто стоялъ за символъ константинопольскій 381 года,  
и они не подрывали и не отвергали значенія символа ни-  
кейскаго. Что же касается до символа константинопольскаго,  
который былъ прочтенъ вслѣдъ затѣмъ, то сомнительно,  
чтобы онъ принятъ былъ также единодушно. Хотя въ дѣя-  
ніяхъ халкидонскаго собора и записано, что всѣ<sup>30)</sup> епи-

<sup>29)</sup> Acta Chalced. p. 159—160. Дѣян. III, 512—13.

<sup>30)</sup> Нужно помнить правило, выраженное на одномъ изъ прежнихъ кон-  
стантинопольскихъ соборовъ: „на соборахъ часто случается, что одинъ  
изъ присутствующихъ епископовъ скажетъ что-нибудь, и сказанное однимъ  
записывается и понимается какъ сказанное всеми вмѣстѣ“ (ibid. p. 111,  
сгр. 341).

скопы собора воскликнули, выслушавъ его: „это вѣра всѣхъ! Это вѣра православныхъ! Такъ всѣ вѣруемъ!“<sup>31)</sup>; но мы знаемъ, что въ началѣ собора правая сторона не признавала этого символа и есть основанія полагать, что только по долгомъ размышленіи члены ея, епископы палестинскіе и иллирійскіе, приняли символъ константинопольскій. Для насъ немаловажно уже и то, что символъ константинопольскій торжественно прочтенъ на соборѣ. Этимъ утверждался его высокій церковный авторитетъ, доселѣ еще не прочно утвердившійся. Въ четвертомъ засѣданіи собора халкидонскаго мы встрѣчаемся съ интереснымъ явленіемъ, что всѣ отцы собора съ большею или меньшею рѣшительностію провозглашаютъ авторитетъ символа константинопольскаго. Это дѣлаетъ первѣе всего церковь римская въ лицѣ легатовъ папскихъ. Легаты объявляли, что они держатся, кромѣ никейскаго символа, и „опредѣлоній“ собора собиравшагося въ Константинополѣ при императорѣ Θεодосіи<sup>32)</sup>. Всѣ прочіе епископы прежней лѣвой стороны прямо и рѣшительно пріемлютъ символъ константинопольскій<sup>33)</sup>. Одинъ изъ епископовъ этого же разряда (Флоренцій изъ Писидіи) указываетъ и мотивъ, по которому необходимо исповѣдывать символъ константинопольскій. Онъ говорилъ: „Мы согласны съ вѣрою ста пятидесяти, ясно проповѣдающею,

<sup>31)</sup> Acta Chalced. p. 160. Дѣян. III, 514.

<sup>32)</sup> Acta Chalced. p. 218. Дѣян. IV, 9. Мы не увѣрены, чтобы легаты прибыли на соборъ Халкидонскій съ готовымъ уже мнѣніемъ относительно высокаго значенія символа константинопольскаго, такъ какъ этотъ символъ не достигъ еще церковнаго признанія въ это время въ Римѣ. Въ признаніи легатами этого символа нужно видѣть вліяніе на нихъ собора или точнѣе—лѣвой стороны собора, ратовавшей за символъ константинопольскій. Въ посланіяхъ Льва, которыми руководились легаты, нигдѣ не упоминается символъ константинопольскій. Правда, въ нихъ встрѣчаются выраженія, близкія къ указанному символу (Leonis epist. Synodica, Hahn. p. 257. Дѣян. III, 517); но при внимательномъ разсмотрѣваніи оказывается, что эти выраженія заняты изъ символа латинскаго, извѣстнаго съ именемъ апостольскаго (Vid. Rufini, Comment. in symb. Apostol. Col. 340 et c. Migne. Lat. T. 20); да и самъ папа даетъ всѣ основанія догадываться объ этомъ (Epistolae Leonis, Concil. p. 15. 21. Дѣян. III, 56. 76).

<sup>33)</sup> Acta Chalced. p. 218 et c. Дѣян. IV, II. Есть и исключенія, ихъ мы насчитали три, но кажется случайныя.

что Господь нашъ І. Христъ воплотился отъ Духа св. и Маріи Дѣвы“ <sup>34</sup>). Дѣйствительно, это было однимъ изъ важныхъ положеній, какія заключались въ символѣ константинопольскомъ, которыми ниспровергался монофизитизмъ и которыхъ не долубливали крайніе александрійцы. Торжество символа въ нѣкоторомъ родѣ было торжествомъ православія надъ монофизитствомъ. Мы встрѣчаемся даже съ такимъ явленіемъ, что одинъ изъ епископовъ тойже лѣвой стороны, признавая авторитетъ символа константинопольскаго, въ тоже время совсѣмъ молчитъ о символѣ Никейскомъ (это Лукіанъ изъ Фригіи) <sup>35</sup>). Не столь прямо и быстро высказались за символъ константинопольскій епископы бывшей правой стороны собора. Они безъ сомнѣнія еще не совсѣмъ отрѣшились отъ мнѣній и воззрѣній александрійской партіи, которая не хотѣла ничего знать о символѣ константинопольскомъ. Епископы иллирійскіе и палестинскіе по нѣкоторымъ весьма значительнымъ вопросамъ оказались сомнѣвающимися. Тоже было, можно полагать, и по вопросу о символѣ. Быть можетъ, не безъ особеннаго настоянія собора эти епископы выразили свое мнѣніе касательно символа, и это мнѣніе не отличалось прямою, хотя и было въ пользу разсматриваемаго символа. Такъ иллирійскіе епископы въ особой граматѣ читали на соборѣ: „Соблюдаемъ вѣру 318 св. отцевъ и молимся съ нею окончить жизнь. Но и вѣра 150 (II всел. собора) никакимъ образомъ не разногласитъ съ упомянутою“ <sup>36</sup>). Епископы не просто принимаютъ символъ константинопольскій, но испытываютъ его и отдають явное предпочтеніе символу никейскому. Тоже было и съ епископами палестинскими. Какъ лица, не чуждыя подозрѣній, они должны были заявить свое исповѣданіе предъ соборомъ особою граматой. И въ этой граматѣ говорилось: „всѣ мы соблюдали всегда вѣру 318 св. отцевъ и молимся съ нею окончить жизнь. Слѣдуемъ также и (вѣрѣ) 150 отцевъ, ни въ чемъ съ первой разногласящей“ <sup>37</sup>). Здѣсь также какъ и въ граматѣ

<sup>34</sup>) Acta Chalced. p. 229. Дѣян. IV, 40.

<sup>35</sup>) Acta Chalced. p. 230. Дѣян. IV, 42.

<sup>36</sup>) Acta Chalced. p. 226. Дѣян. IV, 31.

<sup>37</sup>) Acta Chalced. *ibid.* IV, 33.

илирийцевъ замѣтно отдается предпочтеніе никейскому символу предъ константинопольскимъ. На томъ-же IV засѣданіи собора открылось, что епископы египетскіе, главные представители прежней правой стороны, еще менѣе расположены были признавать авторитетъ символа константинопольскаго. Епископы египетскіе являются на этомъ засѣданіи не въ качествѣ членовъ собора, а въ качествѣ лицъ, которымъ слѣдовало доказать свое православіе въ особой граматѣ. Но замѣчательно, — въ этомъ исповѣданіи ни однимъ словомъ не упомянуть символъ константинопольскій; упомянуть одинъ символъ никейскій <sup>38)</sup>. Какъ смотрѣли александрийцы времени халкидонскаго собора на символъ константинопольскій, объ этомъ лучше всего можно судить по заявленіямъ нѣкоторыхъ архимандритовъ и монаховъ, представшихъ на томъ же засѣданіи собора съ странною просьбою о возстановленіи Діоскора въ его достоинствѣ, Діоскора, осужденнаго соборомъ во время III дѣянія <sup>39)</sup>. Эти монахи выражали довольно явный протестъ противъ символа константинопольскаго, когда не разъ повторяли, что они знаютъ одинъ символъ—никейскій и больше знать ничего не хотятъ (*ἀλλῆν πιστὴν οὐκ οἶδα, οὐδὲμεν*). Указанныя лица говорили и писали такъ: „вѣру 318 отцевъ, въ которой мы крещены, мы знаемъ, потому что иной вѣры мы не знаемъ“. „Мы не позволимъ себѣ, когда отвергается символъ вѣры 318, быть въ общеніи съ отвергающими его“ <sup>40)</sup>. Въ послѣднихъ словахъ заключается очевидный намекъ на предпочтеніе, какое давалось на соборѣ символу константинопольскому предъ никейскимъ <sup>41)</sup>. Не смотря однакожь на эти явныя и скрытыя протестаціи символъ константинопольскій достигъ на соборѣ полнаго признанія, восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями, какія онъ

<sup>38)</sup> Acta Chalced. p. 233. Дѣян. IV, 51.

<sup>39)</sup> Acta Chalced. p. 238. Дѣян. IV, 65—6.

<sup>40)</sup> Acta Chalced. p. 238—9. Дѣян. IV, 66—7.

<sup>41)</sup> Одинъ изъ монаховъ, противниковъ символа константинопольскаго, цитируя никейскій символъ, однакожь приносить въ него формулы, принадлежащія первому (напр. „отъ Дѣвы“) (Acta p. 241. Дѣян. IV. 72). Это оттого, что въ это время въ Константинополѣ символъ константинопольскій началъ вліять уже на редакцію Никейскую. См. ниже примѣч. 67.

встрѣчалъ доселѣ на пути къ своему полному утверженію въ церкви.

Послѣ чтенія символовъ соборъ приступилъ къ длинному чтенію свято-отеческихъ писаній въ цѣломъ видѣ или отрывкахъ, въ которыхъ, писаніяхъ, раскрывается вопросъ о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ божескаго и человѣческаго. Выборъ отдѣльныхъ писаній и отрывочныхъ мѣстъ изъ отцевъ церкви очень замѣчательнъ. На соборѣ по преимуществу прочитаны были такія писанія отеческія и мѣста изъ нихъ, въ которыхъ заключалось ясное исповѣданіе ученія о цѣлости и полнотѣ двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ, въ которыхъ моментъ различія естествъ въ Немъ указывается съ особенною силою, и въ которыхъ моментъ единенія естествъ получаетъ меньшее значеніе. Видно, что выборъ для чтеній сдѣланъ рукою такихъ лицъ, которыя расположены къ антиохійской догматикѣ, каковыми были члены прежней лѣвой стороны, въ особенности епископы константинопольскаго и антиохійскаго округа. На первомъ мѣстѣ въ чтеніяхъ поставлены были сочиненія Кирилла, — но какія именно? — сочиненія его, уже прочитанныя на соборѣ константинопольскомъ 448 года. Это — одно посланіе Кирилла къ Несторію и знаменитое уніальное посланіе того же Кирилла: „да возвеселятся небеса“ <sup>42)</sup>. Видно, что соборъ халкидонскій смотритъ на себя какъ на продолжателя того дѣла, которому посвящалъ свою дѣятельность соборъ константинопольскій 448 года. А такъ какъ намъ извѣстно, что соборъ этотъ былъ защитникомъ уніи, то такимъ же является и весь соборъ халкидонскій. Мы увидимъ позднѣе, при разсмотрѣніи вѣроопредѣленія халкидонскаго, что унія имѣла большее вліяніе на отцевъ собора, чѣмъ какое можно предположить, — фактъ, который оставляютъ безъ вниманія историки. По замѣчанію дѣяній халкидонскаго собора, чтеніе указанныхъ сочиненій Кирилла покрыто было радостными и продолжительными кликами епископовъ, въ особенности конечно восточныхъ и константинопольскаго округа <sup>43)</sup>.

<sup>42)</sup> Acta Chalced. p. 160. Дѣян. Ш. 515.

<sup>43)</sup> Изъ того, что въ восклицаніяхъ съ похвалою произносится имя Льва, относительно православія котораго долго и послѣ было сомнѣніе у лицъ

Епископы восклицали: „такъ всѣ вѣруемъ. Левъ и Анатолій такъ вѣруютъ. Какъ Кириллъ, такъ вѣруемъ“ <sup>41)</sup>. Что съ особеннымъ жаромъ должны были возглашать на соборѣ въ этомъ случаѣ епископы восточные, это вполне естественно. Никто такъ не любилъ, никто такъ не защищалъ уніи, какъ епископы восточные—Флавіанъ, Домѣтъ, Θεοδορίтъ и др. Другіе же епископы, если примирялись съ уніей, однакоже не придавали ей особенно высокаго значенія. Затѣмъ было прочитано на соборѣ въ полномъ составѣ довольно пространное окружное посланіе Льва. Съ содержаніемъ его мы уже знакомы, сколько нужно для нашей цѣли. Посланіе Льва сдѣлалось предметомъ сильныхъ пререканій на соборѣ, о чемъ скажемъ послѣ того, какъ познакомимся съ содержаніемъ другихъ писаній отеческихъ, прочитанныхъ въ отрывкахъ на соборѣ. Въ этихъ послѣднихъ, подобно тому, какъ въ посланіи Льва, съ особенною выразительностію отгѣнялось ученіе о полнотѣ двухъ естествъ во Христѣ. Они какъ бы служили комментариемъ къ посланію Льва. Приводимъ въ доказательство нашей мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ для опредѣленія характера собора нѣкоторыя выдержки изъ тѣхъ фрагментовъ, какіе читались на соборѣ. Такъ изъ сочиненій Иларія Паутьерскаго († 366) читалось: „видишь ли, что Христосъ Богомъ и человѣкомъ исповѣдуются такъ, что смерть приписывается человѣку, а Богу воскресеніе плоти. Естество Бога познай въ силѣ воскресенія, домостроительство человѣка уразумѣй въ смерти. Однако помни, что единый Христосъ Иисусъ есть то и другое“ <sup>42)</sup>. У Григорія Богослова заняты были для чтенія на соборѣ слѣдующія краткія изреченія, которыя приведемъ сполна. „Произошелъ отъ Дѣвы Богъ съ воспріятіемъ (естества человѣческаго), единъ изъ двухъ между собою противоположныхъ (*ἐν ἑκ δύο τῶν αὐτοῖς ἐναντίων*)—плоти и Духа, изъ которыхъ одно возведено въ божеское достоинство, а другое дало благодать обоженія“. Еще: „правда,

бывшей правой стороны, можно заключать, что восклицанія принадлежали восточнымъ епископамъ по преимуществу.

<sup>41)</sup> Acta Chalced. p. 160—161. Дѣян. III, 515—16.

<sup>42)</sup> Acta Chalced. p. 167. Дѣян. III, 525.

Онъ посланъ, по какъ человѣкъ, ибо въ Немъ было сугубое естество; почему Онъ утомлялся, и алкалъ, и жаждалъ, и подвизался, и плакалъ по закону человѣческаго тѣла“ (*ὡς ἄνθρωπος σαρκός*) <sup>46)</sup>. Читаны были на соборѣ отрывки изъ сочиненій Амвросія Медиоланскаго. Здѣсь между прочимъ говорилось: „удержимъ различіе Божества и плоти (*servemus distinctionem Divinitatis et carnis*). Въ томъ и другомъ говоритъ Сынъ Божій, потому что въ Немъ то и другое естество. Хотя говоритъ Одинъ и тотъ же, но не всегда говоритъ одинаковымъ образомъ. Примѣчай въ Немъ то славу Бога, то страданія человѣка. Какъ Богъ, Онъ говоритъ о божественномъ, потому что Онъ есть Слово (Божіе); какъ человѣкъ, говоритъ о человѣческомъ, потому что говоритъ въ этомъ (человѣческомъ) естествѣ“ <sup>47)</sup>. Изъ сочиненій Іоанна Златоустаго прочитано было на соборѣ слѣдующее примѣчательное мѣсто: „Итакъ Онъ принесъ начатки нашего естества Отцу, а Отецъ столь былъ щедренъ даромъ (*τὰς ἀρχὰς τῆς ἡμετέρας φύσεως καὶ τὸ δῶρον αὐτοῦ ἐδανώσεν ὁ πατήρ*), какъ по великому достоинству принесшаго, такъ и по чистотѣ принесеннаго, что принялъ его (даръ) собственными руками, содѣлалъ участникомъ Своего престола, и даже болѣе того—положилъ его одесную Себя“ <sup>48)</sup>. Заслуживаетъ полнаго вниманія фактъ, что на соборѣ халкидонскомъ читались сочиненія Златоустаго. Въ этомъ видно явное вліяніе партіи антиохійской на соборѣ, которая высоко цѣнила труды этого святителя, вышедшаго изъ школы антиохійской, въ противоположность александрійцамъ, которые не скоро стали чтить память этого великаго учителя вселенной. Затѣмъ послѣ чтеній изъ Августина соборъ въ заключеніе прочитываетъ нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Кирилла „о вочеловѣченіи“. Изъ прочитаннаго заслуживаетъ вниманія слѣдующія изреченія Кирилла: „Онъ явился на землѣ, не оставляя того, чѣмъ былъ, но воспріявъ наше человѣчество, совершенное въ своемъ смыслѣ“ (*τελείως ἐχούσης κατὰ τὸν ἴδιον λόγον*). Или:

<sup>46)</sup> Ibidem.

<sup>47)</sup> Acta Chalced. p. 168. Дѣян. III, 536.

<sup>48)</sup> Acta Chalced. p. 168. Дѣян. III, 538.

„обитающее понимается обыкновенно какъ иной въ иномъ (*ὡς ἕτερον ἐν ἑτέρῳ*), т. е. Божеское естество въ человѣчествѣ, не потерпѣвшее смѣшенія или сліанія какого и превращенія въ то, чѣмъ прежде не было. Ибо то, о чемъ говорится какъ обитающемъ въ другомъ, не стало тѣмъ же, въ чемъ обитаетъ, напротивъ считается инымъ въ иномъ (*ποεῖται μᾶλλον ἕτερον ἐν ἑτέρῳ*)“<sup>49</sup>).

Изъ всего, что прочитано было на соборѣ изъ сочиненій свято-отеческихъ, возбудило недоразумѣнія въ отцахъ собора, какъ мы сказали выше, лишь посланіе папы Льва. Между тѣмъ какъ прочіе члены собора, по поводу посланія Льва, возглашали: „это вѣра отеческая, апостольская, православные такъ вѣруютъ, анаеема тому, кто не такъ вѣруетъ“, епископы Иллирика и Палестины находили нѣкоторыя мѣста въ посланіи Льва сомнительными, подозрительными по отношенію къ православному ученію. Соборъ вынужденъ былъ разъяснить истинный смыслъ словъ Льва для сомнѣвающихся. Это совершилось чрезъ сличеніе сомнительныхъ мѣстъ у Льва съ сочиненіями восточнаго церковнаго авторитета, Кирилла. Иллирійцамъ и палестинцамъ не нравились въ особенности тѣ мысли у Льва, въ которыхъ ясно и рѣшительно высказывалось ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ. Утверждаясь на точкѣ зрѣнія крайнихъ александрійцевъ, они находили въ этихъ мысляхъ несторіанское ученіе. Прежде всего они въ указанномъ смыслѣ обратили вниманіе на слѣдующее мѣсто у Льва: „для уплаты долга естества нашего, безстрастное естество соединилось съ страстною природою, дабы одинъ и тотъ-же... и могъ умереть по одному (естеству) и не могъ умереть по другому“. Для доказательства правильности приведенныхъ мыслей Льва соборомъ представлено было сходное по воззрѣнію изреченіе въ посланіи Кирилла къ Несторію, гдѣ говорилось, что не Слово Божіе страдало за насъ своею природою, но тѣло Его человѣческимъ естествомъ вкусило смерть. Затѣмъ, показалось подозрительнымъ для палестинцевъ и иллирійцевъ другое мѣсто у Льва. Вотъ оно: „каждое изъ двухъ естествъ въ соединеніи съ другимъ дѣйствуетъ такъ,

<sup>49</sup>) Acta Chalced. p. 169. Дѣян. III; 540—1.



какъ ему свойственно. Слово совершаетъ свойственное Слово, а плоть исполняетъ свойственное плоти“. Для устранения недоумѣнія отцами собора поставлено было на видъ то изреченіе Кирилла, находящееся въ его посланіи къ Акакію Мелитинскому (уніальный документъ), гдѣ говорилось, что одни изреченія евангельскія и апостольскія относятся ко Христу какъ Богу, другія — какъ человѣку. Наконецъ въ числѣ сомнительныхъ мѣстъ у Льва вышеупомянутыми епископами выставлены слѣдующія слова его: „Хотя въ Господѣ І. Христѣ одно лице — Бога и человѣка; однако иное то, откуда происходитъ общее того и другаго уничтоженіе, и иное — то, откуда проистекаетъ общее ихъ прославленіе“ и пр. Доказать правоту этихъ воззрѣній Льва беретъ на себя трудъ Θεодоритъ. Онъ цитируетъ сходное по духу и мыслямъ изреченіе Кирилла изъ его сочиненія „о вочеловѣчевіи“, нѣкоторыя мѣста изъ котораго уже были приведены нами выше <sup>50</sup>). Всѣ эти разъясненія однакожъ мало успокоили сомнѣвающихся епископовъ. Они не подписались подъ посланіемъ Льва и просили сроку для размышленія и сличенія посланія Льва съ сочиненіями Кирилла. Именно, они хотѣли сличить его съ анаематизмами Кирилла, которые не были читаны на халкидонскомъ всел. соборѣ. Ясный знакъ, что истинный центръ богословской дѣятельности Кирилла эти епископы полагали не въ уніи, а въ его писаніяхъ, составленныхъ еще до собора III вселенскаго. Значить, это были александрійцы, неблагоклонные къ уніи. Соборъ милостиво далъ имъ отсрочку на пять дней, въ продолженіе которыхъ они должны были вступить въ собесѣдованіе съ нѣкоторыми епископами, изъ числа принявшихъ посланіе Льва; ихъ долженъ былъ назначить Апатолій. Но это благосклонное рѣшеніе собора не выполнѣ, кажется, удовлетворило сомнѣвающихся Илирійцевъ и Палестинцевъ. Ибо въ кликахъ, въ которыхъ затѣмъ соборъ выражаетъ свое уваженіе папѣ Льву, по словамъ клириковъ константинопольскихъ, не всѣ члены собора приняли участіе. Безъ сомнѣнія таковыми были илирійцы и палестинцы. Эти послѣдніе дошли до такой смѣлости, что от-

<sup>50</sup>) Acta Chalced. p. 169—170. Дѣян. III, 542—4.

крыто на томъ же засѣданіи начали выражать свои симпатіи къ Діоскору. Они кричали: „Діоскора собору, Діоскора церквамъ“ (т. е. возвратить)<sup>31)</sup>. Не мало прошло времени прежде, чѣмъ сомнѣвающимся епископы пришли наконецъ къ согласію съ посланіемъ Льва. Въ IV дѣяніи собора иллирійцы и палестинцы объявили, что и они принимаютъ посланіе Льва. Тѣ и другіе представили собору особыя грамоты. Иллирійцы говорили въ своей грамотѣ: „святый Левъ совершенно православенъ: посланіе его сдѣлалось для насъ несомнительнымъ“. Далѣе заявляется, что они пришли къ такому результату послѣ того какъ епископы, принявшіе посланіе Льва, анаематствовали тѣхъ, кто въ смыслѣ несторіанскомъ раздѣляли естества во Христѣ. Отсюда видно, что они подозрѣвали прочихъ членовъ собора въ благопріятствованіи несторіанскому ученію<sup>32)</sup>. Тоже сдѣлали и епископы палестинскіе. Въ своей грамотѣ они говорили о посланіи Льва: „мы нашли, что оно большею частію правильно (*τοις πλείοσιν ὁρθῶς ἔχονσι*)“<sup>33)</sup>. Къ такому результату подобно иллирійцамъ они пришли не прежде, какъ прочіе члены собора анаематствовали еретическое ученіе о раздробленіи и раздѣленіи естествъ во Христѣ<sup>34)</sup>. Они раздѣляли съ первыми неосновательное подозрѣніе касательно отцевъ собора. Замѣчательно, ни тѣ, ни другіе въ своихъ грамотахъ не упоминаютъ уніальныхъ документовъ, хотя случай къ тому былъ самый прямой и близкій. Рѣшительно отказались принять посланіе лишь епископы египетскіе, впрочемъ подъ самыми благовидными поводами<sup>34)</sup>. Характеристическимъ изъ этихъ предлоговъ былъ тотъ, что епископы египетскіе прямо объявляли, что если они подпишутъ посланіе Льва, то имъ не миновать смерти на ихъ родинѣ, что они будутъ убиты. Такъ непріязненно настроена была теперь Александрія, устрашаемая призракомъ несторіанства! Отцы собора называли египтянъ за такое ихъ противленіе подписаться

---

31) Acta Chalced. p. 170—171. Дѣян. III, 544—6.

32) Acta Chalced. p. 226. Дѣян. IV, 31—2.

33) Acta Chalced. p. 226—7. Дѣян. IV, 33—4.

34) См. подробнѣе объ этомъ въ моемъ сочиненіи по исторіи послѣднихъ четырехъ вселен. соборовъ, стр. 78—9.

подъ посланіемъ Льва „еретиками“ <sup>53)</sup>. Египетскіе епископы выражали свое мнѣніе на соборѣ въ IV засѣданіи не въ качествѣ членовъ собора, но по другому поводу, о которомъ мы уже имѣли случай замѣтить.

Итакъ, на соборѣ халкидонскомъ хотя не вдругъ, но однако всѣми членами его принято было и посланіе Льва, какъ догматическій документъ, въ ряду съ другими святоотеческими твореніями, хорошо направляющимися противъ монофизитскаго ученія.

Пятое дѣяніе собора халкидонскаго передаетъ намъ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ составленія и провозглашенія вѣроопредѣленія собора халкидонскаго. Поэтому оно принадлежитъ къ важнѣйшимъ документамъ, относящимся къ догматической дѣятельности этого замѣчательнѣйшаго собора. Во время пятаго дѣянія снова было много споровъ, преній, высказано много недовольства, недовѣрія; но все это не помѣшало собору имѣть самый вождѣленный конецъ, провозгласить чистѣйшее ученіе о Богочеловѣкѣ. Споры и раздоры были какъ-бы горниломъ, въ которомъ испытывалось достоинство истины. Послѣ этого испытанія истина должна была возсіять во всемъ своемъ блескѣ, стать истинною непререкаемою на всѣ времена. Кратковременная распря положила конецъ столѣтнему спору, который имѣлъ мѣсто въ церкви до сего времени, и предотвратила споры въ церкви на будущее время. Истина никогда не торжествуетъ безъ борьбы и препятствій. Лишь только открылось пятое засѣданіе собора, какъ первымъ дѣломъ на немъ было прочесть вслухъ всѣхъ только что составленное *вѣроопредѣленіе*, которое должно было выразить православное ученіе по важнѣйшему изъ христіанскихъ догматовъ. Въ какое время теченія собора, къмъ именно, при какихъ условіяхъ составлено было это вѣроопредѣленіе, объ этомъ кромѣ догадокъ ничего нельзя высказать опредѣленнаго. Одно несомнѣнно, что оно составлено не въ присутствіи всего собора и не на официальныхъ засѣданіяхъ его, ибо акты собора ни о чемъ подобномъ не упоминаютъ. Извѣстный историкъ Неандеръ предполагаетъ, что вѣроопредѣленіе

<sup>53)</sup> Acta Chalced. p. 233 et c. Дѣян. IV, 52 и дал.

составлено тѣми самыми членами собора халкидонскаго, на которыхъ возложено было порученіе вразумить сомнѣвающихся епископовъ илирійскихъ и палестинскихъ касательно посланія Льва <sup>56</sup>). Но такимъ предположеніемъ слишкомъ мало разясняется дѣло. Кто именно участвовалъ въ составленіи вѣроопредѣленія, остается, по Нсандеру, неопредѣленнымъ, а потому и догадка его очень не твердою. Изъ всѣхъ свѣдѣній, какія сохранились о ходѣ догматической дѣятельности собора халкидонскаго въ актахъ этого собора, къ цѣли хотя нѣсколько, по нашему мнѣнію, можетъ вести слѣдующее извѣстіе, встрѣчающееся во второмъ дѣяніи. Во время этого дѣянія предложено было, чтобы патріархи вселенской церкви, взявши себѣ въ ассистенты одного или двухъ епископовъ, имъ подвѣдомственныхъ, сообща разсудили о вѣрѣ на соборѣ и чрезъ пренія устранили бы возможные возраженія со стороны прочихъ епископовъ. Оуществленіе этого предположенія не состоялось вслѣдствіе возникшихъ споровъ о томъ: да и нужно ли составлять вѣроопредѣленіе <sup>57</sup>). Но если это дѣло не состоялось на соборѣ, то нѣтъ основаній отвергать: почему бы оно не могло состояться внѣ официальныхъ засѣданій собора? Почему бы не могла составиться отдѣльная коммиссія на указанныхъ началахъ, хотя конечно съ нѣкоторыми ограниченіями? А если такъ, то имена главныхъ составителей намъ извѣстны, ибо намъ хорошо извѣстны имена тогдашнихъ патріарховъ. Эта догадка тѣмъ вѣроятнѣе, что въ послѣдующихъ затѣмъ спорахъ по поводу вѣроопредѣленія, мы не видимъ въ числѣ протестующихъ ни одного патріарха. Къ сожалѣнію, первоначальная редакція халкидонскаго вѣроизложенія, о которомъ мы говоримъ, не дошла до насъ; по опредѣленію собора, оно не внесено въ акты халкидонскіе (*ἔδοξε μὴ ἐνταῦθα τοῖς ὑπομνήμασι*) <sup>58</sup>). А не внесено

<sup>56</sup>) Neander I, 707.

<sup>57</sup>) Acta Chalced. p. 159. Дѣян. III, 510—11.

<sup>58</sup>) Въ дѣяніяхъ одного константинопольскаго собора замѣчено, что вообще въ собранные акты заносилось не все, о чемъ и какъ разсуждали присутствовавшіе епископы (Acta Chalced. p. 113. Дѣян. III, 348). Какого драгоценнаго матеріала лишилась черезъ это наука!

оно потому, что чтеніе его вызвало продолжительные споры между членами собора, такъ что понадобилось болѣе или менѣе существенное видоизмѣненіе вѣроопредѣленія, чтобы оно болѣе точнымъ образомъ выражало церковное ученіе. Этимъ переправленнымъ вѣроопредѣленіемъ мы и владѣемъ теперь. Споры членовъ собора по поводу вѣроопредѣленія въ его первоначальной редакціи составляютъ интересную страницу въ дѣяніяхъ собора халкидонскаго. При этомъ случаѣ высказались всѣ задушевные желанія членовъ собора. Съ какимъ вниманіемъ они выслушивались! Какая свобода мнѣній господствовала на соборѣ! Сравните эту свободу изслѣдованія съ тѣмъ гнетомъ, подъ которымъ дѣйствоваль соборъ разбойничій, и увидите, почему опредѣленія халкидонскаго собора пережили тысячелѣтіе, тогда какъ опредѣленія лжевселенскаго собора Діоскорова продержались очень короткое время! Идѣже Духъ, ту и свобода. Слова эти были девизомъ собора халкидонскаго. Споры эти тѣмъ замѣчательнѣе, что они знакомятъ насъ съ догматическими отгѣнками, которые были плодомъ двухъ важнѣйшихъ богословскихъ направленій — александрійскаго и антиохійскаго. На основаніи тѣхъ жѣ споровъ, наконецъ, мы болѣе или менѣе приближаемся къ пониманію: въ чемъ состояло вѣроопредѣленіе въ его первоначальной редакціи, что въ немъ вызвало споры, что въ немъ нравилось однимъ, что другимъ. Словомъ, знакомимся съ его содержаніемъ.

Передаемъ возникшія на соборѣ пренія относительно вѣроопредѣленія съ возможною полнотою, сопровождая свѣдѣнія, заимствуемая изъ дѣяній, необходимымъ комментариемъ. Лишь только прочтено было вѣроопредѣленіе, какъ поднимается, возвышается голосъ протеста. Этотъ первый голосъ принадлежитъ Іоанну, епископу Германикійскому. Онъ сказалъ: „не хорошо составлено вѣроопредѣленіе и должно быть исправлено“. Исторія ничего не знаетъ объ этомъ Іоаннѣ Германикійскомъ. Германикія—это была родина печальной памяти Несторія. Не былъ ли Іоаннъ, подобно своему земляку, человѣкомъ антиохійскаго направленія? Кажется, да. Въ дѣяніяхъ халкидонскаго собора сохранилась небольшая замѣтка, которая наводитъ на подобную догадку. Соборъ позднѣе потребовалъ отъ Θεодорита,

а вмѣстѣ съ нимъ и отъ Іоанна<sup>59)</sup> произнести анаѳему на Несторія. Отсюда видно, что онъ заподозрѣвался въ несторіанствѣ, что вообще Іоаннъ былъ приверженцемъ антиохійскаго богословскаго направленія. И значить, его протестъ въ отношеніи къ вѣроопредѣленію условливался особенностями его богословскихъ воззрѣній. Нужно полагать, что онъ находилъ въ вѣроопредѣленіи недостаточно выраженною мысль о цѣлости двухъ природъ во Христѣ, — истина, которою жили и за которую готовы были умереть антиохійцы. Вслѣдъ за приведеннымъ заявленіемъ Іоанна Германікійскаго, патріархъ Анатолій предлагаетъ отцамъ собора такой вопросъ: „нравится ли вамъ опредѣленіе“? Всѣ епископы, говорится въ дѣяніяхъ, кромѣ римскихъ и нѣкоторыхъ восточныхъ, воскликнули: „опредѣленіе нравится всѣмъ. Это вѣра отцевъ. Мудрствующій противно этому, еретикъ. Если кто мудрствуетъ иначе, да будетъ анаѳема. Несторіанъ вонъ“. Изъ этихъ словъ дѣяній собора видимъ, что протестующими по отношенію къ вѣроопредѣленію были легаты римскіе и епископы восточные, т. е. епископы антиохійскаго округа, а съ ними и константинопольскаго округа (ибо въ дѣяніяхъ собора подъ восточными всегда разумѣются тѣ и другіе съ прибавкою прочихъ азійскихъ епископовъ). Почему недовольны были вѣроопредѣленіемъ представители церкви римской, это яснѣе будетъ въ послѣдствіи. Теперь же замѣтимъ лишь слѣдующее: легаты римскіе должны были въ догматическихъ опредѣленіяхъ руководиться, безъ сомнѣнія, посланіемъ Льва, въ которомъ съ такою, можно сказать, осязательною ясностію изложено ученіе о полнотѣ двухъ природъ во Христѣ. Если же они теперь противодѣйствуютъ вѣроопредѣленію, то значить въ немъ недостаточно сильно была выражена именно эта мысль, составляющая главное содержаніе сказаннаго посланія. Теперь на очереди вопросъ: кому принадлежали восторженные крики, съ которыми принято было вѣроопредѣленіе? Кто возглашалъ: „опредѣленіе всѣмъ нравится! Эта вѣра отцевъ!“ Во главѣ этихъ радующихся и веселящихся, по нашему мнѣнію, были епископы иллирійскіе и палестинскіе: къ нимъ,

<sup>59)</sup> Acta Chalced. p. 276. Дѣян. IV, 183.

безъ сомнѣнія, принадлежало большее или меньшее число и епископовъ изъ другихъ мѣстъ, — епископовъ, раздѣлявшихъ религіозныя симпатіи первыхъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается во первыхъ тѣмъ, что въ числѣ протестующихъ епископовъ мы не встрѣчаемъ ни одного изъ Иллирика и Палестины: безъ сомнѣнія, имъ нравилось вѣроопредѣленіе; во вторыхъ тѣмъ, что довольные вѣроопредѣленіемъ, возглашали: „несторіанъ вонъ“. Подъ несторіанами, конечно, нужно разумѣть антиохійцевъ, которые вообще подвержались въ несторіанствѣ, и которые протестовали противъ вѣроопредѣленія, — почему ими и недовольны были прочіе члены собора: „вонъ несторіанъ“. Такое сильное выраженіе: „вонъ несторіанъ“ могло выйти изъ устъ только такихъ лицъ, которыя сочувствовали Діоскору и вообще александрійской догматикѣ, а таковы именно и были иллирійцы и палестинцы, возглашавшіе, какъ мы уже знаемъ, при одномъ случаѣ: „Діоскора собору, Діоскора церквамъ“, а ранѣе того бурно возставшіе на томъ же соборѣ противъ несторіанъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ. Что жаркими поборниками вѣроопредѣленія были именно епископы иллирійцы въ полномъ составѣ, это наконецъ прямо указывается въ дѣяніяхъ при разсказѣ о послѣднихъ событіяхъ изъ времени споровъ касательно вѣроопредѣленія <sup>60)</sup>. Вотъ главнѣйшіе представители партій, протестующихъ противъ вѣроопредѣленія и благопріятствующихъ ему! Когда выяснилось расположеніе умовъ по отношенію къ вѣроопредѣленію, беретъ слово снова Анатолій. Желая убѣдить отцевъ единодушно принять вѣроопредѣленіе, онъ указываетъ собору на тотъ фактъ, что накануне опредѣленіе было всѣмъ угодно. Анатолій сказалъ: „вчера всѣмъ нравилось опредѣленіе вѣры“. Изъ этого замѣчанія Анатолія, а равно изъ послѣдующаго поведенія этого патріарха видно, что онъ былъ сторонникомъ вѣроопредѣленія и быть можетъ стоялъ во главѣ лицъ, составившихъ это изложеніе вѣры <sup>61)</sup>. Въ отвѣтъ на замѣ-

<sup>60)</sup> Acta Chalced. p. 250. Дѣян. IV, 101.

<sup>61)</sup> Извѣстный историкъ соборовъ Гефеле (В. II, 465) совершенно справедливо считаетъ Анатолія жаркимъ защитникомъ вѣроопредѣленія и вѣроятнымъ составителемъ онаго. Но у нѣкоторыхъ ученыхъ встрѣчается

чаніе Анатолія епископы, съ нимъ единомысленные, возглашали: „опредѣленіе всѣмъ нравится. Иначе не вѣруемъ. Анаеема вѣрующему иначе. Опредѣленіе угодно Богу. Это вѣра православныхъ. Вѣра пусть не терпитъ обмана; Св. Дѣва пусть пишется Богородицею; такъ въ символѣ прибавить“. Замѣчательны послѣднія слова: они показываютъ, что и между самыми довольными опредѣленіемъ были не много недовольные имъ. Они также не прочь были отъ нѣкоторыхъ измѣненій въ вѣроопредѣленіи (а быть можетъ и въ самомъ символѣ вѣры) въ смыслѣ александрійской догматики. Они хотѣли прибавленія слова: „Богородица“, которое вышло изъ среды александрійскихъ богослововъ и внесеніе котораго въ вѣроизложеніе должно было направляться противъ антioxійскаго богословствованія, поскольку оно казалось несторіанствомъ. Слово: „Богородица“ должно было указывать на самое тѣсное, самое нераздѣльное единеніе естество въ Христѣ, что составляло душу въ александрійскомъ богословіи. Со стороны прямо протестующихъ въ отношеніи къ вѣроопредѣленію также послышались голоса въ отвѣтъ на приведенное замѣчаніе Анатолія. Заявленіе дѣлаютъ легаты. Они объявляли: „если не соглашаются съ посланіемъ папы Льва, то прикажите дать намъ грамоты на возвращеніе, и этимъ соборъ окончится“. Въ этихъ словахъ легатовъ слышалась угроза. Легаты твердо понимали, что Левъ былъ великій мужъ, оказавшій много услугъ церкви въ это смутное время на востокѣ. Голосъ его должно было уважать. Въстѣ съ тѣмъ это заявленіе легатовъ показываетъ, что протестъ возникалъ изъ того, что они находили мало соотвѣтствія между составленнымъ вѣроопредѣленіемъ

и противоположное мнѣніе. Таковъ извѣстный Неандеръ. Онъ думаетъ, что Анатолій старался склонить прочихъ епископовъ къ измѣненію вѣроопредѣленія, т. е., что онъ принадлежалъ къ противникамъ вѣроопредѣленія. Очень странное мнѣніе. Доказательства, которыми Неандеръ хочетъ подтвердить свою мысль, носятъ печать удивительной путаницы. Слова, которыя принадлежатъ императорскимъ сановникамъ Неандеръ влагаетъ въ уста Анатолія, а слова, принадлежащія самому Анатолію, приписываются прочимъ членамъ собора. Въ подробности пускаться считаемъ излишнимъ. Какъ понимать это? Отчего произошла такая неожиданная странность (Neand. I, 707. Anmerk.)? Видно, и широкая ученость не спасаетъ отъ ошибокъ!



и посланіемъ Льва. Дѣло въ томъ, безъ сомнѣнія, что въ вѣроопредѣленіи не ясно была выражена мысль о двухъ совершенныхъ природахъ во Христѣ, о чемъ съ такою рѣшительностію учило посланіе.

Споръ длился и не обѣщаль скоро кончиться. Согласія въ епископахъ трудно было ожидать. При такомъ положеніи дѣла въ ходъ споровъ вмѣшиваются императорскіе сановники, присутствовавшіе въ этомъ, какъ и на прочихъ, засѣданіяхъ. Они берутъ сторону протестующихъ, сторону легатовъ римскихъ. Совершенно неизвѣстно, почему они берутъ именно эту сторону. Въ догадки, подобныя тѣмъ, какія дѣлають Гефеле и Неандеръ<sup>62)</sup>, пускаться считаемъ дѣломъ бесполезнымъ. Сановники предложили собору пересмотрѣть вѣроопредѣленіе и для этой цѣли выбрать уполномоченныхъ епископовъ по шести и по три лица изъ важнѣйшихъ округовъ церковныхъ, которые бы и совершили это дѣло подъ предсѣдательствомъ Анатолія и въ присутствіи легатовъ, въ урочномъ для сего мѣстѣ. Предложеніе это однакожь было рѣшительно отвергнуто тѣми членами собора, которымъ опредѣленіе нравилось. Послышались нескончаемые возгласы съ ихъ стороны, особенно когда они замѣтили, что Іоаннъ Германикійскій что-то хочетъ говорить. Приверженцы вѣроопредѣленія возглашали: „несторіанъ вонъ, вонъ богоборцевъ. Вчера опредѣленіе всѣмъ нравилось. Просимъ, чтобы опредѣленіе было подписано предъ Евангеліями. Прикажете подписать опредѣленіе. Да не будетъ обмана противъ вѣры. Кто не подписываетъ опредѣленія, тотъ еретикъ. Никто да не отступаетъ отъ опредѣленія. Св. Духъ диктовалъ опредѣленіе. Опредѣленіе православно. Пусть сейчасъ будетъ подписано опредѣленіе. Марія есть Богородица. Марія Богородица, — да будетъ прибавлено въ опредѣленіи. Вонъ несторіанъ“!

Когда утихли крики на соборѣ, императорскіе сановники снова обращаются съ словами убѣжденія къ епископамъ, которые противились пересмотру вѣроопредѣленія. Слова

<sup>62)</sup> По ихъ мнѣнію (Hef. II, 465. Neand. 707) сановники частію старались задобрить папу, частію всѣми мѣрами избѣгали того, что могло бы оскорбить его.

ихъ, нужно согласиться, отличались полною убѣдительно-  
стію. Они говорили: „Діоскоръ говорилъ, что онъ за то  
низложилъ Флавіана, что этотъ говорилъ: „два естества“  
(*δύο φύσεις*), а въ опредѣленіи сказано: „изъ двухъ естествъ“  
(*ἐκ δύο φύσεων*). Эти слова заслуживаютъ полнаго вниманія.  
Они показываютъ, что споръ относительно вѣроопредѣле-  
нія касался выраженій: „два естества“, „изъ двухъ  
естествъ“. Последнее выраженіе, какъ видно изъ словъ  
сановниковъ, находилось въ вѣроизложеніи; отъ него не  
хотѣли отказаться тѣ, кому опредѣленіе нравилось. На-  
противъ, протестующіе были недовольны включеніемъ этого  
выраженія въ вѣроопредѣленіе и желали, чтобы оно было  
изглажено и замѣнено выраженіемъ: „два естества“. Сила  
замѣчанія сановниковъ состоитъ въ томъ, что они убѣж-  
дали соборъ устранить изъ вѣроопредѣленія терминъ: „изъ  
двухъ естествъ“, который любилъ и часто употреблялъ ере-  
тикъ Діоскоръ, теперь осужденный, и внести вмѣсто него  
терминъ: „два естества“, за который пострадалъ Флавіанъ,  
мужъ православія, и который и Львомъ и соборомъ халки-  
донскимъ употреблялся въ качествѣ наиболѣе точнаго.  
Прежде чѣмъ полученъ былъ отвѣтъ на заявленіе сановни-  
ковъ со стороны собора, патріархъ Анатолій дѣлаетъ та-  
кую поправку къ словамъ, сказаннымъ этими лицами. „Діо-  
скоръ низложенъ не за вѣру, но за то, что отлучилъ Льва  
и не явился на соборъ, когда производился судъ надъ  
нимъ“, Діоскоромъ. Съ перваго взгляда можно пожалуй  
подумать, что Анатолій защищаетъ Діоскора, что онъ былъ  
сторонникомъ этого еретика. Но прочь подобную нелѣпую  
мысль! Анатолій былъ человѣкъ истинно православный. За-  
мѣчаніе Анатолія означаетъ только, что хотя Діоскоръ и  
употреблялъ выраженіе: „изъ двухъ естествъ“, но это вы-  
раженіе нельзя считать еретическимъ, достойнымъ осужде-  
нія, ибо соборъ халкидонскій, осудивъ Діоскора за многое  
другое, не подвергалъ его осужденію за указанное выра-  
женіе <sup>63</sup>). Изъ указаннаго замѣчанія Анатолія видно также,  
что онъ крѣпко стоялъ за неизмѣнность вѣроопредѣленія,  
считалъ это дѣло какъ бы собственнымъ своимъ дѣломъ.

<sup>63</sup>) Acta Chalced. p. 192. Дѣян. III, 603.

Что въ словахъ Анатолія не было ничего подозрительнаго, это видно изъ того, что на соборѣ никто не высказалъ противодѣйствія ему въ данномъ случаѣ. Послѣ этого перерыва, сдѣланнаго замѣчаніемъ Анатолія, сановники снова обращаются къ собору съ увѣщаніями и убѣжденіями: сдѣлать измѣненіе въ вѣроопредѣленіи. Они говорили: „вѣдь вы всѣ приняли посланіе Льва“, и когда полученъ былъ отвѣтъ утвердительный, они сказали: „итакъ заключающееся въ немъ внести въ опредѣленіе“ (*τὰ ἐν αὐτῇ ἐμφερόμενα ἐντεθῆναι τῷ ὄρω*). Новое доказательство, что вѣроопредѣленіемъ нѣкоторые недовольны были потому главнѣйше, что въ немъ не доставало чего-то важнаго, что заключалось въ посланіи Льва. Вѣроопредѣленіе составлено было не въ духѣ воззрѣній Льва. Что же отвѣчалъ соборъ на доводы сановниковъ? Партія желавшая оставить вѣроопредѣленіе безъ измѣненій, твердо стояла на своемъ. Члены ея неумолкаемо восклицали: „другому опредѣленію не бывать, нѣтъ недостатковъ въ вѣроопредѣленіи! Посланіе Льва утверждено вѣроопредѣленіемъ. Левъ такъ вѣруеть, какъ мы вѣруемъ. Пусть будетъ подписано опредѣленіе. Опредѣленіе содержитъ въ себѣ все“. Замѣчательно, что и Евсевій Дорилейскій также присоединяется къ лицамъ, нежелавшимъ перемѣнъ въ опредѣленіи. Онъ говорилъ: „другому опредѣленію не бывать“. Присоединеніе Евсевія, который совсѣмъ не былъ на сторонѣ иллирійцевъ и палестинцевъ, къ числу подобныхъ лицъ, показываетъ, что и изъ епископовъ прежней лѣвой стороны нашлись такіе, которые считали справедливымъ поддерживать неизмѣняемость опредѣленія. Этимъ подтверждается наша мысль, прежде высказанная, что не одни иллирійцы и палестинцы были защитниками на соборѣ сохраненія вѣроопредѣленія въ томъ видѣ, какъ оно сначала составлено. Въ объясненіе того, почему Евсевій присоединяется къ этой александрійской партіи (ибо, какъ мы знаемъ, иллирійцы и палестинцы принадлежали къ сторонникамъ александрійскихъ доктринъ), нужно припомнить, что хотя Евсевій былъ унитарій, но онъ перешелъ къ уніи изъ рядовъ строгихъ александрійцевъ <sup>64</sup>). Въ настоящемъ слу-

<sup>64</sup>) См. главу VII, стр. 202—203.

чаѣ въ немъ лишь обнаруживаются прежнія симпатіи. Ибо изъ всего видно, что опредѣленіе составлено было въ духѣ принциповъ александрійскаго богословія: въ немъ мало было принято во вниманіе посланіе Льва, встрѣчались формулы, любимыя александрійцами: „изъ двухъ естествъ“.

Когда такимъ образомъ выяснилось, что многіе члены собора никакъ не хотятъ допускать пересмотра опредѣленія, тогда объ этомъ доложено было самому императору Маркіану. Отъ этого послѣдствіемъ вышло такого рода приказаніе, обращенное къ собору: или пусть соборъ выберетъ уполномоченныхъ отъ себя епископовъ при такихъ же условіяхъ, съ какими предлагали сдѣлать это ранѣе сановники, которые (епископы) и пересмотрѣли бы вѣроопредѣленіе; или же пусть это будетъ сдѣлано на самомъ соборѣ чрезъ первенствующихъ митрополитовъ. Въ случаѣ же, если епископы не согласны на это, соборъ объявляется закрытымъ. Приказаніе было слишкомъ строгое. Но и оно въ первыя минуты не произвело должнаго впечатлѣнія на тѣхъ, кто противился измѣненію опредѣленія. Эти епископы крѣпко стояли на своемъ. Они возглашали: „или пусть имѣетъ силу опредѣленіе, или мы уйдемъ. Просимъ прочесть опредѣленіе, и тѣ, которые противорѣчатъ и не подписываютъ, пусть уходятъ; мы согласны съ тѣмъ, что постановлено“<sup>65</sup>). Въ частности епископы иллирійскіе говорили: „противорѣчащія пусть объявятся, противорѣчащія—несторіане, пусть они уходятъ въ Римъ“. Дѣло такимъ образомъ и послѣ именнаго императорскаго указа не подвигалось впередъ. Повидимому трудно было ожидать мира и единенія со стороны спорившихъ. Но что могло представляться труднымъ и едва-ли достижимымъ, то осуществилось удивительно простымъ способомъ. Поистинѣ, гдѣ Духъ Божій, тамъ и малыя средства могутъ достигать великихъ цѣлей. Императорскіе сановники сказали нѣсколько словъ, которыя въ существѣ дѣла были уже повтореніемъ ихъ прежнихъ рѣ-

---

<sup>65</sup>) Послѣднія фразы говоритъ Кекропій, епископъ севастопольскій, тотъ Кекропій, который ранѣе противился самому составленію вѣроопредѣленія (Acta Chalced. р. Дѣян. III, 510—11), показывая этимъ, что онъ былъ приверженцемъ александрійскихъ воззрѣній.

чей—и единодушіе самое полное, вождельнное, самое священное водворилось на соборѣ. Сановники сказали: „Діоскоръ говорилъ: „изъ двухъ“ естество (т. е. Христосъ слагается), принимаю, но „два“ естества (т. е. неслиянныя), не принимаю <sup>66)</sup>. А св. Левъ говорить, что во Христѣ два естества соединены неслитно, неизмѣнно и нераздѣльно (*ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως, ἀδιαίρετως*) въ одномъ Единородномъ Сынѣ, Спасителѣ нашемъ. Итакъ: кому слѣдуете Льву, или Діоскору?“ Отвѣтъ со стороны собора возможенъ былъ одинъ. Соборъ единодушно воскликнулъ: „Какъ Левъ вѣруемъ, противорѣчащіе — еutihіанисты. Левъ изложилъ православно“. Этимъ заявленіемъ члены собора, доселѣ стоявшіе за неизмѣненіе вѣроопредѣленія, выразили отказъ отъ столь смущавшаго соборъ термина: „изъ двухъ“, внесеннаго въ опредѣленіе. И какъ скоро случилось это, соборъ — великая историческая минута!—явился единомысленнымъ. Во мгновеніе забыли всѣ споры, свары. Изъ сейчасъ приведенныхъ словъ сановниковъ — должно замѣтить — слѣдуетъ, что въ вѣроопредѣленіи не дано было мѣста очень важнымъ въ догматическомъ отношеніи реченіямъ: „неслианно, неизмѣнно, нераздѣльно“. Какъ скоро отцы безъ всякихъ колебаній согласно отказались отъ смущавшей умы формулы: „изъ двухъ“ и выразили желаніе строго сообразоваться съ воззрѣніями Льва, сановники воспользовались этою благопріятною минутой и предложили собору прибавить въ вѣроопредѣленіи мысль Льва, что во Христѣ два естества „неизмѣнно, неразлучно и неслитно“ соединились. Противорѣчій и противодѣйствій это предложеніе не встрѣтило никакихъ. Тотчасъ же наряжена была комиссія изъ епископовъ, представителей главнѣйшихъ церковныхъ округовъ, которые на короткое время и уходятъ съ собора въ урочное мѣсто для необходимыхъ измѣненій въ вѣроопредѣленіи. Это сдѣлано было, по замѣчанію дѣяній, вслѣдствіе прошенія всѣхъ (*κατὰ παράκλησιν πάντων*). Но вотъ возвратились члены комиссіи снова на соборъ. Слухъ и вниманіе всѣхъ напряжены до крайности. Было начато и окончено чтеніе замѣчательнѣй-

<sup>66)</sup> Мысль Діоскора та, что изъ двухъ естествъ составилось во Христѣ одно.

шаго церковно-историческаго документа — вѣроопредѣленія халкидонскаго собора. Раздались громкіе неудержимые крики восторга всѣхъ.

Вѣроопредѣленіе собора халкидонскаго состоитъ изъ двухъ частей: введенія довольно широкихъ размѣровъ и самаго опредѣленія, выраженнаго въ краткихъ словахъ. Введеніе главнымъ образомъ посвящено обзору тѣхъ догматическихъ документовъ, которые долженъ признавать каждый вѣрующій, дабы по справедливости носить имя православнаго. Къ числу такихъ документовъ отнесемъ прежде всего символъ никейскій <sup>67)</sup>. Затѣмъ символъ константинопольскій, II всел. собора 381 года. О послѣднемъ символѣ вѣроопредѣленіе говоритъ съ особенною похвалою и уваженіемъ. О немъ замѣчено: „опредѣляемъ, чтобы имѣло силу то, что поставлено 150 св. отцами въ Константинополѣ для уничтоженія возникшихъ тогда ересей и утвержденія каеолической и апостольской нашей вѣры“. И ниже о томъ же символѣ написано: „итакъ достаточенъ былъ бы для совершеннаго познанія и утвержденія благочестія этотъ мудрый (*τὸ σοφόν*) и спасительный символъ благодати Божіей. Потому что объ Отцѣ, Сынѣ и св. Духѣ научаетъ въ совершенствѣ и воплощеніе Госиода представляетъ вѣрно“. Символъ Константинопольскій такимъ образомъ послѣ продолжительнаго бурнаго плаванія среди споровъ и разногласій о немъ, наконецъ, благодаря халкидонскому собору, вступаетъ въ тихую пристань. Его поняли, приняли, утвердили представители всѣхъ церквей. Вѣроопредѣленіе утверждаетъ также то, что постановлено на III всел. соборѣ, о которомъ все еще шли прямые и непрямые споры: нужно ли признавать его истинно вселенскимъ. Спорившими же были нѣкоторые изъ антиохійскихъ епископовъ. Изъ святоотеческихъ писаній, имѣвшихъ отношеніе къ спорамъ христологическимъ, соборъ отличаетъ слѣдующія творенія: посланіе Кирилла къ Несторію, читанное на константинопольскомъ соборѣ 448 года, и его же знаменитое уніаль-

---

<sup>67)</sup> Который прочитанъ былъ на соборѣ не въ первоначальномъ его видѣ, а съ нѣкоторыми измѣненіями, въ которыхъ ясно выразилось вліяніе на него символа К-скаго. (*Acta Chalced. p. 252. d. IV, 105*).

ное посланіе „къ восточнымъ“. Соборъ халкидонскій, очевидно, раздѣляя возрѣнія собора константинопольскаго, 448 года. Наибольѣ ясно выражающими истину, сочиненіями Кирилла соборъ признавалъ посланія, которыя отличали защитники уніи. Теперь унія, хотя и безъ особыхъ возгласенія, торжественности, оффиціальности, входитъ непререкаемо въ кругъ истинно православныхъ дѣйствій въ жизни церкви. Недаромъ св. мужи пострадали отъ собора разбойничьяго, — ихъ кровь вопіяла къ небу и Духъ св. устами отцевъ халкидонскаго собора благословилъ ихъ дѣло, увѣнчалъ ихъ труды. Кромѣ этихъ сочиненій Кирилла въроопредѣленіе воздастъ самыя высокія хвалы окружному посланію Льва. Таково содержаніе введенія, которое предшествуетъ самому догматическому опредѣленію собора халкидонскаго. Для историка церкви оно, введеніе, имѣетъ много поучительнаго, возбуждаетъ высокій интересъ. — Халкидонское опредѣленіе о вѣрѣ <sup>68)</sup> слово въ слово состоитъ въ слѣдующемъ: „итакъ послѣдуя св. отцамъ, всѣ согласно научаемъ исповѣдывать одного и того же Сына, Господа нашего І. Христа, совершеннаго въ божествѣ, совершеннаго въ чловѣчествѣ, истинно Бога, истинно чловѣка, тогоже изъ разумной души и тѣла, единосущнаго Отцу по Божеству и тогоже единосущнаго намъ по чловѣчеству, во всемъ подобнаго намъ; кромѣ грѣха, рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца по Божеству, а въ послѣдніи дни ради насъ и ради нашего спасенія отъ Маріи Дѣвы *Богородицы* по чловѣчеству, одного и того же Христа, Сына, Господа единороднаго въ двухъ естествахъ <sup>69)</sup>, неслитно, неизмѣнно

<sup>68)</sup> Справедливо замѣчаетъ Schapper въ своей диссертациі (Die christologische Sätze d. Synode von Chalcedon. S. 4. Iena, 1878), что соборъ халкидонскій съ его хринологическими положеніями составляетъ результатъ и заключеніе всего предшествующаго развитія хринологической догмы, въ какомъ развитіи соборы—никейскій и константинопольскій образуютъ собой посредствующіе члены.

<sup>69)</sup> Въ оригинальномъ текстѣ дѣяній халкидонскаго собора, въ изданіяхъ этихъ дѣяній, обыкновенно читается: *ἐκ δύο φύσεων*, но по мнѣнію лучшихъ авторитетовъ науки (напр. Hefele, В. II, s. 270) слѣдуетъ читать: *ἐν δύο*, какъ текстъ въроопредѣленія и отпечатанъ въ „Библиотекѣ символовъ“ Hahn'a, стр. 84, изд. 2-ое.

нераздѣльно, неразлучно познаваемого, такъ что соединеніемъ ни сколько не нарушается различіе двухъ естествъ; тѣмъ болѣе сохраняется свойство каждаго естества и соединяется въ одно лице, въ одну гипостась,—не въ два лица разсѣкаемаго или раздѣляемаго, но одного и тогоже Сына, Единороднаго, Бога Слова, Господа І. Христа, какъ въ древности пророки (учили) о Немъ и какъ Самъ Господь І. Христосъ научилъ насъ и какъ предалъ намъ символъ отцевъ“. (*Ἐπόμενοι τοίνυν τοῖς ἁγίοις πατέρας ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν ὁμολογεῖν υἱὸν τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν συμφώνως, ἅπαντες ἐκδιδάσκωμεν τέλειον τὸν αὐτὸν ἐν θεότητι καὶ τέλειον τὸν αὐτὸν ἐν ἀνθρωπότητι, θεὸν ἀληθῶς καὶ ἀνθρώπον ἀληθῶς τὸν αὐτὸν, ἐκ ψυχῆς λογικῆς καὶ σώματος, ὁμοῦσιον τῷ πατρὶ κατὰ τὴν θεότητα καὶ ὁμοῦσιον τὸν αὐτὸν ἡμῖν κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, κατὰ πάντα ὁμοῖον ἡμῖν χωρὶς ἁμαρτίας; πρὸ αἰώνων μὲν ἐκ τοῦ πατρὸς γεννηθέντα κατὰ τὴν θεότητα, ἐπ' ἐσχάτων δὲ τῶν ἡμερῶν τὸν αὐτὸν δι' ἡμᾶς καὶ διὰ τὴν ἡμετέραν σωτηρίαν ἐκ Μαρίας τῆς παρθένου τῆς θεοτόκου κατὰ τὴν ἀνθρωπότητα, ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν Χριστόν, υἱὸν κύριον, μονογενῆ, ἐν δύο φύσεσιν ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως, ἀδιαιρέτως, ἀχωρίστως γνωριζόμενον; οὐδαμοῦ τῆς τῶν φύσεων διαφορᾶς ἀνηρημένης διὰ τὴν ἔνωσιν, σωσομένης δὲ μᾶλλον τῆς ιδιότητος ἐκατέρας φύσεως καὶ εἰς ἓν πρόσωπον καὶ μίαν ὑπόστασιν συντρεχούσης, οὐκ εἰς δυο πρόσωπα μεριζόμενον ἢ διαιρούμενον, ἀλλ' ἕνα καὶ τὸν αὐτὸν υἱὸν καὶ μονογενῆ, θεὸν λόγον, κύριον Ἰησοῦν Χριστόν*). Анализируемъ <sup>70)</sup> этотъ высокой догматической важности документъ. Обыкновенно историки полагаютъ, что халкидонское вѣроопредѣленіе состоялось подѣ сильнымъ и исключительнымъ вліяніемъ посланія Льва <sup>71)</sup>. Мнѣніе ошибочное. Съ посланіемъ вѣроопредѣленіе не имѣетъ сходства въ выраженіяхъ, послѣднее имѣетъ съ первымъ сродство только въ духѣ. Унія больше всего оказала вліянія не только на характеръ, но и на букву вѣроопредѣленія. Начальныя слова вѣроопредѣленія

<sup>70)</sup> Отчетливое толкованіе его съ догматической стороны можно находить у Schapper'a. S. 17—23.

<sup>71)</sup> Такъ думаютъ: Neander (I. 704—7), Hefele (B. II, s. 465—7), Baur (von. d. Dreieinig. und Menschwerdung, s. 818), Schapper (Die Christologische Sätzen d. Synoden, s. 22) и др.



до словъ: „Господа, Единороднаго“ включительно суть почти буквальное повтореніе извѣстнаго уніальнаго исповѣданія Іоанна. Фактъ чрезвычайно важный. Вѣроопредѣленіе халкидонское въ первой половинѣ своей есть лишь самая легкая передѣлка исповѣданія Іоанна антиохійскаго <sup>72)</sup>. Дальнѣйшихъ словъ вѣроопредѣленія: „въ двухъ естествахъ неслитно, нераздѣльно познаваемаго“, мы также напрасно стали бы искать въ извѣстномъ посланіи Льва <sup>73)</sup>. Если мы обратимся къ церковной литературѣ, то увидимъ, что первый эти выраженія употребилъ (съ небольшою разницею) Іоаннъ антиохійскій и прочіе антиохійскіе епископы, во времена III всел. собора, а за ними повторяетъ ихъ Кириллъ <sup>74)</sup>. Во время халкидонскаго собора эти термины встрѣчаемъ въ граматѣ епископовъ иллирійскихъ <sup>75)</sup>, съ которою они обратились къ собору для засвидѣтельствованія предъ отцами, что они—иллирійцы—приняли наконецъ посланіе Льва. Какое вліяніе посланіе Льва или легаты имѣли на усвоеніе этими епископами сказанныхъ терминовъ, мы не знаемъ. Въ вѣроопредѣленіи же халкидонскомъ происхожденіе этихъ терминовъ скорѣе всего нужно приписать епископамъ уніальнаго характера. Ибо фраза очевидно носитъ уніальный характеръ: сліяніе къ одному двухъ богословскихъ воззрѣній—александрійскаго и антиохійскаго („несліянно“ съ одной стороны, „нераздѣльно“ съ другой). Остальныя слова вѣроопредѣленія неизвѣстно откуда взяты соборомъ. Нужно утверждать, что они принадлежатъ мысли самого собора. Итакъ допущеніе существеннаго вліянія посланія Льва на вѣроопредѣленіе халкидонское намъ представляется истинною не строго научною.—Въ вѣроопредѣленіи обращаетъ на себя вниманія добавка къ словамъ: „отъ Дѣвы Маріи“ слова: „Богородицы“. Мы уже знаемъ, что на соборѣ халкидонскомъ, когда шла рѣчь: измѣнить

<sup>72)</sup> Точное сличеніе считаемъ излишнимъ, потому что въ нашемъ изслѣдованіи исповѣданіе Іоанна приведено буквально и желающіе не затруднятся повѣркою нашей мысли (см. VI гл., стр. 184).

<sup>73)</sup> Въ этомъ сознается и Hefele II, 466 (примѣч.).

<sup>74)</sup> Объ этомъ было замѣчено въ гл. V сего изслѣдованія, примѣчаніе 68 и текстъ.

<sup>75)</sup> Acta Chalced. p. 226. Дѣян. IV, 31.

или не измѣнять прежде составленное вѣроопредѣленіе, нѣкоторые возглашали: прибавить въ опредѣленіи къ словамъ „Маріи Дѣвы“ — „Богородица“. Очевидно, что въ первоначальной редакціи опредѣленія не было послѣдняго слова и что оно внесено уже было во вторичную редакцію изъ уваженія къ тѣмъ, кто требовалъ подобной добавки. Такъ соборъ спсходительно исполняетъ заявленія своихъ членовъ! Уважены требованія различныхъ партій! Поучительное явленіе. Когда прочитано было вѣроопредѣленіе вслухъ собора, всѣ приняли оное единодушнымъ согласіемъ. Отцы возглашали: „Это вѣра отцевъ! архіепископы пусть поднишуть тотчасъ; хорошо опредѣленное пусть не подвергается отсрочки. Съ этою вѣрою всѣ мы согласны. Всѣ такъ мудрствуемъ“ <sup>76</sup>).

Все это произошло 451 года, 22-го октября въ воскресенье. День многознаменательный въ исторіи христіанства!

Въ слѣдующемъ шестомъ засѣданіи собора халкидонскаго происходило торжественное утвержденіе вѣроопредѣленія. На соборъ прибыли самъ императоръ Маркіанъ и императрица Пульхерія <sup>77</sup>). Когда на этомъ засѣданіи снова было прочитано вѣроопредѣленіе, императоръ обратился къ отцамъ собора съ вопросомъ: „пустъ скажетъ св. соборъ: по согласію ли всѣхъ святѣйшихъ епископовъ провозглашено прочитанное теперь опредѣленіе“? Отцы воскликнули: „всѣ такъ вѣруемъ! Всѣ мы согласились, подписались. Сія вѣра православная. Сія вѣра вселенную спасла. Св. Троица низвергла троихъ“ (Несторія, Евтихія, Диоскора) <sup>78</sup>).

Этимъ окончилась догматическая дѣятельность св. вселенскаго собора халкидонскаго.

---

<sup>76</sup>) Acta Chalced. p. 248—254. Дѣян. IV, 93—110; пятое дѣяніе собора, заключающее свѣдѣнія о составленіи вѣроопредѣленія и самое вѣроопредѣленіе.

<sup>77</sup>) Acta Chalced. p. 257. Дѣян IV, 124.

<sup>78</sup>) Acta Chalced. p. 269—270. Дѣян. IV, 164. 167.

## Х.

Исполнишася радости уста наша и языкъ нашъ веселія. Благодать осуище- ствила это пророчество на насъ, кото- рыми утверждена основа благочестія. Скорби наши кончились и возсіяла благодать всякаго блага.

*Отцы Собора.*

Халкидонскій вселенскій соборъ имѣетъ высокое церковно- историческое значеніе.

I. Въ IV и V вѣкѣ шель неумолкаемый споръ между христіанскими школами—александрійскою и антїохійскою о томъ, въ какомъ отношеніи разумъ человѣческій долженъ стоять касательно изслѣдованія истинъ вѣры, догматовъ церкви. Школа александрійская высказывалась на этотъ счетъ слишкомъ осторожно; она опасалась изслѣдованій въ области религіи. Религіозную область она ставила неизмѣримо выше тѣхъ условій, при которыхъ способенъ дѣйствовать разумъ человѣческій. Иначе смотрѣла на дѣло школа антїохійская. Она не устранялась отъ изслѣдованій и изысканій, пытли- вости въ вопросахъ вѣры. Разуму она довѣряла великую миссію изяснять истины вѣры для мышленія человѣческаго. Въ этихъ стремленіяхъ, какъ мы знаемъ, она заходила под- часъ слишкомъ далеко. Это различіе въ воззрѣніяхъ на отношенія разума къ вѣрѣ находило себѣ отго- лоски въ членахъ предъидущихъ вселенскихъ соборовъ IV и V вѣка. Въ дѣятельности ихъ, въ опредѣленіяхъ ихъ слышится или вѣяніе школы александрійской, или школы антїохійской. Спорный вопросъ рѣшенъ былъ съ полною опредѣленностію лишь нашимъ соборомъ, соборомъ

Халкидонскимъ. На какой точкѣ зрѣнія стояли представители собора Халкидонскаго при разсматриваніи этого вопроса, ясно видно изъ слѣдующаго заявленія извѣстнаго Евсевія Дорилейскаго, которое сдѣлано было имъ на первомъ засѣданіи собора. Когда перечитывалось здѣсь Евтихievo исповѣданіе вѣры, представленное этимъ еретикомъ собору разбойничему, и когда при этомъ чтеніи дошла очередь до того мѣста въ исповѣданіи, гдѣ говорилось: „св. Кириллъ постановилъ опредѣленіе: тѣ, кто вопреки этой вѣрѣ (никейскому символу) что-либо прибавить, или измѣнить, или будетъ учить, подвергать наказаніямъ“, — Евсевій епископъ Дорилейскій вслухъ всего собора сказалъ: „онъ (Евтихій) солгалъ, нѣтъ такого опредѣленія, нѣтъ правила повелѣвающаго это“ (*οὐκ ἔστιν ὁρος τοιοῦτος, οὐκ ἔστι κανὼν τοῦτο διαγορευόν*). Слова Евсевія не встрѣтили противодѣйствія въ отцахъ собора; противъ него говорилъ лишь одинъ Діоскоръ <sup>1)</sup>. Слова Евсевія заключаютъ въ собѣ ту мысль, что объясненія и истолкованія истинъ вѣры могутъ быть ограничиваемы, но не могутъ быть запрещены и отвергаемы <sup>2)</sup>. Вообще изъ дѣяній халкидонскаго собора видно, что сторона онаго, къ которой принадлежалъ Евсевій, ратовала за позволительность изслѣдованій въ области вѣры въ противоположность Діоскору и прочимъ александрійцамъ, которые несочувственно относились къ подобному требованію <sup>3)</sup>. При заключеніи своихъ дѣяній соборъ халкидонскій ясно высказывается по данному вопросу въ смыслѣ Евсевія Дорилейскаго, признавая права разума въ изысканіяхъ и истолкованіи вѣры: въ этомъ случаѣ чувствуется вліяніе школы антиохійской, которая вообще кладетъ ясную печать своихъ доктринъ на всѣхъ дѣйствіяхъ собора Халкидонскаго. Не противорѣчитъ сейчасъ высказанному то обстоятельство, что отцы собора Халкидонскаго въ своемъ вѣроопредѣленіи строго запрещаютъ по вопросу о боговочеловѣченіи писать или учить иному, чѣмъ какъ постановилъ соборъ <sup>4)</sup>, по-

<sup>1)</sup> Acta Chalced. p. 57. Дѣян. III, 186.

<sup>2)</sup> См. Arendt. Leo d. Grosse s. 244—5.

<sup>3)</sup> Acta Chalced. p. 55. Дѣян. III, 181.

<sup>4)</sup> Acta Chalced. p. 253. Дѣян. IV, 109.

тому что это правило только ограничиваетъ пытливость, но не устраняетъ возможности богословствованія въ религиозной области. Свое истинное воззрѣніе на необходимость, пользу и невозбранность догматическихъ изысканій и разъясненій въ церкви, соборъ прекрасно выразилъ въ „рѣчи“, съ которой онъ, по заключеніи своей дѣятельности, обращается къ императору Маркіану. Представимъ анализъ этой рѣчи. Ораторъ (имя его неизвѣстно) въ началѣ рѣчи говоритъ о томъ, что были и есть люди, которымъ представляется дѣломъ незаконнымъ и непозволительнымъ терпѣть какія либо изложенія вѣры помимо символа никейскаго. Вслѣдствіе этого онъ стремится къ тому, чтобы устранить подобный предрасудокъ. Прежде всего онъ высказываетъ общую мысль, что никогда и никѣмъ не запрещалось вопреки враговъ истины дѣлать надлежащее раскрытіе догматовъ, напротивъ оно всегда позволялось и требовалось. Затѣмъ ораторъ въ краткихъ чертахъ изображаетъ обстоятельства прежде бывшихъ вселенскихъ соборовъ и отсюда выводитъ заключеніе, что свобода богословскаго изслѣдованія можетъ имѣть свое законное мѣсто въ области религиозной. Ораторъ ведетъ свое дѣло такъ: сначала онъ приводитъ изреченія символа никейскаго о Божествѣ Сына Божія и Духа св. и затѣмъ указываетъ, что тотъ или другой пунктъ ученія символа подвергался спорамъ, еретическимъ перетолкованіямъ, вслѣдствіе чего возникла неотложная нужда раскрывать истинное ученіе въ новыхъ изложеніяхъ вѣры. Явилось ученіе Маркелла, Фотина, Македоніанъ, изъ которыхъ одни искажали ученіе о Сынѣ Божіемъ, другіе ученіе о Духѣ св., символъ никейскій сталъ недостаточнымъ для того, чтобы противодѣйствовать лжеученіямъ. И вотъ является символъ константинопольскій, болѣе или менѣе новое изложеніе вѣры. Онъ направленъ былъ противъ новыхъ ересей и въ этомъ его неоспоримое право на существованіе. Но на этомъ дѣло не остановилось. И другія слова символа никейскаго впослѣдствіи также подверглись спорамъ и еретическимъ перетолкованіямъ. Это именно слова, въ которыхъ въ немъ выражено ученіе о лицѣ Богочеловѣка: „спедшаго, воплотившагося, вочеловѣчившагося“. Символъ снова сталъ недостаточнымъ, чтобы низлагать ереси, каковы:

аполлинаризмъ, несторіанство, евтихіанство. Это побудило церковь къ раскрытію догматовъ, разъясненію истины. И вотъ являются многочисленныя сочиненія св. отцевъ, къ которымъ должно относиться съ величайшимъ уваженіемъ и отнюдь не говорить, что они излишни, не надобны. Истину разъясняли такіе великіе мужи, какъ Василій Великій, папа Дамась, Афанасій Великій, Кирилль Александрійскій, мудрый Іоаннъ архіепископъ Антиохійскій, Прокль, Левъ Великій. Сочиненія этихъ свѣтилъ церкви имѣютъ такое же право на существованіе какъ и символъ никейскій. Они могутъ стоять одно подлѣ другаго. — Какой же общій выводъ изъ всего этого получается для нашего оратора или лучше сказать для собора Халкидонскаго? Вотъ этотъ замѣчательный выводъ: „если кто въ настоящее время предлагаетъ остановить свободу (*δδεια*) желающимъ защищать вѣру, то пусть онъ это распоряженіе узаконитъ особенно для еретиковъ, чтобы они остановили неправду, а не пастыри — защищеніе<sup>4</sup>. Пусть узнаютъ, что намъ не запрещено выражать свои мысли, свое исповѣданіе подъ однимъ условіемъ: оно должно быть сообразно съ ученіемъ св. отцевъ<sup>5</sup>). Итакъ мы видимъ, что Халкидонскій соборъ вошелъ въ точнѣйшее разсмотрѣніе вопроса объ отношеніи мысли человеческой къ религіи и разрѣшилъ его, не только не устранивъ правъ мысли человеческой на разъясненіе догматовъ, но даже призывая ее къ подобной задачѣ. Соборъ ко благу церкви рѣшилъ вопросъ, который издавна раздѣлялъ школу александрійскую отъ антиохійской. Онъ предоставилъ ему свободу изслѣдованія, законно ограниченную. Указанный вопросъ, рано ли поздно ли церковь должна была рѣшить такъ, или иначе. И вотъ Халкидонскій соборъ постановилъ тако рѣшеніе, которое служитъ правиломъ для православныхъ богослововъ, сыновъ православной церкви. Не отдавая себѣ отчета мы однакожъ въ богословской наукѣ, нѣтъ сомнѣнія, стоимъ неизмѣнно на точкѣ зрѣнія халкидонскаго собора. Шестьсотъ отцевъ собора халкидонскаго на вѣки благословили богословскую науку и ея дѣло.

II. Послѣ собора II вселенскаго константинопольскаго,

<sup>4</sup>) Acta Chalced. p. 344—347. Дѣян. IV, 384—391.

составившаго новую редакцію символа, во все время до халкидонскаго собора и на немъ самомъ, замѣчается болѣе или менѣе ясная борьба между двумя редакціями символа: никейскаго и константинопольскаго. Никейскій символъ признавался всюду въ церкви въ качествѣ символа, имѣющаго высокое церковное значеніе. Не такъ было съ символомъ константинопольскимъ. Были цѣлыя церкви, которыя, держась символа никейскаго, отказывались отъ принятія символа константинопольскаго. Но также были и такія церкви, въ которыхъ символъ константинопольскій преимуществовалъ предъ символомъ никейскимъ, хотя послѣдній продолжалъ употребляться въ практикѣ <sup>6)</sup>. Символъ константинопольскій здѣсь почитался редакціей болѣе совершенной; въ особенности въ виду борьбы съ еретиками. Настояла надобность придать всеобщій церковный авторитетъ символу константинопольскому рядомъ съ символомъ никейскимъ. Это и дѣлаетъ соборъ халкидонскій. Здѣсь, какъ мы знаемъ, онъ читанъ былъ въ качествѣ вѣроизложенія, которое должно лежать въ основѣ православнаго раскрытія вѣры. Онъ внесонъ былъ въ самое „вѣроопредѣленіе“ собора, при чемъ ему отданы самыя высокія хвалы. Въ „рѣчи“ собора халкидонскаго къ императору онъ выставляется, какъ полезнѣйшее руководство въ борьбѣ съ лжеученіемъ. Словомъ, соборъ халкидонскій придаетъ символу константинопольскому вселенское значеніе. Послѣ этого названный символъ утверждается и приѣмлется во всѣхъ церквахъ. Противодѣйствія въ этомъ случаѣ были безсильны <sup>7)</sup>. О символѣ константи-

<sup>6)</sup> Напр. при крещеніи. Acta Chalced. p. 345. Дѣян. IV. 385.

<sup>7)</sup> Отказались принять символъ еретики — монофизиты въ церкви александрійской. Они писали императору Льву (457—474 г.г.) преемнику Маркіана: „собора ста пятидесяти отецъ мы не знаемъ“ (Synodum centum quinquaginta nescimus). Concilia, t. II, pars 1, p. 377. Дѣян. IV. 492. На первыхъ порахъ, кажется, не приняли символа константинопольскаго нѣкоторыя церкви на востокѣ и Иллирикѣ, наклонныя къ монофизитству, благопріятствующія крайнему александрійскому направленію. Таковы церкви первой Арменіи, Озроэнской (Едесской) области, первой Финикіи, древняго Эпира. Что исчисленныя церкви, повидимому, сначала не приняли символа константинопольскаго, объ этомъ мы догадываемся на основаніи посланій этихъ церквей къ императору Льву. Ибо въ посланіяхъ, написанныхъ въ отвѣтъ на вопросъ, предложенный императоромъ всѣмъ церквамъ,

нопольскомъ, какъ вѣроизложеніи вселенской важности, упоминають со времени халкидонскаго собора, какъ соборы вселенскіе и епископы всего христіанскаго міра, такъ и гражданское законодательство. Символь константинопольскій, рядомъ съ символомъ никейскимъ, читается на пятомъ и шестомъ вселенскихъ соборахъ. Что касается до отдѣльныхъ христіанскихъ церквей, то онѣ подаютъ свой голосъ въ пользу символа константинопольскаго тотчасъ же послѣ халкидонскаго собора. Папа Левъ великій писалъ къ епископамъ на востокъ, послѣ собора этого: „все братство ваше знаетъ, что опредѣленія св. собора, который собирався для утвержденія вѣры въ Халкидонѣ, я принялъ всѣмъ сердцемъ“<sup>8)</sup>. Безъ сомнѣнія, здѣсь разумѣлось вѣроопредѣленіе халкидонское, въ которое былъ включенъ и символъ константинопольскій. Патріархъ константинопольскій Анатолій также заявлялъ свое согласіе съ вѣроопредѣленіемъ собора константинопольскаго вселенскаго<sup>9)</sup>. Тоже сдѣлалъ преемникъ Діоскора патріархъ александрійскій Протерій<sup>10)</sup>. Въ Александріи это былъ еще первый случай признанія символа константинопольскаго въ качествѣ вселенскаго символа. Доселѣ ничего подобнаго исторія не встрѣчала здѣсь. Представители прочихъ важнѣйшихъ церквей христіанскихъ также теперь, со времени халкидонскаго собора, явно признають значеніе указаннаго символа. До насъ дошла цѣлая масса свидѣтельствъ въ данномъ случаѣ<sup>11)</sup>. Мы не имѣемъ намѣренія исчислять всѣ церкви, которыя приняли символъ константинопольскій. Отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что даже церкви, которыя на самомъ халкидонскомъ соборѣ являлись

---

какъ слѣдуетъ смотрѣть на халкидонскій соборъ и его опредѣленія, — сказанныя церкви, упоминая символъ никейскій, не упоминають символа константинопольскаго (Concilia, *ibid.* p. 395. 383. 384. 405. Дѣян. IV, 603—5, 530, 532, 667).

<sup>8)</sup> Leonis ep. ad episcopos. Concil. *ibid.* p. 369. Дѣян. IV, 443—4. Сл. Hefele. V, II, s. 33.

<sup>9)</sup> Anatolii ep. ad Leonem imper. Concil. *ibid.* p. 378. Дѣян. IV, 502.

<sup>10)</sup> Concilia. *ibid.* p. 401. Дѣян. IV. 644. Слич. Hergenröther. Photius, V, I, s. 34—5.

<sup>11)</sup> Разумѣемъ посланія различныхъ церквей къ императору Льву, о происхожденіи которыхъ мы сказали выше въ примѣч. 7.



единомышленными съ церковію александрійскою и слѣдовательно не признававшими разсматриваемаго символа <sup>12)</sup>; что и эти церкви по заключеніи халкидонскаго собора однакожь подаютъ свой голосъ въ пользу символа константинопольскаго. Таковы церкви въ Эпирѣ; въ Елладѣ <sup>13)</sup>. Случалось даже, что еретики монофизиты, которые сообразно съ ихъ принципами должны были быть врагами символа константинопольскаго, также высказались въ пользу этого символа. Таковъ былъ Петръ сукновалъ, монофизитствующій патріархъ въ Антиохіи <sup>14)</sup>. Если обратимся къ гражданскому законодательству въ Византіи, то примѣчаемъ тоже явленіе. Послѣ собора халкидонскаго символъ константинопольскій объявляется въ императорскихъ указахъ, какъ безусловно обязательное исповѣданіе для каждаго христіанина. Давно ли царствовалъ императоръ Θεодосій младшій, который въ своихъ указахъ исключительно держался символа никейскаго <sup>15)</sup>, который призывалъ всехъ слѣдовать этому именно символу? А между тѣмъ преемникъ его императоръ Маркіанъ послѣ собора халкидонскаго прямо и рѣшительно становится защитникомъ символа константинопольскаго. Въ своихъ указахъ, назначенныхъ для руководства гражданъ всей имперіи, онъ постоянно рядомъ съ символомъ никейскимъ указываетъ и символъ константинопольскій <sup>16)</sup>. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ ближайшихъ преемниковъ Маркіана, хотя даже и были монофизитами, однакожь не отвергали символа константинопольскаго, а подтверждали его церковный авторитетъ. Императоръ Василискъ въ одно и тоже время отвергалъ

<sup>12)</sup> См. нашъ анализъ перваго дѣянія халкидонскаго собора, стр. 238—239.

<sup>13)</sup> Concilia, *ibid.* p. 406. 403. Дѣян. IV, 672. 654.

<sup>14)</sup> Евагрій. Церк. Истор. III, 17.

<sup>15)</sup> Concilia. t. I, pars 2 p. 471. t. II, pars 1, p. 89. 47. Дѣян. II, 493. III, 278. 157.

<sup>16)</sup> Concilia, t. II, pars 1 p. 352—3. 363. 371. Дѣян. IV, 405 407. 428 455. Исключеніе составляютъ его указы, адресованные къ буптовщикамъ монофизитамъ, монахамъ александрійской и Іерусалимской церкви. Въ нихъ изъ предосторожности, какъ бы еще болѣе не разжечь страстей, символъ константинопольскій умалчивается, а упоминается одинъ никейскій (*ibid.* p. 357. 361. Дѣян. IV, 410. 422).

халкидонскій соборъ и признавалъ символъ константинопольскій <sup>17)</sup>). Тоже встрѣчается въ такъ называемомъ энотиконѣ императора Зенона. Несмотря на непризнаніе халкидонскаго собора, Зенонъ однако стоитъ за символъ константинопольскій <sup>18)</sup>). Во времена императора Юстиніана авторитетъ II вселенскаго собора становится непререкаемымъ <sup>19)</sup>).

Уже на халкидонскомъ соборѣ можно примѣчать, что символу Константинопольскому иногда отдавалось предпочтеніе предъ символомъ никойскимъ. Это сдѣлалось основаніемъ, почему въ послѣдствіи символъ константинопольскій вытѣснилъ изъ употребленія символъ никейскій <sup>20)</sup>). Если мы въ настоящее время при крещеніи читаемъ и за богослуженіемъ слышимъ болѣе совершенную, по сравненію съ редакціей символа никейскаго, редакцію символа константинопольскаго, то этимъ мы обязаны собору халкидонскому.

III. Вѣроопредѣленіе собора халкидонскаго приобрѣло вскорѣ въ церкви общее уваженіе, ибо оно рѣшило и разъяснило, насколько возможно это относительно одного изъ таинственнѣйшихъ догматовъ, ученіе о лицѣ Богочеловѣка. Опредѣленіе собора халкидонскаго принято было епископомъ римскимъ <sup>21)</sup>). На востокъ также оно нашло себѣ всеобщее сочувствіе. Епископы египетскіе писали императору Льву I, что они почитаютъ соборъ „сохранившимъ вѣру цѣлою и неповрежденною“, „отсѣкшимъ плевельный наростъ, дѣйствовавшимъ по внушенію Духа Божія“, и что только четыре или пять епископовъ съ мятежнымъ монофизитомъ Ти-

17) Евагрій III, 4.

18) Евагрій III, 14.

19) Евагрій IV, 11.

20) Каспари въ своемъ превосходномъ трудѣ: Quellen zur Geschichte des Tauf-Symbols приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ концѣ V столѣтія въ восточной церкви при крещеніи стали употреблять символъ константинопольскій (Vand I, 113), при чемъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше вытѣсняется изъ церк. практики символъ никейскій (V. II, 28); въ тоже время константинопольскій символъ распространяется и получаетъ авторитетъ и въ церкви римской (V. II, 114. 115).

21) См. выше примѣч. 8.

мѳееемъ Элуромъ не признали авторитета собора этого <sup>22)</sup>. Соборъ халкидонскій и его опредѣленія приняла церковь Іерусалимская, признавая оный соборъ „святымъ, великимъ, вселенскимъ“. Такъ смотрѣли на дѣдо патріархъ Ювеналій и епископы такъ называемыхъ „трехъ Палестинъ“, т. е. всего патріархата Іерусалимскаго <sup>23)</sup>. Далѣе, на вопросъ, предложенный императоромъ Львомъ церквамъ вселенной: какъ смотрѣть на халкидонскій соборъ, всѣ епископы церквей Θракійскихъ, Понтійскихъ, Азійскихъ, Сирійскихъ, Елладскихъ и пр. и пр. отозвались о соборѣ съ полнымъ одобреніемъ <sup>24)</sup>. Свою особенную важность догматическое опредѣленіе халкидонскаго собора получаетъ отъ того, что оно не дало предпочтенія ни богословскимъ воззрѣніямъ александрійскимъ, ни антиохійскимъ. Оно помирило ихъ собою. Ученіе той и другой школы слилось въ одно ученіе. Два направленія богословскихъ, которыя доселѣ болѣе или менѣе враждебно наступали одно на другое, въ вѣроопредѣленіи халкидонскомъ братски примирились. Изъ двухъ родовъ богословствованія возникло одно богословское теченіе. Всѣ должны были быть довольными вѣроопредѣленіемъ, поскольку въ немъ видѣли отпечатокъ дорогихъ для нихъ стремленій и убѣжденій. Правда, немало было бурныхъ споровъ о лицѣ Богочеловѣка и послѣ собора халкидонскаго въ сферахъ монофизитскихъ, но эти споры ничуть не могли ниспровергнуть опредѣленнаго въ Халкидонѣ. И послѣ собора никейскаго истинное ученіе не вдругъ утвердилось въ церкви. Такова судьба великихъ истинъ: онѣ торжествуютъ только путемъ борьбы. — Опредѣленіе халкидонское легло въ основу воззрѣній дальнѣйшихъ вселенскихъ соборовъ. Отъ него отправлялись, какъ вѣрнѣйшей точки зрѣнія, въ спорныхъ вопросахъ. Оставляя въ сторонѣ пятый вселенскій соборъ, на которомъ не было изложено и провозгла-

<sup>22)</sup> Concilia, *ibid.* p. 373. 4. 5. Д. IV, 468—9: сл. 473. 482. Эти послѣдніе дѣйствительно прямо объявляли императору Льву въ посланіи: „Халкидонскаго собора церковь великаго городъ Александріи не принимаетъ“. (Дн. IV, 492).

<sup>23)</sup> Concilia. *ibid.* p. 372. Дн. IV, 460--2.

<sup>24)</sup> См. посланія этихъ и другихъ церквей. Concil. T. II, pars 1. Дн. т. IV.

шено никакого догматическаго опредѣленія<sup>25)</sup>; бросимъ взглядъ на богословствованіе VI и VII вселенскихъ соборовъ. Шестой вселенскій соборъ въ противодѣйствіи моноидитству изрекъ ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ. Чѣмъ руководствовался соборъ въ своихъ догматическихъ постановленіяхъ? Достаточно сравнить вѣроопредѣленіе VI вселенскаго собора съ вѣроопредѣленіемъ собора халкидонскаго, чтобы признать полное родство этихъ двухъ соборовъ. Вѣроопредѣленіе шестаго вселенскаго собора начинается тѣмъ, что со всею точностію передаетъ текстъ вѣроопредѣленія халкидонскаго собора по вопросу о лицѣ Богочеловѣка и на этомъ основаніи какъ краеугольномъ камнѣ провозглашаетъ ученіе о двухъ воляхъ во Христѣ<sup>26)</sup>. Что касается до VII вселенскаго собора, то мы должны съ увѣренностію утверждать, что провозглашенный отъ него догматъ объ иконоупотребленіи и иконопочитаніи въ церкви находитъ свою опору главнѣе всего въ вѣроопредѣленіи халкидонскомъ. Иконоборцы отрицали позволительность употребленія иконъ въ церкви на томъ основаніи, что богочеловѣческое лице Христа неизобразимо, что на полотнѣ и доскѣ передается лишь человѣческій образъ Христа, а не его Божественный зракъ. Эта мысль иконоборцевъ утверждалась на монофизитскомъ воззрѣніи, что Божество во Христѣ какъ бы упразднило въ Немъ чловѣчество. Рѣшеніе противоположное иконоборческому могло основываться главнѣйше на ученіи, что во Христѣ было два совершенныхъ естества— Божеское и человѣческое, два естества несліянныхъ, но и нераздѣльныхъ, вслѣдствіе чего и просто изображеніе одного человѣческаго зрака Христова должно было сильно говорить о Богочеловѣкѣ христіанскому чувству. А это и есть ученіе, провозглашенное въ опредѣленіи собора халкидонскаго. Соборъ VII вселенскій стоитъ ближе къ халкидонскому собору, чѣмъ какъ это можетъ представляться съ

<sup>25)</sup> Если пятый вселенскій соборъ и прерѣшаетъ нѣкоторыя постановленія IV Всел. собора относительно отдѣльныхъ лицъ, то однако онъ всецѣло блюдетъ вѣроопредѣленіе этого собора, и потому на его дѣянія нельзя смотрѣть какъ на противодѣйствіе опредѣленіямъ предъидущаго собора.

<sup>26)</sup> Hahn. Bibliothek der Symbole. S. 91, 92. Слич. 84.

перваго взгляда.—Итакъ халкидонское вѣроопредѣленіе въ дальнѣйшемъ теченіи церкви обнаруживаетъ свое дѣйствіе при рѣшеніи важнѣйшихъ догматическихъ вопросовъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что вѣра халкидонскаго собора стала вѣрой всего міра христіанскаго до сего дня <sup>27)</sup>.

IV. Халкидонскій соборъ поддержалъ и утвердилъ въ церкви авторитетъ извѣстной уніи. Уваженіе его къ уніи несомнѣнно слѣдуетъ какъ изъ того, что посланіе Кирилла: „да возвеселятся небеса“ было поставляемо на немъ на ряду съ символами никейскимъ и константинопольскимъ, такъ въ особенности изъ вѣроопредѣленія халкидонскаго собора, которое въ большей своей части изложено словами извѣстнаго исповѣданія Іоанна Антиохійскаго. Въ „рѣчи“ своей къ императору Маркіану соборъ халкидонскій снова и съ особенною силою смысляется опять на унію; какъ величайшее церковно-историческое явленіе. Сказавъ о томъ, что въ богословствованіи по вопросу о Богочеловѣчѣ надлежитъ сообразовать свои мысли съ ученіемъ отцевъ церкви, соборъ затѣмъ указываетъ, какими именно свято-отеческими сочиненіями должно руководиться въ указанномъ случаѣ. Такими, по его сужденію, должны быть именно сочиненія, какія приняты или появились въ церкви во время уніи, въ интересахъ уніи. Это — посланіе Афанасія къ Эпиктету, посланіе Кирилла къ восточнымъ, исповѣданіе вѣры мудраго (σοφός) Іоанна Антиохійскаго <sup>28)</sup>. Императорская власть съ своей стороны особымъ указомъ возстановляетъ честь и достоинство тѣхъ лицъ, которые такъ много пострадали отъ Dioskora за приверженность къ уніи. Императоръ Маркіанъ указомъ призываетъ имперію изгладить изъ памяти, что сдѣлано на соборѣ разбойничьемъ касательно Флавіана, Евсе-

<sup>27)</sup> Интересно слышать мнѣніе современника, протестанскаго писателя Schorpp'a (s. 38) о значеніи халкидонскаго собора. Онъ говоритъ: „полемика, какая подымается противъ него въ нашемъ столѣтіи, доказываетъ, что его господство не прекратилось. Халкидонскій соборъ вотъ уже полторы тысячи лѣтъ пользуется и пользуется вліяніемъ и значеніемъ, и въ этомъ заключается указаніе, что онъ представляетъ собой моментъ истины непреходящаго свойства. И если соборъ не даетъ осязательнаго рѣшенія вопроса, то развѣ настоящее время разрѣшило этотъ труднѣйшій вопросъ?“

<sup>28)</sup> Acta Chalced. p. 347. Дѣян. IV, 391.

вія Дорилейскаго, Θεодорита. Онъ объявляеть, что мощи Флавіана перенесены въ столицу, потому что онъ „блаженнѣ всѣхъ живыхъ“, потому что онъ былъ человѣкомъ „единственнымъ, который поистинѣ былъ достойнымъ епископомъ“, — а также Евсевію и Θεодориту возвращается незапятнанная честь <sup>29)</sup>. Конечно, императоръ дѣйствовалъ такъ не самъ по себѣ, но по вліянію отцевъ собора халкидонскаго, которые отнеслись съ уваженіемъ къ каждому изъ этихъ лицъ. Ибо соборъ восхваляеть вѣру Флавіана <sup>30)</sup>, радостно привѣтствовалъ появленіе на соборѣ Θεодорита и, когда поздиѣ на томъ же соборѣ онъ ясно исповѣдывалъ свое православіе, соборъ почтилъ его хвалебными кликами <sup>31)</sup>. Евсевій Дорилейскій стоялъ во главѣ собора халкидонскаго и его голосъ почтительно выслушивался всѣми <sup>32)</sup>. Какое же значеніе имѣеть то обстоятельство, что на соборѣ и послѣ собора унія была цѣнима и уважалась? Большое. Унія предначала важное дѣло. До времени ея александрійскіе богословы въ своихъ сочиненіяхъ при раскрытіи догматовъ довольствовались авторитетами александрійскаго направленія и чуждались писателей антиохійской школы; наоборотъ антиохійскіе богословы считали авторитетами въ богословской литературѣ только писателей, принадлежавшихъ къ ихъ школѣ, писателей же школы александрійской они или совсѣмъ не хотѣли знать или ограничивали ихъ значеніе въ наукѣ богословской. Была очевидная рознь, разьединеніе. Богословы двухъ школъ въ наукѣ и литературѣ сторонились одни другихъ. Представители же уніи изъ антиохійцевъ первые отбросили предубѣжденіе къ писателямъ противоположной школы. Они стали изучать ихъ, ува-

<sup>29)</sup> Concilia, t. II, pars. 1, p. 362. 363. Дѣян. IV, 426—7.

<sup>30)</sup> Acta Chalced. p. 73. Дѣян. III, 233.

<sup>31)</sup> Acta Chalced. p. 274—5. Дѣян. IV, 181.

<sup>32)</sup> Соборъ Халкидонскій не оставилъ безъ вниманія и другихъ страдальцевъ за унію. Ива Едесскій былъ оправданъ соборомъ и возстановленъ въ митрополическомъ достоинствѣ (Acta Chalced. p. 295. Дѣян. IV, 240—1). Домну, патр. антиохійскому, человѣку не искавшему никакихъ почестей, проводившему, по низверженіи его соборомъ разбойничьимъ, жизнь аскетическую, соборъ соблаговолилъ назначить пенсію изъ доходовъ церкви антиохійской (Acta Chalced. p. 298. Дѣян. IV, 246 и дал.).

жать, цитировать въ своихъ трудахъ. Такъ поступали: Іоаннъ, Домнъ Антиохійскій, Θεодоритъ<sup>33)</sup>. Отцы халкидонскаго собора поступали такъ же. Въ приложеніи къ „рѣши“ отцевъ собора къ Маркіану мы встрѣчаемъ приведенными свидѣтельства слѣдующихъ писателей, какъ равнозначительныя: Аѳанасія Александрійскаго и Флавіана, епископа Антиохійскаго, Кирилла Александрійскаго и Іоанна Златоуста<sup>34)</sup>. Такой обмѣнъ авторитетами былъ весьма важенъ для науки богословской. Этимъ устранялась односторонность научно-богословскихъ воззрѣній<sup>35)</sup>. вмѣсто двухъ школьныхъ литературъ возникаетъ одна церковная литература. Горизонтъ богослововъ-писателей расширяется. Позднѣйшіе писатели, напр. Максимъ исповѣдникъ, Іоаннъ Дамаскинъ, иатр. Фотій съ равнымъ уваженіемъ относятся къ писателямъ и школы александрійской и антиохійской. За мѣтимъ еще, что нѣкоторыя положенія, выработанныя во время уніи, сдѣлались послѣ халкидонскаго собора общимъ и непререкаемымъ достояніемъ богословской науки. Таково напр. экзегетическое правило, что одни изреченія евангельскія и апостольскія нужно относить къ Божеству Христа, другія къ Его человечеству, иныя къ божеству и человечеству заразѣ. Вообще нужно сказать, что вся послѣдующая богословская литература, не исключая и современной намъ православной литературы, стоитъ слишкомъ близко по своимъ началамъ къ халкидонскому собору. Не думаемъ, чтобы мы говорили парадоксъ.

V. Разсматривая догматическую исторію первыхъ 4-хъ вселенскихъ соборовъ, мы наблюдаемъ то интересное явленіе, что богословское теченіе александрійское, за рѣдкими исключеніями, постоянно дружественно относится къ папству, тогда какъ представители антиохійскаго богословскаго правленія, исключая немногіе примѣры, постоянно давали

<sup>33)</sup> Hoffmann, Verhandlungen d. Kirchen-Versam. zu Ephesus. S. 75 und Anmerk. 413. Curs. patr. Migne, t. 25, prolegomena, p. 276. Сочиненіе Θεодорита: „Ераниятъ“.

<sup>34)</sup> Acta Chalced. p. 348—9. Дѣян. IV, 393 и дал.

<sup>35)</sup> Если бы напр. извѣстное догматическое посланіе Льва явилось во времена III всеа. собора, оно безъ сомнѣнія не встрѣтило бы сочувствія въ кругахъ александрійствующихъ.

отпоръ папамъ. Соборъ халкидонскій дѣйствовалъ въ духѣ представителей втораго направленія. Быть можетъ, еще никогда не дано было такъ сильно почувствовать папству, что его притязанія на власть въ церкви неосновательны, незаконны, какъ это сдѣлано соборомъ халкидонскимъ. Первое дѣяніе этого собора представляетъ поучительный примѣръ въ подобномъ родѣ. Когда папскіе легаты ни съ того, ни съ сего потребовали, чтобы Діоскоръ магнанъ былъ съ собора, ссылаясь единственно на то, что такъ приказалъ сдѣлать папа, словамъ легатовъ соборъ не внимаетъ. Легатовъ спросили: да какая же вина Діоскора, объясните? Легаты сказали: „Діоскоръ осмѣлился составить соборъ (разб.) безъ папскаго позволенія, чего никогда не было и не должно быть“. Соборъ не находитъ уважительно эту причину и снова обращается къ легатамъ съ вопросомъ: объясните дѣйствительную вину Діоскора и только тогда ваше желаніе будетъ исполнено. Затѣмъ соборъ хотя удовлетворяетъ желанію легатовъ, но далеко не вполнѣ<sup>36)</sup>. Отцы очевидно не придавали нималѣйшаго значенія правилу, что будто безъ воли папы не можетъ происходить соборовъ. Но самымъ важнымъ фактомъ, въ которомъ выразилось неуваженіе къ папскимъ притязаніямъ со стороны отцовъ собора, было провозглашеніе константинопольскаго патріарха равнымъ по достоинству, хотя и вторымъ по чину, съ папою римскимъ<sup>37)</sup>. Напрасно легаты протестовали на соборѣ касательно этого опредѣленія, напрасно потомъ папа Левъ домогался уничтоженія этого постановленія, — дѣло осталось безъ измѣненія. Это былъ такой важный фактъ, котораго папы не забывали во все теченіе хр. исторіи. Власть, которую папы приписывали исключительно себѣ—стоять во главѣ церкви, по этому опредѣленію собора халкидонскаго, они должны были раздѣлять съ патріархомъ византійскимъ. Могло ли что либо болѣе вредить папскимъ притязаніямъ? Основываясь на этомъ правилѣ, церковь восточная сумѣла охранять свое достоинство отъ папскаго порабощенія даже въ такія тяжкія времена, какъ XIII или

<sup>36)</sup> Acta Chalced. p. 41. Дѣян. III, 141—2.

<sup>37)</sup> Дѣяніе XVI.



**XV вѣкѣ. Соборъ халкидонскій однажды навсегда парализовалъ властолюбіе папъ въ отношеніи къ востоку. Церковь положила преграду, о которую разбивались ковы римскихъ первосвященниковъ...**

**Итакъ, вотъ заслуги собора халкидонскаго для церкви, православія, всего христіанскаго міра. Онѣ велики и разнообразны. Такими заслугами опредѣляется высокая честь этого вселенскаго собора, его громкая слава, его бессмертное имя.**

## П Р И Л О Ж Е Н І Е.

### **О символѣ нашей православной церкви или втораго Вселенскаго Константинопольскаго собора.**

Символь, который съ древнихъ временъ принятъ въ употребленіе церковію греческою, а за нею и нашею русскою православною церковію, который ежедневно читается за богослуженіемъ, которой произносится крещаемыми или ихъ восприемниками при совершеніи таинства крещенія, который изучается нами въ школахъ съ большими или меньшими комментаріями, есть символъ Константинопольскаго, втораго Вселенскаго, собора, или, какъ болѣе принято называть его у насъ, символъ Никео-константинопольскій.

Такое широкое употребленіе указаннаго символа у насъ въ русской церкви, должно бы, повидимому, обусловливать очень ясное и основательное представленіе о томъ, что такое символъ нашъ, какое его происхожденіе, какова была исторія его утвержденія въ церкви. Но, сколько знаемъ, всѣ подобныя вопросы доселѣ не находили себѣ разрѣшенія. Пастыри церкви ежедневно читаютъ и слушаютъ символъ, истолковываютъ его на церковныхъ бесѣдахъ и школьныхъ урокахъ, но остаются при самомъ неопредѣленномъ представленіи, что это символъ Никео-константинопольскій— и только. Въ сущности однакожъ вопросъ о нашемъ символѣ не такъ простъ, какъ это представляется для того, кто совсѣмъ не знакомъ съ иностранной литературой (проф. Чельцовъ, въ своей диссертаци: „Древнія формы символа“ познакомилъ читателей съ одной изъ болѣе распространенныхъ въ западной наукѣ попытокъ точнѣе уяснить проис-

хождение нашего символа, но съ тѣхъ поръ довольно таки утекло воды: западная наука въ настоящее время шире и глубже захватываетъ вопросъ). Въ западной литературѣ въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій, посвященныхъ этому вопросу. Въ ней можно встрѣчать даже такое радикальное мнѣнiе, что символъ Константинопольскiй не только не есть символъ втораго Вселенскаго собора, но и неизвѣстенъ былъ въ церкви до времени VII Вселенскаго собора, то есть до конца VIII вѣка. Вообще этимъ вопросомъ довольно занимаются на западѣ, о чемъ у насъ, кажется, совсѣмъ неизвѣстно.

Наше ознакомленiе состоитъ не въ томъ, чтобы ознакомить читателя со всѣми новыими западной науки разрѣшить данный вопросъ,—это дѣло слишкомъ сложное, а въ томъ, чтобы сообщить свѣдѣнiя объ одной изъ нихъ, самой новой и очевь любопытной и оригинальной. Разумѣется изслѣдованiе нѣмецкаго ученаго Адольфа Гарнака, помѣщенное въ известной Real-Encyclopädie Герцога (Real.—Encykl. V. VIII, 212—230. 1881), подъ заглавiемъ: „Константинопольскiй символъ“ (Constantinopolitanisches Symbol)<sup>1)</sup>.

Мы изложимъ съ возможною полнотою изслѣдованiе Гарнака о символѣ Константинопольскомъ и сдѣлаемъ нѣсколько замѣчанiй съ своей стороны въ силу правила *audiatur et altera pars*—тѣмъ болѣе, что изысканiя Гарнака, не смотря на всю ихъ ученость, еще не дѣлаютъ напрасною попытку поддерживать о происхожденiи символа то мнѣнiе, какое господствуетъ въ нашей церкви.

Свою статью „о Константинопольскомъ символѣ“ Гарнакъ начинаетъ такими словами: „Вторымъ изъ такъ называемыхъ вселенскихъ символовъ есть символъ Константинопольскiй. Онъ есть именно такой, который единственно по праву можетъ носить имя „вселенскаго“ символа, поскольку онъ пользуется официалънымъ значенiемъ въ греческой и рим-

<sup>1)</sup> Изслѣдованiе это даетъ ясное предствленiе о томъ, какую фазу въ своемъ развитiи проходить въ настоящее время вопросъ объ этомъ символѣ, какъ не дегокъ и запутанъ вопросъ, какъ много и серьезно онъ изучается, какъ много нужно со стороны нашей богословской науки, усилiй, чтобы поддержать наше церковное мнѣнiе о происхожденiи Константинопольскаго символа.

ской церкви, далѣе во всѣхъ восточныхъ схизматическихъ національныхъ церквахъ, и даже въ большей части протестантскихъ церквей и сектъ. Замѣтимъ прежде всего самое важное: западныя и греческія церкви подъ именемъ Никео-константинопольскаго и даже просто Никейскаго символа, употребляютъ въ практикѣ не символъ, составленный на Никейскомъ соборѣ 325 года („символь 318 епископовъ“); но, какъ обыкновенно полагаютъ, распространенную редакцію этого символа, принятую, по традиціонному взгляду, въ Константинополѣ на Вселенскомъ соборѣ 381 года“.

Для того, чтобы дать надлежащее разъясненіе вопроса о происхожденіи и первоначальной исторіи этого символа, Гарнакъ хочетъ вести рѣчь о слѣдующихъ матеріалахъ: 1) о подлинномъ текстѣ Константинопольскаго символа, 2) Никейскомъ символѣ, 3) о происхожденіи Константинопольскаго символа и его отношеніи къ Никейскому, 4) объ исторіи Константинопольскаго символа въ церкви. Первый изъ поставленныхъ частныхъ вопросовъ, на какіе хочетъ обратить вниманіе Гарнакъ, мы опустимъ въ нашемъ приложеніи въ виду слишкомъ большой спеціальности его, и потому анализъ изслѣдованія нѣмецкаго ученаго начнемъ со втораго изъ помѣченныхъ имъ вопросовъ.

1. „Такъ какъ символъ Константинопольскій до настоящаго времени и уже съ начала среднихъ вѣковъ носитъ имя *Никео-Константинопольскаго* или просто *Никейскаго*, такъ какъ его считаютъ за простое распространеніе этого послѣдняго символа, даже прямо смѣшиваютъ съ нимъ, такъ какъ наконецъ неоспоримо онъ заключаетъ въ себѣ много родственнаго съ Никейскимъ символомъ, то, для того, чтобы правильно понимать исторію возникновенія константинопольскаго символа, нужно возвратиться къ вопросу о возникновеніи и исторіи самаго Никейскаго символа. Никейскій символъ, оригинальный текстъ коего можетъ быть возстановленъ на основаніи самыхъ лучшихъ источниковъ, составленъ первымъ вселенскимъ соборомъ, какъ первое относительное заключеніе тринитарнаго спора, составленъ подъ давленіемъ императорской воли и явился, благодаря моральному преобладанію маленькой Александрійской партіи“. Тѣ предварительныя обстоятельства, которыя въ заключеніе привели къ

побѣдѣ сторонниковъ Александрійской партіи и къ составленію и принятію символа, остаются въ темнотѣ; потому что Евсевій умышленно хранитъ молчаніе, оставляя сокрытыми ближайшія обстоятельства дѣла, позднѣйшіе же историки черпали свои свѣдѣнія изъ области легендъ. Также и о первоначальномъ смыслѣ слова *μονοθεος* нельзя составлять себѣ достаточно вѣрнаго понятія. Однакоже извѣстно, что Евсевій въ главномъ правъ, именно — если онъ говоритъ, что предложенный отъ него крещальный символъ церкви Кесарійской послужилъ основаніемъ для новой формулы (т. е. Никейской), хотя подробности, о которыхъ говорить при этомъ Евсевій, мало могутъ заслуживать вѣроятія. Указанное извѣстіе Евсевія подтверждается наслѣдованіемъ композиціи Никейскаго символа. Важнѣйшія свѣдѣнія касательно композиціи никейскаго символа <sup>1)</sup> заключаются въ слѣдующемъ: I. Никейскій символъ имѣетъ въ своей основѣ, какъ показываетъ сравненіе, крещальный символъ церкви Кесарійской. II. Отъ этого послѣдняго онъ отличается: а) нѣкоторыми пропусками и небольшими измѣненіями, б) принесеніемъ въ него Александрійскихъ крестологическихъ выраженій, в) редакція его носитъ печать приспособленія къ іерусалимско-антіохійскимъ крещальнымъ исповѣданіямъ вѣры. III. Никейскій символъ составленъ не въ качествѣ крещальнаго символа, а въ качествѣ, излагающаго ученіе о Сынѣ Божіемъ, правила вѣры (*Glaubensregel*), вложеннаго въ рамки символа. *Объясненіе* пункта: II, а). Выпущены изъ символа Кесарійскаго слѣдующія выраженія: *Божіе Слово* (вмѣсто того поставлено: *Сына Божія*), *Перворожденнаго всей твари, прежде всего въковъ отъ Отца рожденнаго* (вмѣсто того: *рожденнаго отъ Отца*) и видоизмѣнена фраза: *Сына едиnorodнаго* такъ: *едиnorodнаго* и т. дал. до слова — *Бога* (привнесеніе въ смыслѣ Александрійскихъ воззрѣній). Эти пропуски очень важны для правильнаго пониманія Никейскаго символа, ибо они доказываютъ, что торжествующая Александрійская партія хотѣла избѣгнуть въ составленномъ отъ нея правилѣ вѣры всякой двусмысленности и всякихъ недоразумѣній и что она далека была отъ

<sup>1)</sup> Полный текстъ символа Никейскаго см. выше на стр. 26—27.

всякаго компромисса. Вычеркнутыя фразы, хотя онѣ и являлись въ сущности библейскими, были однакожъ такими, которыя часто употребляли и открытые враги и полвраги. Поэтому рѣшено было выключить ихъ изъ новаго (Никейскаго) правила вѣры. *Объясненіе* пункта: II, *б*). Новыми александрійскими вставками были слѣдующія прибавки: 1) *то есть изъ сущности Отца*, 2) *рожденнаго, не со-твореннаго*, 3) *единосущнаго Отцу*, 4) шесть христологическихъ анаеѳематизмовъ въ концѣ символа. *Объясненіе* пункта: II, *с*). Все прочее, чѣмъ отличается символъ Никейскій отъ Кесарійскаго, не имѣетъ догматической природы, но составляетъ редакціонныя измѣненія. Эти видоизмѣненія вообще такого рода, что они стоятъ въ согласіи со словоизложеніемъ крещальныхъ Іерусалимско-антіохійскихъ помѣстныхъ символовъ. Нужно думать, что они представляютъ, не имѣющую догматическаго значенія, уступку патриархамъ Антіохійскому и Іерусалимскому, первенствующимъ на соборѣ. Эти измѣненія слѣдующія: 1) въ первой части символа (о Богѣ Отцѣ) поставлено: *πάτρων* вмѣсто *ἀλάτρων*, 2) перемѣщеніе словъ: *черезъ котораго все произошло*, 3) прибавка: *какъ на небѣ, такъ и на землѣ*, 4) прибавка: *насъ ради челоѳковъ*, 5) прибавка: *снисшедшаго*, 6) *вочелоѳчившагося* вмѣсто: жившаго между челоѳками, 7) *на небеса* вмѣсто: ко Отцу, 8) *градущаго*, вмѣсто: имѣющаго опять прійти, 9) присоединеніе слова: *Святаго* къ слову: *Духа* (въ третьей части символа—о Духѣ св.). *Объясненіе*: пункта III. Что Никейскій символъ не есть крещальный символъ, но правило вѣры разъясняющее ученіе о Сынѣ Божіемъ, это открывается: 1) изъ краткости третьей части символа, гдѣ совершенно нѣтъ упоминанія о церкви, оставленій грѣховъ, воскресеніи плоти и вѣчной жизни, о такихъ предметахъ, которые или всѣ или частію, въ началѣ IV-го вѣка, встрѣчаются почти во всѣхъ крещальныхъ символахъ. 2) изъ прибавленія анаеѳематизмовъ въ концѣ его. Вслѣдствіе указанныхъ прибавокъ и опущеній, и также вслѣдствіе несоразмѣрной подробности второй части символа (о Сынѣ Божіемъ), наконецъ вслѣдствіе исключенія двусмысленныхъ библейскихъ фразъ исповѣданіе получило характеръ теоретическій (*theoretisirenden*),

не литургическій и не библейскій. Въ послѣдующее время, послѣ Никейскаго собора это послужило главнымъ поводомъ къ борьбѣ противъ символа. Не только ариане и евсевіане нападали на него подѣ предлогомъ, что онъ не библейскій, но и мужи, въ существѣ дѣла сходявшіеся во мнѣніяхъ съ Никейскимъ соборомъ, также не рѣшались вполне соглашаться съ нимъ, символомъ. Съ другой стороны, если возьмемъ во вниманіе, съ какой побѣдоносной рѣшительностью и съ какою силою это исповѣданіе поражали арианизмъ, а также и то, что оно заключало въ себѣ самое сильное осужденіе всякой двусмысленности, какая только могла представляться, — если возьмемъ во вниманіе равно и то, что на символъ этотъ хотѣли смотрѣть какъ на образецъ ученія и какъ на общій церковный законъ, хотя и не какъ на крещальный символъ, то найдемъ здѣсь яснѣйшее доказательство энергіи маленькой Александрійской партіи <sup>1)</sup>. Изъ актовъ соборовъ, изъ твореній отцевъ церкви, даже изъ сочиненій еретическихъ писателей весьма легко было бы привести множество цитатъ (изъ времени 350—450 г.),

---

<sup>1)</sup> „Но сама эта партія еще не уяснила себѣ во всей подробности проблемму, а потому „исповѣданіе“ не могло быть достаточнымъ для восторонняго рѣшенія ея. Символь въ разныхъ отношеніяхъ былъ преждевремененъ, и это—къ собственному вреду. Онъ былъ преждевремененъ въ разсужденіи теологической точки зрѣнія его собственныхъ защитниковъ: ихъ теологія не была еще отчетлива, не была еще рѣшительна въ отношеніи къ модализму (видъ монархіанства) и потому не была ясна; для нихъ еще не выяснилось значеніе ученія о Св. Духѣ (т. е. въ началѣ споровъ арианскихъ). Онъ былъ преждевременнымъ, какъ скоро его хотѣли сдѣлать общецерковнымъ закономъ; ибо церковная іерархія большею частію шла еще противъ этого символа. Въ продолженіе слѣдующихъ десятилѣтій Никейскій символъ весьма сильно былъ осмариваемъ и противъ него выставленъ былъ цѣлый рядъ символовъ со стороны его враговъ. Борьба эта была собственно борьбой изъ—за этого символа. Въ этой борьбѣ защитники его пришли къ мысли охранять самую букву его и остерегались даже хотя бы въ *одномъ* словѣ отступать отъ него; чуждались всякаго объяснительнаго расширенія его въ духѣ православія; считали законную почву потерянною, какъ скоро они сами себѣ допустили бы употреблять или провозглашать хоть сколько нибудь иначе формулированный символъ. Такъ на соборѣ Сардикійскомъ, 344 года, просто повторенъ былъ символъ Никейскій; такъ называемая Сардикійская формула вѣры, составленная въ духѣ православномъ, хотя и предложена была на соборѣ, но не была принята на немъ“.

которыя бы свидѣтельствовали о высокомъ уваженіи къ Никейскому символу, какъ содержащему апостольское преданіе, и говорили бы въ пользу его абсолютной неприкосновенности. Лишь *одно* представляло затрудненія и приводило къ различіямъ между приверженцами Никейскаго символа, это именно вопросъ, какъ впередъ поступать при крещеніи. Мы уже видѣли, что символъ Никейскій не есть символъ крещальный, но есть правило вѣры, и дѣйствительно нѣтъ ни одного свидѣтельства въ пользу того, чтобы гдѣ либо въ церкви, между 325 и 361 годами, употреблялся символъ этотъ при совершеніи крещенія, а оставались въ употребленіи въ этомъ случаѣ древніе символы помѣстныхъ церквей. Но когда, съ восшествіемъ на императорскій престолъ Юліана, православная партія снова подняла голову, когда знаменитыми соборами въ началѣ шестидесятихъ годовъ быстро и успѣшно совершена была рѣшительная реставрація православія, когда мужественные епископы въ Малой Азіи и Сиріи выступили за православіе и повели это дѣло съ силою, мудростью и благоразуміемъ, такъ что православная позиція стала защищеною со всѣхъ сторонъ, тогда явилось желаніе, чтобы и при торжественномъ актѣ крещенія произносимо было чистое Никейское исповѣданіе. Это приведено было въ исполненіе такимъ образомъ: или начали приносить главнѣйшія Никейскія выраженія въ древніе помѣстные крещальные символы, или позволяли себѣ расширять и распространять Никейскій символъ, такъ что онъ сталъ пригоденъ для спеціальной цѣли, сталъ пригоднымъ для употребленія въ таинствѣ крещенія, или же наконецъ этотъ самый символъ, не смотря на его неполноту и его полемическій характеръ, безъ всякихъ измѣненій ввели въ практику при совершеніи крещенія. Всѣ эти три способа дѣйствительно имѣли мѣсто въ церкви въ теченіи столѣтія между соборомъ Александрійскимъ (362 г.) и Халкидонскимъ; въ исторію этихъ то попытокъ входитъ по своему происхожденію и символъ, который носитъ названіе Константинопольскаго“.

Таковы сужденія Гарнака по поводу происхожденія и исторіи символа Никейскаго, сужденія служащія подготовленіемъ для дальнѣйшихъ выводовъ его о происхожденіи собственно



Константинопольскаго символа. Вообще онѣ правильны и свидѣтельствуютъ о серьезномъ изученіи этимъ ученымъ даннаго вопроса. Есть конечно мысли, выраженные языкомъ, не привычнымъ для православнаго человѣка, но этого нельзя ставить въ винѣ протестантскому автору. Сдѣлаемъ лишь два замѣчанія по поводу приведенныхъ разсужденій Гарнака. Авторъ говоритъ, что символъ Никейскій составленъ „подъ давленіемъ императорской воли“. Признаемся, этого мы не понимаемъ. Для такого утвержденія нельзя указать никакого доказательства; мысль автора вполне произвольна. Еще: намъ ни гдѣ не встрѣчалось читать объясненія, подобнаго тому, какое даетъ Гарнакъ относительно вліянія партій собора Никейскаго на словоизложеніе символа. Вліяніе Александрійской партіи извѣстно, оно допускается въ наукѣ и принадлежитъ къ такимъ результатамъ научнымъ, противъ которыхъ спорить нѣтъ оснований. Дѣло другое—вопросъ: о вліяніи Антиохійской партіи на составленіе символа. Объ этомъ, сколько знаемъ, деселѣ ничего не извѣстно было въ наукѣ. Гарнакъ однакожъ допускаетъ такое вліяніе Антиохійской партіи (въ лицѣ патріарховъ Антиохійскаго и Іерусалимскаго, которыхъ онъ очевидно относитъ къ одной и той же партіи). Не споримъ. Дѣло темное. Можетъ быть предположеніе Гарнака и не лишено справедливости, но все же оно лишь предположеніе. Намъ однакожъ представляется странною характеристика Гарнакомъ этихъ двухъ партій — Александрійской и Антиохійской: каждая изъ нихъ по его словамъ представляется *господствующею* на соборѣ. Такъ Александрійской онъ приписываетъ преобладаніе (*ubergewicht*), называетъ ее побѣдоносною (*siegende*), а патріарховъ Антиохійскаго и Іерусалимскаго (или что то же — Антиохійскую партію) считаетъ руководителями собора (*dominirenden*). Мыслимо ли это? Кажется, авторъ нѣсколько путается въ представленіи дѣла, когда пытается сказать новинку, констатировать вліяніе антиохійцевъ при составленіи Никейскаго символа.— Но продолжимъ анализъ изслѣдованія Гарнака.

2. „По общему мнѣнію, утвердившемуся въ церкви съ VI вѣка, символъ Константинопольскій составленъ на вселенскомъ соборѣ 381 года. Этотъ соборъ, созданный Тео-

досіемъ I, чтобы прекратить македоніанскій споръ, будто бы пополнилъ Никейскій символъ чрезъ противодухоборческое распространеніе третьей части его (о Св. Духѣ), и такимъ образомъ, полагають, и возникъ символъ, который носить имя Никео-константинопольскаго; этотъ-то символъ потомъ перешелъ въ общее церковное употребленіе“. — „Что прежде всего поколебало мнѣніе о происхожденіи Константинопольскаго символа отъ II Вселенскаго собора, говоритъ Гарнакъ — это именно то, что символъ этотъ встрѣчается въ „Якорѣ“ (названіе сочиненія) св. Епифанія Кипрскаго, а это сочиненіе относится по своему происхожденію къ 373 или 4 году. Епифаній сообщаетъ его одной церкви въ Памфилии, въ качествѣ крещальнаго символа. Символъ, встрѣчаемый у Епифанія, отличается отъ Константинопольскаго кромѣ того, что въ немъ есть анаематства, принадлежащія Никейскому символу, только тѣмъ, что онъ имѣетъ двѣ фразы, какихъ нѣтъ въ Константинопольскомъ символѣ: *то естъ изъ сущности Отца, и какъ на небо, такъ и на землю*, въ остальномъ оба символа совершенно тождественны. Такое положеніе дѣла требовало по меньшей мѣрѣ измѣненія традиціоннаго мнѣнія, если не хотѣли считать этотъ Епифаніевъ символъ за прибавку, сдѣланную самимъ этимъ писателемъ въ своемъ трудѣ, послѣ 381 года, или если не хотѣли признавать его неподлиннымъ, интерполяціей, сдѣланной въ „Якорѣ“ въ позднѣйшее время. И вотъ въ силу этого, Гефеле по примѣру Тильмона и Селье принимаетъ, что соборъ (II Всел.) составилъ не новый собственно символъ, но только усвоилъ уже существующій — это именно символъ Епифанія — и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣнилъ его, сдѣлавъ его болѣе сокращеннымъ. Эту же гипотезу Тильмона принялъ Каспари (Каспари, замѣтимъ, первый спеціалистъ нашего времени по вопросу о символахъ, онъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ неизмѣнно работалъ надъ этимъ предметомъ и достигъ громадной учености, — плодомъ ея и былъ рядъ сочиненій о символахъ) и развилъ далѣе съ извѣстною ученостью. Также и по мнѣнію Каспари символъ Епифанія соборомъ Константинопольскимъ возвышенъ въ достоинство общецерковнаго символа; какимъ образомъ это случилось, — въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Каспари указы-

ваетъ на необычайное уваженіе къ св. Епифанію въ его время, вслѣдствіе чего соборъ Константинопольскій могъ быть знакомъ съ Кипрскимъ символомъ <sup>1)</sup>.

Но правда ли то, что онъ принятъ былъ соборомъ Константинопольскимъ 381 года? Ни въ одномъ документѣ нѣтъ, заявляетъ Гарнакъ, ни малѣйшаго указанія ни на выдающуюся роль, какую игралъ Епифаній на этомъ соборѣ, ни на принятіе соборомъ предложеннаго отъ Епифанія символа.—Мнѣніе о происхожденіи Константинопольскаго символа отъ собора 381 года неправильно и неправильность его, совершенно независимо отъ сужденія о символѣ Епифанія, можно доказать, утверждая на основаніяхъ *внѣшнихъ* и *внутреннихъ*. Внѣшнія основанія слѣдующія: 1) соборъ Константинопольскій вообще не былъ соборомъ вселенскимъ; императоръ Θεодосій созвалъ епископовъ только той части имперіи, какая была подчинена ему, и дѣйствительно только епископы Востока присутствовали на немъ, да и Востокъ-то имѣлъ не многихъ представителей на соборѣ. Соборъ составилъ изъ епископовъ Оракійскихъ, Малоазійскихъ и Сирійскихъ; онъ открылся прежде прибытія Александрійскаго патріарха и не многихъ Египетскихъ епископовъ, да и они не играли сколько нибудь видной роли на немъ. 2) Каноническія опредѣленія собора Константинопольскаго не были вносимы въ древнѣйшія греческія собранія каноноровъ. Уже братья Баллерини правильно вывели это заключеніе изъ того, что въ древнѣйшемъ латинскомъ переводѣ каноноровъ, Приски (полов. V-го вѣка), каноны Константинопольскіе впервые помѣщены были *послѣ* каноноровъ IV всел. собора. Изъ этого по справедливости можно дѣлать общее заключеніе, что опредѣленія собора 381 года только послѣ 451 года приобрѣли общее уваженіе на Востокѣ. 3) Между не многочисленными документами, которые сохранились до насъ въ качествѣ актовъ II всел.

---

<sup>1)</sup> „Что касается происхожденія самого символа, то Каспарі неопровержимо доказываетъ, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не самому Епифанію, также возникъ не на островѣ Кипрѣ, вѣроятно—что онъ составленъ еще за нѣсколько лѣтъ до 373 года и притомъ въ Сиріи. Такимъ образомъ символъ этотъ возникъ по крайней мѣрѣ лѣтъ за 15 до собора Константинопольскаго“.

собора, а такими служатъ 4 канона и посланіе къ императору,—символа не находится. Онъ внесенъ въ акты этого собора позднѣе, при чемъ не сообщается никакихъ подробностей о томъ, при какихъ историческихъ условіяхъ произошло его составленіе; притомъ онъ помѣщается въ актахъ на такомъ исключительномъ мѣстѣ, что уже Баллерини константиновали его вставку. 4) Сократъ рассказываетъ, что соборъ Константинопольскій, послѣ того какъ его оставили Македоніанскіе епископы, просто утвердилъ Никейскую вѣру, а также Созоменъ и Θεодоритъ не знаютъ о немъ ничего болѣе. Еще важнѣе то, что Григорій Назіанзинъ, присутствовавшій на соборѣ, въ своемъ написанномъ по окончаніи собора подробномъ посланіи о правилѣ вѣры къ Кледонію упоминаетъ лишь Никейскій символъ, о пополненіи же его или составленіи новаго символа не говоритъ ни слова. Это *argumentum e silentio* убійственно для традиціоннаго мнѣнія потому, что Григорій въ томъ же посланіи утверждаетъ, что Никейскій соборъ въ отношеніи къ ученію о Св. Духѣ неполонъ. Для Григорія невозможно было молчаніе, если бы соборъ Константинопольскій въ какомъ либо отношеніиполнилъ символъ Никейскій. 5) Латиняне послѣ этого собора подвергали осужденію многія изъ его распоряженій, и такъ какъ они объ общемъ авторитетѣ его ничего не знаютъ, то они до второй половины 5-го вѣка очевидно также не знаютъ ни о составленіи новаго символа на немъ, ни о пополненной редакціи Никейскаго собора. Но не иначе было и на Востокѣ; соборъ Константинопольскій 382 г. въ своемъ соборномъ посланіи къ епископамъ, собравшимся въ Римѣ, ссылается на Никейскій символъ, какъ на пригодный къ употребленію при крещеніи; вселенскій соборъ въ Ефесѣ, 431 года, на первомъ своемъ засѣданіи прочиталъ Никейскій символъ и занесъ его въ акты, о символѣ же Константинопольскомъ онъ совсѣмъ молчитъ. На соборѣ Разбойничьемъ, 449 г., на которомъ соборъ Ефесскій называется *вторымъ* вселенскимъ соборомъ, — слѣдовательно соборъ Константинопольскій не принимается въ счетъ, прочитывается Никейскій символъ и признается онъ единственнымъ, непререкаемымъ, неизмѣняемымъ основоположеніемъ чистаго ученія, — о символѣ же Константинопольскомъ опять

молчаніе. Во избѣжаніе подробностей, сошлемся на изслѣдованія Горта <sup>1)</sup> и Каспара, изъ которыхъ послѣдній тѣмъ больше заслуживаетъ довѣрія, что онъ убѣжденъ въ полнотѣ Константинопольскаго символа, — а въ этихъ изслѣдованіяхъ находится такой выводъ: „между 381 и 451 годами ни на Востокѣ ни на Западѣ нельзя встрѣчать ни въ соборныхъ актахъ, ни у одного отца церкви, ни еретическихъ теологовъ никакого вѣрнаго слѣда существованія Константинопольскаго символа, не говоря уже о томъ, чтобы гдѣ либо указывалось на него именно какъ на символъ Константинопольскаго собора или чтобы онъ употребляемъ былъ какъ оффиціальный крещальный символъ“. Можно бы пожалуй думать, что такъ какъ соборъ Константинопольскій до половины V-го вѣка не обладалъ авторитетомъ вселенскаго и притомъ, какъ это можно видѣть изъ посланій папы Льва I и изъ заявленій египетскихъ клириковъ во время IV вс. собора, на Западѣ и въ Египтѣ онъ не считался таковымъ, то опредѣленія его вскорѣ пришли въ забвеніе, а съ ними и новосоставленный символъ; можно бы пожалуй, далѣе, сослаться на извѣстіе, что по сообщенію Константинопольскаго собора 382 года соборъ Константинопольскій 381 года составилъ, къ сожалѣнію до насъ не сохранившійся, томъ (*τόμος*, т. е. разсужденіе или изложеніе) касательно православнаго ученія вѣры, а въ этомъ дѣлѣ и могъ заключаться новый символъ. Но это очень не вѣроятно, ибо а) вопреки этой гипотезы говорятъ данныя, сообщаемыя Григоріемъ Назіанзиномъ и тремя церковными историками, б) долженъ же однакожь гдѣ нибудь, по крайней мѣрѣ въ церкви Константинопольской, если соборъ Константинопольскій дѣйствительно составилъ символъ, найдтись слѣдъ этого символа въ ближайшую эпоху (до халкидонскаго собора); но ничего такого нѣтъ. Изъ одной бесѣды, произнесенной Златоустомъ въ Константинополѣ, можно

<sup>1)</sup> Гортъ—англійскій писатель. Ему принадлежитъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *On the St Pan creed and other eastern creeds of the fourth century*, Cambridge, 1876. Сочиненіе это намъ неизвѣстно, но мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что оригинальная мысль самого Гарнака о происхожденіи Константинопольскаго символа, съ которою мы далѣе познакоимся, навѣяна на него именно этимъ сочиненіемъ Горта.

наоборотъ заключать, что крещальнымъ символомъ въ церкви Константинопольской въ концѣ IV вѣка былъ символъ *не* Константинопольскій. с) Въ случаѣ, еслибы соборъ Константинопольскій дѣйствительно составилъ новый символъ, положимъ расширилъ никейскій, то судя по тому, что мы знаемъ о дѣятельности его, нужно было бы ожидать, что соборъ изложить его иначе, чѣмъ какъ изложенъ символъ Константинопольскій. Въ заключеніе d) нужно замѣтить, что не только до середины V-го, но даже до начала VI-го вѣка не находится, за единственнымъ исключеніемъ, ни одного вѣрнаго свидѣтельства въ пользу существованія Константинопольскаго символа. Такое единственное исключеніе составляютъ акты Халкидонскаго вселенскаго собора 451 года; въ нихъ находится Константинопольскій символъ рядомъ съ Никейскимъ и считается онъ символомъ собора 381 года. А съ началомъ VI вѣка онъ встрѣчается весьма часто вмѣстѣ съ Никейскимъ символомъ. Къ этому явленію мы еще возвратимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія. Итакъ изъ того, что нами сказано, ясно слѣдуетъ, что традиціонное мнѣніе, будто соборъ Константинопольскій составилъ второй символъ или пополнилъ Никейскій, въ силу указанныхъ *вѣдѣній* основаній нужно признать совершенно невѣроятнымъ“.

„Внутреннія основанія—пишетъ Гарнакъ—еще болѣе неблагоприятны для этого традиціоннаго мнѣнія, ибо можно доказать во I., что Константинопольскій символъ отнюдь не есть распространенный символъ Никейскій, во II-хъ, что еслибы соборъ составилъ новую редакцію символа или расширилъ Никейскую редакцію, то она не могла имѣть такого изложенія, какое имѣетъ символъ Константинопольскій. *Объясненіе* I пункта. Константинопольскій символъ отличается отъ Никейскаго не только присоединеніемъ новыхъ членовъ въ третьей части (о Св. Духѣ и пр.), но онъ отъ послѣдняго совершенно отличенъ; основныя части его совсѣмъ другія, хотя Никейскія слововыраженія и приняты въ него. Если сравнить Константинопольскій символъ съ Никейскимъ, то открывается: въ Константинопольскомъ недостаетъ а) словъ: *то есть изъ сущности Отца*, б) *Бога отъ Бога*, в) *какъ на небо такъ и на землю*, г) анае-

матство; 2) въ символѣ Константинопольскомъ прибавлены: а) слова: *Творца неба и земли*, (въ первой части о Богѣ Отцѣ) б) слова: *прежде всѣхъ вѣковъ* къ слову: *рожденнаго* (во 2-ой части о Сынѣ Б.), в) слова: *съ небесъ* къ слову: *сошедшаго*, д) слова: *отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы* къ слову: *воплотившагося*, е) слова: *распятаго же за насъ при Понтіи Пилатѣ* и предъ словомъ: *страдавшаго*, ф) слова: *и погребеннаго* послѣ слова: *страдавшаго*, г) слова: *по писаніямъ* послѣ словъ: *воскресшаго въ третій день*, h) слова: *и съдѣявшаго одесную Отца* послѣ: *возшедшаго на небеса*, i) слова: *и накі со славою* къ слову: *грядущаго*, к) слова: *Котораго царствію не будетъ конца* въ заключеніи второй части символа. 3) Есть различія въ расположеніи словъ и построеніи фразъ, такъ а) въ первой части мысль о Богѣ Отцѣ, какъ Творцѣ всего видимаго и невидимаго выражена иначе по сравненію съ символомъ Никейскимъ, б) во второй части слово: *μονογενῆ* (единороднаго) съ членомъ поставлено въ качествѣ приложенія къ словамъ: *ὐδὲ τοῦ Θεοῦ*, в) вмѣсто *рожденнаго отъ Отца* сказано: *отъ Отца рожденнаго*, д) члены во второй части символа, за исключеніемъ слова *распятаго*, всѣ соединены частицей *и*, е) въ третьей части сказано: *и въ Духа Святаго*, въ Никейскомъ наоборотъ: *и въ Святаго Духа*. Такимъ образомъ, если сравниваемъ Константинопольскій символъ съ Никейскимъ, то находимъ, кромѣ распространенія третьей части, 4 опущенія, 10 прибавокъ и 5 стилистическихъ измѣненій; вообще, на что впервые обратилъ вниманіе Гортъ, изъ 178 словъ въ Константинопольскомъ символѣ только 33 навѣрное взяты изъ Никейскаго, слѣдовательно нѣтъ и пятой части. Ни одинъ разсудительный человекъ при такомъ положеніи дѣла не станетъ болѣе утверждать, что Константинопольскій символъ есть только измѣненная редакція Никейскаго символа, но неизбѣжно заключеніе, что этотъ символъ или есть совершенно самостоятельный символъ, въ который лишь внесены нѣкоторыя выраженія изъ Никейскаго, или что въ основѣ его лежитъ какой нибудь другой болѣе древній символъ, который только исправленъ былъ въ духѣ Никейскаго ученія. Въ особенности доказываютъ это *мелкія* отступленія

въ немъ отъ словоизложенія Никейскаго символа; ибо часть сравнительно большихъ прибавокъ еще можно кое-какъ объяснить тѣмъ, что составлявшіе символъ хотѣли распространить Никейскую *regula fidei* съ цѣлю сдѣлать изъ него крещальный символъ и потому въ обиліи внесли въ вторую часть символа такіе члены, которые содержали факты изъ исторіи І. Христа. Такъ прибавку: *отъ Духа Святаго и Маріи Девы* пожалуй можно было бы объяснить тѣмъ, что ею хотѣли нанести пораженіе аполлинаристамъ. Но такой образъ разсужденія едва ли позволителенъ, какъ скоро возьмемъ во вниманіе, что число отступленій отъ Никейскаго символа слишкомъ велико; если оставимъ въ сторонѣ немногія Никейскія выраженія символа К—польскаго, то усмотримъ, что два символа разнятся между собою во всѣхъ пунктахъ и имѣютъ общаго между собою лишь то, что составляетъ общее для *всѣхъ* крещальныхъ символовъ древней церкви. Особеннаго вниманія требуютъ опущенія въ символѣ Константинопольскомъ. Съ точки зрѣнія гипотезы, что Константинопольскій символъ есть вновь проредактированный символъ Никейскій, распространенный и расширенный съ цѣлю сдѣлать изъ него крещальный символъ, легко понять, почему опущены анаѳематства Никейскія, такъ какъ они не умѣстны въ крещальномъ исповѣданіи; но иное дѣло—другія опущенія, какъ напр. опущенія двухъ слѣдующихъ выраженій: *то есть изъ сущности Отца и: Бога отъ Бога*. Какъ объяснимъ мы такое явленіе, что болѣе ста епископовъ, преданныхъ ученію Никейскому, на соборѣ собранномъ въ такое время, когда аріанизмъ былъ еще силенъ, — епископовъ, долгое время ведшихъ борьбу за символъ Никейскій, охраняя его слововыраженіе, — епископовъ, объявившихъ себя на этомъ соборѣ, весьма выразительно, въ пользу Никейскаго символа, — вычеркиваютъ самыя важныя Никейскія формулы изъ своего исповѣданія? Можетъ ли кто искать себѣ выходъ въ предположеніи, что отцы удержали слово: *ὁμοούσιος* и вычеркнули прочія выраженія, какъ въ сущности тождественныя съ этимъ словомъ? Ибо во первыхъ слово *ὁμοούσιος* вовсе не тождественно съ вычеркнутыми выраженіями, далѣе: если бы они и были тождественными, то однакожъ въ эпоху между 325 и 381 годами никто не



осмѣлялся бы въ такомъ родѣ сокращать символъ. Нѣтъ! такой фактъ легко объясняется только тогда, когда допустимъ, что Константинопольскій символъ не есть новая редакція Никейскаго, а есть самостоятельный, конечно православный, символъ, въ который внесены *необходимѣйшія* Никейскія слововыраженія, есть болѣе древній символъ помѣстной церкви,—ибо въ IV и V вѣкахъ вообще не составляли совершенно новыхъ крещальныхъ символовъ,—который чрезъ привнесеніе главнѣйшихъ изрѣченій изъ Никейской *regula* передѣланъ въ православно-Никейскій по своему характеру. Къ этой гипотезѣ приводитъ разсмотрѣніе двухъ прибавокъ, какія имѣетъ Константинопольскій символъ въ сравненіи съ Никейскимъ, — во первыхъ—прибавки: *прежде всѣхъ вѣковъ* къ словамъ: *отъ Отца рожденнаго*, затѣмъ другой прибавки: *по писаніямъ*. Что касается первой прибавки, то извѣстно, какъ Никейскіе отцы сильно боялись привносить представленіе о какомъ либо времечисленіи въ ученіе о рожденіи Сына отъ Отца, такъ какъ это могло вести къ недоразумѣніямъ; поэтому то они рѣшительно выбросили эти самыя слова (прежде всѣхъ вѣковъ) изъ вѣроизложенія Кесарійскаго. Ихъ нерасположенія къ этому выраженію должно было еще болѣе обостриться послѣ составленія примирительныхъ формулъ (символовъ) Антиохійскихъ и Сирійскихъ. Слѣдовательно, какимъ же образомъ отцы Константинопольскаго собора могли снова внести въ символъ эти слова, въ особенности въ томъ случаѣ, если Константинопольскій символъ былъ лишь новой редакціей Никейскаго? Не давалось ли бы этимъ законнаго права полуаріанамъ исказить и повреждать Никейскій символъ? И это въ 381 году, тогда, когда православіе торжествовало, Никейская вѣра одерживала окончательную побѣду, когда въ первомъ правилѣ этого собора читаемъ: „Вѣра 318 отцевъ собиравшихся въ Никеѣ Вивинской да не отмѣтается, но да пребываетъ господствующею“, а полуаріане ясно были осуждены! Это просто невозможно. Но все становится яснымъ, когда примемъ, что Константинопольскій символъ есть только исправленный въ Никейскомъ духѣ, конечно не въ Константинополѣ, болѣе древній крещальный символъ, который приведенныя выра-

женія имѣлъ уже въ готовомъ видѣ и къ которому лишь прибавлены самыя характеристическія изреченія Никейскаго символа. Тоже самое должно сказать и относительно загадочнаго выраженія: *по писаніямъ*. Это выраженіе въ продолженіе долгихъ споровъ (аріанскихъ) сдѣлалось настолько подозрительнымъ, что ни одинъ по-никейски мыслившій отецъ не имѣлъ основанія прибавлять его къ какому бы то ни было символу, не говоря ужъ о Никейскомъ. *Объясненіе* пункта II. Изъ доселѣ изложеннаго съ очевидностью слѣдуетъ, что символъ Константинопольскій не есть расширенный Никейскій, но въ Никейскомъ духѣ исправленный символъ помѣстной церкви, потому что въ высшей степени невѣроятно, чтобы подобная редакція могла произойти отъ Константинопольскаго собора 381 года. Объ этомъ соборѣ извѣстно только, что онъ утвердилъ Никейскій символъ. Ближайшее разсмотрѣніе третьей части символа, которая считается собственнымъ дѣломъ этого собора еще разъ покажетъ, какъ невѣроятно мнѣніе о происхожденіи даннаго символа отъ собора Константинопольскаго. Что на соборѣ 381 года ведена была борьба съ духоборцами, что съ этого времени считается ихъ окончательное отлученіе отъ православной церкви, что соборъ не только не заключилъ мира съ ними, но рѣшительно указалъ имъ двери, это составляетъ твердые историческіе факты. Вѣрно и то, что догматическій томъ, выданный соборомъ, но къ сожалѣнію потерянный для насъ, высказывалъ ученіе о полномъ единосущіи Духа св. со Отцемъ и Сыномъ. Но посмотримъ: какого рода предикаты, которые даются Духу Святому въ символѣ Константинопольскомъ? Здѣсь нѣтъ исповѣданія единосущія Духа съ Отцемъ и Сыномъ, довольствуются лишь такимъ ученіемъ о Духѣ Святомъ: „Господа, животворящаго, отъ Отца исходящаго, со Отцемъ и Сыномъ споклоняемаго и сславимаго, глаголавшаго въ пророкахъ“, т. е. довольствуются изрѣченіями, которыя конечно могутъ быть понимаемы и въ смыслѣ единосущія, но которыя прямо *не* выражаютъ еднносущія, изреченіями, которыя въ началѣ спора въ шестидесятыхъ годахъ могли считаться достаточными и тогда дѣйствительно могли служить правильнымъ выраженіемъ православія, изреченіями, которыя въ долж-

ной мѣрѣ направлялись противъ грубаго аріанизма, но которыя были совершенно не цѣлесообразными въ виду энергическихъ нападковъ на единосущіе Духа около 380 года. Развѣ духоборцы не могли учить и не учили, что Духъ господствуетъ и животворить, развѣ они не могли въ случаѣ крайности соглашаться и на формулу, что Духу должно поклоняться вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ? Такимъ образомъ съ вѣрностью можно утверждать, что подобное ученіе не могло быть послѣднимъ словомъ собора 381 года; этотъ соборъ не могъ своего ученія, своей вѣры въ единосущіе Духа облекать въ такія формулы, какія ему приписываются. Константинопольскій символъ безъ сомнѣнія содержитъ православное ученіе, но ученіе недостаточное. Слѣдовательно происхождение его опять слѣдуетъ относить ко времени болѣе древнему и мы вынуждены признать въ немъ крещальный символъ, который послѣ 362 года и именно до 381 года проредактированъ или исправленъ приспособительно къ ученію Никейскому и въ противодѣйствіе дѣхоборцамъ“.

Остановимся пока. Разсмотримъ кратко тѣ основанія, какія приводитъ Гарнакъ противъ традиціоннаго, какъ онъ называетъ его, мнѣнія о происхожденіи символа Константинопольскаго или II Вселенскаго собора именно отъ этого собора, при чемъ въ основу символа положена была редакція Никейскаго символа. Свои основанія Гарнакъ дѣлитъ на внѣшнія и внутреннія, разсмотримъ тѣ и другія. Внѣшнія основанія Гарнака намъ не представляются безспорно убѣдительными. 1) Пусть Гарнакъ не признаетъ II вселенскій соборъ *вселенскимъ*, пусть даже въ свое время соборъ этотъ не пользовался значеніемъ вселенскаго; для насъ достаточно того, что онъ въ послѣдствіи признанъ былъ церковію такимъ, а потому онъ и остается для насъ вполне вселенскимъ соборомъ. 2) Нисколько не удивительно, что каноны II Вселенскаго собора не были вносимы въ древнѣйшія греческія собранія церковныхъ правилъ (если это дѣйствительно фактъ), потому что авторитетъ константинопольскаго собора сдѣлался непререкаемымъ только послѣ Халкидонскаго IV вселенскаго собора. 3) Нѣтъ ничего подозрительнаго и внушающаго недовѣрія въ томъ обстоятельстве, что въ собраніи актовъ соборныхъ символъ помѣ-

щается на не урочномъ мѣстѣ, послѣ каноновъ, и безъ всякихъ пояснительныхъ замѣчаній объ его происхожденіи. Вѣдь извѣстно, что дѣйствительныхъ актовъ или протоколовъ II вселенскаго собора никогда не существовало, т. е. въ свое время ихъ не было составлено. Вслѣдствіе этого, документы, относящіеся къ этому собору, впоследствии извлекались изъ различныхъ источниковъ и размѣщались безъ определенной системы и случайно. Что же тутъ особеннаго, если символъ почему-то занялъ мѣсто въ документахъ у собирателей послѣ каноновъ? 4) Ссылаться на авторитетъ историковъ Сократа, Созомена и Θεодорита бесполезно, потому что они почти не даютъ никакихъ свѣдѣній о догматической дѣятельности II вселенскаго собора, говорить о немъ обще. Да и развѣ говорятъ они о томъ, какъ составленъ символъ никейскій? Они даже и не всѣ приводятъ его буквально. Что касается до Григорія Богослова, который въ своихъ сочиненіяхъ не дѣлаетъ упоминанія о символѣ константинопольскомъ, то это вопросъ сложный. Мы полагаемъ, что нами даны нѣкоторыя нити къ его разрѣшенію въ сочиненіи: „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ“. 5) Такъ называемый второй константинопольскій соборъ 382 года въ посланіи, писанномъ въ Римъ, не упоминаетъ о символѣ константинопольскомъ, по нашему мнѣнію, по слѣдующей причинѣ: этотъ соборъ имѣетъ въ виду оправдать нѣкоторыя стороны въ дѣятельности собора константинопольскаго 381 года, послужившія предметомъ къ нареканіямъ на Западѣ; въ этомъ смыслѣ и составлено извѣстное посланіе его въ Римъ. О символѣ же здѣсь не упоминается безъ сомнѣнія потому, что онъ не возбуждалъ тамъ, въ Римѣ, какихъ либо неудовольствій. Что символъ константинопольскій не возбуждалъ тамъ нареканій, это достаточно можно видѣть изъ того, что на соборѣ халкидонскомъ впоследствии одно изъ правилъ константинопольскаго вселенскаго собора вызвало грозкій протестъ, а символъ константинопольскій, который торжественно былъ прочитанъ въ Халкидонѣ, никакого. Говоримъ объ отношеніи палскихъ легатовъ къ фактамъ, какіе они встрѣтили въ дѣятельности собора Халкидонскаго. Дальнѣйшая ссылка Гарнака на то, что символъ константинопольскій не былъ читанъ и не упо-

минается на III вселенскомъ соборѣ 431 года и на Разбойничьемъ соборѣ 449 года, для знакомаго съ истиннымъ положеніемъ дѣла на этихъ соборахъ остается лишеною значенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что соборъ константинопольскій 381 года долгое время не пользовался нималѣйшимъ авторитетомъ въ Александрійской церкви, а какъ извѣстно на III вселенскомъ соборѣ и Разбойничьемъ главными вождями были представители Александрійской церкви,—на вселенскомъ соборѣ александрійцы православные, на Разбойничьемъ же александрійцы монофизитствующие. Поэтому, то обстоятельство, что на этихъ соборахъ не былъ приводимъ символъ константинопольскій, представляетъ дѣло естественное и не можетъ служить доказательствомъ противъ происхожденія его отъ собора константинопольскаго 381 года. Вообще нужно сказать, что соборъ константинопольскій не вдругъ, а постепенно приобрѣлъ авторитетъ во всей церкви, почему на его опредѣленія вначалѣ ссылались рѣдко, почему и символъ его распространенъ былъ не вездѣ. И другіе соборы вселенскіе не сразу приобрѣтали полный авторитетъ въ церкви. Такъ было съ соборомъ никейскимъ, который долгое время не пользовался значеніемъ во многихъ восточныхъ церквахъ, и достигъ авторитета постепенно; тоже было съ соборами—Халкидонскимъ и V вселенскимъ, т. е. они не сразу припаты всей церковію въ качествѣ вселенскихъ. Мы полагаемъ, что соборъ константинопольскій вначалѣ былъ признаваемъ безспорно въ своемъ значеніи только въ округахъ константинопольскомъ и антиохійскомъ, а затѣмъ уже послѣ халкидонскаго собора получилъ авторитетъ для всей церкви. Положительно не справедливо Гарнакъ прикрывается авторитетомъ знаменитаго Каспари, когда объявляетъ, что символъ константинопольскій нигдѣ и никому не былъ извѣстенъ до времени Халкидонскаго собора. Въ этомъ случаѣ Гарнакъ поступаетъ прямо недобросовѣстно. Для доказательства сейчасъ приведенной мысли онъ указываетъ на журнальныя статьи Каспари, писанныя въ пятидесятыхъ годахъ, но онъ долженъ бы судить о взглядахъ Каспари по болѣе обстоятельнымъ, новѣйшимъ трудамъ этого ученаго. А въ этихъ трудахъ онъ нашелъ бы доказательства, что символъ констан-

тиннопольскій былъ *известенъ* въ церкви раньше Халкидонскаго собора. Въ знаменитомъ ученѣйшемъ сочиненіи Каспаря: Quellen zur Geschichte d. Symbols онъ нашелъ бы наглядное подтвержденіе, что символъ этотъ *известенъ* былъ патріархамъ константинопольскимъ — Златоусту и Несторю (Band. I, 94. 136 Anmerk).

Повидимому, важнѣе и неопровержимѣе доказательства *внутреннія*, приводимыя Гарнакомъ противъ разсматриваемаго „традиціоннаго“, мнѣнія. I. Согласимся, что въ символѣ константинопольскомъ очень немногo выраженій взято изъ символа никейскаго; согласимся, что только едва пятая доля константинопольскаго символа представляетъ повтореніе выраженій никейскихъ, а прочее составлено вновь или занято еще изъ какихъ-нибудь другихъ символовъ; согласимся и съ тѣмъ, что только 33 слова никейскаго символа вошли въ составъ символа константинопольскаго, состоящаго изъ 178 словъ <sup>1)</sup>. Но что же слѣдуетъ отсюда для вопроса о происхожденіи Константинопольскаго символа? Пусть Константинопольскій символъ немного походитъ на Никейскій; ужаси же отсюда съ необходимостью вытекаютъ заключенія, что въ основу его не могъ быть положенъ символъ Никейскій и что онъ составленъ не на Константинопольскомъ вселенскомъ соборѣ? На основаніи сейчасть указаннаго критерія, при помощи котораго Гарнакъ безапелляціонно произноситъ свой приговоръ касательно символа Константинопольскаго, подобный же приговоръ наука должна была бы промзнести и касательно Никейскаго сим-

1) Кстати скажемъ, что мы съ своей стороны то же пересчитали число словъ въ константинопольскомъ символѣ и тѣмъ не менѣе со всѣми частицами и членами, по гречески, насчитали лишь 176 словъ: мы считали по изданію Нанн'а, а по какому считалъ Гарнакъ? Затѣмъ у Гарнака, который пользовался сочненіемъ англичанина Горта, необъяснено: какимъ образомъ произведенъ былъ счетъ Никейскихъ выраженій, внесенныхъ въ символъ Константинопольскій, — вообще какихъ правилъ держался онъ въ этомъ случаѣ. Мы лично также сдѣлали попытку пересчитать Никейскія выраженія, перешедши въ указанный символъ и насчитали ихъ не 33, какъ Гарнакъ и Гортъ, а не менѣе 70 и притомъ, какъ намъ кажется безъ всякой натяжки. Этимъ хотимъ мы сказать, что счетъ Никейскихъ выраженій въ данномъ случаѣ можетъ быть очень произвольнымъ, а потому опираться на него въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи Константинопольскаго символа нѣтъ твердыхъ основаній.

вола, если бы намъ не было достовѣрно извѣстно, какъ произошелъ символъ Никейскій. Намъ хорошо извѣстно, что въ основу символа Никейскаго легъ символъ Кесарійскій, предъявленный на соборѣ Евсевіемъ, какъ свидѣтельствуемъ онъ самъ. Но что сказали бы Гарнакъ о происхожденіи этого символа, если бы Евсевій не сохранилъ для насъ извѣстія о сейчасъ упомянутомъ происхожденіи символа Никейскаго, и если бы Гарнаку пришлось рѣшать этотъ вопросъ на основаніи сличенія Никейскаго символа съ другими, ему предшествующими или современными? Онъ конечно долженъ былъ бы сказать, что символъ Никейскій не могъ возникнуть путемъ переработки Кесарійскаго символа, такъ какъ между ними очень мало сходства. Мы взяли на себя задачу пересчитать число словъ въ Никейскомъ символѣ (разумѣется въ греческомъ текстѣ) и оказалось, что словъ въ немъ—140, затѣмъ мы пересчитали число словъ, о которыхъ съ несомнѣнностію можно утверждать, что они взяты въ него изъ символа Кесарійскаго и нашли такихъ словъ—30 съ небольшимъ. Слѣдовательно, въ Никейскомъ символѣ находится около пятой доли выражений, родственныхъ символу Кесарійскому, въ остальномъ онъ отличенъ отъ Кесарійскаго. Слѣдую аргументаціи Гарнака необходимо было бы отрицать и происхожденіе Никейскаго символа путемъ переработки Кесарійскаго, если бы не существовало яснаго свидѣтельства Евсевія въ данномъ случаѣ. Символъ Никейскій мало походитъ на символъ Кесарійскій, но несомнѣнно произошелъ посредствомъ переработки этого послѣдняго; символъ Константинопольскій имѣетъ также немного сходнаго съ Никейскимъ, но весьма могъ возникнуть изъ Никейскаго путемъ расширенія и распространенія его текста. Что именно такъ произошелъ символъ Никейскій, объ этомъ свидѣтельствуемъ Евсевій, а что именно такъ произошелъ символъ Константинопольскій, объ этомъ свидѣтельствуемъ ясный голосъ вселенской церкви, начиная отъ собора Халкидонскаго.—Вниманіе Гарнака останавливается въ особенности на *мелкихъ* отступленіяхъ Константинопольскаго символа отъ символа Никейскаго. Эти отступленія, по сужденію его, доказываютъ, что символъ Константинопольскій не есть видоизмѣненіе Никейскаго. Въ

такое видѣ собственная мысль Гарнака нѣсколько не ясна, вслѣдствіе сжатости его изложенія; пояснимъ ее. Онъ хочетъ сказать, что если бы въ основѣ Константинопольскаго символа положена была редакція Никейская, то къ чему, для какой цѣли сдѣланы тѣ отступленія, въ особенности въ расстановкѣ словъ, какія встрѣчаются въ первомъ символѣ: они представляются необъяснимыми. Пока согласимся, что эти отступленія дѣйствительно необъяснимы. Чтожь отсюда слѣдуетъ? Ровно ничего. Сравнивая символъ Никейскій съ Кесарійскимъ, который положенъ въ основу перваго, мы также встрѣчаемъ въ немъ отступленія отъ послѣдняго—необъяснимыя, мотивъ которыхъ понять трудно; на примѣръ въ символѣ Кесарійскомъ читалось: *ὁ ὁὐ καὶ ἐγένετο τὰ πάντα* (въ отношеніи къ Сыну Божію), а въ символѣ Никейскомъ говорится: *ὁ ὁὐ τὰ πάντα ἐγένετο*. Потрудитесь объяснить, почему въ символѣ Никейскомъ выброшена частица *καὶ* и дано другое мѣсто словамъ *τὰ πάντα*? Полагаемъ, что никакое остроуміе не поможетъ разъясненію загадочнаго измѣненія. Но слѣдуетъ ли изъ такихъ необъяснимыхъ отступленій въ Никейскомъ символѣ—выводъ, что этотъ символъ не есть видоизмѣненіе Кесарійскаго? Нѣтъ. А если такъ, то и мелкія отступленія въ символѣ Константинопольскомъ въ сравненіи съ Никейскимъ не могутъ служить опроверженіемъ для мысли, что первый есть видоизмѣненіе втораго. Пожалуй можно идти дальше и пытаться доказать, что, наоборотъ, нѣкоторыя мелкія отступленія даютъ довольно важное подтвержденіе мысли, которую всѣми мѣрами старается опровергнуть Гарнакъ, именно, что Константинопольскій символъ есть дѣйствительно видоизмѣненію Никейскаго, что послѣдній символъ положенъ былъ въ основу при составленіи перваго. Гарнакъ недоумѣваетъ, почему въ символѣ Константинопольскомъ во второй части, гдѣ указываются обстоятельства земной жизни Иисуса, часто употребляется соединительная частица: *и* (*καὶ*), чего нѣтъ въ Никейскомъ символѣ. Но недоразумѣніе исчезаетъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что соединительная частица: *и* (*καὶ*) въ указанной части Никейскаго символа предъ одними выраженіями находится, а предъ другими нѣтъ. Отцы Константинопольскаго собора



пожелали придать символу редакционное совершенство, а для этого, они должны были: или совсѣмъ изгладить частицу: и предъ выраженіями: *ради нашего спасенія—воплотившагося*, или поставять ее и тамъ, гдѣ она доставтъ. Отцы рѣшились на послѣднее, вѣроятно, руководясь примѣромъ Никейскаго символа, въ которомъ сказанная частица встрѣчается при исчисленіи *первыхъ* моментовъ земной жизни Иисуса. Если эта частица употреблена при исчисленіи этихъ моментовъ, то еще умѣстнѣе употребленіе ея при дальнѣйшихъ словахъ: *страдавшаго, погребеннаго*.

Но если на основаніи мелкихъ отступленій въ символѣ константинопольскомъ можно доказывать мысль, что онъ произошелъ изъ никейскаго путемъ его видоизмѣненія, то еще легче объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ опущеній въ данномъ символѣ по сравненію съ символомъ никейскимъ, что Гарнакъ считаетъ, кажется, вовсе невозможнымъ. Къ самымъ характеристическимъ отступленіямъ въ этомъ символѣ онъ относитъ опущенія словъ никейскаго символа: *то есть изъ сущности Отца и Бога отъ Бога*. Слова—*изъ сущности Отца* замѣнены словами: *прежде встѣхъ вѣковъ* (рожденнаго). Нѣтъ ничего проще какъ объяснить: отчего произошла на соборѣ константинопольскомъ такая замѣна. Слова *изъ сущности Отца* возбуждали слишкомъ много споровъ въ церкви и въ то же время недостаточно направлялись противъ ученія савелліанскаго, возстановленнаго въ IV вѣкѣ еретикомъ Маркелломъ. Слова же: *прежде встѣхъ вѣковъ* служили болѣе цѣлесообразнымъ орудіемъ какъ въ борьбѣ съ древнимъ савелліанствомъ, въ приверженности къ которому упрекали православныхъ ихъ враги, такъ и въ борьбѣ съ маркелліанствомъ (впрочемъ по этому вопросу болѣе обстоятельныя соображенія можно находить въ нашемъ сочиненіи: „Всеел. соборы IV и V вѣк.“). Что касается словъ: *Богъ отъ Бога*, то они выпущены отцами константинопольскими безъ сомнѣнія потому, что были излишни, какъ скоро оставались въ символѣ слова: *Богъ истиннаго отъ Бога истиннаго*. Первые слова ничего не прибавляли къ послѣднимъ и представлялись даже плеоназмомъ. Ничего необъяснимаго нельзя находить и въ томъ, что въ константинопольскомъ символѣ прибавлены слова,

какихъ нѣтъ въ никейскомъ: *по писаніямъ*. Гарнакъ говоритъ, что слова эти „въ длинномъ спорѣ одѣлались подозрительными“. Мы не знаемъ, чтобы когда либо спорили въ церкви о самыхъ словахъ: *по писаніямъ*. Спорили противъ никейскаго символа, какъ употребившаго выраженія не библейскія, спорили и противъ многихъ символовъ арианскихъ, старавшихся библейскими изреченіями прикрывать свое еретическое ученіе; но отъ всего этого слова: *по писаніямъ* не одѣлались подозрительными. Быть можетъ, отцы, употребляя эти слова, хотѣли, склонить къ единенію съ церковію упорствующихъ арианъ, которые иногда чувствовали какой-то суевѣрный страхъ къ выраженіямъ, не сходнымъ съ библейскими изреченіями. Не забудемъ, что выраженіе: *по писаніямъ* употреблено тамъ, гдѣ въ символѣ дѣйствительно перечисляются прямо библейскіе, новозавѣтные факты изъ земной жизни І. Христа. Едва-ли употребленіе этого выраженія въ данномъ случаѣ могло хоть сколько нибудь затруднять отцевъ константинопольскаго собора, уважавшихъ никейское ученіе. Вообще, намъ кажется, что Гарнакъ поставляетъ отцевъ константинопольскаго собора въ положеніе не естественное, когда думаетъ, что они собирались единственно для того, чтобъ подтвердить никейскій соборъ, повторить его символъ (неужели затѣмъ, чтобъ прочитать символъ никейскій и росписаться въ слушаніи его?!), что они не могли и не осмѣливались провозгласить новый символъ, болѣе соотвѣтствующій нуждамъ времени, что они связаны были въ своей дѣятельности господствовавшимъ въ нѣкоторыхъ богословскихъ кругахъ стремленіемъ охранять на всѣ вѣка неприкосновенность *буквы* никейскаго символа. Нужно помнить, что значеніе арианства къ концу IV вѣка сильно уменьшилось, почему отцы константинопольскаго собора могли дѣйствовать свободно, брать на себя такія задачи, какія назадъ тому 20 лѣтъ представлялись немыслимыми. III. По поводу мыслей Гарнака, высказанныхъ касательно формулированія ученія константинопольскаго символа о Духѣ св., новаго сказать нечего: считаемъ позволительнымъ отослать читателя къ тѣмъ разъясненіямъ, какія уже даны нами по этому вопросу въ нашей диссертациі: „Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ (гл. IV).

Продолжимъ изложеніе разсужденій Гарнака о происхожденіи константинопольскаго символа.

Символь константинопольскій, по мнѣнію Гарнака, произошелъ не такъ, какъ обыкновенно думаютъ, а какъ же? На это онъ отвѣчаетъ слѣдующими словами:

„Символь константинопольскій, говоритъ Гарнакъ, не есть расширенный символъ никейскій, а равно онъ не составленъ соборомъ константинопольскимъ 381 года въ качествѣ рѣшенія тринитарныхъ споровъ и притомъ взаимнъ никейскаго символа. К—польскій соборъ престо повторилъ никейскій символъ, хотя при этомъ въ своихъ догматическихъ опредѣленіяхъ и сдѣлалъ разъясненія къ нему. Символь константинопольскій есть болѣе древній крещальный символъ, но откуда взялся онъ и какова исторія его возникновенія? Изысканія, одѣланныя нами доселѣ, даютъ достаточныя указанія въ этомъ отношеніи. Прежде всего примемъ во вниманіе важный фактъ, что словоизложеніе константинопольскаго символа уже за 8 лѣтъ до собора константинопольскаго сообщается въ „Якорѣ“ Епифанія. — Епифаній же не самъ сочинилъ этотъ символъ; онъ передаетъ его для церковнаго употребленія, какъ символъ дошедшій до него самого въ качествѣ достопочтеннаго исповѣданія, и сообщивъ его Епифаній говоритъ: „эта вѣра предана отъ святыхъ апостоловъ, и въ церкви святаго города (sic) отъ всѣхъ вмѣстѣ святыхъ епископовъ числомъ свыше трехъ сотъ десяти“. Эти слова не совсѣмъ понятны и по крайней мѣрѣ испорчены, тѣмъ не менѣе изъ нихъ ясно открывается, пишетъ Гарнакъ, что Епифаній сообщаетъ церкви въ Памфили этотъ символъ въ качествѣ апостольско-никейскаго. Откуда же онъ взялъ его? Уже давно бросилось въ глаза сходство между символомъ церкви іерусалимской и символомъ Епифанія. Но только англичанинъ Гортъ отыскивая это сходство, довелъ его до очевидности. Въ сущности такъ называемый константинопольскій символъ есть ничто иное, какъ крещальное исповѣданіе Іерусалимской церкви <sup>1)</sup>, только вновь проредактированное,

<sup>1)</sup> Гарнакъ не сообщаетъ текста символа Іерусалимскаго, отсылая читателя къ изданію Нанп'а. Въ виду того, что для болѣе точнаго пониманія

обогащенное важнѣйшими никейскими формулами, а также правиломъ вѣры (*regula fidei*) касательно Св. Духа“ (слова Горта). Вся первая часть символа Константинопольскаго (о Богѣ Отцѣ) и вторая (о Сынѣ Божіемъ) до слова: *въ-ковъ* буквально тождественны съ Іерусалимскимъ символомъ; вторая часть въ своихъ главныхъ чертахъ составлена такъ же, какъ и Іерусалимскій символъ, только въ нее внесены никейскія формулы и слѣдующія историческія точнѣйшія опредѣленія: *отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы, — же за насъ при Понтіи Пилатѣ, — по писаніямъ, — опять.... со славою*. Впрочемъ та или другая изъ этихъ добавокъ, именно послѣдняя и предпослѣдняя могла также находиться и въ Іерусалимскомъ символѣ; мы знаемъ этотъ символъ только изъ огласительныхъ словъ Кирилла Іерусалимскаго, на основаніи которыхъ и возстановляютъ его. Третья часть символа константинопольскаго (о Духѣ Св.) согласна тоже съ словами Іерусалимскаго символа: *и въ Духа Святаго, Утѣшителя, глаголавшаго во пророкахъ*. Только въ ученіи о Духѣ и въ слѣдующемъ затѣмъ исповѣданіи касательно крещенія, замѣтны въ константинопольскомъ символѣ очень сильныя измѣненія, именно предикаты касательно Духа Св. восполнены извѣстными формулами, но тѣмъ не менѣе довольно видна и здѣсь Іерусалимская основа. Эти отступленія отъ Іерусалимскаго символа объясняются въ константинопольскомъ символѣ влияніемъ на него со стороны символовъ, изъ которыхъ одинъ мы знаемъ изъ апостольскихъ постановленій, а другіе встрѣчаемъ въ Антиохійской церкви. Новые предикаты, какіе здѣсь, въ символѣ константино-

рѣчи Гарнака, полезно знать самый текстъ символа этого, приводимъ его въ переводѣ: I. „Вѣруемъ во единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, видимаго же и невидимаго; II. и во единого Господа Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго, Бога истиннаго, отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ *вѣковъ*, чрезъ котораго все произошло, воплотившагося и вочеловѣчившагося, распятаго и погребеннаго, воскресшаго въ третій день и восшедшаго на небеса и сѣдѣщаго одесную Отца, и грядущаго со славою судити живыхъ и мертвыхъ, коего царствію не будетъ конца; III. и во единого Духа Святаго, Утѣшителя, глаголавшаго во пророкахъ, и во едино крещеніе покаянія, во оставленіе грѣховъ, и во едину святую соборную церковь, и въ воскресеніе плоти, и въ жизнь вѣчную.

польскомъ, прилагаются къ Духу Святому лучше всего исторически объясняются чрезъ сравненіе ихъ съ посланіями св. Аванасія къ Серапіону, писанными между 356 и 362 годами. Слѣдовательно въ символѣ Епифанія или, что тоже, въ символѣ константинопольскомъ мы имѣемъ символъ древне-Іерусалимскій, который лишь вновь пересмотрѣнъ былъ между 362 и 373 годами; этотъ пересмотръ уже предполагаетъ начало спора духоворческаго. Около 373—4 года символъ этотъ былъ въ употребленіи въ Іерусалимѣ, и вообще въ Палестинѣ, вѣроятно также на о. Кипрѣ и предположительно въ Памфили. Къ этому сдѣланъ пересмотръ (*revidirt*) Іерусалимскаго символа послѣ 362 года и къ этому онъ пополненъ чрезъ внесеніе Никейскихъ и противодуховорческихъ выраженій, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться; это сдѣлано Кирилломъ Іерусалимскимъ, который долгое время былъ предстоятелемъ Іерусалимской церкви. Эту гипотезу, саму по себѣ состоятельную, Гортъ чрезъ строгій анализъ теологіи Кирилла и чрезъ сравненіе ея съ прибавками, какія находимъ въ константинопольскомъ символѣ, довелъ до высшей степени вѣроятности. Онъ указываетъ при этомъ, что сначала Кириллъ былъ „нерѣшительнымъ“ теологомъ, что онъ въ своихъ огласительныхъ словахъ, которыя имъ произнесены незадолго до 350 года, еще не учить опредѣленно Никейской вѣрѣ, но что впоследствии, именно послѣ 360 года, онъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе склоняется въ пользу православія и переходитъ подъ влияніе теологіи св. Аванасія. Что Кириллъ былъ лицомъ, подвергшимъ пересмотру Іерусалимскій символъ, серьезныхъ сомнѣній по этому поводу быть не можетъ <sup>1)</sup>. Кириллъ съ своимъ дѣдомъ пересмотра Іерусалим-

<sup>1)</sup> „Время послѣ 362 года, послѣ знаменитаго Александрійскаго собора, есть время возстановленія православія. Оно характеризуется четырьмя историческими явленіями: 1) изчезновеніемъ искусственно созданныхъ, чрезъ политику Констанція, партійныхъ отношеній, 2) болѣе обезпеченнымъ, благополучнымъ положеніемъ православной партіи, стремившейся къ побѣдѣ, 3) тѣмъ, что между большей частью выдающихся восточныхъ епископовъ все болѣе и болѣе распространяется склонность въ пользу Никейскаго собора (Кириллъ Іерусалимскій, Мелетій Автіохійскій) и тѣмъ, что помимо Египта, появляются замѣчательные защитники православія (каппадокійцы);

екаго символа въ видахъ сближенія его съ Никейскимъ ученіемъ—не стоитъ одиноко. Такимъ же путемъ возникли и другіе символы, о которыхъ мы имѣемъ свидѣнія; они возникли при тѣхъ же отношеніяхъ, для той же цѣли и по тому же методу, какъ и такъ называемый константинопольскій, т. е. пересмотрѣнный Иерусалимскій символъ. Сюда относится крещальный символъ церкви Филадельфійской, внесенный Харисіемъ на Ефесскій соборъ 431 года; это есть древне-малозапатскій символъ, но только исправленный въ духѣ Никейскаго символа въ послѣдней трети IV вѣка. Такихъ символовъ можно насчитать семь. Что все они произошли также, какъ и константинопольскій въ послѣднюю треть IV вѣка, это отърывается, помимо тѣхъ основаній, какія можно находить для каждаго изъ нихъ, изъ слѣдующаго: 1) изъ того, что въ нихъ нѣтъ намека на позднѣйшіе христологическіе споры, 2) изъ того, что съ началомъ V вѣка символъ Никейскій въ неизмѣнномъ его видѣ входитъ все болѣе и болѣе въ официальное употребленіе, и для составленія новыхъ крещальныхъ вѣроизложеній не оставалось болѣе мѣста. Слѣдовательно, года 360—400 представляютъ собой эпоху, когда происходитъ новая, разнообразная выработка символовъ въ восточной церкви. Никейскій символъ далъ сигналъ къ такой дѣятельности, но попытки составленія символовъ въ противоположность Никейскому между 330 и 360 годами не имѣли успѣха. Только въ послѣднюю треть IV вѣка, съ началомъ цвѣтущаго (!) времени древней церкви появляется плодотворное составленіе символовъ; это формулированіе вѣры представлено было отдѣльнымъ помѣстнымъ церквамъ и совершалось сообразно съ ихъ древними преданіями и обычаями. Одно лишь объединяло эту дѣятельность церкви именно то, что составители символовъ вносили непременно въ свои символы исповѣданіе единосущія лицъ Св. Троицы и приносили въ нихъ положенія, направляющіяся противъ аріанства. Эти символы (каковъ наприм. символъ Епифаніи)

4) стремленіемъ вносить Никейскую вѣру въ крещальныя вѣроизложенія и чрезъ то, сколько возможно, крѣпче утвердить ее въ сознаніи христiанскаго общества“.

носили имя „Никейскихъ“ не потому, что они вытѣсняли и замѣняли Никейскій, но потому, что они были въ дѣйствительномъ согласіи съ этимъ символомъ, подобно тому, какъ на Западѣ различныя редакціи такъ называемаго апостольскаго символа носили имя „апостольскихъ символовъ“. Возникли они, символы, въ ту короткую, достопамятную эпоху, въ которую ни одинъ патріархатъ не властвовалъ надъ остальными, когда ни фанатизмъ Александріи, ни политическое (statsraison) Константинопольскаго патріарха не достигли преобладанія въ церкви, но когда въ Каподокии и Сиріи знаменитѣйшіе епископы и учителя благодаря своему авторитету фактически предводительствовали Восточною державою. Къ этой эпохѣ принадлежитъ вновь пересмотрѣнное вѣроизложеніе Іерусалимское, вѣроизложеніе досточтимаго Кирилла, такъ называемый Константинопольскій символъ“.

Приведенныя мысли Гарнака составляютъ самую существенную сторону его изслѣдованія. Основательны ли онѣ, убѣдительны ли? Намъ представляются эти сужденія Гарнака гораздо ниже тѣхъ, какія онъ высказалъ раньше, когда старался доказать, что символъ Константинопольскій не произошелъ отъ собора Константинопольскаго 381 года и не есть переработка Никейскаго символа. Разкрытіе мысли, что символъ Константинопольскій есть только болѣе или менѣе измѣненный символъ Іерусалимскій, находимый въ огласительныхъ словахъ Кирилла, составляетъ положительный результатъ работы Гарнака. Но этотъ положительный результатъ въ существѣ дѣла есть ничто иное, какъ смѣлая и фантастическая затѣя. Нѣтъ ни одного сколько нибудь убѣдительнаго доказательства въ пользу догадки Гарнака. И прежде всего, мы ничего не знаемъ вѣрнаго о томъ, какимъ былъ древній Іерусалимскій символъ. Въ полномъ видѣ онъ не дошелъ до насъ. Его возстановляютъ *догадочно* на основаніи огласительныхъ словъ Кирилла, но спрашивается: можно ли сдѣлать это возстановленіе въ такомъ родѣ, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, что возстановленіе совершенно безупречно. Намъ кажется, принимаясь за это дѣло, каждый по своей волѣ и охотѣ можетъ отыскать у Кирилла такой символъ, какой надо-

бень лицу возстановляющему. Напр., если кто придетъ къ мысли, что символъ огласительныхъ словъ Кирилла сходенъ съ Константинопольскимъ, то таковой, принявъ на себя задачу возстановить символъ Иерусалимскій, возстановилъ бы его, сколько позволяла возможность въ образѣ, очень близкомъ къ символу Константинопольскому. Вообще наука не обладаетъ достаточными средствами возстановить по сочиненіямъ Кирилла не дошедшій до насъ символъ Иерусалимскій. Правда въ существующихъ кодексахъ твореній Кирилла встрѣчаются надъ огласительными словами надписанія, въ которыхъ находятся отрывочныя изреченія, которыя объясняются въ томъ или другомъ огласительномъ словѣ, и которыя повидимому составляютъ извлеченія изъ древняго символа, но люди науки, трудившіеся надъ изслѣдованіемъ древнихъ символовъ, не рѣшаются утверждать, что эти надписанія сдѣланы во времена Кирилла, а напротивъ допускаютъ, что они сдѣланы позднѣе (Hahn. Bibliothek der symbole, p. 62. Breslau, 1877; Caspari. Quellen zur Geschichte des Taufsymbols s. 148. Christiania, 1879). Слѣдовательно, вопросъ еще сомнительный: могутъ ли надписанія, о какихъ мы говоримъ, служить пособіемъ и руководствомъ къ возстановленію Иерусалимскаго символа въ древнемъ его видѣ? Но допустимъ, что мы обладаемъ возможностью возстановить древній Иерусалимскій символъ, допустимъ, что символъ Иерусалимскій, отпечатанный Hahn—омъ, который имѣетъ въ виду и Гарнакъ, есть очень вѣрная копія древняго символа Иерусалимскаго. Можно ли утверждать, что на этотъ символъ очень походитъ символъ Константинопольскій? Едва ли. Всякій, кто прочтетъ мысленно символъ Константинопольскій, который извѣстенъ каждому православному, и сравнитъ его съ Иерусалимскимъ, помещеннымъ нами въ одномъ изъ примѣчаній нѣсколько выше, тотъ убѣдится, что общаго между ними очень мало: столько, сколько имѣютъ родственнаго всѣ древніе символы, но едва ли больше. Правда, Гарнакъ чувствуетъ возможность подобнаго не безосновательнаго возраженія и старается предотвратить его. Но какъ? новымъ предположеніемъ, которое не имѣетъ подъ собой реальной исторической помы. Онъ полагаетъ, что символъ Иерусалимскій не оставался



въ томъ видѣ, какъ это можно возстановлять на основаніи объяснительныхъ словъ Кирилла, но что онъ впоследствии былъ пополненъ чрезъ внесеніе Никейскихъ выраженій (когда это было? чѣмъ доказать, что такъ дѣйствительно было?), что это сдѣлано самимъ Кирилломъ (есть ли хоть малѣйшее фактическое доказательство у Гарнака въ пользу этой мысли? Мы что-то не замѣтили...) и что этотъ-то измѣненный символъ и есть символъ Константинопольскій (!). Всѣ объясненія, къ какимъ прибѣгаетъ Гарнакъ для доказательства сейчасъ перечисленныхъ мыслей, правда сами по себѣ довольно любопытны, но къ дѣлу, по нашему мнѣнію, вовсе не относятся и дѣло остается въ темнотѣ, не выходя за предѣлы смѣлой гипотезы<sup>1)</sup>. И такъ въ сужденіяхъ Гарнака о происхожденіи Константинопольскаго символа предположеніе опирается на предположеніе и конечный результатъ есть тоже не болѣе, какъ предположеніе.

3. Въ послѣднемъ отдѣленіи своего изслѣдованія Гарнакъ излагаетъ исторію Константинопольскаго символа на Востокѣ и Западѣ; мы не будемъ слѣдить за всѣми его изысканіями въ этомъ отдѣленіи; ограничимся тѣмъ, что говорить онъ относительно исторіи Константинопольскаго символа, послѣ его происхожденія, въ церкви Восточной. Вопросъ этотъ сравнительно болѣе важенъ.

„Происхожденіе такъ называемаго Константинопольскаго символа такимъ образомъ раскрыто, говоритъ Гарнакъ. Но самъ собою напрашивается на разрѣшеніе вопросъ: какимъ образомъ этотъ символъ получилъ имя Константинопольскаго и какъ, при какихъ отношеніяхъ получилъ онъ значеніе въ церкви въ качествѣ символа II вселенскаго собора, и какимъ образомъ признавъ былъ вселенскимъ? — Прежде всего должно опредѣлить: въ какое время Константинопольскій соборъ 381 года достигъ авторитета вселенскаго собора;

1) Единственное фактическое доказательство своей теоріи Гарнакъ можетъ находить развѣ въ томъ, что символъ Константинопольскій былъ-де извѣстенъ ранѣе II Вс. собора, находится въ „Якорѣ“ Епифанія, но это доказательство противъ составленія Константинопольскаго символа на II Вс. соборѣ очень не новое. Оно уже достаточно ещѣнено въ наукѣ западной и отчасти въ нашей наукѣ (см. Іоанна Е. „исторія Всел. соборовъ“, стр. 118—119).

ибо символъ ему приписываемый не прежде могъ приобрести авторитетъ вселенскаго символа, какъ послѣ того, какъ авторитетъ вселенскаго получили этотъ соборъ. А это случилось на Востокѣ не раньше середины V-го вѣка, точнѣе: со времени Халкидонскаго собора. Можно утверждать, что именно Константинопольскій патріархатъ сдѣлалъ себя по печенію о томъ, чтобы провозгласить Константинопольскій соборъ вселенскимъ соборомъ. Этотъ патріархатъ въ 451 году наконецъ достигъ первенства въ Восточной церкви, послѣ того какъ патріаршія кафедры Антиохіи и Александріи были скомпрометированы и стали схизматическими. До середины V-го вѣка обыкновенно рѣчь шла только о двухъ вселенскихъ соборахъ. Византійскій дворъ и Константинопольскій патріархатъ имѣли полный интересъ объявить, со времени Халкидонскаго собора, соборъ Константинопольскій 381 года равнымъ съ Никейскимъ. Ибо 1) онъ собранъ былъ въ самой императорской столицѣ; 2) созданъ былъ онъ отъ Θεодосія I, этого втораго Константина; 3) по третьему его правилу епископу Константинопольскому предоставлено „право чести по римскомъ епископѣ“; и т.д.; здѣсь на бумагѣ дано ему то, чѣмъ онъ фактически сталъ обладать спустя 70 лѣтъ (!). Что касается монофизитскихъ церквей Востока, то онъ и послѣ Халкидонскаго собора 20 лѣтъ не признавали вселенскаго значенія Константинопольскаго собора, какъ доказываютъ это многія свидѣтельства; только въ началѣ VI вѣка погасло здѣсь противодѣйствіе въ отношеніи къ Константинопольскому собору и опредѣленія его наконецъ были приняты. — Но мѣрѣ того, какъ утверждался на Востокѣ авторитетъ Константинопольскаго собора 381 года, утверждался и авторитетъ приписываемаго ему символа. Можно находить, что около 500 года на Востокѣ, или по крайней мѣрѣ въ Константинополѣ и въ нѣкоторыхъ странахъ Востока испрошенный символъ Іерусалимскій считался уже за символъ Константинопольскій, за Никейскій символъ, пополненный въ Константинополѣ. Это можно видѣть уже изъ того, что Сирскіе монофизиты около 560 года употребляли въ практикѣ рядомъ съ символомъ Никейскимъ и символъ Константинопольскій; считая послѣдній вселенскимъ. Изъ сборника Діонисія Малаго можно

выводить заключение, что символъ этотъ уже къ концу V-го вѣка подставленъ былъ въ греческіе акты собора 381 года. Интерполяция конечно выдаетъ себя тѣмъ, что символъ у Діонисія, который вѣрно перевелъ свой подлинникъ, стоитъ послѣ канонѣвъ, — положеніе слишкомъ исключительное, ибо догматическія формулированія въ подлинныхъ актахъ стоятъ всегда прежде канонѣвъ. Въ предыдущемъ отдѣленіи мы уже установили фактъ, что между 373 и 451 годами не можетъ быть констатировано никакого слѣда употребленія, даже существованія Константинопольскаго символа, т. е. пересмотрѣннаго символа Іерусалимскаго; наоборотъ за время отъ 500 года легко можетъ быть указано теологическое употребленіе этого символа въ качествѣ Константинопольскаго, и даже въ качествѣ крещальнаго исповѣданія. Слѣдовательно, можно утверждать, что подлогъ послѣдовалъ между 450 и 500 годами; но затѣмъ являются слѣдующіе вопросы: нельзя ли точнѣе указать время подлога? далѣе: при какихъ обстоятельствахъ, съ какою цѣлю и на основаніи какихъ соображеній послѣдовало это дѣло? наконецъ: почему рѣшились на Востокѣ со времени 530—550 годовъ замѣнить при крещеніи символъ Никейскій новымъ символомъ, когда уже болѣе столѣтія при крещеніи употреблялся Никейскій символъ и когда этотъ послѣдній болѣе и болѣе вытѣснялъ изъ практики пересмотрѣнные и не пересмотрѣнные крещальные символы помѣстныхъ церквей? — Что касается точнѣйшаго опредѣленія времени подлога, то пересмотрѣнный Іерусалимскій символъ въ качествѣ символа собора 381 года впервые встрѣчаемъ въ актахъ IV вселенскаго собора и притомъ дважды (II и V дѣянія), и въ оба раза рядомъ съ Никейскимъ символомъ, какъ второй основной символъ церковный. Отсюда можно прямо заключать, что подлогъ совершенъ въ 451 году или нѣсколько раньше. Однакожъ является подозрѣніе: не имѣемъ ли мы дѣла въ данномъ случаѣ съ интерполяціей соборныхъ актовъ Халкидонскихъ; но Гарнакъ считаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ, — хотя, по нему, и остается еще мѣсто для сомнѣній, — что въ Халкидонѣ дѣйствительно читанъ былъ такъ называемый символъ Константинопольскій. „Подлогъ“, т. е. объявленіе символа Іерусалимскаго въ исправленномъ

его видѣ символомъ II вселенскаго собора, произошелъ по сужденію Гарнака, незадолго до 451 года, въ Константинополь“. „Для уясненія соображеній, какими руководствовались въ этомъ дѣлѣ, можно строить лишь гипотезы. Я могу сказать, замѣчаетъ Гарнакъ, только слѣдующее: несомнѣнно, что соборъ 381 года дѣйствительно выдалъ опредѣленіе касательно ученія о Духѣ Св. въ своемъ *догматическомъ тонѣ*, до насъ не дошедшемъ, а также повторилъ Никейскій символъ въ его неизмѣнномъ видѣ. Впослѣдствіи неполноту Никейскаго символа стали чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Возникло желаніе привести въ символъ истинное ученіе о Духѣ Св., а равно и противоположнаго положенія, и чѣмъ болѣе росло это желаніе, тѣмъ болѣе чувствительной становилась неполнота Никейскаго символа“. Это желаніе въ особенности ясно высказывалось по различнымъ причинамъ въ Константинополь. Вслѣдствіе этого и рѣшились здѣсь провозгласить символъ Іерусалимскій въ его переработанномъ видѣ, символъ Кирилла, символомъ Константинопольскаго собора 381 года. „Должно предполагать, что между символомъ Іерусалимскимъ и соборомъ этимъ имѣлись какія либо отношенія. Кириллъ присутствовалъ на соборѣ Константинопольскомъ 381 года, но его православіе не было несомнительнымъ, на Западѣ сильно сомнѣвались въ его православіи. Неразположеніе западныхъ къ собору 381 года существенно основывалось на томъ, что на немъ засѣдали, и даже съ большимъ почетомъ, лица, которыя на Западѣ считались подозрительными. Такъ прежде всего Мелетій Антиохійскій, который присутствовалъ на соборѣ съ величайшимъ торжествомъ, почитался на Западѣ за человѣка не совсѣмъ православнаго. На Востокѣ очень хорошо знали о настроеніи Запада. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Кириллъ, чтобы доказать на соборѣ свое православіе, произнесъ здѣсь исповѣданіе вѣры, прочелъ, это такъ естественно, свое въ Никейскомъ духѣ пересмотрѣнное вѣроизложеніе, какое было въ употребленіи въ Іерусалимской церкви. Этотъ документъ припятъ былъ въ акты Константинопольскаго собора 381 года, заслуживъ одобреніе отъ отцевъ, — принять подобно тому, какъ приняты: въ акты

Никейскаго собора. Кесарійское вѣроизложеііе Евсевія, а въ акты III вселенскаго собора филиладельфійское вѣроизложеііе Харисіа. Когда затѣмъ въ Константинополь почувствовали нужду составить пополнительное въ отношеііи къ Никейскому символу опредѣленіе вѣры и захотѣли заимствовать его изъ актовъ II вселенскаго собора, то и воспользовались для этой цѣли заключавшимся здѣсь Іерусалимскимъ символомъ, который содержалъ дѣйствительно въ духѣ единорущія составленное распространеніе третьей части (о Духѣ Св.) и весьма дѣтныя подробности во второй части (о Сынѣ Божіемъ). И вотъ съ провозглашеніемъ собора 381 года вселенскимъ посредствомъ извѣстнаго quid pro quo приписали ему и символъ, ему не принадлежащій, (конечно не безъ противодѣйствія, которое улеглось только въ началѣ VI-го вѣка) — выдавъ его за „полноенный Никейскій“ и стараясь продолжить ему путь къ общему употребленію чрезъ законодательство и чрезъ богослуженіе, что наконецъ и удалось. Объ этой догадкѣ каждый пусть думаетъ такъ, какъ ему угодно, но несомнѣнно, что такъ называемый Константинопольскій символъ есть подлогъ. — Около 500 года или нѣсколько позднѣе новый символъ достигъ равнаго значенія съ символомъ Никейскимъ; а спустя немного затѣмъ сдѣлался крещальнымъ символомъ и такимъ образомъ вытѣснилъ Никейскій символъ. Въ объясненіе такого успѣха Константинопольскаго символа, довольно кажется указать на то, что символъ Никейскій по своей природѣ не былъ символомъ крещальнымъ, а потому онъ и замѣненъ былъ при совершеііи крещенія другимъ, достигшимъ равнаго значенія съ первымъ, замѣненъ Константинопольскимъ.

Въ заключеніе своихъ изысканій Гарнакъ говоритъ: „сдѣдовательно Константинопольскій символъ есть „апокрифтъ“. Онъ носитъ имя Константинопольскаго символа съ такимъ-же правомъ, съ какимъ и такъ называемый апостольскій имя „апостольскаго“, и такъ называемый Афанасіевъ имя „Афанасіева“. Притомъ онъ въ одно и тоже время и старше и моложе того собора, отъ котораго обыкновенно ведутъ его происхожденіе; старше по своему происхожденію, моложе по своему значенію и авторитету“.

Въ приведенныхъ словахъ Гарнака есть мысли довольно вѣрныя и есть мысли совсѣмъ не вѣрныя. Едва ли можно спорить противъ того утверженія Гарнака, что соборъ Константинопольскій II вселенскій не вдругъ достигъ значенія въ церкви и что такую же судьбу раздѣлялъ съ нимъ и символъ Константинопольскій; равно было бы дѣломъ неумѣстнымъ оспаривать мнѣнiе Гарнака о томъ, что Константинопольскій соборъ и символъ обязаны своимъ авторитетомъ и значенiемъ патриархату Константинопольскому и собору Халкидонскому. Все это мысли болѣе или менѣе вѣрныя. Но рядомъ съ этими мыслями, заслуживающими уваженiя, какъ много у того же писателя сужденiй произвольныхъ и поспѣшныхъ! Мы придаемъ очень мало значенiя увѣренiямъ Гарнака, что будто символъ Константинопольскій совсѣмъ неизвѣстенъ былъ въ церкви до времени Халкидонскаго собора. Выше мы имѣли случай указать примѣры, свидѣтельствующiе о совершенно противномъ. Ни на одну минуту нельзя допускать мысли, раскрытой Гарнакомъ, что будто Халкидонскій соборъ рѣшился провозгласить символъ не принадлежащiй Константинопольскому собору, какъ бы онъ дѣйствительно принадлежалъ этому послѣднему. Развѣ можно было сдѣлать такой невѣроятный подлогъ на многочисленнѣйшемъ соборѣ, на которомъ немало было лицъ, довольно подозрительно относившихся къ дѣятельности главъ собора? Могли ли это потерпѣть папскiе легаты, бывшiе на соборѣ и возстававшiе противъ правилъ II вселенскаго собора? Что должны были говорить о соборѣ Халкидонскомъ монофизиты, такъ враждовавшiе противъ этого собора, если бы онъ дѣйствительно позволилъ себѣ невѣроятный единственный въ своемъ родѣ подлогъ?—Что касается того, какъ объясняетъ Гарнакъ исторiю превращенiя въ глазахъ церкви символа Иерусалимскаго въ символъ Константинопольскiй, то это не объясненiе ученаго, а какая то сказка. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состояла роль Кирилла на II вселенскомъ соборѣ, мы не знаемъ; требовали ли отъ него провознесенiя православнаго исповѣданiя вѣры, опять—не знаемъ; произносилъ ли онъ символъ вѣры своей Иерусалимской церкви, опять не знаемъ; если произносилъ, то было ли оно помѣщено въ ак-

тахъ этого собора (если существовали когда либо эти акты, что сомнительно), неизвѣстно; интересовалась ли когда либо Константинопольская церковь символомъ Иерусалимскимъ, цѣнила ли его достоинство, ничего неизвѣстно. И однакожь Гарнакъ безъ всякаго колебанія выставляетъ свое мнѣнiе, что символъ Константинопольскiй есть символъ Кирилла, будто бы прочитанный имъ на соборѣ 381 года и завѣдомо ложно, позднѣе приписанный Восточной церкви этому собору въ качествѣ его вселенскаго символа. Изъ цѣлага ряда неизвѣстныхъ фактовъ Гарнакъ выводитъ заключенiе, которое ему кажется очень вѣроятнымъ, но, говоря безпристрастно, это заключенiе чуждо всякаго вѣроятiя.

Мы окончили обзорнiе изслѣдованiя Гарнака о символѣ Константинопольскомъ. Мы не имѣли въ виду дать полнаго и обстоятельнаго отвѣта на вопросы, поднятые этимъ ученымъ. Это дѣло требуетъ цѣлой монографiи. Наше намѣренiе состояло въ томъ, чтобы заинтересовать читателя такимъ очень важнымъ, но мало разработаннымъ въ нашей наукѣ, вопросомъ, какъ вопросъ о символѣ нашей церкви.

---

## ЗАМЪЧАННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
VI	11 свер.	но	а
IX	16 —	возбуждаютъ	возбуждаетъ
11	16 сн.	епископовъ	епископовъ“
86	4 —	порешли	перешли
87	5—6—	противоставляемыя	противопоставляемыя
91	5 св.	445	345
105	2 сн.	Селевскійскій	Селевкійскій
113	11 св.	<i>μολογενή</i>	<i>μολογενή</i>
136	19 сн.	не возможное	не невозможное
155	4 —	права	правда
161	2 св.	какой	который
190	3 сн. въ примѣч.	Asacium	ad Asacium
196	2 —	Переграда	Преграда
247	11 —	<i>οὐκ ἴσμεν</i>	<i>οὐκ ἴσμεν</i>
264	7 св.	<i>ἀσυχῶς</i>	<i>ἀσυχῶς</i>

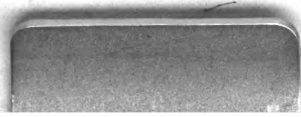








22/1/80



64118/c

